
VE RI
TAS

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Д. А. КОРСАКОВЪ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ XVIII ВѢКА.

Н. А. Кудрявцевъ и его потомство, — Кн. И. А. Долгорукой, — Княгиня Н. Б. Долгорукая, — Кн. С. Г. Долгорукой, — Кн. В. Л. Долгорукой,—Кн. Д. М. Голицынъ,—А. П. Волынской и его «конфиденты»,—В. Н. Татищевъ, —Сторонники воцаренія Екатерины II,—Три рецензіи: Царица Прасковья, Екатерина I и Монсы, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

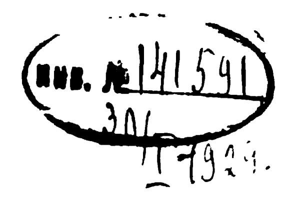

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891

Печатано съ разрѣшенія Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Д. Бѣляевъ.*

Въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1878-го по 1887 годъ включительно, я помѣстилъ въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ характеристики, біографическіе очерки и эпизоды изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в., выпускаемые въ настоящее время отдѣльнымъ сборникомъ.

Всѣ эти монографіи и замѣтки относятся преимущественно ко времени отъ кончины „перваго русскаго императора“ Петра Великаго до воцаренія Екатерины II, времени, между прочимъ, памятнаго знаменательной борьбой потомковъ старинной московской знати съ нѣмцами, все болѣе и болѣе оттѣснявшими ихъ отъ кормила государственнаго правленія. Эта борьба составляетъ главное содержаніе бóльшей части монографій, входящихъ въ составъ предлагаемаго сборника.

Въ сборникѣ помѣщены онѣ не по времени появленія въ печати въ журналахъ, а въ хронологической послѣдовательности важнѣйшихъ событій изъ жизни тѣхъ лицъ, дѣятельности которыхъ онѣ посвящены. Три рецензіи, по небольшому своему объему и по характеру библіографическихъ замѣтокъ, помѣщены въ концѣ сборника, въ видѣ особой статьи.

Приготовляя монографіи и замѣтки для переизданія въ сборникѣ, я тщательно ихъ пересмотрѣлъ, исправилъ многія частности, въ иныхъ случаяхъ дополнивъ ихъ, въ другихъ—сокративъ, и составивъ нѣсколько новыхъ примѣчаній, съ указаніемъ на книги, относящіяся къ предмету содержанія монографій и появившіяся послѣ ихъ написанія. Двѣ монографіи: „Н. А. Кудрявцевъ и его потомство“ и „Ссылка князя В. Л. Долгорукаго“—значительно дополнены, первая двумя новыми главами; а монографія — „княгиня Н. Б. Долгорукая“ сокращена, въ виду того обстоятельства, что будучи первоначально напечатана черезъ семь лѣтъ послѣ помѣщеннаго въ сборникѣ непосредственно передъ ней біографическаго очерка князя И. А. Долгорукаго,—она заключала въ себѣ много повтореній изъ этого очерка.

Д. К.

Казань,
10 декабря 1890 года.

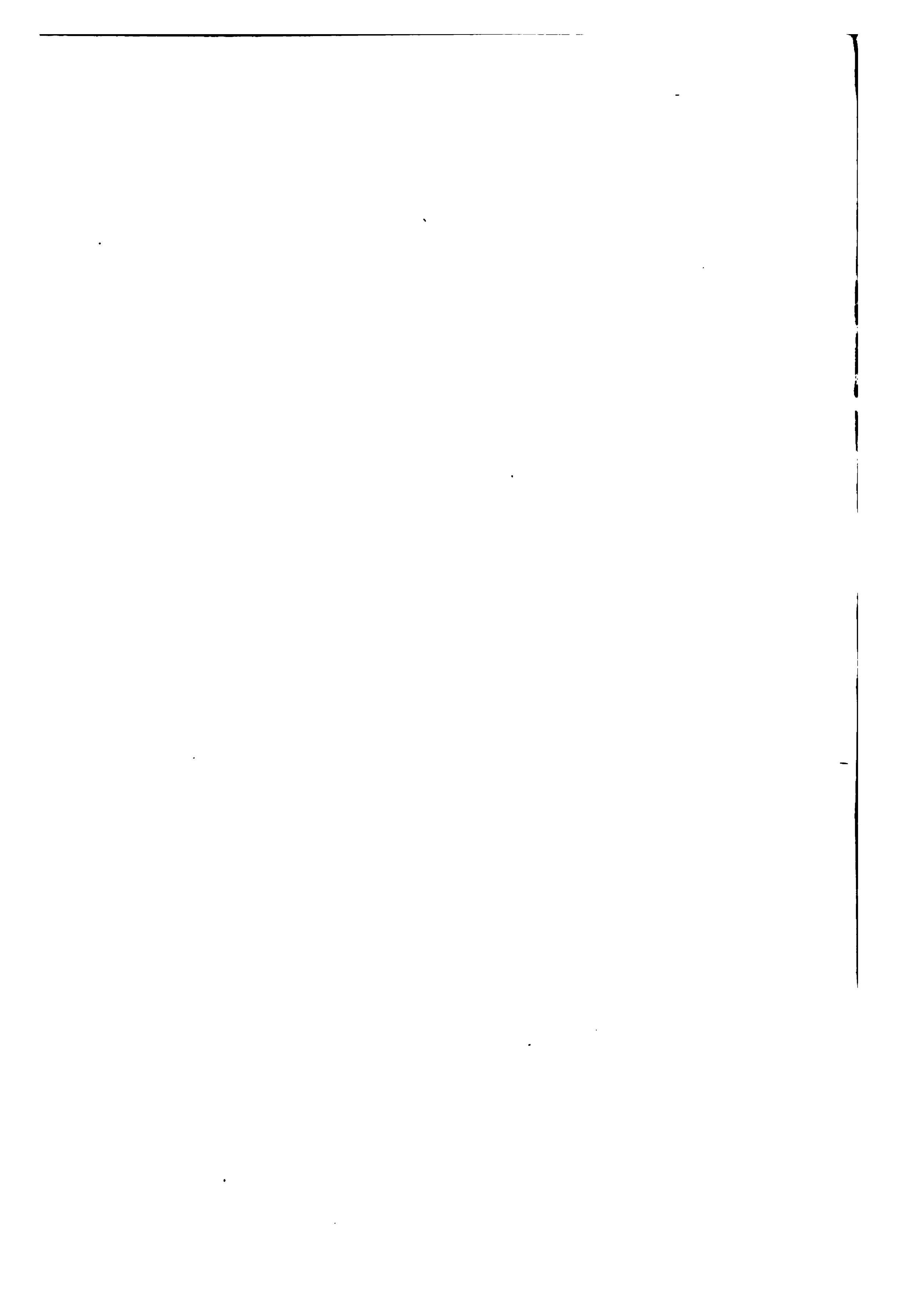
ОГЛАВЛЕНІЕ.

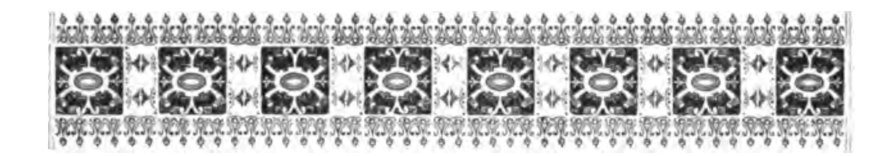
I.

НИКИТА АЛФЕРОВИЧЪ

КУДРЯВЦЕВЪ

И ЕГО ПОТОМСТВО.

НИКИТА АЛФЕРОВИЧЪ
КУДРЯВЦЕВЪ
И ЕГО ПОТОМСТВО [1]).

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1885 года, т. XX, напечатана замѣтка П. Н. Полеваго подъ заглавіемъ: „Забытыя могилы“, гдѣ, между прочимъ, приведены двѣ надгробныя надписи, найденныя имъ на запустѣломъ кладбищѣ при церкви св. Іоанна Предтечи, въ С.-Петербургѣ, близь Обводнаго канала. Эти двѣ надписи, при дальнѣйшемъ ихъ изученіи, представляютъ интересныя подробности для русской исторіи XVIII вѣка. Одна изъ надписей находится на могилѣ Анастасіи Нефедьевны Татищевой, рожденной Кудрявцевой, другая — на могилѣ ея дочери, Анны Алексѣевны Паниной, первой супруги извѣстнаго дѣятеля эпохи Екатерины II графа Петра Ивановича Панина. Личность и дѣятельность графа П. И. Панина, одного изъ самыхъ самостоятельныхъ и независимыхъ русскихъ характеровъ, знаменитаго усмирителя Пугачевщины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „персональнаго супротивника“ Екатерины II (по ея собственному выраженію) — хорошо знакома образованнымъ русскимъ людямъ; фамилія Татищевыхъ всѣмъ также памятна по роли и значенію въ исторіи русской образованности пер-

---

[1]) Первонач. напеч. въ «Истор. Вѣст.» 1887 г., т. XXIX, с. 233—260; 547—564.

ваго русскаго историка Вас. Никит. Татищева. Но кто такіе Кудрявцевы, находившіеся въ родствѣ съ Паниными и Татищевыми? Это извѣстно весьма немногимъ. Между тѣмъ, имена какъ дѣда Анастасіи Нефедьевны Татищевой, Никиты Алферовича, такъ и ея отца, Нефеда Никитича Кудрявцевыхъ, неразрывно связаны съ исторіей средняго и нижняго Поволжья XVIII вѣка и не могуть быть обойдены молчаніемъ и въ общей исторіи Россіи. Кудрявцевы, отецъ и сынъ,—не великіе историческіе дѣятели, но точные, ревностные исполнители велѣній Петра Великаго и усердные работники въ дѣлѣ пересозданія Московскаго государства на европейскій ладъ. Ихъ дѣятельность скромна, не самостоятельна, но весьма плодотворна и интересна, главнымъ образомъ, для исторіи Казанскаго края.

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ является однимъ изъ правителей Казанскаго края и весьма дѣятельнымъ сотрудникомъ Петра Великаго по такому важному въ то время государственному дѣлу, какъ кораблестроеніе. Онъ сослужилъ Россіи почтенную службу въ борьбѣ съ восточными инородцами — Башкирами, долго не подчинявшимися правительственнымъ русскимъ распорядкамъ; а для того, чтобы оцѣнить его дѣятельность по кораблестроенію, стоитъ только припомнить то значеніе, какое придавалъ морскому дѣлу великій русскій „шкиперъ", и ту историческую заслугу, какую оказалъ созданный имъ флотъ Русскому государству.

Сынъ Никиты Алферовича, Нефедъ Никитичъ, былъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ кораблестроенія въ Казани, затѣмъ, послѣ него, занялъ его же должность казанскаго вице-губернатора и около ста лѣтъ отъ роду былъ убитъ въ Казани шайками Пугачева.

Мужское потомство Нефеда Никитича Кудрявцева ни чѣмъ не замѣчательно, но судьба женскаго поколѣнія Якова Нефедьевича Кудрявцева и его сестры Анастасіи Нефедьевны Кудрявцевой, вы-

шедшей замужъ за Алексѣя Даниловича Татищева, — открываетъ передъ нами нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ исторіи русской общественности и образованности. Для этой исторіи, весьма мало у насъ разработанной, не маловажнымъ пособіемъ являются дворянскія родословныя, изъ которыхъ, путемъ изслѣдованія частныхъ фактовъ жизни иногда малоизвѣстныхъ личностей и ихъ родственныхъ отношеній и брачныхъ союзовъ, выясняется очень много интересныхъ подробностей какъ для исторіи быта и нравовъ эпохи, такъ и для исторіи политической. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ доселѣ не разработанъ вполнѣ должнымъ образомъ, хотя и появляется все болѣе и болѣе родословныхъ и исторій отдѣльныхъ дворянскихъ фамилій. Многіе совершенно несправедливо смотрятъ на дворянскія родословныя, какъ на собраніе какихъ-то никому ненужныхъ мелочныхъ подробностей и относятся къ генеалогическимъ даннымъ съ ироніей, предполагая, что каждая дворянская родословная изучается исключительно для преслѣдованія мелкихъ, тщеславныхъ цѣлей. Съ серьёзной точки зрѣнія такой взглядъ не выдерживаетъ критики, потому что въ наукѣ исторической, какъ и въ каждой наукѣ, нѣтъ такой мелочи, которая, при должномъ научномъ анализѣ, не нашла бы себѣ надлежащаго ученаго примѣненія.

Потомки по женской линіи Кудрявцева, казанскіе дворяне и землевладѣльцы, Николай Евгеньевичъ Боратынскій и князь Леонидъ Александровичъ Ухтомскій, передали въ мое распоряженіе еще въ 1875—1877 годахъ копіи съ жалованной грамоты на имѣнія Никитѣ Алферовичу и его сыну Нефеду Никитичу Кудрявцевымъ, данной императрицей Екатериной I 31-го мая 1726 года, и нѣкоторыя другія бумаги, касающіяся имѣній Кудрявцевыхъ. Въ 1876 году Иванъ Ивановичъ Арнольдовъ, священникъ церкви села Каймаръ, близь Казани (имѣнія Кудрявцева, принадлежащаго нынѣ разнымъ владѣльцамъ, въ томъ числѣ Николаю Евгеньевичу Боратынскому и его сестрѣ Зинаидѣ Евгеньевнѣ Геркенъ), сообщилъ мнѣ подробное описаніе одной картины, хранящейся въ кай-

марской церкви и имѣющей отношеніе къ Нефеду Никитичу Кудрявцеву, а также и народныя преданія о немъ, живущія доселѣ среди крестьянъ села Каймаръ. Эти преданія записаны о. Арнольдовымъ со словъ каймарскаго крестьянина Сергѣя Степанова Закамскаго, прадѣдъ котораго, Василій Ивановъ Закамской, былъ человѣкомъ весьма близкимъ къ Нефеду Никитичу Кудрявцеву и очень хорошо его помнилъ. Въ 1885 году Н. П. Лихачевъ, въ настоящее время магистръ русской исторіи нашего университета, доставилъ мнѣ двѣ рукописи, принадлежащія его отцу и заключающія въ себѣ данныя о Нефедѣ Никитичѣ Кудрявцевѣ: 1) „Списокъ алфавитный Казанской провинціи дворянамъ и прочимъ владѣльцамъ, и съ показаніемъ сколько за кѣмъ, и по которой дорогѣ, и въ какомъ именно жительствѣ состоитъ мужеска пола душъ крестьянъ". Списокъ этотъ, безъ означенія года, составленъ, повидимому, въ концѣ 1760-хъ или въ самомъ началѣ 1770-хъ годовъ. 2) Собраніе оффиціальныхъ бумагъ, касающихся казанскихъ имѣній дворянъ Лихачевыхъ, первой половины XVIII вѣка.

Монографія о Кудрявцевыхъ была написана мною еще въ 1885 году, а потому я не могъ воспользоваться при ея составленіи данными, заключающимися въ I-мъ т. „Родословнаго сборника русскихъ дворянскихъ фамилій" В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, вышедшемъ въ 1886 году. Въ этомъ томѣ сборника помѣщена родословная Кудрявцевыхъ (с. 454—457), которая повела къ дополненію моей монографіи цѣлой главой—свѣдѣніями о сынѣ Нефеда Никитича, Яковѣ Нефедьевичѣ Кудрявцевѣ и о его потомствѣ. Когда моя монографія появилась первоначально въ „Историческомъ Вѣстникѣ", 1887 г., т. XXIX, то В. Н. Поливановъ, происходящій по женской линіи тоже отъ Неф. Ник. Кудрявцева, помѣстилъ въ этомъ журналѣ (1887 г., т. XXX, с. 495—498) замѣтку, касающуюся цѣлой линіи потомства Н. Н. Кудрявцева, мною также опущенной. Принося глубокую благодарность В. Н. Поливанову за восполненіе пробѣла въ семейной исторіи

Кудрявцевыхъ, заранѣе прошу извиненія у всѣхъ членовъ и потомковъ этой фамиліи, если и въ дополненной моей статьѣ окажутся вновь пробѣлы, неточности и даже ошибки и усердно прошу дополнять и исправлять ихъ. Я слышалъ, напримѣръ, недавно, что къ потомкамъ по женской линіи Н. Н. Кудрявцева принадлежатъ графы Ностицъ, въ казанскихъ имѣніяхъ которыхъ сохраняются до сихъ поръ преданія о Нефедѣ Никитичѣ. Весьма было бы интересно познакомиться съ этими преданіями.

Кромѣ указанныхъ выше существенныхъ дополненій, перепечатывая мою статью, я дѣлаю въ ней нѣсколько частныхъ поправокъ и вставокъ на основаніи обязательно сдѣланныхъ мнѣ указаній разными лицами, которымъ приношу мою глубокую признательность. Въ особенности же я благодаренъ за сообщеніе свѣдѣній о потомствѣ Якова Неф. Кудрявцева: Марьѣ Львовнѣ Казембекъ, Надеждѣ Аполлоновнѣ Языковой и ревностному изслѣдователю и знатоку мѣстной казанской общественной и литературной исторіи—Николаю Яковлевичу Агафонову.

I.

Происхожденіе Кудрявцевыхъ. — Начало службы Никиты Алферовича Кудрявцева. — Воеводство въ Казани и наказъ казанскимъ воеводамъ 1697 года.—Взглядъ Петра Великаго на дубовые лѣса и завѣдыванье Кудрявцевымъ корабельными лѣсами въ Поволжьи.—Другія служебныя его обязанности.

(1695—1705 гг.).

Въ наши дни существуетъ нѣсколько дворянскихъ родовъ, носящихъ фамилію Кудрявцевыхъ, и изъ нихъ пять родовъ принадлежатъ къ старинному дворянству, не восходя, впрочемъ, въ своей генеалогіи далѣе XVI в. и не входя въ составъ знатныхъ, „родословныхъ“, русскихъ фамилій. Всѣ Кудрявцевы относятся къ слою средне-служилыхъ людей Московскаго государства, считая въ концѣ XVII в. нѣсколько изъ своихъ членовъ въ числѣ дворянъ, дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Всѣ пять родовъ Кудрявцевыхъ не находятся между собою въ родствѣ и въ настоящее время распредѣляются, по владѣнію имѣніями, въ слѣдующихъ губерніяхъ: Тверской (одинъ родъ), Костромской, Казанской, Симбирской и Орловской (одинъ родъ), Владимірской (два рода) и Тамбовской (одинъ родъ). Родъ Кудрявцевыхъ, изъ котораго происходитъ Никита Алферовичъ (потомки котораго владѣютъ доселѣ имѣніями въ губерніяхъ Костромской, Казанской, Симбирской и Орловской)—ведетъ свое начало отъ Бориса Кудрявцева, жившаго въ концѣ XVI в. и имѣвшаго двухъ сыновей—Степана и Елевферія (Алфера). Степанъ Борисовичъ († 1646 г.) служилъ вторымъ дьякомъ въ приказѣ Казанскаго Дворца и въ Посольскомъ приказѣ (1629—1637 г.),

затѣмъ находился на службѣ въ Тулѣ (1638 г.) и былъ первымъ дьякомъ при казанскомъ воеводѣ, бояринѣ, князѣ Ив Андр. Голицынѣ (1639—1640 г.); послѣднимъ мѣстомъ его служенія былъ Челобитный приказъ. Мужское потомство Степана Борисовича Кудрявцева здраствуетъ доселѣ, владѣя имѣніями, главнымъ образомъ, въ Орловской губерніи. Елевферій (Алферъ) Борисовичъ, костромской городовой дворянинъ (1631 г.), былъ посылаемъ въ 1646 г. въ калмыцкіе улусы. Сынъ его Никита Алферовичъ, внуки и правнуки являются героями настоящаго повѣствованія [1]).

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ началъ службу жильцемъ, въ 1692 г. былъ стольникомъ и участвовалъ затѣмъ въ обоихъ походахъ Петра Великаго подъ Азовъ (1695 и 1696 гг.) [2]). Вѣроятно, Никита Алферовичъ еще въ то время обратилъ на себя вниманіе царя Петра, потому что въ слѣдующемъ 1697 году,—въ тотъ годъ, когда молодой царь поѣхалъ къ нѣмцамъ учиться кораблестроенію, — Кудрявцевъ былъ назначенъ вторымъ воеводою въ Казань (первымъ воеводой былъ посланъ съ нимъ вмѣстѣ окольничій князь Петръ Лукичъ Львовъ).

Въ наказѣ, данномъ князю Львову и Кудрявцеву и представляющемъ весьма важный источникъ для ознакомленія съ положеніемъ средняго и нижняго Поволжья въ концѣ XVII вѣка, Петръ Великій уже обращаетъ вниманіе на то дѣло, которое явилось впослѣдствіи, такъ сказать, спеціальностью Никиты Алферовича и поставило его въ близкія отношенія къ царю-преобразователю. „Воеводамъ съ товарищи, — читаемъ мы въ этомъ наказѣ,—струговъ и всякихъ припасовъ,

[1]) Руммель и Голубцовъ, «Родословный Сборникъ», т. I, с. 454—457

[2]) Руммель, с. 454.—Жалованная грамота Кудрявцевымъ. Принимая во вниманіе годъ рожденія меньшого сына Никиты Алферовича Кудрявцева, Нефеда Никитича (см. ниже IV главу настоящаго очерка) можно предположить, что Никита Алферовичъ родился въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ XVII вѣка. Такимъ образомъ въ походахъ подъ Азовъ онъ участвовалъ уже человѣкомъ пожилымъ, лѣтъ около 50-ти или за 50.

какъ снастей, такъ и лѣсовъ, безъ указу великаго государя и безъ грамотъ не дѣлать"... Далѣе наказъ обращаетъ вниманіе: на положеніе въ краѣ инородцевъ—Татаръ, Чувашъ, Черемисъ, Мордвы и Вотяковъ, бывшихъ въ то время еще опасными воинственными врагами русской власти; на иноземцевъ, поселенныхъ въ краѣ и находившихся тамъ на службѣ, и на мѣдное рудокопное дѣло, начатое въ самой Казани и въ ея окрестностяхъ еще въ 1653 году, при воеводѣ, бояринѣ князѣ Никитѣ Ив. Одоевскомъ [1]). Но мѣдное рудокопное дѣло почти совсѣмъ прекратилось въ окрестностяхъ Казани къ концу XVII вѣка, а потому Кудрявцевъ обратилъ вниманіе на разработку мѣдныхъ рудъ за Камой и за Ураломъ, въ Кунгурѣ [2]).

Князь Львовъ, какъ видно, получилъ вскорѣ другое назначеніе, потому что съ 1699 года Никита Алферовичъ Кудрявцевъ является одинъ воеводою въ Казани. Въ то время Казань со всѣми низовыми городами (такъ назывались города, расположенные по Волгѣ и ея притокамъ отъ праваго берега Оки до Каспійскаго моря) была подчинена находившемуся въ Москвѣ приказу Казанскаго Дворца, гдѣ „начальнымъ человѣкомъ", главнымъ судьею былъ извѣстный воспитатель Петра Великаго, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, принявшій впослѣдствіи монашество во Флорищевой пустыни, съ именемъ Боголѣпа, и Кудрявцеву выпадала на долю весьма нелегкая должность управлять полурусскимъ краемъ подъ контролемъ московскаго приказа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнять сепаратныя и весьма разнообразныя велѣнія царя Петра. Сохраненіе корабельныхъ лѣсовъ въ Казанскомъ краѣ, который въ то время изобиловалъ лѣсами, составляло его главную обязанность.

Штелинъ, съ такимъ усердіемъ собиравшій всѣ данныя для характеристики Петра Великаго, передаетъ слѣдующій

---

[1]) «Полное Собраніе Законовъ», т. III, № 1, 579, стр. 234—301.

[2]) Ibid. «Акты Историческіе». т. V, стр. 582, грамота царя Петра къ кунгурскому воеводѣ Ивану Коробьину, 1699 года.

любопытный разсказъ о томъ, какъ берегъ Петръ Великій дубовые корабельные лѣса и какое важное значеніе придавалъ ихъ сохраненію. Я полагаю, что разсказъ этотъ будетъ вполнѣ умѣстенъ въ біографіи Кудрявцева, завѣдывавшаго корабельнымъ лѣсами въ обширномъ Казанскомъ краѣ. „Дабы народу подать примѣръ собою о сбереженіи дубоваго лѣсу, приказалъ онъ примѣченные имъ въ Кронштадтѣ два старые дуба огородить, поставить подлѣ оныхъ круглый столъ и скамейки и, пріѣзжая часто лѣтомъ туда, сиживалъ подъ тѣнію оныхъ съ великимъ удовольствіемъ, въ маломъ обществѣ тамошнихъ начальниковъ и кораблестроителей, и часто говаривалъ о сихъ деревьяхъ: „ахъ если бы мы здѣсь и въ окрестности нашли хотя столько дубоваго лѣса, сколько тутъ листовъ и жолудей?“ На взморьѣ, супротивъ Кронштадта и Петергофа, государь, нашедъ небольшой дубовый лѣсъ, выстроилъ увеселительный дворъ и назвалъ оный въ честь дубу, Дубки. Многихъ кораблестроителей и морскихъ офицеровъ, кои въ угодность своему государю въ Петербургѣ въ садахъ своихъ сажали дубы, при первомъ видѣ благодарилъ предъ всѣми. Онъ и самъ выбралъ себѣ за городомъ, на Петергофской дорогѣ, мѣсто длиною въ 200, а шириною въ 50 шаговъ, для разсады дубоваго лѣсу, который, по свойству здѣшняго климата, растетъ хотя медленно, но довольно хорошо, и нѣкоторыя деревья нынѣ уже вышиною въ двѣ или три сажени. Сіе мѣсто велѣлъ онъ огородить частоколомъ, а на оный прибить рукописный указъ, чтобы никто не отважился сихъ подростковъ обрывать, или какимъ либо инымъ образомъ портить, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Спустя нѣсколько лѣтъ, какъ молодые дубы выросли въ ростъ человѣческій, проѣзжая мимо, по обыкновенію своему остановился и пошелъ ихъ посмотрѣть; но къ великому огорченію нашелъ онъ вѣтви и множество листьевъ пучками разбросанные по землѣ; на что разгнѣвался тѣмъ болѣе, что оные, какъ легко примѣтить можно было, не вѣтромъ и погодою, но совершенно изъ шалости и умыслу сорваны. И такъ коль

скоро возвратился въ городъ, тотчасъ призвавъ генералъ-полицмейстера, приказалъ ему поставить тайно напротивъ онаго въ ближнемъ лѣсу сторожей, кои бы крѣпко смотрѣли, кто коснется до сей завѣтной дубовой рощи. Спустя нѣсколько дней потомъ замѣчена была цѣлая шайка пьяныхъ, большею частію господскихъ людей, кои, мимо идучи, перелѣзли черезъ огородку и, сорвавъ нѣсколько вѣтвей и связавъ изъ листьевъ пучки, накалывали оные на шляпы. Они были схвачены, приведены въ полицію и на рынкѣ публично высѣчены. Наканунѣ же дня сего было повѣщено съ барабаннымъ боемъ, чтобъ кто нибудь изъ каждаго двора былъ непремѣнно при наказаніи сихъ вредителей дубовъ".

Кудрявцевъ долженъ былъ сплавлять корабельные лѣса изъ Казани и ея окрестностей Волгой, а затѣмъ Дономъ, при значительномъ количествѣ рабочихъ изъ казанскихъ инородцевъ и изъ тяглыхъ дворцовыхъ крестьянъ, въ Азовъ, по требованію тамошняго главнаго начальника И. А. Толстаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кудрявцевъ обязанъ былъ отправлять рабочихъ изъ тѣхъ же инородцевъ въ Ингрію для строенія „Санктпитербурха" и набирать людей и лошадей въ драгунскіе полки. Кромѣ того, Кудрявцевъ имѣлъ массу мелочныхъ порученій отъ царя, въ родѣ освидѣтельствованія вѣса всѣхъ церковныхъ колоколовъ въ Казани и ея окрестностяхъ: можно предполагать, что дѣлалось это для того, что царь думалъ употребить колокольную мѣдь на литье пушекъ, столь необходимыхъ ему въ войнѣ съ Карломъ XII, въ особенности послѣ нарвскаго пораженія [1]).

За свою службу въ Казани Никита Алф. Кудрявцевъ былъ поверстанъ помѣстьями въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ. Въ 1698 году у него было помѣстной земли въ двухъ означенныхъ уѣздахъ до тысячи четей въ полѣ, а въ дву потомужъ (т. е. въ двухъ остальныхъ поляхъ

[1]) Голиковъ, т. V, стр. 72—74; т. II, стр. 276, 284; т. III, стр. 270; т. XIII, стр. 451—452, 457. «Казан. Губ. Вѣд.» 1859 г. № 1 и жалованная грамота.

по стольку же), всего до трехъ тысячъ четей одной пахатной земли, не считая луговъ и лѣсовъ, что на теперешнюю земельную мѣру составитъ до 4,500 казенныхъ десятинъ, которыя были распредѣлены по множеству селеній и деревень Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ [1]).

Самыми трудными годами для Ник. Алф. Кудрявцева были четыре года, съ 1705 по 1709 годъ, когда въ Казанскомъ краѣ, во всемъ среднемъ и нижнемъ Поволжьи и Пріуральи, вспыхнули инородческія движенія. Мы разумѣемъ причинившія столь много заботъ царю Петру возмущенія въ Астрахани и въ Башкиріи.

II.

Башкирскій и астраханскій бунты.—Роль Ник. Алф. Кудрявцева въ усмиреніи послѣдняго бунта.—Б. П. Шереметевъ и князь П. И. Хованскій въ Казани и отношенія къ нимъ Ник. Алф. Кудрявцева.

(1705—1708 гг.).

Башкирскій бунтъ возникъ въ 1705 году изъ-за произвольныхъ поборовъ съ инородцевъ уфимскихъ воеводъ, въ особенности воеводы Сергѣева, астраханскій бунтъ произошелъ въ томъ же 1705 году изъ-за преобразованій Петра Великаго: зачинщиками послѣдняго были стрѣльцы, сосланные на службу въ Астрахань послѣ московскаго мятежа 1698 года.

Петръ Великій, озабоченный войной съ Карломъ XII на западной окраинѣ русскаго государства, былъ очень встревоженъ этими общественными нестроеніями на противополож-

[1]) Собраніе оффиціальныхъ бумагъ Лихачевыхъ. — Казанскій у. конца XVII в. заключалъ въ себѣ теперешніе у. у. Казанскій, Лаишевскій, Мамадышкій, часть Малмыжскаго, Чистопольскій и Спасскій, а Свіяжскій у.—всѣ западные у. у. тепер. Казанской губерніи.

ной окраинѣ—восточной. Въ августѣ 1705 года, съ войсками противъ возставщихъ Башкиръ и астраханцевъ былъ имъ посланъ Б. П. Шереметевъ изъ Курляндіи, гдѣ находился тогда фельдмаршалъ, выслѣживая движенія къ Ригѣ шведскаго генерала Лёвенгаупта и потерпѣвъ отъ него сильное пораженіе при мызѣ Гемауртгофѣ. Лишь въ исходѣ 1705 года прибылъ Шереметевъ въ Казань и, занятый главнымъ образомъ бунтомъ астраханскимъ, поверхностно и неправильно взглянулъ на движеніе среди Башкиръ. Еще на пути къ Казани, онъ предпринялъ рядъ мѣръ, несогласныхъ съ распоряженіями Ник. Алф. Кудрявцева и не вытекавшихъ изъ обстоятельствъ дѣла, и тѣмъ парализовалъ авторитетъ мѣстныхъ властей, желая уменьшить значеніе башкирскаго возстанія въ глазахъ царя Петра. Смѣнивъ уфимскаго воеводу Сергѣева и опредѣливъ на его мѣсто, безъ вѣдома Кудрявцева, человѣка угоднаго Башкирамъ, уфимца Аничкова, вмѣсто назначеннаго Кудрявцевымъ Аристова, который въ то время только что ѣхалъ въ Уфу изъ Казани — Шереметевъ велѣлъ выпустить на свободу содержащихся въ Казани подъ карауломъ коноводовъ башкирскаго возстанія и послалъ съ ними въ башкирскую землю офицера для увѣщанія возставшихъ и для объявленія имъ объ избраніи и присылкѣ къ Шереметеву депутатовъ для переговоровъ [1]).

Еще до пріѣзда фельдмаршала въ Казань, Кудрявцевъ доносилъ ему о положеніи дѣлъ въ Башкиріи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Уфимцы положеннаго на нихъ стараго ясаку противъ прошлыхъ лѣтъ не платятъ, и посланнымъ отъ насъ изъ Казани чинятъ противенство, подводъ по указамъ противъ прежняго не даютъ. Посланнаго изъ Казани на Уфу воеводу Льва Аристова на дорогѣ остановили и не пущаютъ и говорятъ, что воевода де у нихъ Александръ Аничковъ и онъ де имъ любъ, а говорятъ, что Аничкову приказалъ ты быть воеводою. Изъ верховыхъ городовъ бѣглецовъ иновѣр-

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 417—418.

цевъ принимаютъ, и кои до сего числа къ нимъ пришли не отдаютъ. А тотъ Аничковъ за нѣкоторыми причинами тамъ быть по многу негоденъ. Вѣдомость намъ есть, что посланные отъ милости твоей на Уфу приказомъ твоимъ Башкирцамъ быть къ тебѣ съ челобитьемъ велѣли; и по словамъ посланныхъ твоихъ поѣхали къ вашей милости съ Уфы челобитчики—вѣдомый воръ и бунтовщикъ башкирецъ Демейко съ товарыщи, которой прошлаго лѣта въ Казанскомъ уѣздѣ села и деревни разорялъ, людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. А ихъ Башкирцовъ по указу царскаго величества велѣно вѣдать намъ и отъ всякихъ ихъ шатостей приводить въ покореніе и во всякое послушаніе, а окромѣ насъ никому ни въ чемъ вѣдать не велѣно. А будетъ ваша милость изволитъ челобитье ихъ примать и ослабу имъ чинить, то всеконечно добра нѣкакого ждать. И естли что учинится, то не отъ насъ, мы правимъ дѣла по имянному царскаго величества указу, свое на насъ положенное, и въ разномъ несогласіи и никогда состоянія добраго не бываетъ. О томъ отъ насъ писано въ полки, а не писать было намъ не возможно для того, что они иновѣрцы имѣютъ нравы всегда въ ослабѣ не постоянны: хотя малую себѣ какую ослабу увидятъ, то всѣ городы и уѣзды того же пожелаютъ, въ тѣ числа укротить ихъ будетъ невозможно. А что изволишь ваша милость писать къ намъ о присылкѣ хлѣба, и мы радѣть вседушно по усердію своему ради, и которой приготовленъ, съ тѣмъ пошлемъ за первымъ льдомъ водою; а въ другомъ учинился недоборъ, иновѣрцы уже по пріѣздѣ нашемъ стали платить, а до пріѣзду нашего нѣчто мало платили, чинились непослушны, а другіе и нынѣ въ томъ упорствѣ стоятъ, а сказывали, что ожидаютъ отъ тебя по челобитнымъ указовъ, по которымъ будто вы обѣщали имъ учинить опредѣленіе“ [1]).

Въ Казани Шереметеву пришлось не по вкусу: Кудрявцевъ не намѣренъ былъ слѣпо исполнять его приказаній. Онъ

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 415.

проситъ своего пріятеля и человѣка весьма близкаго Петру Великому, адмирала графа Ѳ. А. Головина исходатайствовать ему дозволеніе возвратиться на время, хотя до Пасхи въ Москву. „Ни о чемъ къ тебѣ не пишу, только прошу учини мнѣ и братски какъ возможно домогайся, какъ бы ни есть меня взяли къ Москвѣ, хотя на малое время... Не вижу ничего здѣсь добраго",—писалъ Шереметевъ Головину изъ Казани въ декабрѣ 1705 года. Черезъ недѣлю онъ повторилъ свою просьбу: „Я въ Казани живу, какъ въ крымскомъ полону. Не пишу къ тебѣ ни о чемъ здѣшнемъ: желалъ бы я самъ васъ видѣть; писалъ я къ самому капитану (Петру Великому), чтобы указалъ мнѣ быть къ себѣ: нынѣ подай помощи, чтобы меня взять къ Москвѣ" [1]).

Положеніе Кудрявцева было весьма затруднительно, и онъ рѣшился обратиться къ Александру Даниловичу Меншикову, человѣку самому близкому къ царю Петру. Вотъ характеристическое письмо къ нему Кудрявцева, писанное въ началѣ 1706 года. „Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій Александръ Данилычь! доношу твоему сіятельству послѣдній твой рабъ Никита Кудрявцевъ: къ уфимскимъ Башкирцамъ ѣздилъ я отъ Казани въ 300 верстахъ, а не доѣхалъ до Уфы 200 верстъ, и ихъ собравшись человѣкъ съ 400 ко мнѣ пріѣхали въ саадакахъ, въ нихъ отъ первыхъ три человѣка: Уразай Ногаевъ, Кемей Шишмаметевъ да Мещерякъ Имай; сказалъ я имъ государеву милость, что царское величество пожаловалъ ихъ, указалъ имъ платить ясакъ противъ прошлыхъ лѣтъ, а новонакладнаго ничего не имать. И они выслушавъ, поклонились, а повидимому знатно, что не усердно то приняли. Имъ же говорилъ, чтобы бѣглыхъ къ себѣ Татаръ. Чувашу, Черемису и прочихъ иновѣрцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали. И они того и слышать не хотѣли, и сказали, что они бѣглыхъ никого не знаютъ. Имъ

---

[1]) Устряловъ, «Исторія царствованія Петра Великаго», т. IV, ч. 1-я, стр. 493—494.

же говорилъ: для чего они государевымъ посланнымъ по дорогамъ противъ прежнихъ лѣтъ никому по указамъ подводъ не даютъ? Сказали, что и впередъ давать не будемъ никому, и изъ нихъ одинъ башкирецъ Уразай по-русски говорилъ мнѣ: полно де намъ съ тобою говорить! ты-де ѣздишь безъ государева позволенія собою, чтобъ-де денегъ больше собралось; и по тѣмъ словамъ пошли отъ меня съ двора всѣ, и отшедъ отъ двора, стали кругомъ и прислали ко мнѣ мещеряка Сулдаметка, и онъ говорилъ, прислали-де его начальники и всѣ мірскіе люди сказать: слышно-де имъ, что идетъ на Уфу воевода Левъ Аристовъ, и они-де его, Льва, не пустятъ, у нихъ-де хорошъ воевода Александръ Аничковъ. И какъ я отъ нихъ поѣхалъ назадъ, и они ѣхали напередъ меня и позади съ ружьемъ человѣкъ съ 60 тридцать верстъ, а слышно мнѣ, буде-бы я сталъ брать подводы, не хотѣли давать. Послѣ того послали мы на Уфу Льва Аристова на Александрово мѣсто Аничкова, для лучшаго усмотрѣнія, и онъ, Левъ, поѣхалъ, и писалъ къ намъ въ Казань, что Башкирцы его на Уфу ѣхать не пущаютъ, остановили на дорогѣ до Уфы верстъ за 200, а говорятъ: велѣлъ-де у нихъ быть воеводою Александру Аничкову Борисъ Петровичъ, и намъ-де онъ любъ. А онъ Александръ житель уфинской, и имѣли мы въ томъ опасенія, нѣтъ ли отъ него къ нимъ въ упорствѣ какого ослабленія. А изъ верхнихъ городовъ иновѣрцы и уѣздные люди бѣгутъ въ Уфинской уѣздъ, а Башкирцы принимаютъ и заказу нашего не слушаютъ, и мы поставили по дорогамъ заставы, а имая ихъ, велѣли приводить въ Казань. Отъ господина фельтъмаршалка посыланъ былъ на Уфу Василій Арсеньевъ, и пріѣхавъ съ Уфы сказывалъ, что поѣхалъ къ нему, фельтъмаршалку, съ Уфы въ челобитчикахъ пущій воръ и бунтовщикъ, башкирецъ Демейко съ товарыщи, который въ прошломъ въ 705 году разорялъ села и деревни и людей побивалъ, и въ полонъ бралъ, и стада отгонялъ. Да и опричь того слышно, что уфинцы поѣхали къ нему, фельтъмаршалку, бить челомъ, по словамъ присланныхъ отъ него. А до по-

сылки на Уфу фельтъмаршалковой стали было быть смирно и полонное отдавали, и впредь отдавать хотѣли, а послѣ того не такъ. Естли его милость въ такія дѣла станетъ вступать и такому народу учинитъ, не освѣдомясь съ нами, хотя малую ослабу, то всеконечно намъ въ доброе ихъ установить и злое отъ нихъ отрѣшить будетъ невозможно, для того, что мы, по обѣщанію своему, дѣлаемъ душевнымъ намѣреніемъ и безмездно, а другіе особымъ намѣреніемъ, о которомъ ихъ намѣреніи, ваше превосходительство, сами довольно извѣстны" [1]).

Ходатайство Кудрявцева передъ Меншиковымъ не осталось втунѣ. Въ январѣ 1706 года Б. П. Шереметевъ получилъ въ Казани отъ царя Петра повелѣніе поспѣшать внизъ по Волгѣ къ Астрахани, а „всѣ казанскія дѣла оставить въ Казани, и въ походѣ своемъ въ тамошнее дѣло, кромѣ военныхъ дѣлъ, что надлежитъ къ походу, не вступать ни во что, предоставивъ все Никитѣ Кудрявцеву съ товарищи". Фельдмаршалъ долженъ былъ оставить въ Казани войско въ количествѣ 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ окольничаго Петра Матвѣевича Апраксина, а для наблюденія надъ исполненіемъ царскаго приказа былъ приставленъ къ Шереметеву соглядатай, любимый сержантъ царя Петра, Щепотьевъ, привезшій въ Казань вышеупомянутое повелѣніе фельдмаршалу. Щепотьевъ привезъ письмо Петра Великаго къ Шереметеву въ Казань 16-го января 1706 года, а 18-го января фельдмаршалъ уже выступилъ изъ Казани по пути къ Саратову [2]). Кудрявцевъ отправился въ Москву для личныхъ переговоровъ съ бояриномъ Тих. Никит. Стрѣшневымъ, занимавшимъ въ то время весьма видное служебное положеніе: Стрѣшневъ, родственникъ царя Петра Великаго, былъ главнымъ судьею Разряда, который, за нахожденіемъ Петра Великаго на театрѣ военныхъ дѣйствій (въ Курляндіи и въ теперешнихъ губер-

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 415—417.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XV, стр. 418. — Письма Петра Великаго къ графу Б. П. Шереметеву, изд. Миллеромъ, М. 1774 г., стр. XXV и № 73.

ніяхъ Виленской, Ковенской и Витебской), управлялъ всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ Россійскаго государства [1]).

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ возвратился въ Казань вполнѣ довольный своей поѣздкой въ Москву. Онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Казань, но, при этомъ скромномъ званіи, получилъ отъ царя „полную мочь" относительно башкирскихъ и астраханскихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ мѣстныхъ воеводъ низовыхъ городовъ: Петръ Великій считалъ Кудрявцева „вящше свѣдущимъ въ тамошнихъ дѣлахъ" [2]).

Къ половинѣ 1706 года Шереметеву удалось прекратить возмущеніе въ Астрахани, а къ концу 1707 года главнѣйшіе изъ бунтовщиковъ были казнены въ Москвѣ; но не такъ скоро прекращено было волненіе среди Башкиръ. Въ теченіе 1706 и 1707 годовъ оно разгоралось все сильнѣе и сильнѣе, выразившись въ попыткѣ основать независимое башкирское ханство. У Башкиръ появился самозванный султанъ, посѣтившій Крымъ и Константинополь и просившій тамъ помощи противъ Россіи, и затѣмъ пробравшійся на Кубань, къ горскимъ прикавказскимъ племенамъ и къ Калмыкамъ. Сторонники этого султана въ Башкиріи уже открыто возстали противъ русскихъ властей.

Въ началѣ 1708 года, Кудрявцевъ писалъ царю: „Башкирское воровство умножается, и Татары Казанскаго уѣзда многіе пристали и многіе пригородки закамскіе, также и на казанской сторонѣ Камы рѣки дворцовое село Елабугу, осадили, и изъ тѣхъ пригородковъ Заинскъ, который отъ Казани разстояніемъ 200 верстъ, сожгли и людей порубили, а иныхъ въ полонъ побрали; а уѣздныхъ людей, Татаръ и Чувашу Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ, воры Башкирцы на-

[1]) «Письма Петра Великаго къ графу Шереметеву», стр. XXIV и примѣч. на той же страницѣ.

[2]) Ѳ. Ѳ. Веселаго, Общій морской списокъ, Спб., 1885 г., ч. I, стр. 201.—Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. II, стр. 168; т. III, стр. 271; т. XIII, стр. 217.—Кудрявцевъ, между прочимъ, былъ уполномоченъ разверстывать податные сборы по всѣмъ низовымъ городамъ, по своему усмотрѣнію.

говариваютъ, будто ратныхъ людей посылаютъ прибыльщики безъ твоего указа, собою, и чтобъ вездѣ русскихъ людей побивать, потому что они съ прибыльщиками одновѣрцы, и, собрався великимъ собраньемъ, хотятъ идти подъ Казань. Башкирцы, ходившіе на Яикъ съ торгами, говорили, что казаки говорили имъ, чтобъ русскихъ людей, которые будутъ на нихъ, Башкирцевъ, наступать, рубили" [1]).

Опасенія Кудрявцева не замедлили исполниться. Въ февралѣ 1708 года толпа мятежныхъ Башкиръ была уже въ 80 верстахъ отъ Казани. Присланный Петромъ Великимъ съ войскомъ бояринъ, князь П. И. Хованскій, вступилъ въ переговоры съ бунтовщиками и этимъ, конечно, только усилилъ ихъ самомнѣніе. Вся мѣстность, занимаемая въ настоящее время уѣздами Мензелинскимъ, Мамадышскимъ, Чистопольскимъ, Спасскимъ, Лаишевскимъ и Казанскимъ—предавалась ими страшному опустошенію: деревни разграблялись, раззорялись и сжигались, жители ихъ побивались и уводились въ плѣнъ. Бунтовщики появились наконецъ въ 30 верстахъ отъ Казани, и только благодаря энергическимъ распоряженіямъ Никиты Алферовича, Казань была спасена. Отрядъ подъ начальствомъ Осипа Бартенева, высланный Кудрявцевымъ противъ мятежниковъ, отбросилъ ихъ отъ Казани и, вмѣстѣ съ другимъ отрядомъ казака Невѣжина, разбившаго бунтовщиковъ подъ Билярскомъ, привелъ къ покорности всю восточную часть теперешней Казанской губерніи. Бунтовщики стали уже сами заискивать передъ княземъ Хованскимъ, склоняясь на переговоры. Тщетно Кудрявцевъ отговаривалъ боярина отъ мирныхъ сношеній съ Башкирами и Татарами, очень хорошо зная ихъ „воровство", и совѣтовалъ князю Хованскому усилить противъ нихъ наступательныя военныя дѣйствія. „Не учи меня", — возразилъ князь Кудрявцеву, и самъ пошелъ въ башкирскую землю съ войскомъ, вступивъ въ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XV, стр. 234.—Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, т. II, стр. 119, 523.

переговоры съ мятежниками. Онъ обѣщалъ имъ прощеніе подъ условіемъ выдачи ихъ султана, во имя котораго они подняли знамя бунта. Султанъ былъ выданъ и казненъ [1]).

Но этимъ не прекратились мятежи въ Башкиріи. Они тянутся черезъ все XVIII столѣтіе. Такъ называемый Батыршинъ бунтъ 1755 года является грознымъ прологомъ къ общему инородческому и крестьянскому движенію 1770-хъ годовъ, охватившему страшнымъ общественнымъ пожаромъ всю восточную окраину Россіи и извѣстному подъ именемъ Пугачевщины.

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ не принимаетъ уже участія въ усмиреніи башкирскихъ „нестроеній" послѣдующихъ годовъ: мѣсто правителя Казанскаго края занимаетъ другое лице. Царь Петръ остался недоволенъ Кудрявцевымъ, приписавъ его нерадѣнію произвольныя дѣйствія уфимскихъ воеводъ, подавшихъ поводъ къ безпорядкамъ, и вмѣсто награды—сдѣлалъ ему выговоръ [2]). Вѣроятно тому способствовали навѣты на Кудрявцева Б. П. Шереметева и князя Хованскаго.

---

[1]) **Соловьевъ**, Исторія Россіи, т. XV, стр. 233—237.
[2]) **Голиковъ**, Дѣянія Петра Великаго, т. II, с. 119, 523.

III.

Учрежденіе Казанской губерніи въ 1708 году и первый казанскій губернаторъ П. М. Апраксинъ.—Назначеніе Кудрявцева казанскимъ вице-губернаторомъ.—Основаніе въ Казани адмиралтейства и строеніе въ немъ судовъ подъ наблюденіемъ Кудрявцева.—Переписка Кудрявцева съ Петромъ Великимъ.—Казанскій помѣщикъ Молоствовъ. — Награжденіе Кудрявцева деревнями.—Жалованная грамота Кудрявцевымъ.—Смерть Никиты Алферовича.

(1708—1728 гг.).

Въ 1708 году областное управленіе Россіи было измѣнено, и впервые царство русское раздѣлилось на восемь губерній, въ числѣ которыхъ всѣ низовые города, со включеніемъ Башкиріи, составили обширную Казанскую губернію. Можно предполагать, что мятежи астраханскій и башкирскій явились одной изъ причинъ, заставившихъ Петра Великаго усилить административную власть и централизировать ее не въ Москвѣ, въ приказѣ Казанскаго Дворца, какъ было до тѣхъ поръ, а въ Казани, этомъ историческомъ средоточіи Поволжья и Пріуралья. Первымъ губернаторомъ въ Казани былъ окольничій Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, родной братъ второй супруги царя Ѳедора Алексѣевича, царицы Марѳы Матвѣевны, и генералъ-адмирала, графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, уже бывшій въ Казани, какъ мы видѣли выше, начальникомъ войскъ въ отрядѣ фельдмаршала Шереметева. Насколько этотъ администраторъ новаго порядка понималъ свои обязанности, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта, занесеннаго въ оффиціальный документъ. Отправляясь въ походъ за Кубань въ 1711 году, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ печалился, не зная кому поручить Казань въ свое отсутствіе. Въ Царицынѣ онъ вспомнилъ о своемъ четырехмѣсячномъ сынѣ и послалъ въ Казань указъ, что оставляетъ этого сына намѣстникомъ своимъ, а по малолѣтству его, опредѣлилъ къ нему старыхъ своихъ слугъ, которымъ приказалъ его именемъ

всякія дѣла справлять. Указъ свой онъ приказалъ прочесть при собраніи казанскихъ жителей на публичномъ мѣстѣ, въ присутствіи сына, котораго велѣлъ при этомъ держать подъ одѣяломъ. „А какъ онъ самъ въ Казань возвратился,—читаемъ въ оффиціальномъ актѣ,—такъ того сына своего приказалъ мамѣ вынести подъ одѣяломъ въ палату, гдѣ множество людей было, и благодарилъ за мудрые его поступки, а онъ сталъ плакать, и ближній бояринъ Апраксинъ ко всѣмъ людямъ молвилъ тако: „вотъ-ста смотрите, какое у меня умное дитя: обрадовался мнѣ да и плакать сталъ"; и люди ему отвѣтствовали: „весь, государь, въ тебя". На то онъ людямъ сказалъ: „да не въ кого же де-ста быть, что не въ насъ, Апраксиныхъ" [1]).

Никита Алферовичъ Кудрявцевъ, управлявшій Казанью уже одиннадцать лѣтъ, не получилъ никакого назначенія. Былъ также забытъ и его товарищъ по управленію—Вараксинъ. Эта обида заставила ихъ обоихъ излить свою горесть въ слѣдующемъ письмѣ къ князю Меншикову: „Свѣтлѣйшій государь, князь Александръ Даниловичь милостивый! Присланъ къ намъ въ Казань Великаго Государя указъ, за приписаніемъ его самодержавныя десницы, велѣно Казань и другіе низовые города вѣдать окольничему Петру Матвѣевичу Апраксину, но объ насъ опредѣленія никакого не учинено. Просимъ милосердую твою свѣтлость о милостивомъ твоемъ указѣ: гдѣ намъ повелитъ ваша свѣтлость быть, и въ какомъ опредѣленіи, чтобъ намъ, послѣднимъ твоимъ рабомъ, во изгнаніи и въ непорядкѣ не быть. Послѣдніи раби, Никита Кудрявцевъ, Стеѳанъ Вараксинъ, просимъ твою свѣтлость, имѣя надежду яко на Бога, припадая къ стопамъ ногъ твоихъ" [2]).

Вслѣдствіе этого письма Кудрявцевъ оставленъ по прежнему комендантомъ въ Казани. Черезъ четыре года, въ 1712

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XVIII, примѣчаніе 7, изъ «Послужнаго списка кубанскаго походу», рукопись Императорской Публичной Библіотеки, по извлеченію, напечатанн. въ «Военномъ Сборникѣ» 1867, III.

[2]) «Русская Старина» 1872 г., V, стр. 914.

году, ему поручается то дѣло, которымъ онъ завѣдывалъ и раньше, но теперь по болѣе широкой программѣ. Кудрявцевъ назначенъ былъ главнозавѣдующимъ корабельными лѣсами во всемъ Поволжьи, отъ устья Оки до Каспійскаго моря [1]). Именной указъ сенату отъ 15-го мая 1712 года излагаетъ подробно инструкцію Кудрявцеву о заготовленіи дубоваго корабельнаго лѣса и доставленіи его „Волгой по вешней полой водѣ до Твери", откуда онъ уже долженъ переправляться въ Петербургъ, по распоряженію петербургскаго адмиралтейства [2]).

Въ 1714 году Кудрявцевъ, оставаясь при корабельныхъ лѣсахъ, назначается казанскимъ вице-губернаторомъ. Онъ сохраняетъ эту важную въ то время должность до конца царствованія Петра Великаго и при Екатеринѣ I, при трехъ казанскихъ губернаторахъ—Петрѣ Самойловичѣ Салтыковѣ (назначенъ послѣ П. М. Апраксина, въ 1713 году, былъ губернаторомъ въ Казани до 1719 года), его сынѣ, Алексѣѣ Петровичѣ Салтыковѣ, управлявшемъ Казанскою губерніею съ 1719 до 1725 года, и при А. П. Волынскомъ, въ первое его губернаторство въ Казани, съ 1725 по 1727 годъ [3]). Съ 1714 года Кудрявцевъ вступаетъ въ дѣятельную переписку съ Петромъ Великимъ по части кораблестроенія, заготовки и сплава по Волгѣ корабельныхъ лѣсовъ. Эта переписка, касающаяся иной разъ самыхъ мелочныхъ вопросовъ кораблестроенія, весьма любопытна для характеристики дѣятельности Кудрявцева, но я не стану подробно останавливаться на ней, дабы не затруднять большинства читателей мало понятными для не-спеціалистовъ техническими терминами [4]).

---

[1]) Жалованная грамота Кудрявцеву.

[2]) П. С. З., VI, стр. 831, V, стр. 16.

[3]) См. статью г. Пинарева «Казанскіе губернаторы», «Казанск. губ. вѣд.» 1857 года, № 47 и мою монографію о Волынскомъ, «Др. и Нов. Россія», 1876 года, т. II, стр. 31—32.—Небезъинтересно познакомиться съ вознагражденіемъ, получаемымъ Кудрявцевымъ за его кропотливыя и трудныя обязанности. Онъ, какъ вице-губернаторъ, получалъ 600 р. въ годъ деньгами и 300 четвертей хлѣба. (Изъ дѣлъ кабинета Петра Великаго, у Соловьева, «Исторія Россіи», т. XVI, стр. 196).

[4]) Вполнѣ переписка Кудрявцева съ Петромъ Великимъ до сихъ поръ не издана. Она хранится въ дѣлахъ такъ называемыхъ «Кабинета Петра

Въ 1718 году было основано въ Казани адмиралтейство для строенія судовъ, и Ник. Алф. Кудрявцевъ является въ Казанскомъ краѣ не только завѣдующимъ корабельными лѣсами, но и главнымъ кораблестроителемъ. Подъ его наблюденіемъ, по подробнымъ инструкціямъ Петра Великаго, строятся въ Казани волжскіе „рейс-шифы, перекрещенные русскимъ народомъ въ расшивы, и „гортгоуты“, предназначенные для преслѣдованія „удалыхъ добрыхъ молодцовъ понизовой вольницы“. При немъ возникаетъ особое почти сословіе такъ называемыхъ „лашмановъ“, изъ мѣстныхъ инородцевъ, преимущественно Татаръ, освобожденныхъ отъ податей за обязательныя работы по сохраненію и заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ.

Учрежденіе адмиралтейства вызвало много сложныхъ заботъ со стороны Кудрявцева; но неутомимому царю-работнику все казалось недостаточнымъ. Въ 1715 году Петръ Великій указалъ значительнѣйшую часть мясного провіанта, вообще на весь, заводимый имъ, россійскій флотъ, заготовлять въ Казани, подъ наблюденіемъ Кудрявцева; пропорція же этого мясного провіанта была весьма почтенная: она заключалась въ 15,000 пудахъ соленаго свинаго мяса [1]). Никита Алферовичъ весьма тяготился обязанностью наблюдать за соленьемъ свинины, о чемъ не имѣлъ никакого понятія. Въ письмахъ его къ Петру Великому слышатся постоянныя и горькія сѣтованія на хлопоты и непріятности, сопряженныя

Великаго» въ Государственномъ архивѣ, въ С.-Петербургѣ.—Извлеченія изъ нея помѣщены въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго», Голикова, въ «Исторіи Россіи» Соловьева (т. XVI, 204—205, 223 300), въ «Сборн. Рус. Ист. Общ.» (т. XI, 282—283). Донесенія Н. А. Кудрявцева по кораблестроенію за 1717—1720 гг. находятся въ рукописномъ сборникѣ библіотеки Казанскаго университета (документ. катал. № 21, 371). Эти донесенія вмѣстѣ съ письмами къ Петру Великому по корабельному дѣлу и другихъ лицъ извлечены изъ рукописи бывшимъ въ 1858—1860 гг. профессоромъ Русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ Н. А. Поповымъ и напечатаны имъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» (1859 г., кн. IV) подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ въ 1717—1720 годахъ». О дѣятельности Ник. Алф. Кудрявцева по заготовкѣ лѣса для строенія морскихъ судовъ въ Петербургѣ см. также «Общій морской списокъ» Ѳ. Ѳ. Веселаго, Спб., 1885 года, ч. I, стр. 201—202.

[1]) Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», т. VII, стр. 351.

для него съ этимъ незнакомымъ ему производствомъ. „Сей послѣдній рабъ Твой прошу и доношу Вашему Царскому Величеству,—пишетъ, напримѣръ, царю казанскій вице-губернаторъ въ іюнѣ 1719 года,—служить и работать и отправлять мяса со всѣмъ сердцемъ радъ, только въ соленьѣ мясъ ничего не знаю, какъ быть мясамъ хорошимъ; и въ семъ опасаюсь Вашего Царскаго Величества гнѣву, чтобъ того за незнаемость мою на мнѣ не взыскалъ“ [1]). Петербургское адмиралтейство было недовольно соленьемъ свинины въ Казани, и генералъ-адмиралъ графъ Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ низвергалъ на несчастнаго Кудрявцева выговоръ за выговоромъ за недоброкачественность соли и способъ соленья имъ свинины. При казанскомъ адмиралтействѣ состоялъ особый „мясосольный мастеръ“, голландецъ Классъ-Геретсинъ, который отстаивалъ свой способъ соленья и приписывалъ недовольство петербургскаго адмиралтейства интригамъ тамошняго „мясосольнаго мастера“. Ник. Алф. Кудрявцевъ долженъ былъ входить въ мельчайшія техническія подробности относительно соленья и обо всемъ подробно доносить Петру Великому. Невольно поражаешься, въ этой перепискѣ преобразователя Россіи съ казанскимъ вице-губернаторомъ, тѣми мелочами въ государственномъ хозяйствѣ, до которыхъ способенъ былъ доходить всеобъемлющій умъ того человѣка, который сокрушилъ „Шведскаго Льва“ и воззвалъ Россію, по выраженію современниковъ, „отъ небытія къ бытію“; но Кудрявцевъ былъ положительно удрученъ и угнетенъ такими мелочами и доходилъ просто до отчаянія.

Для характеристики дѣловыхъ сношеній Никиты Алферовича съ Петромъ Великимъ привожу еще письмо его къ царю, писанное въ февралѣ 1721 года. Это письмо, вызванное заботливостью Кудрявцева о сохраненіи въ Казанской губерніи корабельныхъ лѣсовъ, представляетъ весьма интерес-

---

[1]) «Чтенія Моск. Общ. ист. и Др. Россійск.» 1859 года, кн. IV, «Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ», сообщ. Н. А. Поповымъ, стр. 73—75

ныя подробности о правахъ казанскаго дворянства первой четверти XVIII вѣка. Рѣчь въ письмѣ идетъ о „сумасбродномъ, старомъ Молостровѣ“, богатомъ казанскомъ помѣщикѣ. „Прошу милосердія на сумасброднаго, стараго Молоствова,— пишетъ Кудрявцевъ царю Петру,—ѣздитъ по деревнямъ татарскимъ и, сбирая Татаръ, сказываетъ имъ, что онъ присланъ отъ Вашего Царскаго Величества съ полнымъ указомъ уставить въ мірѣ правду и волю имѣетъ казнить и вѣшать, какъ и прежде вѣшалъ, такъ и нынѣ можетъ дѣлать самовластно, никого не боясь, и внушаетъ имъ, что отъ податей государство все раззорилось; разсказываетъ, какъ древнія государства раззорялись и пропали, и наше также раззорилось и пропадаетъ. Также сказываетъ имъ, что Ваше Царское Величество не указалъ нынѣ корабельнаго лѣса готовить и велѣлъ всѣмъ повольно дубъ рубить, и я работою корабельныхъ лѣсовъ будто мучу напрасно людей. Стакался съ Гаврилою Норовымъ, велитъ имъ дубовые лѣса всякому на свои нужды рубить и письма давалъ, чтобъ рубили. Во свидѣтельство правды словъ своихъ говорилъ, что въ 1717 году многихъ людей перевѣшалъ, за что похвалу себѣ принялъ, и обѣщался Татарамъ, что до смерти своей будетъ имъ помощникомъ и предводителемъ всякому дѣлу; что хотѣлъ было постричься, но теперь для нихъ до смерти не пострижется, и нынѣ имъ же, Татарамъ, сказалъ, что поѣдетъ въ С.-Петербургъ и привезетъ указъ, что меня передъ ними Татарами казнить“ [1]).

Не легко приходилось Ник. Алф. Кудрявцеву въ Казанской губерніи. Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ въ 1711 году, причинялъ огорченія областнымъ правителямъ не меньше прежнихъ московскихъ приказовъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Кудрявцевъ кабинетъ-секретарю Макарову еще въ 1717 году: „Я послалъ Царскому Величеству особое просительное писмишко, чтобъ меня помиловалъ за бѣдную мою дряхлость и безпамятство, указалъ меня отъ губернаторскихъ

---

[1]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», XVI, стр. 300.

дѣлъ освободить: несносно стало, по указамъ отъ правительствующаго сената трудно исправляться. Другія губерніи милуютъ, а на нашу все прибавляютъ, и когда ихъ превосходительству приносимъ оправданіе, здраваго разсмотрѣнія не чинятъ и не принимаютъ; одно затвердили, что наша губернія богата: она такъ богата сдѣлалась, что передъ другими губерніями съ дворовъ все вдвое сбираемъ и всеконечно опустѣетъ; а переменить нельзя: хотя чего малаго не дошлемъ, все штрафы, да раззоренье" [1]).

Окончивъ двадцати-лѣтнюю борьбу со Швеціей и крѣпко ставъ на берегахъ Балтійскаго моря, Петръ Великій обратилъ особое вниманіе на восточныя области своего государства и на отношенія Россіи къ сосѣднимъ съ нею восточнымъ, азіатскимъ, племенамъ. Многолѣтняя дѣятельность Никиты Алферовича Кудрявцева, въ качествѣ правителя Казанскаго края и строителя морскихъ и рѣчныхъ судовъ,—не могла быть незамѣченною Петромъ Великимъ, и онъ щедро наградилъ престарѣлаго казанскаго вице-губернатора, пожаловавъ ему въ январѣ 1722 года имѣнія въ Казанской губерніи, изъ числа отобранныхъ въ Казани у мурзъ и татаръ за невоспріятіе христіанской вѣры греческаго закона [2]). Это пожалованье значительно увеличило и безъ того большія земельныя владѣнія Кудрявцева. Кромѣ новыхъ помѣстій въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ, Никитѣ Алферовичу были теперь даны Петромъ Великимъ помѣстья въ уѣздахъ Симбирскомъ и Пензенскомъ, входившихъ въ составъ тогдашней Казанской губерніи [3]). Въ 1722 году Петръ Великій предпринялъ походъ въ Персію и, проѣздомъ по Волгѣ къ Каспійскому морю, былъ въ Казани и остался весьма доволенъ состояніемъ адмиралтейства.

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», XVI, стр. 184.
[2]) Барановъ, Опис. сен. архива, I, № 970.
[3]) Жалованная грамота Екатерины I и собраніе оффиціальныхъ бумагъ Лихачевыхъ.

Уже по кончинѣ Петра Великаго, 31-го мая 1726 года, Екатерина I засвидѣтельствовала служебныя заслуги Никиты Алферовича Кудрявцева и сына его, Нефеда Никитича, жалованною грамотою, утверждавшею за ними всѣ пожалованныя Кудрявцеву Петромъ Великимъ имѣнія.

При исполненіи важныхъ и многотрудныхъ обязанностей казанскаго вице-губернатора и главнозавѣдующаго кораблестроеніемъ въ Поволжьи Никита Алферовичъ находился до половины 1726 года. Въ концѣ 1728 года онъ умеръ въ глубокой старости. Въ послѣдніе годы жизни онъ не могъ уже столь энергично, какъ прежде, относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и, за неисполненіе предписаній Верховнаго тайнаго совѣта, былъ подвергнутъ незадолго до смерти (13 февраля 1728 г.) штрафу въ 500 рублей [1]).

IV.

Сыновья Никиты Алферовича.—Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ и его служба до 1730 года.—Георгій Дашковъ, архіепископъ Ростовскій и «инквизиція» надъ Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ въ Казани. — Служба Нефеда Никитича до его отставки.

(1676—1740 гг.).

На комъ былъ женатъ Никита Алферовичъ Кудрявцевъ—неизвѣстно; извѣстно только, что у него было три сына: Александръ, Никита и Меѳодій. Александръ былъ ушибленъ лошадью и умеръ отъ этого ушиба въ молодыхъ годахъ; Никита принялъ монашество въ знаменитомъ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, перемѣнивъ свое мірское имя на

---

[1]) Ѳ. Ѳ. Веселаго, «Общій морской списокъ», ч. I, стр. 202.

монашеское имя Кирилла, въ честь основателя этого монастыря [1]); меньшой сынъ—Меѳодій, въ просторѣчіи Нефедъ, унаслѣдовалъ отъ отца и завѣдываніе корабельными лѣсами въ Поволжьи и казанское вице-губернаторство.

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ родился около 1676 года и началъ службу въ 1704 году, по обычаю того времени, рядовымъ въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ, сражаясь противъ Карла XII, подъ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева (тогда еще не графа). Черезъ годъ онъ былъ уже вахмистромъ, а въ 1706 году произведенъ Шереметевымъ прямо въ поручики (производить въ оберъ-офицерскіе чины имѣли право русскіе главнокомандующіе въ теченіи всего XVIII вѣка, до воцаренія императора Павла). Въ 1709 г. Нефедъ Никитичъ, какъ кажется, принималъ участіе въ Полтавской битвѣ. По крайней мѣрѣ у сына князя Л. А. Ухтомскаго, князя Павла Леонидовича, хранится шпага съ прекраснымъ клинкомъ дамасской стали, по семейному преданію, принадлежавшая Петру Великому и пожалованная царемъ Нефеду Никитичу Кудрявцеву. На клинкѣ шпаги въ верхней части, у самой рукоятки, съ обѣихъ сторонъ находятся слѣдующія символическія изображенія, сдѣланныя золотомъ съ любопытными надписями: На одной сторонѣ, подъ царской короной, изображенъ парящій и разъяренный одноглавый орелъ; онъ обращенъ клювомъ на правую сторону отъ зрителя, и изъ его когтей летятъ громовыя стрѣлы на раненаго льва, находящагося подъ нимъ. Левъ пронзенъ насквозь одной изъ стрѣлъ, вслѣдствіе чего съ болью подымаетъ кверху хвостъ, въ кончикъ котораго устремляется новая стрѣла изъ когтей орла. Вверху, надъ короной, надпись по русски,—„помощью Бога", и тоже самое по арабски. На другой сторонѣ помѣщено слѣдующее

---

[1]) Свѣдѣнія о старшихъ сыновьяхъ Никиты Алферовича Кудрявцева заимствованы изъ разсказовъ Сергѣя Степанова Закамскаго. Закамскій утверждаетъ, что Никита Никитичъ былъ даже настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Это не вѣрно. Въ спискахъ настоятелей этого монастыря Строева—настоятеля съ именемъ Кирилла за XVIII вѣкъ нѣтъ вовсе.

изображеніе: одноглавый орелъ сидитъ спокойно на вѣтвяхъ лавроваго дерева и держитъ въ лѣвой отъ зрителя лапѣ обнаженный мечъ, а въ правой—оливковую вѣтвь, символъ мира; хвостомъ онъ упирается на два крестообразно - сложенные царскіе скипетра, составляющіе вензель Петра Великаго. Въ самомъ верху рисунка надъ царской короной выставленъ „1709“ годъ, а между короной и орломъ, надпись „імею обое“. Принимая во вниманіе 1709-й годъ, означенный на клинкѣ, не трудно догадаться, что шпага эта пожалована Кудрявцеву за знаменитую Полтавскую побѣду. Орелъ—гербъ Россіи; левъ—гербъ Швеціи. Изображенъ сначала бой между орломъ и львомъ, въ которомъ орелъ остается побѣдителемъ и затѣмъ отдыхаетъ на лаврахъ, обвивающихъ символъ верховной русской власти — скипетръ, но держитъ наготовѣ— и оливковую вѣтвь, символъ мира и мечъ, обнаженный для новой битвы. „Помощью Бога—имѣю о б о е“—гласитъ надпись, т. е., и побѣду, и надежду на миръ“.

Въ 1711 году Нефедъ Никитичъ служилъ въ Казани, гдѣ отецъ его въ то время былъ комендантомъ, и участвовалъ подъ начальствомъ Петра Матвѣевича Апраксина въ походѣ на Кубань, а въ 1712 году поручено ему, вмѣстѣ съ извѣстнымъ „прибыльщикомъ“ Матвѣемъ Нестеровымъ, осмотрѣть и описать годные на корабельное строеніе дубовые лѣса по Волгѣ, по Окѣ и прочимъ рѣкамъ [1]). Въ 1718 году Нефедъ Никитичъ переведенъ прежнимъ чиномъ поручика въ гвардейскій Преображенскій полкъ; въ 1722 году мы находимъ его снова въ Казани и на Волгѣ въ свитѣ Петра Великаго принимающимъ дѣятельное участіе въ персидскомъ походѣ: онъ посылается императоромъ въ калмыцкіе улусы для „взятія калмыцкаго войска и для другихъ дѣлъ“, и, начальствуя надъ Калмыками, участвуетъ въ сраженіи близъ поселенія Эндери на Кавказѣ, гдѣ русскія войска, по не-

---

[1]) Жалов. грамота Кудрявцевымъ.—Сборн. рус. ист. общ., XI, 227.—Опис. сен. арх. Баранова, I, № 213.—Ѳ. Ѳ. Веселаго, «Общій морской списокъ», ч. I, стр. 200.

осторожности главнаго начальника, бригадира Ветерани, потерпѣли пораженіе. Петръ Великій оказывалъ въ это время большое довѣріе Нефеду Никитичу: императоръ вручилъ ему весьма значительную, по тому времени, сумму денегъ (10,000 рублей) на раздачу Калмыкамъ и на покупку для войскъ лошадей, и находился съ нимъ въ перепискѣ [1]).

Еще при жизни Никиты Алферовича Кудрявцева, 29 апрѣля 1727 года, Нефедъ Никитичъ, имѣвшій уже чинъ полковника, былъ опредѣленъ на его мѣсто вице-губернаторомъ въ Казань [2]). Онъ не сошелся съ А. П. Волынскимъ, назначеннымъ вторично казанскимъ губернаторомъ въ 1728 году, и много способствовалъ къ открытію его злоупотребленій по части вымогательства денегъ съ Чувашъ, Черемисъ и служилыхъ казанскихъ Татаръ.

Во время происшедшей въ Казани распри между Волыскимъ и казанскимъ митрополитомъ Сильвестромъ, Нефедъ Никитичъ держалъ сторону послѣдняго, что и повело къ открытой ссорѣ Кудрявцева съ Волынскимъ. Сильвестру покровительствовалъ всесильный въ синодѣ при Петрѣ II ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, на племянницѣ котораго, княжнѣ Александрѣ Панкратьевнѣ Давыдовой, съ 1726 года былъ женатъ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ. Такимъ образомъ, родственныя отношенія къ Георгію Дашкову были причиной, что казанскій вице-губернаторъ мирволилъ Сильвестру и всталъ въ дурныя отношенія къ Волынскому.

Георгій Дашковъ, происходившій изъ старинной дворянской фамиліи и служившій до монашества въ военной службѣ, не оставлялъ подъ клобукомъ и рясой своихъ прежнихъ привычекъ. Будучи еще архимандритомъ Троицкой лавры, онъ жилъ широко и весело: держалъ громадную прислугу, множество лошадей и экипажей, имѣлъ прекрасный столъ, и выѣзды

---

[1]) Жалов. грамота Кудрявцевымъ.—Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», IX, 376, 381—385; X, 389; XI, 471, 474.
[2]) П. И. Барановъ, Опис. сен. арх., II, № 2191.

его изъ лавры походили не на скромную поѣздку монаха, а на торжественный выѣздъ помѣщика - вельможи въ отъѣзжее поле на охоту. У него было два брата и двѣ сестры, которыхъ онъ любилъ и щедро одаривалъ. Братья владѣли помѣстьями въ Алексинскомъ уѣздѣ, а сестры были хорошо пристроены замужъ: одна—за князя Панкратія Хохоновича Давыдова, а другая за Андрея Хитрово [1]).

При содѣйствіи Кудрявцева, казанскіе инородцы подали въ сенатъ жалобу на Волынскаго, обвиняя его въ противузаконныхъ и произвольныхъ съ нихъ поборахъ, и 29-го іюля 1728 года Верховный тайный совѣтъ возложилъ на Нефеда Никитича и флота капитанъ-командора Козлова, производство слѣдствія по этому дѣлу. Въ концѣ 1729 года Кудрявцевъ уѣхалъ изъ Казани въ Москву и пробылъ тамъ до половины 1730 года, стараясь всячески „вредить“ Волынскому, въ чемъ и успѣлъ: Волынской былъ уволенъ отъ должности казанскаго губернатора, вытребованъ въ Москву и преданъ тамъ суду [2]). Въ Москвѣ Кудрявцевъ былъ очевидцемъ избранія на престолъ Анны Іоанновны, но повидимому не принималъ участія въ составленіи политическихъ „шляхетскихъ“ проектовъ: по крайней мѣрѣ, ни подъ однимъ изъ нихъ не встрѣчается его подписи. По возвращеніи въ Казань, онъ самъ на себѣ испыталъ превратности тогдашняго „опаснаго и суетнаго времени“, по выраженію современниковъ.

Въ 1730 г. губернаторомъ въ Казань былъ назначенъ графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, и въ 1733 г. сенатъ предписалъ ему указомъ арестовать, осторожно и безъ огласки, вице-губернатора Кудрявцева, вмѣстѣ съ его женой. Кудрявцевы находились въ то время въ деревнѣ своей, Каймарахъ, и графъ Мусинъ-Пушкинъ отправилъ туда капи-

---

[1]) Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», примѣч. на 185 стр. и стр. 354.

[2]) П. И. Барановъ, Опис. сен. арх., II, № 3148 и 3656.—Подробности въ «Дѣлѣ архим. казанскаго Спасскаго монастыря Іоны Салникѣева», въ «Чт. М. Об. Ист. и Др.» 1858 г., кн. III, стр. 39, 63—71, 91 и слѣд.

тана Останкова съ конвоемъ, приказавъ ему мужа и жену доставить въ Казань каждаго порознь, такъ чтобы они между собою и ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ не имѣли. Причиной ареста Кудрявцевыхъ было опять-таки ихъ родство съ Георгіемъ Дашковымъ, погубленнымъ въ числѣ многихъ великорусскихъ архіереевъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Въ 1730 году Георгій Дашковъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ отдаленный, Каменный монастырь, на Кубенскомъ озерѣ. Узнавъ въ началѣ 1731 года о печальной судьбѣ своего родственника, Александра Панкратьевна Кудрявцева отправила къ нему изъ Казани, тайно, своего двороваго человѣка Мальцева съ гостинцами, въ числѣ которыхъ главными были деньги и мѣха. Георгій не взялъ ни денегъ, ни мѣховъ, принявъ остальные гостинцы, и велѣлъ передать племянницѣ, что вскорѣ будетъ посхимленъ, по предписанію синода. Въ разговорахъ съ Мальцевымъ онъ выражалъ сожалѣніе, что не имѣетъ доступа къ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, которая, могла-бы повліять на улучшеніе его участи — напримѣръ, переводомъ въ какой нибудь монастырь, поближе къ Москвѣ [1]).

Допросы Нефеду Никитичу и его женѣ не привели, однако, къ непріятнымъ для нихъ послѣдствіямъ. Кромѣ вышеупомянутой посылки Мальцева къ Дашкову, ничего не обнаружилось, и Кудрявцевыхъ оставили въ покоѣ. Въ томъ же 1733 году Нефедъ Никитичъ получилъ должность оберъ-комиссара казанскаго адмиралтейства и, „по рангу этой должности", произведенъ въ бригадиры [2]).

18 октября 1733 года прибыла въ Казань, проѣздомъ въ Сибирь, ученая, т. наз. Камчатская, экспедиція, снаряженная Академіей наукъ для изслѣдованія сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ береговъ Сибири. Одинъ изъ членовъ экспедиціи,

---

[1]) Подробности см. у Чистовича, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», стр. 354—362. Георгій Дашковъ, въ схимѣ Гедеонъ, былъ сосланъ, по новымъ на него извѣтамъ, въ 1734 году въ Успенскій нерчинскій монастырь, гдѣ и умеръ 17 апрѣля 1739 года; ibid., стр. 347, 365, 671.

[2]) Барановъ, Опис. сен. арх. III, № 7969.

академикъ Іоганнъ Георгъ Гмелинъ передаетъ любопытныя подробности о своемъ знакомствѣ съ Неф. Никит. Кудрявцевымъ, котораго характеризуетъ радушнымъ хлѣбосоломъ, привѣтливымъ съ своими гостями, и человѣкомъ весьма разговорчивымъ и любезнымъ въ обращеніи.

22 октября всѣ три члена экспедиціи — историкъ Г. Ф. Мюллеръ, астрономъ Делиль и натуралистъ Гмелинъ, по приглашенію казанскаго губернатора, графа Мусина-Пушкина, присутствовали на праздновaніи въ честь иконы Казанской Божіей Матери, производившемся въ то время съ большой торжественностью. Въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ за обѣдней академики были приглашены на обѣдъ Неф. Никит. Кудрявцевымъ, и отправились къ нему прямо изъ Казанскаго монастыря, такъ какъ уже было обѣденное время [1]). Въ домѣ Кудрявцева ожидало ихъ большое общество, размѣщенное въ двухъ комнатахъ: въ одной были собраны мущины, въ другой дамы; это полувосточное раздѣленіе „прекраснаго“ пола отъ непрекраснаго весьма естественно поразило ученаго нѣмца. Вскорѣ по прибытіи губернатора и академиковъ, бывшихъ почетными гостями, сѣли обѣдать въ двухъ комнатахъ, мужчины въ одной, дамы въ другой. Весьма жаль, что Гмелинъ не передаетъ menu обѣда, а замѣчаетъ только, что „кушанья были изготовлены согласно туземному вкусу“. Во время обѣда въ обиліи подавались пиво и вина — бѣлое и красное; первое было французское, весьма хорошаго качества, второе же астраханское, и очень не понравилось Гмелину. Провозглашались тосты въ честь императрицы и императорской фамиліи, затѣмъ губернатора и его родственниковъ — князя Черкасскаго и князя Дмитр. Мих. Голицына, главы „верховниковъ“ при воцареніи Анны Іоанновны. Дессертъ состоялъ изъ арбузовъ, орѣховъ и разныхъ сластей,

---

[1]) Домъ Неф. Никитича находился близъ теперешней Воскресенской улицы, около церкви Николы Тульскаго (въ наст. вр. гостиннодворская церковь).

послѣ которыхъ слѣдовалъ весьма плохой пуншъ, изъ водки съ лимоннымъ сокомъ. Имъ угощали, по старинному русскому обычаю, хозяйка, жена Кудрявцева, и послѣ нея, самая почетная изъ дамъ, одна генеральша, лично разнося всѣмъ гостямъ этотъ плохой пуншъ, въ большихъ стаканахъ на подносѣ. Отказъ отъ такого угощенія былъ невозможенъ, по словамъ Гмелина, п. ч. былъ бы принятъ за величайшее неприличіе и оскорбленіе хозяйки дома. Во все время обѣда и послѣ него игралъ весьма порядочно оркестръ военныхъ музыкантовъ, подъ звуки котораго, вскорѣ по окончаніи угощенія пуншемъ, начались танцы — французскіе и польскіе. „Только теперь, говоритъ Гмелинъ, мы могли видѣть красавицъ, находившихся до того времени въ другой горницѣ", и замѣчаетъ при этомъ, что „большинство дамъ и дѣвицъ были до излишества набѣлены и нарумянены". Веселье у Кудрявцева продолжалось до полуночи, но академики оставили гостепріимнаго казанскаго хлѣбосола въ 7 час. вечера [1]).

Въ 1737 году Кудрявцевъ поѣхалъ въ Петербургъ вслѣдствіе извѣстія объ опасной болѣзни своей дочери, Анастасіи Нефедьевны Татищевой, и такъ долго зажился въ столицѣ, что получилъ въ 1738 году отъ адмиралтейской коллегіи понужденіе: „отправиться къ мѣсту служенія немедленно безъ всякаго отрицанія".

Нефедъ Никитичъ былъ уволенъ отъ службы въ регентство Бирона, 30 октября 1740 года, безъ повышенія рангомъ; но черезъ двѣнадцать дней послѣ того, когда Биронъ уже былъ низложенъ, правительница Анна Леопольдовна наградила Кудрявцева чиномъ генералъ-майора [2]).

---

[1]) Dr. Joh. Georg Gmelins Reise durch Sibirien, v. d. Jahr. 1733 bis 1743; Götting. 1751, I Th., S.S. 60—71.—О Неф. Никит. Кудрявцевѣ упоминаетъ также Рычковъ, говоря, что Кудрявцевъ подарилъ Гмелину и Мюллеру нѣкоторые біологическіе «раритеты» Казанскаго Поволжья. (См. Пекарскаго, Жизнь Рычкова, стр. 89).

[2]) Барановъ, Оп. сен. арх., III, № 8023. — Ѳ. Ѳ. Веселаго, «Общій морской списокъ», ч. I, стр. 200—201.

V.

Село Каймары и церковь, построенная въ немъ Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ. — Другія имѣнія Кудрявцева, въ особенности село Акшуатъ и дер. Макулово.—Крестьянинъ села Каймаръ, Василій Ивановъ Закамской и отношенія его и его потомства къ Кудрявцевымъ. — Стефанъ Гловацкій и картина съ виршами, написанная въ честь Нефеда Никитича Кудрявцева. — Нѣсколько словъ о русской колонизаціи Казанскаго края и о значеніи названій: «Каймары» и «Байтеряково».

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, выйдя въ отставку, поселился въ Казани, проживая частію въ своемъ домѣ, въ городѣ, въ приходѣ Николы Тульскаго, частію въ подгородномъ своемъ селѣ Каймарахъ, гдѣ построилъ церковь еще въ 1723 году, во имя св. св. Кирилла Бѣлозерскаго, Александра Невскаго и Меѳодія Патарскаго, т. е. въ память своихъ братьевъ и въ честь того святаго, имя котораго носилъ самъ [1]). Нефедъ Никитичъ, получивъ въ наслѣдство отъ отца и братьевъ всѣ имѣнія въ Поволжьи, былъ, кромѣ того, жалованъ помѣстьями и за свою собственную службу, и увеличивалъ количество своихъ земельныхъ владѣній въ Казанскомъ краѣ и въ другихъ внутреннихъ русскихъ областяхъ какъ богатымъ приданымъ, взятымъ имъ за женой, такъ и покупкою деревень у мѣстныхъ помѣщиковъ. Князю Панкратію Хохоновичу Давыдову, тестю Нефеда Никитича Кудрявцева, принадлежали наслѣдственныя вотчины въ слѣдующихъ уѣздахъ Казанскаго Поволжья: Арзамасскомъ, Симбирскомъ, Верхо-Ломовскомъ и, кромѣ того, въ Можайскомъ уѣздѣ. Всѣ эти вотчины были имъ переданы его единственной дочери, княжнѣ Александрѣ Панкратьевнѣ, еще до ея замужества. Послѣ замужества, Кудрявцева скупила земли у помѣщиковъ

---

[1]) Село Кириловское-Каймары, Казанскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Казани, находится на Уржумскомъ трактѣ. По 10-й народной переписи (1858 года) въ этомъ селѣ считалось 750 мужескихъ душъ и 810 женскихъ, всего—1560 душъ обоего пола.

сосѣднихъ съ ея симбирской вотчиной, с. Покровскимъ-Мазы, — Астафьева и Головочесовыхъ, чѣмъ значительно увеличила свои родовыя имѣнія. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ получилъ въ наслѣдство отъ отца, владѣвшаго, какъ видѣли читатели выше, большимъ количествомъ помѣстій въ Казанскомъ краѣ, — множество селеній и деревень, какъ вокругъ самой Казани, такъ и въ теперешнихъ уѣздахъ: Казанскомъ, Лаишевскомъ, Спасскомъ, Свіяжскомъ. Всѣ эти имѣнія перешли въ настоящее время или по наслѣдству, или посредствомъ продажи, въ руки многихъ казанскихъ дворянъ-помѣщиковъ [2]). Эти имѣнія, вмѣстѣ съ родовыми и благопріобрѣтенными земельными угодьями жены Нефеда Никитича, представляли весьма значительное состояніе. В. Н. Поливановъ исчисляетъ совокупность имѣній, принадлежавшихъ Кудрявцеву и его женѣ только въ предѣлахъ теперешней Симбирской губерніи, въ двадцать, слишкомъ, тысячъ десятинъ [3]). Въ числѣ симбирскихъ имѣній Нефеда Никитича находилось и село Акшуатъ, перешедшее въ родъ Поливановыхъ по наслѣдству отъ Кудрявцева. „Имѣніе это—заявляетъ В. Н. Поливановъ—издавна было населено русскими крестьянами и, до указа царя Θеодора Алексѣевича 1681 года, составляло собственность татарскихъ мурзъ. Благодаря этому, русское православное село удержало за собою татарское названіе, равно какъ и многія изъ принадлежащихъ къ нему урочищъ. Построенная здѣсь въ 1743 г. Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ деревянная церковь весьма оригинальной архитектуры—сохраняетъ и до сихъ поръ свой старинный внѣшній видъ, съ незначительными видоизмѣненіями“ [4]). Замѣчаніе г. Полива-

---

[1]) См. замѣтку В. Н. Поливанова, Ист. Вѣстн. 1887 г., т. XXX, с. 495—496.

[2]) См. собраніе бумагъ Лихачевыхъ и семейные документы князей Ухтомскихъ.

[3]) Ист. Вѣстн. 1887 г., т. XXX, с. 496.

[4]) Ibid., стр. 496. М. П. Погодинъ (біографія Н. М. Карамзина, М. 1866 года, т. I, стр. 2 и примѣчанія на ней), указавъ, что крестнымъ

нова о с. Акшуатѣ дополню слѣдующимъ. Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича 1681 г. повелѣвалъ отобрать у всѣхъ татарскихъ мурзъ Казанскаго края не принявшихъ въ назначенный имъ срокъ православія, всѣ пожалованныя, или утвержденныя за ними по прежнему владѣнію, населенныя имѣнія въ Поволжьи. Изъ числа именно такихъ вотчинъ и были пожалованы Петромъ Великимъ деревни еще Никитѣ Алферовичу Кудрявцеву въ 1722 г., о чемъ было говорено выше [1]. Кромѣ с. Акшуата, Симбирскаго уѣзда, таковымъ же было и село Макулово, Свіяжскаго уѣзда, находящееся въ настоящее время во владѣніи князя Ухтомскаго, и точно также, какъ и Акшуатъ, было населено русскими православными крестьянами [2]. Эти данныя очень любопытны и важны. Во 1-хъ, они указываютъ на то, какъ русское правительство двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ стойко и энергично преслѣдовало національные и православные интересы въ Казанскомъ краѣ, не давая пускать здѣсь корней чуждому и враждебному намъ мѣстному татарско-мухамеданскому элементу; а во 2-хъ, констатируютъ совершенно противуположный печальный фактъ, имѣвшій мѣсто въ теченіи столѣтія съ самаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ до исхода XVII в.— именно, что православное русское крестьянское населеніе отдавалось въ Казанскомъ краѣ въ крѣпостную зависимость мусульманамъ, мѣстнымъ татарскимъ мурзамъ.

Довольство у Нефеда Никитича, по словамъ крестьянина Сергѣя Закамскаго, было во всемъ, но особенно онъ славился конскимъ заводомъ, изъ котораго представлялъ лошадей и къ царскому двору. Этотъ же крестьянинъ передаетъ слѣдующій, не лишенный интереса, разсказъ: „Семейство Нефеда Никитича

отцемъ Карамзина, родивш. въ Симбирскѣ 1 Декабря 1766, былъ сосѣдъ Карамзиныхъ по имѣнію, Кудрявцевъ, спрашиваетъ: «не Нефедъ ли Никитичъ»? Это весьма возможно, но отвѣта на этотъ вопросъ мнѣ не удалось нигдѣ встрѣтить.

[1]) См. стр. 28 — 29 настоящ. очерка.

[2]) См. семейные документы князей Ухтомскихъ.

было малое; дѣти, хотя рождались, но умирали. Когда у него родилась дочь Анастасія, онъ съ супругой своей положилъ выбрать ей въ воспріемники того, кто рано утромъ, въ день крещенія, попадется ему на встрѣчу. На этотъ случай пошелъ рано на пчельникъ каймарскій крестьянинъ Василій Ивановъ Закамской и попался Нефеду Никитичу на встрѣчу, и такимъ образомъ сдѣлался крестнымъ отцомъ Анастасіи Нефедьевны. Вслѣдствіе этого обстоятельства, Василій Ивановъ Закамской, а равно его сынъ и внукъ, пользовались у г. Кудрявцева и его наслѣдниковъ разными льготами и большимъ предпочтеніемъ передъ другими крестьянами и жили въ довольствѣ. Внукъ Василія Иванова Закамскаго, Степанъ Петровъ Закамской, почти до смерти своей былъ въ Каймарахъ бурмистромъ" [1]).

Для характеристики общественныхъ отношеній Нефеда Никитича Кудрявцева весьма любопытенъ одинъ вещественный памятникъ, хранящійся въ церкви села Каймаръ—картина съ изображеніями святыхъ, имена которыхъ носили онъ самъ, его отецъ и дѣдъ. Картина эта подарена Нефеду Никитичу учителемъ только что основанной въ 1732 году, въ Казани, духовной семинаріи Степаномъ Гловацкимъ. Его перу принадлежатъ вирши вокругъ картины. На картинѣ этой изображенъ священномученикъ Меѳодій, епископъ Патарскій, во весь ростъ на цвѣтной атласной матеріи, длиной въ 5 четвертей и 3½ четверти ширины. Поверхъ мантіи, на св. Меѳодіи надѣтъ омофоръ, на головѣ—митра; въ правой рукѣ онъ держитъ посохъ, а въ лѣвой четки; вверху надъ его головой изображеніе Вседержителя, съ боковъ, по правую сторону — великомученика Никиты, а по лѣвую — священномученика

---

[1]) Въ надгробныхъ надписяхъ, сообщенныхъ П. Н. Полевымъ, дочь Нефеда Никитича Кудрявцева названа Анастасіей, а въ семейныхъ преданіяхъ ея потомковъ называется она Маріей; также Маріей называетъ ее и крестьянинъ Сергѣй Закамской. По всей вѣроятности, имя Анастасіи казалось ей слишкомъ вульгарнымъ, и она стала называться Маріей. Такія перемѣны именъ встрѣчаются у причудливыхъ барынь и въ болѣе позднее время.

Елевферія; внизу, у ногъ св. Меѳодія, написаны слѣдующія вирши —

На лѣвой сторонѣ:

ВЛАГОлѣпный сей саномъ, кРасенъ же дѣлы,
Яже пОДробНу тОкмо счесть аще иМѣли
Уста тысячУ языкъ отнюдь неудобно;
АнГеломъ бО Съ младыхъ лѣтъ въ житіи ПОДобно;
ДобродѣтельмИ выНУ красно процвѣташе;
ТѣМъ и ПатріаршЕства ѲрОномъ почтенъ бяше.

На правой сторонѣ:

На немъ же присно Дѣлы сІялъ всЮду ясно
Богу зѣло угодНо, бѣсомъ же ужасно,
БИсть бо бодръ КротостіИ ПасТырь, И Честны Учитель,
Вѣры поборнИкъ крѣпки, церкВи зАщиТитель.

Буквы, набранныя въ этихъ виршахъ особымъ шрифтомъ, на подлинной картинѣ написаны киноварью. Будучи сложены вмѣстѣ, онѣ составляютъ слѣдующую фразу: „Благородному Господину Меѳодію Никитичу виватъ".

Внизу виршей клеймо: въ немъ изображена какая то ягода, а вокругъ ягоды надпись на латинскомъ языкѣ: „amore, more, ore, re, corde, favore". По обоимъ бокамъ клейма такая надпись: „Блогородному и Высокопочтенному, его милости Господину Меѳодію Никитичу Кудрявцеву, своему Милостивому Патрону и Благодѣтелю, въ день тезоименитства его сіе изображеніе со всесмиреннымъ усердіемъ въ даръ принесе, — нижайшій рабъ Стефанъ Гловацкій".

Резиденція Нефеда Никитича Кудрявцева, село Каймары, и другое его имѣніе, деревня, въ настоящее время село, Байтеряково — названіями своими даютъ любопытныя указанія для исторіи колонизаціи Казанскаго края Русскими; а потому я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе въ область исторической этнографіи средняго Поволжья.

Черемисы, называющіе сами себя Марй = люди, принадлежатъ, какъ извѣстно, къ аборигенамъ средняго Поволжья,

гдѣ помѣщаетъ ихъ и древнѣйшая славяно-русская лѣтопись „Повѣсть времянныхъ лѣтъ". Волга раздѣляетъ Черемисъ на двѣ вѣтви: живущіе на правой, горной сторонѣ Волги, называются Черемисами горными, а населяющіе лѣвый, луговой ея берегъ,—луговыми.

Разсматривая внимательно названія теперешнихъ селъ и деревень на обѣихъ сторонахъ Волги, приходишь къ невольному заключенію, что нѣкогда черемисская народность заселяла несравненно бо̀льшую территорію, чѣмъ въ настоящее время, и что она постепенно вытѣснялась съ мѣстъ своего первоначальнаго жительства сперва зашедшими въ среднее Поволжье въ XIII в. Татарами, а затѣмъ, съ половины XVI в., Русскими. Татары назвали Мари—*Чирмесъ*, передѣланное Русскими въ *Черемисъ*, что означаетъ—воинственный. Воинственные нѣкогда Черемисы, наводившіе страхъ и на новгородскихъ „ушкуйниковъ", любившихъ спускаться на своихъ легкихъ судахъ „внизъ по матушкѣ по Волгѣ", ради „широкаго раздолья", и на рати суздальскихъ князей и московскихъ государей, ходившихъ въ царство Булгарское, а затѣмъ въ Казанское, являются въ настоящее время мирнымъ, даже забитымъ народомъ. „Съ одной стороны Черемиса, а съ другой берегися"!—эта пословица, запечатлѣвшая собою воинственность Черемисъ, въ настоящее время является отдаленнымъ историческимъ преданіемъ, удивляя Русскихъ конца XIX в. различіемъ между нынѣшними Черемисами и Черемисами, жившими триста лѣтъ тому назадъ. Такимъ же памятникомъ прежней воинственности Черемисъ являются русскія поселенія на сѣверѣ Казанской и на югѣ Вятской губерній, поселенія лишь оффиціально называемыя городами, а въ дѣйствительности болѣе похожія на плохія деревни. Царевококшайскъ, Царевосанчурскъ, Уржумъ, Малмыжъ,—все это крѣпости, выстроенныя русскимъ правительствомъ въ концѣ XVI в. для удержанія возстаній и волненій среди Черемисъ. Съ паденіемъ Казани, подъ напоромъ русской воинской силы, Черемисы должны были мало по малу смириться и уступить

свое мѣсто новымъ насельникамъ, Русскимъ, въ обиліи являвшимся въ Поволжье изъ Московскаго государства.

Есть основаніе предполагать, что еще во второй половинѣ XIV в. вся горная сторона Волги въ предѣлахъ теперешней Казанской губерніи была сплошь населена Черемисами. На это указываетъ названіе въ этой мѣстности цѣлой территоріи, извѣстной въ то время подъ именемъ *Марквашъ* (Марроквашъ), что̀, по объясненію одного мѣстнаго казанскаго ученаго, знатока черемисскаго языка Н. И. Золотницкаго, означаетъ *корень*, *центръ черемисской земли* [1]). Это названіе территоріи XIV в. въ настоящее время сохранилось лишь въ именахъ нѣсколькихъ чувашскихъ деревень—*Моргоушъ* и двухъ русскихъ деревень — *Маркваши*.

На лѣвой сторонѣ Волги названія селъ и деревень еще болѣе указываютъ на нѣкогда большое распространеніе здѣсь Черемисъ. Такъ въ уѣздахъ Царевококшайскомъ, Казанскомъ и Мамадышскомъ мы встрѣчаемъ нѣсколько селеній и деревень съ именемъ *Кукмары*, что указываетъ на изобиліе Черемисъ: *кук*—по-черемисски = много; *кук-мары* = много Черемисъ. Иногда рядомъ съ „Черемискимъ Кукмаромъ“ встрѣчается „Русскій Кукмаръ“, что указываетъ уже на проникновеніе русскаго населенія среди Черемисъ. Около самой Казани теперь совершенно нѣтъ черемисскихъ поселеній, которыя едва-едва встрѣчаются въ западной части Казанскаго уѣзда и наполняютъ почти весь сосѣдній съ Казанскимъ, Царевококшайскій уѣздъ. Въ этомъ уѣздѣ русскія названія селеній перемѣшиваются съ черемисскими, съ сильнымъ преобладаніемъ послѣднихъ, причемъ иныя деревни съ русскимъ

---

[1]) Воскресенская лѣтопись подъ 1374 годомъ говоритъ, что ушкуйники... «пограбиша все *Засурье* и *Марквашъ*» (П. С. Р. Лѣт., т. VIII, стр. 21). По объясненію г. Золотницкаго: Мар, мари=Черемисы: рок=земля; важъ=корень; см. въ книгѣ А. Ѳ. Риттиха, «Казанская губернія», ч. II, стр. 122.—Снес. также объясненіе въ книгѣ С. М. Шпилевскаго, «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи», Казань, 1877 годъ, стр. 174.—Позднѣйшее объясненіе г. Золотницкаго слова «Марквашъ» см. въ «Извѣстіяхъ Казанскаго Общ. Археол., Ист. и Этногр.», т. III, стр. 50—56.

названіемъ населены Черемисами [1]). Но при началѣ русской колонизаціи въ Казанскій край, со второй половины XVI вѣка, близь самой Казани, верстъ на 20—30 отъ нея жили Черемисы, *которые были прогнаны русскими колонистами, завладѣвшими ихъ землями*. На этотъ-то именно фактъ и указываетъ названіе имѣнія Кудрявцева—села Каймаръ. Кай—по-черемисски = поди, уйди, ступай. Каймары = *уходи мара*, т. е. *Черемисы*. По преданію, ушедшіе Черемисы основали въ Вятской губерніи — Новые Каймары. Недалеко отъ Кудрявцевскихъ Каймаръ находится деревня, также указывающая своимъ названіемъ на изгнаніе Русскими Черемисъ изъ окрестностей Казани. Эта деревня—Шушары, Каймаръ-мышъ тожъ. *Мышъ*—приставка, составляющая въ татарскомъ языкѣ окончаніе прошедшаго причастія; *каймаръ мышъ* = уходящіе Черемисы. Про Шушары существуетъ поговорка: „Шушары горятъ—въ Каймары хотятъ", указывающая на ихъ связь съ селомъ Каймары [2]). Припомнимъ при этомъ, что Строгановыми, первоначальными русскими колонизаторами верховьевъ Камы, былъ построенъ на этой рѣкѣ въ 1558 году Кай-городъ, составлявшій оплотъ отъ набѣговъ Черемисъ и Вотяковъ [3]). Въ названіи этого городка слышится опять слово *кай* = ступай, уходи. Весьма, вѣроятно, что и *Кай-городъ* былъ названъ такъ въ память того, что враги Русскихъ, Че-

---

[1]) Подробности см. въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи», изд. центр. статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, Спб. 1866 года (стр. 5—46; 61—84; 109—157; 172—195), и въ интересныхъ изслѣдованіяхъ по вопросу русской колонизаціи въ Казанскомъ краѣ, на основаніи изученія названій населенныхъ мѣстностей—г. директора реальнаго училища въ гор. Казани, Иліод. Александр. Износкова. Къ сожалѣнію, изъ этихъ изслѣдованій вполнѣ напечатаны лишь данныя, касающіяся двухъ уѣздовъ Казанской губерніи — Мамадышскаго, въ «Трудахъ IV археологическаго съѣзда» (т. I, Казань, 1884 г., стр. 116—148) и Казанскаго, въ «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1885 г. (есть и отдѣльные оттиски этихъ статей).

[2]) См. указ. выше трудъ И. А. Износкова «Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанскаго уѣзда», отд. изд. 1885 г., Каймарская волость, стр. 3—9.—Словарь Золотницкаго, стр. 253—254.

[3]) См. «Столѣтіе Вятской губерніи», сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края, изд. Вятскимъ статистическимъ комитетомъ, Вятка, 1880 г., т. I, стр. 62.

ремисы ушли и оставили свою территорію въ рукахъ новыхъ засельниковъ.

Деревня Байтерякова (въ настоящее время село Лаишевскаго уѣзда, Дмитріевское-Байтеряково, въ которомъ находится имѣніе Ник. Нил. Казина), принадлежала также Нефеду Никитичу Кудрявцеву и названіемъ своимъ связана съ мурзой Байтерякомъ, имя котораго указываетъ на отношеніе Русскихъ къ другому инородческому племени Поволжья—Чувашамъ. Чувашенинъ по происхожденію и служилый мурза казанскаго царя Шигъ-Алея, Байтерякъ помогалъ Русскимъ во время ихъ походовъ подъ Казань при Іоаннѣ Грозномъ, за что былъ пожалованъ отъ него землями въ завоеванномъ имъ царствѣ Казанскомъ и, принявъ православіе, явился родоначальникомъ князей Байтеряковыхъ. Въ теперешнихъ губерніяхъ Казанской и Симбирской есть нѣсколько селеній, возникшихъ на этихъ земляхъ, заселенныхъ Русскими и названныхъ „Байтеряковыми". Близь одного изъ нихъ, села Успенскаго-Байтерякова, Тетюшскаго уѣзда, до сихъ поръ видна могила засельника этихъ земель, мурзы Байтеряка [1]).

---

[1]) Словарь Золотницкаго, стр. 229. Его же, Алфавитный списокъ инородческихъ именъ. служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губерніи, въ «Трудахъ IV Арх. Съѣзда», т. I, отд. историч. геогр. и этногр., стр. 156.

VI.

Императрица Екатерина II въ Казани въ 1767 г. и свиданіе ея съ Нефедомъ Никитичемъ Кудрявцевымъ. — Взятіе Казани Пугачевымъ и убіеніе Нефеда Никитича Кудрявцева.

(1767—1774 г.).

Въ маѣ 1767 года императрица Екатерина II посѣтила Казань. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ былъ уже въ то время весьма дряхлымъ старцемъ: ему было болѣе 90 лѣтъ, —онъ переживалъ свой вѣкъ, похоронивъ не только обѣихъ своихъ дочерей, но и зятя—Алексѣя Даниловича Татищева, и внуку, Анну Алексѣевну, первую жену графа Петра Ивановича Панина. Кудрявцевъ не могъ уже ясно разглядѣть черты лица „Семирамиды сѣвера", такъ какъ былъ почти слѣпъ и жаждалъ хоть слышать голосъ той „героини", „славнѣйшей изъ женъ", которой восхищались всѣ современники и которую онъ зналъ лишь по наслышкѣ. Много хлопотъ стоило это дряхлому старику, который не могъ уже двигаться безъ посторонней помощи; но Нефедъ Никитичъ достигъ, наконецъ, своего желанія, и въ воспоминаніе своей радости подарилъ императрицѣ четверку прекрасныхъ вороныхъ лошадей съ своего каймарскаго завода. Екатерина II называетъ Кудрявцева въ шутку „безсмертнымъ", въ своихъ письмахъ изъ Казани къ Никитѣ Ивановичу Панину. Въ одномъ изъ нихъ императрица такъ описываетъ свою встрѣчу съ Нефедомъ Никитичемъ. „Скажите брату вашему, что вчерась (28 мая 1767 года), я была въ здѣшнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ у воротъ встрѣтилъ меня его дѣдушка, Кудрявцевъ, и такъ мнѣ обрадовался, что почти говорить не могъ. Я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ го-

ловою все подвигался, чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ; онъ уже ни ходить, ни одѣваться не можетъ, его водятъ" [1]).

Черезъ семь лѣтъ послѣ посѣщенія Казани Екатериной II, надъ всѣмъ Казанскимъ краемъ разразилась страшная общественная буря — Пугачевщина. 10 іюля 1774 года, шайки Пугачевцевъ подступали къ Казани съ востока и сѣверо-востока, опустошая окрестныя помѣщичьи селенія и производя безобразный самосудъ надъ помѣщиками и ихъ управляющими и приказчиками. Казанскіе помѣщики организовали для борьбы съ мятежниками дворянскій конный легіонъ изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ сами поступали въ этотъ легіонъ, а другіе спасались изъ своихъ деревень въ Казань. Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, не имѣя возможности, за дряхлостью, лично принять участіе въ борьбѣ съ Пугачевцами, отправилъ въ дворянскій легіонъ часть своихъ крестьянъ, а также своего сына, Якова Нефедьевича Кудрявцева, внука Петра Алексѣевича Татищева и его сына, своего правнука, Петра Петровича Татищева, заповѣдуя всѣмъ имъ не щадить жизни въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ II [2]). Самъ Кудрявцевъ выѣхалъ въ Казань изъ своихъ Каймаръ незадолго передъ тѣмъ, какъ явились туда Пугачевцы, отъ которыхъ крестьяне со страху прятались въ сосѣдніе лѣса. Сергѣй Степановъ Закамской передаетъ слѣдующія подробности о разгромѣ Пугачевцами Каймаръ: „Когда изъ шайки Пугача наѣхали въ Каймары съ тѣмъ, чтобы сыскать помѣщика Кудрявцева, въ покояхъ его поймали дядьку, Порфирія Барабанова, который былъ тучный собою и одѣвался чистенько. Сочтя Барабанова за помѣщика, они повѣсили его, хотя крестьяне увѣряли ихъ, что

---

[1]) «Сб. Русск. Ист. Общ.» т. VI, стр. 160.

[2]) См. донесеніе графа П. И. Панина Екатеринѣ II отъ 10 октября 1774 г., «Сб. Русск. Ист. Общ.», т. VI, стр. 164—165.

это дядька барскій. Приказывали эти бунтовщики священнику Семену Иванову созвать народъ изъ лѣсу посредствомъ звона колоколовъ. Когда народъ былъ созванъ, стали они допрашивать священника о помѣщикѣ; онъ ихъ увѣрялъ, что помѣщикъ въ Казани, а повѣшенный ими его дядька. Священника тоже хотѣли повѣсить, но народъ едва-едва упросилъ ихъ за его добрую жизнь и усердную его службу оставить его, не предавать никакому наказанію. Эти злоумышленники выломали кладовыя у помѣщика, въ которыхъ были мѣдныя деньги сложены полѣнницами въ мѣшкахъ, и стали бросать оныя деньги народу, также пряники и орѣхи, которые тутъ же нашли; такъ было много всего, что и малыя дѣти приносили подолами всего не по одному разу".

Нефедъ Никитичъ не спасъ себя, однако, отъ разъяренной толпы мятежниковъ. 12 іюля, завладѣвъ на Арскомъ полѣ подъ Казанью рощей, кирпичными сараями и загороднымъ домомъ Кудрявцева (изъ котораго перестроена теперешняя приходская церковь св. великомученицы Варвары, близь Родіоновскаго института), мятежники устроили въ немъ свои баттареи, съ которыхъ и открыли огонь по первому высланному противъ нихъ отряду войскъ [1]). Казань была взята Пугачевымъ и сожжена. Множество „разнаго чина людей" погибло на казанскихъ улицахъ. Въ то время какъ часть служилыхъ людей вмѣстѣ съ окрестными помѣщиками заперлись въ казанской крѣпости, другіе помѣщики и обыватели казанскіе искали убѣжища въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ числѣ ихъ находился и Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, не хотѣвшій укрыться въ крѣпости и надѣявшійся спасти себя въ церкви близь чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Но Казанскій монастырь былъ разрушенъ и почти 100-лѣтній старецъ Нефедъ Никитичъ былъ умерщвленъ на церковной паперти Пугачевцами, подъ предводи-

---

[1]) Пушкинъ, «Исторія Пугачевскаго бунта», Собр. сочиненій, изд. Анненкова, 1855 г., т. VI, стр. 183.

тельствомъ предавшагося Пугачеву осинскаго гарнизоннаго подпоручика Миняева. Домъ Кудрявцева, находившійся близь церкви Николы Тульскаго,—сгорѣлъ, а имущество изъ него было разграблено, при чемъ погибло много фамильныхъ документовъ и дѣловыхъ бумагъ [1]).

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ въ памяти ближайшихъ къ нему поколѣній являлся героемъ, мученикомъ за убѣжденія. Въ преданіяхъ о его смерти дѣйствительность прикрашивалась фантазіею. Такъ напримѣръ, по этимъ преданіямъ, въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ является самъ Пугачевъ, и его въ глаза обличаетъ Кудрявцевъ; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, Пугачевъ не былъ въ Казанскомъ монастырѣ, а во время его разрушенія овладѣлъ гостиннымъ дворомъ, близь крѣпости.

Извѣстный патріотъ-публицистъ С. Н. Глинка, а за нимъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, на основаніи этихъ изустныхъ преданій, сообщаютъ слѣдующія подробности о смерти Нефеда Никитича Кудрявцева: „Въ Казани, въ старости маститой, Кудрявцевъ явилъ разительный примѣръ непоколебимой вѣры и вѣрности, который не умретъ въ исторіи: въ 1774 году, когда Пугачевъ двинулся съ скопищами своими къ Казани, губернаторъ приказалъ всѣмъ жителямъ удалиться въ крѣпость. Столѣтній Кудрявцевъ отказался идти въ оную.

— Я останусь въ предмѣстіи,—сказалъ онъ,—хочу видѣть самозванца, хочу изобличить его передъ Богомъ и людьми.

Не владѣя ногами, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и болѣзней, онъ упросилъ, чтобы его перенесли на креслахъ въ Казанскій дѣвичій монастырь. Вскорѣ мятежники ворвались въ предмѣстіе и въ церковь, гдѣ находился великодушный старецъ. Пугачевъ предводительствовалъ ими. При видѣ злодѣя и сообщниковъ его, Кудрявцевъ забылъ свои немощи,

[1]) Донесеніе графа Панина отъ 10 октября 1774 г., «Сб. Русск. Ист. Общ.», т. VI, стр. 164—165. Прошеніе Екатерины Петровны Энгельгардтъ 1800 г., доставленное Н. Е. Боратынскимъ.

одушевился новыми силами, грозно и съ презрѣніемъ воззрѣлъ на возмутителей благосостоянія родины.

— Злодѣи!—воскликнулъ онъ,—вы забыли Бога; измѣнили вѣрѣ; измѣнили императрицѣ. Страшитесь суда Божія! Невинная кровь, вами пролитая, вопіетъ къ небесамъ; и вы дерзаете присутствіемъ своимъ осквернять храмъ Господень!

Воскипѣвъ яростію, Пугачевъ приказалъ предать Кудрявцева смерти. Злодѣи устремились на него съ саблями и копьями. Вѣрный сынъ отечества, пораженный уже многими ударами, плавая въ крови, снова возвысилъ голосъ, подкрѣпляемый благочестіемъ.

— Я не страшусь смерти,—вопіялъ онъ,—вы отворяете мнѣ путь въ селенія небесныя. А для васъ ужасна будетъ и жизнь, и смерть. Покайтесь; обратитесь къ Богу; вспомните присягу; истребите злодѣя: онъ ведетъ васъ къ пагубѣ!

Мгновенно засвистала смертоносная пуля; мужественный голосъ Кудрявцева пресѣкся вмѣстѣ съ жизнію его. Враждуя противъ добродѣтели и вѣры, Пугачевъ приказалъ зажечь храмъ Господень. По удаленіи буйныхъ скопищъ, погасили пламя, и полусгорѣвшее тѣло страдальца было отыскано и погребено въ той же церкви внукомъ его, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ“ [1]). Онъ едва могъ розыскать полусгорѣвшій уже трупъ своего дѣда среди цѣлой груды обезображенныхъ и обуглившихся труповъ, по одному признаку, хорошо извѣстному лишь близкимъ ему людямъ. На шеѣ Нефедъ Никитичъ постоянно носилъ образъ-панагію, съ изображеніемъ Спаса-Вседержителя и съ частицами св. св. мощей, и оправленный кругомъ драгоцѣнными камнями въ золотѣ. По этому то образу и призналъ трупъ Нефеда Никитича Петръ Алекс. Татищевъ [2]).

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, «Слов. дост. людей Русск. земли», изд. 1836 г., т. III, стр. 127—128. Бантышъ-Каменскій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ «Русской Исторіи» С. Глинки, на которую у него находится цитата

[2]) См. «Ист. Вѣстн.» 1887 г., т. XXX, с. 496.—Образъ этотъ перешелъ по наслѣдству къ Поливановымъ и въ 1867 г. пропалъ у нихъ, о чемъ заявляетъ В. Н. Поливановъ (ibid.).

До сихъ поръ, при входѣ въ зимнюю церковь Казанскаго дѣвичьяго монастыря, въ сѣняхъ, у стѣны противъ келій игуменьи, возвышается большое деревянное распятіе съ предстоящими Пресв. Дѣвой и Іоанномъ Богословомъ. Передъ распятіемъ теплится неугасимая лампада. По преданію, живущему въ монастырѣ, на этомъ мѣстѣ убитъ и погребенъ Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ.

VII.

Сынъ и дочери Неф. Никит. Кудрявцева.—Яковъ Нефедьевичъ Кудрявцевъ и его жена, рожденная Нармацкая.—Фамилія Нармацкихъ, ея дѣйствительное происхожденіе и легендарная генеалогія.—Нѣсколько замѣчаній о руссофикаціи иностранныхъ фамильныхъ прозвищъ и о легендарныхъ дворянскихъ родоначальникахъ.

Изъ многочисленнаго семейства Нефеда Никитича Кудрявцева достигли зрѣлаго возраста лишь сынъ, Яковъ Нефедьевичъ, и двѣ дочери: Анастасія - Марія и Александра.

Сынъ Нефеда Никитича Кудрявцева, Яковъ Нефедьевичъ — служилъ сначала въ гвардіи, фурьеромъ, а затѣмъ въ ополченіи казанскаго дворянства, снаряженномъ противъ Пугачева, и занималъ въ этомъ ополченіи должность адъютанта. Женился онъ въ 1779 или въ 1780 году, въ Казани, на Марьѣ Андреевнѣ Нармацкой, дочери казанскаго помѣщика Андрея Петровича Нармацкаго, о сумасбродныхъ подвигахъ котораго до сихъ поръ сохранились преданія въ народѣ, въ особенности среди жителей села Шурана на Камѣ, бывшей резиденціи Нармацкаго и т.

сказ. столицы его многочисленныхъ деревень [1]). Годъ смерти Як. Неф. Кудрявцева мнѣ неизвѣстенъ.

Нармацкіе, фамилія которыхъ пишется также „Нармоцкіе“ и „Нормантскіе“, — не принадлежатъ къ „родословнымъ“ людямъ Московскаго государства, также какъ и Кудрявцевы. Происходя, какъ кажется, изъ польской или литовской шляхты, Нармацкіе появляются на службѣ московскихъ государей съ половины XVI в. Вѣроятно, члены этой фамиліи или были взяты въ плѣнъ во время войнъ московскаго в. кн. Василія Іоанновича съ Александромъ литовскимъ, или же находились въ числѣ тѣхъ порубежныхъ перебѣжчиковъ, которыхъ такъ много являлось съ конца XV в. между Москвой и Литвой. По оффиціальнымъ актамъ и грамотамъ, первымъ Нармацкимъ — становится извѣстнымъ Семенъ „Нормантскій“ подъ 1556 годомъ, въ должности стряпчаго въ Серпуховѣ; за нимъ слѣдуетъ, въ теченіи второй половины XVI и всего XVII вв., цѣлый рядъ Нармацкихъ, незанимавшихъ, впрочемъ, высокихъ должностей: большинство изъ нихъ не подымается въ чинахъ выше дьяковъ, городовыхъ дворянъ, нижегородскихъ и казанскихъ, и стрѣлецкаго полковника, и лишь весьма не многіе достигаютъ чиновъ московскаго дворянина, стольника и должности воеводы [2]). Ничего выдающагося, крупнаго, не представляютъ собою всѣ Нармацкіе XVI и XVII вв., за исключеніемъ развѣ московскаго дворянина Өедора Кирил-

---

[1]) Руммель и Голубцовъ, с. 456.—Кромѣ Шурана, въ теперешнемъ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, Андр. Петр. Нармацкому принадлежали слѣд. деревни: Сорочьи Горы, Астраханка, Черемышево, Елань, Нармонка; въ теперешнихъ уѣздахъ: Спасскомъ—Старосельское, Бутлеровка, Полянки, Улемская Слобода, въ Тетюшскомъ, также Нармонка и въ Казанскомъ — Чепчуги и Тагашево (См. статью П. А. Пономарева, въ Ист. Вѣстн. 1881 г., т. IV, стр. 625; сообщ. Н. Я. Агафонова и «Спис. насел. мѣстъ Каз. губ., изд. центр. стат. комит. м. вн. д.», алфавитъ въ концѣ книги).

[2]) См. Врем. М. Общ. Ист. и др. 1854 г., кн. XX, смѣсь, стр. 23.—Предисл. И. Д. Бѣляева къ «Лѣтописцу Нормантскаго», ibid. 1850 г., кн. V, стр. I—II.—«Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ», изд. Ивановымъ, М. 1853 г. и указатель личныхъ именъ къ Актамъ Арх. экспед., Акт. истор. и Дополненіямъ къ нимъ, а также указатель къ Полн. собр. закон., составл. Г. К. Рѣпинскимъ.

ловича Нармацкаго, жившаго во второй половинѣ XVII в., съ именемъ котораго изданъ покойнымъ профессоромъ Московскаго университета Ив. Дм. Бѣляевымъ любопытный по редакціи частный лѣтописецъ, дошедшій до насъ случайно, безъ начала и конца и обнимающій въ печатномъ текстѣ менѣе ста лѣтъ, съ 1474 по 1560 годъ включительно [1]). Со второй половины XVII в., являются Нармацкіе на службѣ въ Казанскомъ краѣ [2]). При Петрѣ Великомъ, въ 1714 году, въ казанскомъ татарскомъ приказѣ былъ судьею Ѳедоръ Гавриловичъ Нармацкой, опредѣленный въ томъ же году казанскимъ ландратомъ, и занималъ эту должность до 1720 года; затѣмъ онъ же былъ камериромъ въ Казанскомъ уѣздѣ [3]).

Родословная линіи Андрея Петровича Нармацкаго, на дочери котораго женился Яковъ Нефедьевичъ Кудрявцевъ, по извѣстнымъ мнѣ документальнымъ свидѣтельствамъ, можетъ быть возведена лишь къ исходу XVII в. и представляется въ такомъ видѣ: Андрей Ивановичъ Нармацкой находился на службѣ съ 1676 по 1692 годъ; внукъ его — прапорщикъ Юрій Васильевичъ владѣлъ имѣніями по Камѣ Шураномъ и Сорочьими Горами въ началѣ XVIII в. У Юрія — сынъ Лаврентій, у Лаврентія — сынъ, капитанъ Петръ; у Петра—Андрей, тоже капитанъ [4]). Предки Андрея Петровича получали въ Казанскомъ краѣ помѣстья изъ числа „дикихъ земель“, т. е. никѣмъ не занятыхъ, по Камѣ. Эти помѣстныя земли, Нармацкіе, по обычаю того времени, засе-

---

[1]) Изд. въ V-й кн. «Временника М. Общ. ист. и др. Росс.» за 1850 годъ.

[2]) С. Мельниковъ, Акты и грам. Каз. края., Каз. 1859 г.—В. А. Новиковъ, Матер. для ист. Уфимск. двор., Уфа. 1879 г.

[3]) И. Черновъ, Указатель Казани на 1841 годъ, отд. X, стр. 78—79.— Въ селѣ Богородскомъ, Казанской губ. и уѣзда, Кулаевской волости, близъ старой деревянной церкви, построенной въ 1700 г., погребены трое Нармацкихъ, надгробные камни которыхъ сохранились доселѣ: 1) Никифоръ Васильевичъ († 26 дек 1710 г.), 2) Иванъ Васильевичъ († 23 марта 1711 г.), повидимому, братъ предъидущаго и 3) Тихонъ Ивановичъ, сынъ Ивана Васильевича († 1708 г.).

[4]) Вышепривед. статья П. А. Пономарева, стр. 627. — Объ отцѣ Андр. Петр., капит. Петрѣ Лавр. Нармацкомъ, см. указъ каб.-министровъ отъ 30 Авг. 1736 г., въ Опис. сен. арх. Баранова, т. II, № 5630.

ляли всякимъ сбродомъ изъ „охочихъ людей“ и бѣглыхъ, которые и закрѣпощалась за ними. Два помѣстья Нармацкихъ — названы были по фамиліи владѣльцевъ Нарманкой, и, какъ въ этомъ названіи такъ и въ варіантѣ фамильнаго прозвища — „Нормантскіе“ — слѣдуетъ искать поводъ къ семейному преданію о происхожденіи Нармацкихъ отъ Норманновъ, основанному исключительно на простомъ созвучіи словъ. По этому преданію, родоначальникомъ Нармацкихъ былъ норманскій витязь, „мужъ честенъ“ Шелбъ, выѣхавшій изъ Италіи въ Россію въ XIII в., на службу къ великому князю Александру Невскому.

Измѣненія въ произношеніи фамиліи Нармацкихъ и ихъ претензія, основанная на созвучіи словъ, на древнее происхожденіе отъ „знатнаго иностранца“ невольно приводятъ на память нелишенныя общаго интереса бытовыя черты изъ исторіи происхожденія русскихъ дворянскихъ фамилій.

Со второй половины XVII в. пріѣзжаетъ на службу россійскихъ государей много знатныхъ и незнатныхъ иноземцевъ изъ Западной Европы, но русскіе люди такъ ухитряются передѣлать по своему ихъ имена, что въ фамильныхъ прозвищахъ втораго и третьяго поколѣній уже совершенно обрусѣвшихъ потомковъ выѣзжихъ Шотландцевъ, Англичанъ, Нѣмцевъ — никакъ нельзя угадать первоначальныхъ, дѣйствительныхъ, ихъ фамилій. Кому, напримѣръ, можетъ придти въ голову, что въ имени русскаго дворянскаго рода *Хомутовыхъ* скрывается искаженіе фамиліи родоначальника ихъ шотландца *Гамильтонъ*, поступившаго въ военную службу при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; еще менѣе можно догадаться, что, повидимому, совершенно русская фамилія *Фаминцынъ* имѣетъ слѣдующее происхожденіе: въ половинѣ XVII в. прибылъ въ Москву англичанинъ, врачъ *Томасъ*, по русски — *Ѳома*; его сынъ сталъ въ просторѣчіи называться просто „Ѳоминъ сынъ“; отъ него-то и пошли, Фаминцыны. А служилый нѣмецъ *Гаррахъ*, поселившійся, при самомъ возникновеніи Петербурга, на средней

Невской „прешпективѣ“, именемъ своимъ далъ названіе этой прешпективѣ, въ настоящее время *Гороховой улицѣ*. Такимъ образомъ не отъ *гороха* получила она свое названіе, а отъ нѣмца *Гарраха*, фамилію котораго русскіе люди передѣлали въ *Горохъ* [1]).

Если простой русскій человѣкъ такъ перекраивалъ на свой ладъ западно-европейскія собственныя имена, то, съ другой стороны, русскіе служилые люди второй половины XVII в. и дворяне XVIII в. любили создавать легенды о своихъ знатныхъ родоначальникахъ, въ которыхъ, наоборотъ, безусловно русскіе люди и ближайшіе наши сосѣди — Литовцы, Ордынцы и др. инородцы замѣнялись не существовавшими, фиктивными, родоначальниками, которые отодвигались въ глубь вѣковъ. Таковыми являлись не только норманскіе конунги и феодалы и рыцари священной Римской имперіи, пріѣзжавшіе, якобы, на службу къ русскимъ великимъ и удѣльнымъ князьямъ, но даже римскіе патриціи и миѳическіе герои античной древности. Это стремленіе со стороны русскихъ дворянъ, такъ сказать, облагородить и оевропеизировать свое происхожденіе, слагалось постепенно.

Стремленіе это возникаетъ въ Московскомъ государствѣ въ сферахъ правительственныхъ, въ исходѣ XV вѣка, со времени брака в. кн. Іоанна III съ Софьей Ѳоминишной Палеологъ (1472 года), когда государь московскій почелъ себя преемникомъ традицій византійскаго имперіализма, а Москва, въ представленіи тогдашнихъ туземныхъ книжниковъ, являлась „третьимъ Римомъ“. Внукъ Іоанна III, царь Іоаннъ IV, Грозный, уже производитъ своего родоначальника, Рюрика, отъ „Римскаго Кесаря Августа“. Эта легенда находитъ себѣ мѣсто въ оффиціальныхъ актахъ XVI и XVII вв. и заносится въ Степенную книгу, изъ которой попадаетъ въ позднѣйшіе

---

[1]) Подробности о передѣлкѣ иностранныхъ фамильныхъ прозвищъ въ русскія, см. въ книгѣ Е. П. Карновича, «Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ Русскими», Спб., 1886 г.

лѣтописные сборники XVII в. Служилые люди не-княжескаго происхожденія начинаютъ подражать князьямъ-Рюриковичамъ, ведущимъ свой родъ отъ „Августа-Кесаря“,—и такимъ образ. возникаетъ цѣлый рядъ легендарныхъ сказаній о знатныхъ предкахъ разныхъ служилыхъ фамилій, выѣхавшихъ сначала изъ Пруссіи, затѣмъ изъ Литвы и наконецъ, изъ „Нѣмецъ“. Нерѣдко прибѣгали въ такихъ легендахъ къ прямой фальсификаціи документовъ, подтверждающихъ якобы древнее и знатное происхожденіе той или другой служилой фамиліи [1]). Измышленіе знатныхъ родоначальниковъ, „выѣзжихъ“ иноземцевъ всего болѣе распространилось среди московскаго служилаго класса и перешло даже въ моду послѣ смутнаго времени, когда польское вліяніе стало незамѣтно проникать въ Москву, а укоренилось оно въ исходѣ XVII в., при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, когда польскіе обычаи и нравы получали право гражданства при московскомъ царскомъ дворѣ. Въ Польшѣ же, какъ извѣстно, фальсификація шляхетскихъ родословныхъ съ знатными предками была очень распространена и возводилась, въ XVII и XVIII вв., въ особую систему и даже ремесло. Если Шереметевы, люди „родословные“, потомки старинныхъ московскихъ бояръ, находили нужнымъ измышлять себѣ предка въ лицѣ миѳическаго „литовскаго короля“ Glandos Cambila, то весьма естественно прибѣгали къ такому измышленію служилыя фамиліи средняго и низшаго чина: Аксаковы, Левшины, Римскіе-Корсаковы и др., изъ числа которыхъ не было не только бояръ, но и окольничихъ. Такъ напримѣръ, въ XVII в. Римскіе-Корсаковы производятъ себя отъ Венцеслава Корсака, литовца, выѣхавшаго въ Москву въ 1390 году и происходившаго отъ благородныхъ мужей изъ „Римской земли“; а въ XVIII в.—имъ этого уже мало, и они начинаютъ разработывать генеалогію Венцеслава Кор-

---

[1]) Подробн. см. въ книгахъ: П. Н. Петрова, «Исторія родовъ русскаго дворянства», Спб., 1886 г., т. I, и Н. П. Лихачева, «Разрядные дьяки XVI в.», Спб., 1888 г., стр. 400—440.

сака, предкомъ котораго является никто другой, какъ извѣстный полубогъ Эллады, сынъ Зевса, Геркулесъ! Такого же происхожденія и легендарная родословная Нармацкихъ, отъ норманскаго выходца изъ Италіи — Шелби.

Но пора остановиться на тестѣ Як. Неф. Кудрявцева, Андреѣ Петровичѣ Нармацкомъ, самодурные подвиги котораго на Камѣ представляютъ любопытныя черты изъ бытовой исторіи Казанскаго края второй половины прошлаго столѣтія.

VIII.

Андр. Петр. Нармацкой, его резиденція Шуранъ и его «подвиги» на Камѣ.—Его сынъ Петръ Андр. Нармацкой.—Сынъ и дочери Як. Неф. Кудрявцева: Яковъ Яковлевичъ Кудрявцевъ, Над. Як. Дембровская и Люб. Як. Жмакина. — Вл. Ив. Панаевъ.

Дослужившись до чина капитана, Андрей Петровичъ Нармацкой вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ наслѣдственномъ Шуранѣ, построивъ на горномъ, живописномъ берегу Камы большой каменный домъ, сохранившійся до нашихъ дней, хотя въ позднѣйшей передѣлкѣ, и зажилъ на широкую ногу „самоуправца-помѣщика“ XVIII вѣка. Но его самоуправство не отличалось тѣмъ „властнымъ“ характеромъ, какой проявилъ въ своихъ самодурствахъ его современникъ, знаменитый лысковскій помѣщикъ князь Грузинскій, подвиги котораго картинно изображены талантливымъ перомъ П. И. Мельникова, въ его разсказѣ „Старые годы“; то не были также ни проявленія эстетической разнузданности старинныхъ московскихъ баръ XVIII в., державшихъ въ своихъ имѣніяхъ крѣпостные гаремы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ составляли труппы

доморощенныхъ актрисъ и хоры пѣвчихъ, ни дикаго разврата рязанскаго помѣщика Измайлова. Андрей Петр. Нармацкой былъ крутъ и даже жестокъ съ своими крѣпостными: въ его домѣ, первоначально выстроенномъ съ башнями, тайниками и подземельями, находились тюрьмы съ цѣпями, кольцами, колодками, рогатками, т. наз. кобылами и прочими орудіями домашняго помѣщичьяго „нравоученія"; но не этими, слишкомъ обыденными дѣяніями для того времени, закрѣпилъ Нармацкой свое имя въ памяти народной: онъ прославился просто грабежемъ и разбоемъ, промыслами весьма популярными и выгодными въ то время въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи; ими занимались „всѣхъ чиновъ" люди: и бѣглые крестьяне, и солдаты, и колодники, и заводскіе рабочіе, и инородцы; бывали грабители и разбойники и изъ дворянъ-помѣщиковъ, типическимъ представителемъ которыхъ является А. П. Нармацкой [1]).

Вслѣдъ за прибытіемъ въ Шуранъ, въ 50-хъ годахъ XVIII в., Нармацкой отдалъ приказъ по селу, чтобы не пропускать по Камѣ ни одного паруснаго и гребнаго судна съ товарами—лѣтомъ, ни одного обоза зимою, безъ принудительнаго взиманія платы за проѣздъ въ пользу шуранскаго помѣщика. Изъ оконъ своего дома онъ лично наблюдалъ за акуратнымъ взысканіемъ этого произвольнаго налога, который взимался и деньгами, и натурой, и, мало по малу, перешелъ въ открытый грабежъ: изъ своей многочисленной дворни Нармацкой

---

[1]) Свѣдѣнія объ А. П. Нармацкомъ и его семействѣ переданы мною на основаніи: 1) ст. А. И. Артемьева, «Казанск. гимназіи въ XVIII в.», Ж. М. Н. Пр. 1874 г., т. CLXXIII, стр. 69—70. 2) вышеуказанной статьи П. А. Пономарева, пом. въ «Ист. Вѣстн.» 1881 г., т. IV, стр. 623—630, 3) свѣдѣній, полученныхъ отъ П. Я. Агафонова, который собиралъ о Нармацкомъ преданія на мѣстѣ, въ Шуранѣ, 4) статьи Н. В. Сорокина: «Старая церковь въ селѣ Богородскомъ, Казанскаго уѣзда», пом. въ VII т. Изв. Казанск. Общ. Археол., Истор. и Этнограф., Казань 1889 г.—Объ Андр. Петр. Нармацкомъ упоминаетъ императрица Екатерина II, въ своей перепискѣ 1772—1773 гг. съ кн. Мих. Никит. Волконскимъ, московскимъ главнокоманд.; см. сборникъ П. И. Бартенева, «Восемнадцатый вѣкъ», Кн. I, стр. 78, 79, 84, 85, 94, 95.—Статья г. Пономарева, основанная на мѣстныхъ преданіяхъ и нѣкоторыхъ неизданныхъ документахъ, сообщаетъ любопытные факты, но жаль, что авторъ этой статьи безъ должной критики отнесся къ «норманскому» происхожденію владѣльца Шурана.

образовалъ отрядъ вооруженныхъ людей, по-просту шайку грабителей, отнимавшихъ деньги и товары насильно у тѣхъ судовщиковъ и обозниковъ, которые отказывались отдавать то и другое добровольно; при этомъ иной разъ дѣло не обходилось безъ взаимныхъ дракъ и даже убійствъ. Такіе поступки шуранскаго барина не только не вызывали протеста со стороны обитателей села Шуранъ, но даже находили въ нихъ одобреніе и сочувствіе, — не потому, что крѣпостные должны были безпрекословно исполнять волю своего барина, а потому, что шуранское населеніе имѣло готовую почву для такихъ поступковъ: Шуранъ, какъ это было замѣчено выше объ имѣніяхъ Нармацкихъ, издавна заселенъ бѣглыми и всякими подозрительными людьми, а Андрей Петровичъ Нармацкой еще увеличивалъ этотъ элементъ въ своей резиденціи, привлекая въ нее всякій темный сбродъ разными льготами, а въ особенности легкой наживой посредствомъ грабежа. Барину не замедлили подражать добровольцы изъ шуранскихъ дворовыхъ и крестьянъ, и вскорѣ Шуранъ развился въ организованное разбойничье гнѣздо, мимо котораго „не было ни проходу, ни проѣзду", по выраженію одного современника. Впрочемъ, жалобы на насилія Нармацкаго и его альгвазиловъ не шли далѣе лаишевской воеводской канцеляріи, которая сама сильно трусила шуранскаго барина, нерѣдко учившаго ее по своему уму-разуму: Андрей Петровичъ производилъ періодическіе набѣги, „конно" и „оружно", на сіе присутственное мѣсто и просто-напросто разгонялъ подъячихъ и сжигалъ компрометирующія его бумаги.

Но наконецъ чаша переполнилась, и Нармацкаго постигла кара.

По доносу сосѣднихъ помѣщиковъ, у которыхъ онъ „совращалъ" крестьянъ и дворовыхъ въ свою заманчивую шайку, а также двухъ его крестьянъ—Андрей Петровичъ попалъ подъ судъ. Произошло это въ 1772 году. Никакія хлопоты пріятеля Нармацкаго, камердинера императрицы Екатерины II, Сахарова (владѣвшаго имѣніями по сосѣдству съ

нимъ), не спасли его: Нармацкой былъ вывезенъ изъ Казани въ Москву, заключенъ тамъ въ тюрьму, а затѣмъ въ 1773 году сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ и умеръ трагическою смертью. Существуетъ преданіе, что онъ былъ утопленъ въ Иртышѣ, по приказанію всесильнаго въ то время сибирскаго губернатора и человѣка очень крутаго, Ден. Ив. Чичерина. Причиной такой самовольной расправы сибирскаго самоуправца надъ казанскимъ—былъ доносъ послѣдняго на перваго, перехваченный Чичеринымъ.

Преданія о самодурствахъ Андр. Петр. Нармацкаго получили даже беллетристическую передѣлку, въ которой они являются измѣненными и изукрашенными. Извѣстный романистъ 30-хъ годовъ—Марлинскій (декабристъ А. А. Бестужевъ), въ своемъ разсказѣ „Латникъ“ передаетъ цѣлый эпизодъ, связанный съ Шураномъ, но владѣльцемъ Шурана, въ его разсказѣ, является не Нармацкой, а князь Х—ій, который выражаетъ свое самодурство не въ грабежѣ судовъ и обозовъ, а въ преступномъ завладѣніи имѣніями своей единственной дочери Лизы, въ насильственномъ расторженіи ея брака съ учителемъ Баяновымъ и въ варварскомъ заключеніи ея въ одномъ изъ казематовъ шуранскаго дома [1]).

У Андрея Петровича Нармацкаго, кромѣ дочери, вышедшей замужъ за Як. Неф. Кудрявцева, былъ еще сынъ—Петръ Андреевичъ, являющійся по складу ума и характера совершенной противуположностью отцу. **Петръ Андреевичъ Нармацкой** обучался въ только что основанной въ Казани, въ 1758 году, гимназіи, поступивъ въ нее при самомъ ея открытіи и окончивъ въ ней курсъ вмѣстѣ съ знаменитымъ пѣвцемъ „Фелицы“ Гавр. Ром. Державинымъ. Затѣмъ онъ служилъ въ военной службѣ и, выйдя въ отставку съ чиномъ поручика, поселился въ Шуранѣ, гдѣ сталъ вести жизнь уединенную и не вмѣшиваясь въ хозяйство,

---

[1]) Собр. сочин. А. **Марлинскаго**, изд. 4-е, Спб. 1847 г., т. II, ч. IV с. 30—45; 49—52.

предоставилъ управленіе имѣніями своей теткѣ, сестрѣ отца, княгинѣ Болховской, которая, также какъ и ея братъ, отличалась жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными. Извѣстная въ народѣ подъ прозвищемъ „Доможирихи", княгиня Болховская поплатилась жизнію за свои поступки: она, какъ гласитъ преданіе, была убита собственными крестьянами.

Петръ Андреевичъ Нармацкой отличался необыкновенно тихимъ нравомъ и, имѣя чувствительное сердце, былъ проникнутъ религіозностью, переходившей въ мистицизмъ; онъ зачитывался масонскими и мистическими книгами и любилъ размышлять о суетѣ міра сего: быть можетъ, совѣсть его удручалась поведеніемъ его отца. Любилъ онъ также строить церкви, особенно обращая вниманіе на музыкальность звона церковныхъ колоколовъ. Нѣсколько церквей въ Казани построено имъ, а народъ до сихъ поръ считаетъ „весь колокольный звонъ отъ Шурана до Казани", т. е. колокола во всѣхъ церквахъ въ селахъ по этому направленію, сооруженнымъ Петр. Андр. Нармацкимъ. Но не только построеніемъ церквей и колокольнымъ звономъ былъ онъ занятъ: его религіозныя вѣрованія не могли удовлетворяться одной внѣшней, обрядовой, стороной. Петръ Андреевичъ возмущался помѣщичьимъ произволомъ надъ крѣпостными крестьянами, скорбѣлъ за нихъ душею, объяснялъ имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными и мечталъ объ освобожденіи своихъ собственныхъ крестьянъ. Весьма естественно, что такое „умоначертаніе", какъ выражались въ XVIII в., Петра Андреевича Нармацкаго, не только не могло найдти сочувствія среди казанскаго дворянства того времени, но почиталось имъ за болѣе вредное, чѣмъ всѣ самодурства и преступленія его отца. Дворяне Казанской провинціи подали прошеніе императрицѣ Екатеринѣ II о „сумасбродныхъ" намѣреніяхъ Нармацкаго. Петръ Андреевичъ Нармацкой, по высочайшему повелѣнію, былъ вытребованъ въ Нижній - Новгородъ, какъ нѣсколько лѣтъ до того его отецъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны подробности слѣдствія и суда надъ Нармацкимъ. Извѣстно только, что Петръ Андреевичъ былъ приз-

нанъ сумасшедшимъ и оставленъ на жительствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и умеръ — но когда неизвѣстно. Имѣнія его были отданы подъ опеку, и опекуншей назначена его сестра, Марья Андреевна, а по выходѣ ея замужъ за Я. Неф. Кудрявцева, — мѣсто ея заступили Казанскіе дворяне Второвъ и Глазатый.

Отъ брака съ Марьей Андреевной Нармацкой, Яковъ Нефедьевичъ Кудрявцевъ имѣлъ сына, — поручика Якова Яковлевича, умершаго холостымъ (погребенъ на кладбищѣ казанскаго Кизическаго монастыря) и двухъ дочерей: Надежду Яковлевну (р. 25 іюня 1781 года, † 28 января 1827 года), вышедшую замужъ за казанскаго помѣщика, ст. сов. Григ. Петр. Дембровскаго († 1847 г.) и Вѣру Яковлевну (р. 1782 г. † 1 октября 1820 г.), вступившую въ бракъ съ Александромъ Яковл. Жмакинымъ. Этотъ Жмакинъ былъ губернаторомъ сначала въ Казани (въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія), а затѣмъ въ Симбирскѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, въ 1850 году [1]).

Шуранъ, грозная резиденція Андрея Петровича Нармацкаго, перешелъ по наслѣдству къ потомкамъ Надежды Яковлевны Дембровской, а въ настоящее время часть этого имѣнія продана какому то лаишевскому купцу. По смерти Надежды Яковлевны, Дембровскій женился вторично, и это вторичное супружество обставлено въ семейныхъ преданіяхъ весьма трагическими сказаніями, — но они уже выходятъ за предѣлы повѣтствованія о потомствѣ Ник. Алф. Кудрявцева.

Потомство Вѣры Яковлевны Жмакиной открываетъ передъ нами страницу изъ литературной дѣятельности въ Казани въ началѣ текущаго столѣтія.

У Жмакиныхъ было двѣ дочери—Прасковья Александ-

---

[1]) Сборникъ Руммеля и Голубцова, т. I, с. 455—456.—Свѣдѣнія о сынѣ и точныя даты рожденія и смерти дочерей Я. Н. Кудрявцева сообщены П. Я. Агафоновымъ.

ровна, вышедшая за мужъ за Владиміра Ивановича Панаева, и Любовь Александровна — за генерала Андр. Вас. Пятницкаго. Владиміръ Ивановичъ Панаевъ является казанскимъ литераторомъ начала XIX в.

В. И. Панаевъ, (р. 6 ноября 1792 г., † 20 ноября 1859 года), достигшій въ гражданской службѣ чина тайнаго совѣтника и званія статсъ-секретаря, не занимаетъ столь-же высокаго положенія на россійскомъ парнасѣ, какъ выражались въ старину. Біографъ Панаева, Б. М. Федоровъ, такъ характеризуетъ его значеніе въ исторіи русской литературы: „Еще въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ мирная жизнь его подъ домашнимъ кровомъ и красоты окружающей природы развили въ немъ врожденную склонность къ поэзіи и придали характеру его, можно сказать, идиллическое настроеніе. Вотъ почему онъ особенно любилъ Геснера, вскорѣ пошелъ его стезею, и первыми опытами своими обратилъ на себя вниманіе любителей словесности“ [1]). Идилліи Геснера, въ переводѣ В. И. Панаева, вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ, въ 1820 году и теперь извѣстны лишь историкамъ русской литератрры и записнымъ библіографамъ, а въ первой четверти XIX в., когда въ русской литературѣ царило сантиментальное направленіе, они высоко поставили имя Панаева и въ литературныхъ сферахъ, и въ публикѣ: за нихъ онъ избранъ былъ въ члены московскаго и петербургскаго Обществъ любителей словесности и Россійской академіи (въ наст. вр. II отд. Академіи наукъ). Кромѣ перевода идиллій Геснера, Панаевъ писалъ оригинальныя стихотворенія и повѣсти все въ томъ же идиллически-сантиментальномъ жанрѣ и произносилъ патріотическія рѣчи. Самымъ важнымъ для нашего времени изъ его произведеній, безъ сомнѣнія, являются его „Записки“, сообщающія весьма интересныя данныя какъ для исторіи казанской общественности начала XIX в., такъ и

---

[1]) См. брошюру Б. М. Федорова, «В. И. Панаевъ, воспоминаніе, съ обозрѣніемъ его идиллій», Спб. 1860 г., стр. 5.

для исторіи петербургскаго общества той же эпохи и ярко рисующія добродушную и симпатичную личность переводчика идиллій Геснера [1]).

Первоначальныя литературныя склонности Влад. Ив. Панаева развились въ Казани, подъ вліяніемъ тамошнихъ— гимназіи (въ наст. вр. I-й) и университета, воспитанникомъ которыхъ онъ былъ, и которымъ, въ началѣ XIX в., обязаны весьма многіе жители нашего Поволжья своимъ литературнымъ образованіемъ. Правда, что это образованіе, по условіямъ времени, не отличалось высокимъ уровнемъ, но тѣмъ не менѣе оно способствовало развитію, главнымъ образомъ въ помѣщичьей средѣ Поволжья, идеальныхъ и эстетическихъ стремленій, какихъ не имѣли поволжскіе помѣщики XVIII в. (Петръ Андр. Нармацкой составлялъ исключеніе).

Въ 1804 году основанъ былъ въ Казани университетъ, въ 1806 уже возникаетъ въ его средѣ *Общество любителей отечественной словесности*, а въ 1811 году начинаетъ выходить при университетѣ первая въ Казани газета — „Казанскія Извѣстія“. Хотя и Общество, и газета оставляютъ желать очень многаго: первое отличалось безсодержательнымъ литературнымъ диллетантизмомъ, а вторая—оффиціальностью и сухостью програмны, — тѣмъ не менѣе они являются въ нашемъ краѣ первообразами учено - литературныхъ собраній и періодической прессы и не могли быть иными въ то время. Въ началѣ XIX в. вообще въ Россіи былъ низокъ уровень умственныхъ, литературныхъ и общественныхъ интересовъ, не говоря уже про Казань, которую Екатерина II, за сорокъ съ небольшимъ лѣтъ передъ тѣмъ, совершенно основательно считала азіатскимъ городомъ [2]).

В. И. Панаевъ кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ кандидатомъ словесности въ 1814 году, и тогда же

---

[1]) Записки В. И. Панаева напечат. въ «Вѣстн. Евр.» 1867 г., т. III и IV.

[2]) Подробности см. въ монографіи Н. Н. Булича: «Казанскій университетъ въ Александровскую эпоху», Казань 1887 г., гл. IX, стр. 588—639.

былъ избранъ въ члены мѣстнаго Общества любителей отечественной словесности, произнеся въ немъ „Похвальное слово императору Александру I". То было время знаменательной борьбы всей Европы, подъ предводительствомъ русскаго императора, съ Наполеономъ I. Патріотическое одушевленіе было всеобщимъ, и молодой кандидатъ Панаевъ, не только относился восторженно къ тогдашнимъ политическимъ событіямъ, но стремился, какъ все тогдашнее юношество, въ военную службу; но по натурѣ онъ вовсе не былъ воиномъ, а потому, уступая волѣ матери и дяди, уѣхалъ изъ Казани въ Петербургъ для поступленія на гражданскую службу. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ Державинымъ, приходившемся ему сродни, и былъ имъ поддержанъ въ своихъ первоначальныхъ, еще начатыхъ на студенческой скамьѣ, поэтическихъ упражненіяхъ и въ особенности въ переводахъ изъ Геснера и въ подражаніяхъ этому модному въ то время у насъ швейцарскому идиллику XVIII в. [1]).

---

[1]) Кромѣ приведенной выше брошюры г. Федорова, о В. И. Панаевѣ см. въ его «Запискахъ» и въ «Исторической христоматіи новаго періода русской словесности» А. Д. Галахова, т. II, Спб. 1864, стр. 286—287.— Краткій некрологъ его помѣщенъ въ «Мѣсяцесловѣ», изд. акад. наукъ на 1861 г. — Внучка Вл. Ив. Панаева, Марья Львовна Казембекъ, рожденная Толстая, сообщила мнѣ свѣдѣнія о родственныхъ отношеніяхъ ея бабушки, рожденной Жмакиной.

IX.

Дочь Нефеда Никитича Кудрявцева Анастасія-Марія и ея мужъ Алексѣй Даниловичъ Татищевъ. — Отецъ Татищева. — Служебная карьера Ал. Дан. Татищева и характеристика его дѣятельности по должности генералъ-полиціймейстера.

Старшая дочь Неф. Никит. Кудрявцева—Анастасія-Марія (р. 1708 г. † 17 марта 1737 г.) вышла замужъ около 1726 года, за Алексѣя Даниловича Татищева; вторая дочь—Александра поступила въ Казанскій дѣвичій монастырь и умерла въ немъ схимницей.

Мужъ Анастасіи Нефедьевны Кудрявцевой, Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не связавшій своего имени съ какимъ нибудь важнымъ событіемъ въ исторіи Россіи, является тѣмъ не менѣе не безъинтересной личностью въ исторіи русской общественности XVIII вѣка. Не состоя въ родствѣ съ своимъ знаменитымъ однофамильцемъ — первымъ русскимъ историкомъ, Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ (они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ линіямъ этой фамиліи), по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, Алексѣй Даниловичъ представляетъ діаметральную противоположность послѣднему. Отецъ Алексѣя Даниловича, комнатный стольникъ Данила Михайловичъ Татищевъ, владѣя въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстьями, получилъ въ Казани мѣсто ландрата въ 1714 году [1]), въ одинъ годъ съ назначеніемъ туда вице-губернаторомъ Никиты Алферовича Кудрявцева. Дѣловыя сношенія ихъ, и кромѣ того вѣроятно, сосѣдство по имѣніямъ, сблизили оба семейства, а это сближеніе привело къ браку сына ландрата Татищева съ внучкой вице-губернатора Кудрявцева.

---

[1]) И. Черновъ, Указатель Казани на 1841 г., отд. X, стр. 78.

Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, въ молодости любимый денщикъ Петра Великаго, отличался смѣтливостью, расторопностью и умѣньемъ угодить. Эти качества провели его невредимымъ черезъ Сциллу и Харибду дворскихъ переворотовъ, послѣдовавшихъ за смертію „перваго императора". Онъ былъ одинаково „угоденъ" и Екатеринѣ I, и Аннѣ Іоанновнѣ, и Бирону, и Елизаветѣ Петровнѣ; лишь князьямъ Долгорукимъ не могъ угодить Алексѣй Даниловичъ, и, во время ихъ фавора при Петрѣ II, онъ былъ удаленъ отъ двора. При Аннѣ Іоанновнѣ Татищевъ былъ камергеромъ и явился иниціаторомъ пресловутой потѣшной свадьбы придворнаго шута квасника-Голицына съ калмычкой Бужениновой въ „ледяномъ домѣ". Ему принадлежитъ замыселъ какъ самой свадьбы, такъ и „машкерадной" процессіи при брачномъ торжествѣ, распорядителемъ которой былъ А. П. Волынской. Императрица Елизавета Петровна, въ день своей коронаціи, возложила на Татищева Александровскій орденъ, а въ 1745 году назначила его генералъ-полицiймейстеромъ, съ производствомъ въ генералъ-поручики. Эту должность занималъ онъ въ теченіе пятнадцати слишкомъ лѣтъ, до самой своей смерти, и понесъ немало труда, стоя во главѣ управленія русской полиціей почти въ теченіе всего царствованія Елизаветы Петровны. Въ богатой новыми фактическими данными книгѣ П. Н. Петрова „Исторія С.-Петербурга съ 1703 по 1782 годъ" (С.-Петербургъ 1885 годъ, большой томъ in 8° въ 1,117 стр.) — болѣе ста страницъ отведено обзору дѣятельности генералъ-полиціймейстера Татищева. Отсылая читателей къ любопытнымъ подробностямъ книги г. Петрова, укажу здѣсь лишь на нѣкоторые болѣе выдающіеся факты изъ служебной дѣятельности А. Д. Татищева, на основаніи этой книги.

Должность генералъ - полиціймейстера была поставлена императрицей Елизаветой Петровной на небывалую до нея высоту. Изъ 5-го класса Петровской табели о рангахъ она была возвышена въ 3-й и соединена съ военнымъ чиномъ

генералъ-поручика. Генералъ-полицiймейстеръ, глава всей полицiи въ Русскомъ государствѣ и главный начальникъ полицiи столичной, былъ подчиненъ только самой императрицѣ. Всѣ распоряженiя по полицiи въ С.-Петербургѣ производились высочайшими повелѣнiями, которыя объявлялъ генералъ-полицiймейстеръ; сенатъ лишенъ былъ права посылать ему „повелительные указы“ и принимать жалобы на полицейскихъ чиновъ,—всѣ такiя жалобы разсматривались самимъ генералъ-полицiймейстеромъ и лишь на него приносилась жалоба сенату. Сама всесильная въ XVIII вѣкѣ Тайная канцелярiя не могла предписывать генералъ-полицiймейстеру, а должна была сноситься съ нимъ „промеморiями“. Слѣдственная часть по Петербургу и его губернiи была сосредоточена также при управленiи генералъ-полицiймейстера, въ видѣ особой розыскной экспедицiи. Такое возвышенiе должности генералъ-полицiймейстера вызывалось съ одной стороны ловкой и „угодливой“ личностью А. Д. Татищева, а съ другой временными обстоятельствами.

Татищевъ рѣшился создать себѣ изъ новой должности положенiе. Приблизившись къ императрицѣ, онъ сталъ угождать и сильнымъ при ея дворѣ лицамъ: графамъ Разумовскимъ, а затѣмъ Шуваловымъ, Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину, Бутурлинымъ и князьямъ Куракинымъ. При помощи этихъ надежныхъ „патроновъ“, ему удалось разыграть роль сановника, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ сильную власть и видное служебное положенiе. Обстоятельства, заставлявшiя тогдашнее русское правительство обратить вниманiе на организацiю полицiи, опредѣлялись, прежде всего, безпорядками въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ во всемъ государствѣ и особенно безпорядками въ управленiи новой столицы, этого „парадиза“, построеннаго Петромъ Великимъ на финскомъ болотѣ.

Особенно много безпокойствъ причинилъ въ то время правительству извѣстный разбойникъ, а затѣмъ сыщикъ Сыскнаго приказа, Ванька Каинъ—удалой добрый молодецъ.

изъ подонковъ русскаго народа, неудачникъ изъ того же типа людей, изъ котораго „удачниками" выходили Пугачевъ и другіе герои понизовой вольницы. Воровскія похожденія Ваньки Каина въ Москвѣ въ 1748 году, похожденія, имѣвшія связь съ недавно проявившеюся тогда хлыстовскою ересью—заставили раскассировать весь наличный составъ московскаго Суднаго приказа [1]. Только что законченная въ 1743 году вторая ревизія констатировала наплывъ въ Петербургъ громаднаго количества безпаспортныхъ, которые свободно укрывались въ лачугахъ, на пустыряхъ, бывшихъ въ изобиліи на мѣстѣ теперешнихъ лучшихъ петербургскихъ улицъ. Грабежи, разбои, частые пожары въ столицѣ — были естественными результатами такого наплыва „шатущаго люда" и очень озабочивали предержащихъ властей. Пьянство въ кабакахъ и уличный развратъ на самыхъ видныхъ петербурскихъ улицахъ, корчемство, азартныя игры въ карты и кости, ростовщичество и обращеніе въ изобиліи большаго количества векселей, контрабадная торговля разными запрещенными таможеннымъ тарифомъ товарами—дополняли непригляднyю картину общественнаго состоянія Петербурга при императрицѣ Елизаветѣ. Контрабандные товары привозились чиновниками и служителями иностранныхъ посольствъ, которые были освобождены отъ таможеннаго досмотра и платежа пошлинъ за свои пожитки. Дома этихъ посольствъ являлись притономъ подозрительныхъ личностей, тайно пріѣзжавшихъ изъ-за границы, и всякихъ недозволенныхъ сборищъ и противозаконной продажи вина.

А. Д. Татищевъ дѣятельно принялся „предупреждать" и „пресѣкать", испрашивая цѣлый рядъ высочайшихъ повелѣній для возведенія въ Петербургѣ новыхъ зданій съ цѣлію застроить пустыри и для искорененія въ столицѣ указанныхъ

---

[1]) Подробности см. въ монографіяхъ о Ванькѣ Каинѣ Г. В. Есипова «Восемнадцатый вѣкъ», сборникъ П. И. Бартенева, т. III и Д. Л. Мордовцева, «Древняя и Новая Россія» 1876 годъ, т. III.

выше ненормальныхъ явленій, не жалѣя притомъ батожья и „кошекъ". На сколько генералъ-полиціймейстеръ выражалъ свою ревность въ борьбѣ съ ворами и разбойниками, всего лучше видно изъ слѣдующаго преданія объ А. Д. Татищевѣ, приводимаго его біографомъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. Позорное клеймо: „*вор*", налагаемое на лице преступника и отмѣненное лишь императоромъ Александромъ II двадцать шесть лѣтъ тому назадъ (17 апрѣля 1863 года)—изобрѣтено Татищевымъ. Онъ находилъ это средствомъ очень удобнымъ для ловли бѣжавшихъ изъ тюремъ и съ каторги преступниковъ.

— „Но, — возразилъ Татищеву одинъ изъ сановниковъ, которымъ онъ передавалъ свой проектъ, — бываютъ случаи, что иногда невинный получаетъ тяжкое наказаніе, и потомъ невинность его обнаруживается: какимъ образомъ освободите вы его отъ поносительныхъ знаковъ?"

— Весьма удобнымъ,—отвѣчалъ улыбаясь Татищевъ, — стоитъ только къ слову „*воръ*" прибавить еще двѣ литеры— „*не*" [1]).

Императрица Елизавета любила, какъ извѣстно, и Богу помолиться усердно, и покушать сладко, и повеселиться. При ней возобновлены были совершенно прекратившіеся съ Петра Великаго „богомольные походы" въ монастыри московскихъ государей прежняго времени: императрица посѣщала въ торжественныхъ шествіяхъ и поѣздкахъ и вновь заведенную въ Петербургѣ Александроневскую лавру и монастыри новгородскіе и московскіе; особеннымъ торжествомъ отличались ея „походы" въ Троицкую лавру. Говѣнье императрицы, церковныя служенія въ царскіе и викторіальные дни и въ важнѣйшіе церковные праздники—составляли придворныя торжества. Рядомъ съ этими богомоліями шли придворные куртаги, театральныя представленія, посѣщенія государыней придворныхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и за городомъ, въ его окрестно-

---

[1]) Словарь достоп. людей, изд. 1847 года, т. III, с. 398.

стахъ, и торжественныя бракосочетанія и похороны высокопоставленныхъ лицъ. Иллюминаціи и фейерверки зажигались придворными при посѣщеніи ихъ императрицей; иллюминаціи и фейерверки освѣщали петербургскія улицы въ разные торжественные царскіе дни. Генералъ - полицiймейстеру было множество хлопотъ. Онъ долженъ былъ всюду сопровождать императрицу и дѣлать множество весьма сложныхъ распоряженій для соблюденія во всѣхъ этихъ торжествахъ должной тишины и необходимаго порядка.

Усердіе А. Д. Татищева вознаграждалось. Старшая изъ его дочерей была любимой фрейлиной императрицы, и онъ съумѣлъ ее выгодно пристроить, выдавъ замужъ за человѣка съ весьма хорошими связями при дворѣ. Самъ онъ получилъ въ подарокъ домъ въ Петербургѣ и не задолго до смерти произведенъ въ генералъ-аншефы.

Онъ умеръ 21 сентября 1760 года.

X.

Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, масонъ. — Его первенствующее положеніе среди русскихъ масоновъ въ 1773 г.—Его отношенія къ Шварцу и «Дружескому ученому Обществу» московскихъ масоновъ.—Предположеніе о томъ, что П. А. Татищевъ является насадителемъ масонства въ Казани.

Отъ Анастасіи-Маріи Нефедьевны Кудрявцевой у Алексѣя Даниловича Татищева родились сынъ Петръ и двѣ дочери—Анна и Марія.

Петръ Алексѣевичъ Татищевъ не наслѣдовалъ угодливости и вообще свойствъ своего отца и представляется намъ съ совершенно иными наклонностями. Сынъ

Елизаветинскаго генералъ - полицiймейстера является весьма плохимъ служакой, сибаритомъ и мистикомъ и вводитъ насъ въ сферу совершенно противоположную сферамъ придворной и полицейской, въ которыхъ вращался его отецъ. Петръ Алексѣевичъ Татищевъ былъ масономъ, другомъ Новикова и Шварца, и игралъ весьма видную роль въ дѣятельности московскихъ „свободныхъ каменьщиковъ".

Онъ началъ службу въ гвардiи, но рано вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ, женился на Анастасiи Парамоновнѣ Плещеевой, скоро овдовѣлъ и поселился на постоянное жительство въ Москвѣ, въ родовомъ своемъ домѣ, у Красныхъ воротъ, проводя лѣто въ Казани, около которой имѣлъ значительныя имѣнiя, унаслѣдованныя имъ отъ отца и отъ матери [1]).

Одинъ изъ историковъ русскаго масонства, М. Н. Лонгиновъ, такъ характеризуетъ П. А. Татищева и его увлеченiе масонствомъ: „Петръ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, въ огромномъ домѣ своемъ, тратя большiя суммы на всевозможныя прихоти, задавая роскошные пиры, и окружась цѣлымъ дворомъ приживальщиковъ и нахлѣбниковъ, которые прiучили его къ лести, расточаемой всегда передъ щедрыми богачами. Возможность удовлетворять немедленно всѣ желанiя и причуды довела Татищева до пресыщенiя жизнiю. Онъ разочаровался въ ея радостяхъ и наслажденiяхъ, искалъ новыхъ удовольствiй—и не находилъ ихъ, исчерпавши самый источникъ ихъ до дна. Это сильно подѣйствовало на его характеръ, омраченный также горестнымъ опытомъ, выказавшимъ ему въ истинномъ свѣтѣ льстецовъ, которые его окружали. Татищевъ сдѣлался недовѣрчивъ къ людямъ, которые такъ долго его обманывали, перемѣнилъ образъ жизни, уединился и былъ

---

[1]) «Дневникъ графа А. А. Бобринскаго», Р. Арх. 1877 годъ, т. III, стр. 142. — Въ концѣ 1760-хъ годовъ П. А. Татищевъ владѣлъ слишкомъ 800 ревизскими душами изъ наслѣдственныхъ имѣнiй отца въ одной лишь тогдашней Казанской провинцiи (=всей теперешней восточной части Казанской губернiи и прилегающимъ къ ней уѣздамъ губернiй Вятской, Уфимской и Самарской). Списокъ помѣщиковъ Казанской провинцiи 1760-хъ годовъ, доставлен. Н. П. Лихачевымъ.

прославленъ за скупца тѣми же, которые еще недавно превозносили и употребляли во зло его щедрость. Вѣроятно въ то время, когда Татищевъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ, чтобъ одолѣвать томившую его тоску и надѣялся оживить себя какою либо новою дѣятельностiю, онъ вступилъ какъ-то въ масоны. Вскорѣ онъ сдѣлался мастеромъ стула въ ложѣ „Трехъ знаменъ", собиравшейся въ его домѣ и работавшей по системѣ „строгаго наблюденiя", которой статуты и степени, до четвертой включительно, были ею получены изъ Берлина черезъ члена ея, проживавшаго въ Москвѣ, англiйскаго купца Туссеня" [1]).

Получивъ, въ 1779 году, патентъ на званiе мастера ложи „Трехъ знаменъ" отъ герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго Фердинанда, великаго мастера всѣхъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ, игравшаго первенствующую роль въ масонствѣ XVIII вѣка, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ пользовался большимъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ и русскихъ масоновъ. Въ 1782 году, онъ является вмѣстѣ съ Новиковымъ главнымъ мастеромъ (предсѣдателемъ) ложи „Гармонiя", а въ 1783 году стоитъ во главѣ всѣхъ русскихъ масоновъ. Россiя была восьмой провинцiей ордена, и, за вакансiей провинцiальнаго великаго мастера, во главѣ русской провинцiи стоитъ ея „прiоръ" (старшая должность послѣ „великаго мастера"), *Петръ, рыцарь a signo triumphale*—Петръ Алексѣевичъ Татищевъ. Въ то же время онъ занимаетъ мѣсто префекта ложи „Коронованнаго знамени", которая, какъ кажется, извѣстна была также подъ именемъ „капитула Татищева". Къ нему пишутся письма отъ нѣмецкихъ „братiй", ему же, вмѣстѣ съ Новиковымъ и княземъ Н. Н. Трубецкимъ, поручается, въ 1784 г., нѣмецкими масонами образовать въ Москвѣ „директорiю для теоретической степени" [2]).

---

[1]) Лонгиновъ, Новиковъ и московскiе мартинисты, М. 1867 годъ, стр. 139—140.

[2]) См. статьи Ешевскаго въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г., т. LII, стр.

П. А. Татищевъ былъ также однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ-учредителей и денежныхъ вкладчиковъ извѣстнаго „Дружескаго ученаго Общества“, основаннаго московскими масонами въ 1781 году, а затѣмъ и знаменитой „Компаніи типографической“, давшей возможность широко развиться издательской дѣятельности Новикова. Въ салонахъ московскаго дома Татищева возникла самая мысль о „Дружескомъ Обществѣ“, и въ этихъ салонахъ происходили его собранія [1]).

По всей вѣроятности, П. А. Татищевъ былъ насадителемъ масонства въ Казани, и если когда нибудь мы познакомимся съ совсѣмъ еще не изслѣдованной исторіей русскаго провинціальнаго масонства, то казанская ложа „Восходящаго солнца“, безъ сомнѣнія, явится связанною тѣсными узами съ дѣятельностью П. А. Татищева.

Петръ Алексѣевичъ Татищевъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ главнаго зиждителя и руководителя московскихъ масоновъ, профессора Шварца, высокогуманная натура котораго подчиняла своему нравственному авторитету всѣхъ, съ кѣмъ входила въ духовное общеніе: всѣ московскіе масоны испытывали на себѣ его нравственное превосходство. Впрочемъ, самъ Шварцъ, если справедливо свѣдѣніе, сообщаемое однимъ современникомъ, вращавшимся въ кружкахъ московскихъ масоновъ, не высоко ставилъ умственныя качества Татищева, но пользовался его богатствомъ и связями на пользу дѣла „свободныхъ каменьщиковъ“ [2]). Татищевъ ввѣрилъ Шварцу воспитаніе своего сына и отправилъ его съ нимъ за границу, а послѣ смерти Шварца, въ 1784 году, выдалъ его вдовѣ и дочерямъ изъ собственныхъ денегъ 28,000 рублей [3]).

361—406; 1865 г., т. LVI, стр. 5—52. См. также брошюру А. Н. Пыпина: «Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его (1731—1822)», Спб., 1873 г. (напечатано въ количествѣ 99 экземпляровъ) и «Новые документы по дѣлу Новикова», сообщ. А. Н. Поповымъ въ «Сборн. Русск. Историч. Общ.», т. II, стр. 96—158.

[1]) Лонгиновъ, стр. 141.

[2] «Русск. Арх.», 1884 г., т. 1, стр. 1036.

[3] Лонгиновъ, стр. 357.

Въ 1792 г., во время ареста въ Москвѣ Новикова и разгрома всего его кружка, мы не находимъ имени Петра Алексѣевича Татищева въ числѣ допрошенныхъ княземъ Прозоровскимъ и Шешковскимъ коноводовъ московскихъ „свободныхъ каменщиковъ“. Чѣмъ объяснить это отсутствіе? Тѣмъ ли, что власти не считали его опаснымъ членомъ Новиковскаго кружка, раздѣляя воззрѣнія на него Шварца, или тѣмъ, что во время процесса Новикова и его товарищей Петра Алексѣевича Татищева уже не было въ живыхъ? Отвѣчать на эти вопросы категорически я не берусь. Когда умеръ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ съ точностью неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ былъ живъ въ январѣ 1792 года [1]), а процессъ Новикова и его товарищей происходилъ въ этомъ же году, съ апрѣля мѣсяца до половины сентября [2]).

---

[1]) См. замѣтку В. Н. Поливанова, Ист. Вѣстн. 1887 г., т. XXX, с. 497.

[2]) Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты», с. 312—361.— Въ 1792 г. Петръ Алексѣев. Татищевъ былъ гвардіи секундъ-майоромъ. Въ маѣ 1798 года императоръ Павелъ посѣтилъ Казань, остался очень доволенъ служащими тамъ лицами и щедро наградилъ ихъ. Въ числѣ награжденныхъ былъ *бригадиръ Татищевъ* (имени и отчества не обозначено), произведенный въ генералъ-майоры. (См. совр. журн. о пребыв. въ Казани императора Павла, XVIII-й вѣкъ, сборникъ П. И. Бартенева, кн. IV, с. 468). Извѣстно, что императоръ Павелъ очень благоволилъ къ масонамъ и немедленно по воцареніи освободилъ Новикова отъ заключенія въ Шлюссельбургской крѣпости; но я не могу утверждать о тождествѣ награжденнаго въ Казани бригадира Татищева съ Петр. Алексѣев. Татищевымъ.

XI.

Графиня Анна Алексѣевна Панина.—Происхожденіе Паниныхъ и ихъ родство съ петербургской знатью XVIII в.—Братья Никита и Петръ Панины.—Бракосочетаніе графа Петра Ив. Панина съ Анной Алекс. Татищевой и письмо о немъ академика Адодурова.—Болѣзнь и кончина гр. Анны Ал. Паниной и вторичная женитьба графа Петра Ив. Панина.—Сестра гр. Паниной, княгиня Марья Алексѣевна Голицына.

(1729—1801).

Говоря выше о Елизаветинскомъ генералъ-полицiймейстерѣ Алексѣѣ Даниловичѣ Татищевѣ, я упомянулъ, что онъ съумѣлъ сблизиться съ разными высокопоставленными лицами двора Елизаветы Петровны, и что сближеніе это ему удалось закрѣпить бракомъ своей старшей дочери. Эта дочь Татищева, Анна Алексѣевна, девятнадцатилѣтняя фрейлина императрицы (род. 1729 г.) была обвѣнчана въ 1748 году съ молодымъ, двадцативосьмилѣтнимъ полковникомъ, Петромъ Ивановичемъ Панинымъ (род. 1720 г.), младшимъ братомъ извѣстнаго впослѣдствіи дипломата, сторонника шведской конституціи и воспитателя императора Павла, Никиты Ивановича Панина.

Панины, по своимъ родственнымъ связямъ, принадлежали къ самымъ аристократическимъ и вліятельнымъ сферамъ въ Петербургѣ того времени. Сестра ихъ, Александра Ивановна Панина, была женою оберъ-шталмейстера князя Александра Борисовича Куракина, извѣстнаго придворнаго каламбуриста и остряка, одинаково забавлявшаго своими bon-mots и Анну Іоанновну съ Бирономъ, и Анну Леопольдовну и, наконецъ, Елизавету Петровну, и игравшаго весьма неблаговидную роль въ подкопахъ подъ Арт. Петр. Волынскаго и въ его гибели. Черезъ Куракиныхъ Панины состояли въ родствѣ съ князьями Голицыными, Бутурлиными и Лопухиными, а черезъ этихъ послѣднихъ съ царемъ Петромъ Ве-

ликимъ: мать Александра Борисовича Куракина, Аксинья Өедоровна Лопухина, была родная сестра первой супруги Петра Великаго—Авдотьи Өедоровны [1]).

Братья Панины, не имѣя такой древней родословной, какъ князья Куракины, которые происходили отъ Литовскаго великаго князя Гедимина, сами по себѣ были весьма замѣчательными людьми того времени. Происходя, по семейнымъ преданіямъ, отъ итальянскаго выходца въ Московское государство въ XV вѣкѣ Pagnini (эта фамилія существовала въ Луккѣ еще въ XVIII вѣкѣ [2]), отецъ Паниныхъ былъ заслуженный генералъ, закаленный въ бояхъ Петра Великаго съ Карломъ XII. Старшій изъ братьевъ Паниныхъ, Никита Ивановичъ, еще будучи очень молодымъ человѣкомъ, обратилъ на себя вниманіе императрицы Елизаветы Петровны и сталъ опаснымъ соперникомъ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. За это онъ былъ удаленъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ отъ двора: его назначили, 29-ти лѣтъ отъ роду, посланникомъ въ Копенгагенъ (въ 1747 г.), а оттуда перевели черезъ годъ посланникомъ же въ Стокгольмъ, гдѣ пробылъ онъ двѣнадцать лѣтъ. Меньшой братъ, Петръ Ивановичъ, съ 15-ти лѣтъ служилъ въ военной службѣ, отличался необычайной храбростью, участвуя въ войнахъ, турецкой—1736 года и шведской—1741 года, подъ знаменами самыхъ видныхъ русскихъ полководцевъ того времсни—Миниха и Ласси, а затѣмъ отличился и въ семилѣтнюю войну, и въ царствованіе Екатерины II, въ первую турецкую войну, и участіемъ въ важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ и, наконецъ, своею дѣятельностію по усмиренію Пугачевщины [3]).

Бракосочетаніе Петра Ивановича Панина съ Анной Алексѣевной Татищевой было с вершено съ необыкновенной

---

[1]) Кн. П. В. Долгорукой, Росс. родосл. книга, т. I, стр. 316; т. II, стр. 58.

[2]) «Русск. Арх.», 1886 г., т. I, стр. 376.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. людей, изд. 1836 г., т. IV, стр. 96—97; 108—109. П. Н. Петровъ, о П. И. Панинѣ, «Русская Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 623—624.

торжественностью въ Петербургѣ, 8 февраля 1748 года, въ дворцовой церкви. О немъ было объявлено въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“ (1748 г., № 13). Посаженными отцемъ и матерью со стороны невѣсты были: наслѣдникъ престола Петръ Ѳедоровичъ и его супруга Екатерина Алексѣевна, впослѣдствіи императрица Екатерина II. Со стороны жениха посаженнымъ отцемъ былъ канцлеръ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, а посаженной матерью жена графа Петра Ивановича Шувалова — Мавра Егоровна. Князья Куракины, Бутурлины, Лопухины и вся ихъ родня, на ряду съ другими представителями знатныхъ русскихъ фамилій, участвовали на свадьбѣ, которая сопровождалась пирами при дворѣ, у новобрачныхъ и у вельможъ.

Сохранилось письмо академика Василія Евдокимовича Адодурова, писанное на другой день свадьбы, 9 февраля 1748 года, къ Никитѣ Ивановичу Панину. Адодуровъ подробно описываетъ всю брачную церемонію, перечисляетъ всѣхъ гостей, бывшихъ на свадьбѣ, и всѣ пиршества, слѣдовавшія за ней. Привожу изъ этого письма характеристическія подробности убранства комнаты новобрачной Паниной, въ домѣ Якова Лукича Хитрово, пріятеля семейства Паниныхъ. Домъ этотъ былъ взятъ у Хитрово на время, для празднованія свадьбы. „Браутсъ-камера (Brautskammer = комната невѣсты) обита зеленымъ штофомъ, — писалъ Адодуровъ, — въ которой кровать поставлена такая жъ съ золотымъ голуномъ; тако жъ два стола, канапе, шесть креселъ и два табурета, такою жъ матеріей обитые. Передъ тою камерою поставленъ большой овальный столъ съ конфектами, въ покоѣ, обитомъ штофомъ малиновымъ съ золотыми рамами. Оный дессертъ состоялъ изъ 21 штуки большихъ, кромѣ тарелокъ съ конфектами, которыя были по сторонамъ и представляли крѣпость, въ серединѣ которой видно было, на высокой башнѣ, одною стрѣлою пробитое сердце, которое Минерва своимъ щитомъ прикрывала. Крѣпость атаковали геніусы любви, или купидоны съ послѣдующимъ за ними полкомъ вооруженнаго

регулярнаго войска и артиллеріею, подъ предводительствомъ ихъ полковника, который сидѣлъ на конѣ; а изъ двухъ купидоновъ, которые шли при немъ по сторонамъ, держалъ одинъ motto: „A cette nuit l'attaque" (въ эту ночь нападеніе). Для лучшаго успѣху ведены были къ той крѣпости апроши, которыя взялися изъ лѣсу, плодовитыми деревьями наполненнаго. Аммуничныя вещи везены были на лошадяхъ, а на батареяхъ и между шанцкорбами (Schanzkorb = крѣпостная корзинка, насыпанная землею) стояли мѣдныя пушки съ лафетами, которыми командовали купидоны. Солдаты имѣли знамя съ гербомъ Паниныхъ. И хотя крѣпость многими бастіонами и рвами укрѣплена была, однако, не надѣясь удержаться противъ толь сильной атаки, принуждена была выставить бѣлое знамя, на которомъ видѣнъ былъ гербъ Татищевыхъ. Иллюминованъ былъ сей дессертъ 18-ю чистыми восковыми свѣчами, которыя разставлены были въ приличныхъ мѣстахъ внутри дессерта, да по сторонамъ около дессерта 18-ю свѣчами, поставленными въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Всѣхъ свѣчъ, которыя освѣщали оную камеру, было больше 60. Передъ тою камерою находился изрядно убранный залъ, и при немъ еще два покоя по сторонамъ, которые всѣ иллюминованы были восковыми свѣчами; а крыльцо и дверь снаружи по карнизамъ, также и ворота, горящими плошками" [1].

Петръ Ивановичъ Панинъ очень любилъ свою жену: съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ онъ о ней десять лѣтъ спустя послѣ ея кончины, въ письмѣ къ императрицѣ Екатеринѣ II, отъ 10 октября 1774 года [2]. Шестнадцать лѣтъ прожила въ замужествѣ Анна Алексѣевна, имѣя отъ Петра Ивановича Панина семнадцать человѣкъ дѣтей, которыя всѣ умирали въ младенчествѣ [3]. Такое обиліе дѣтей не могло не повліять на здоровье Анны Алексѣевны Паниной. Къ 1764 году у нея ясно

---

[1]) «Русск. Арх.», 1875 г., т. I, стр. 0370—0371.

[2]) «Сб. Русск. Истор. Общ.», т. VI, стр. 164.

[3]) П. Ѳ. Карабановъ, Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII—XIX вв. «Рус. Стар.» 1871 г., т. III, 1-е изд., стр. 169.

обнаружились признаки чахотки, и въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года она недомогала весьма серьёзно.

Порошинъ, одинъ изъ наставниковъ великаго князя Павла Петровича, отмѣчавшій изо дня въ день всѣ занятія и препровожденіе времени своего ученика, занесъ на страницы своихъ записокъ и свѣдѣнія о болѣзни и кончинѣ Анны Алексѣевны Паниной. Никита Ивановичъ Панинъ, въ то время воспитатель Павла Петровича, вслѣдствіе болѣзни своей невѣстки, нѣсколько дней не присутствовалъ при урокахъ великаго князя. 27 октября 1764 года Анна Алексѣевна скончалась, и великій князь, очень привязанный къ своему воспитателю, весьма скорбѣлъ о постигшемъ его семейномъ горѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ ея кончины, у Павла Петровича былъ обѣдъ для близкихъ ему людей. Въ числѣ ихъ находился и Петръ Ивановичъ Панинъ, въ то время уже генералъ-аншефъ, покрытый славой своихъ военныхъ подвиговъ въ семилѣтнюю войну. По словамъ Порошина, Никита Ивановичъ Панинъ за обѣдомъ былъ очень не веселъ. О Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ Порошинъ говоритъ слѣдующее: „онъ разсуждалъ за обѣдомъ о томъ, „какъ часто человѣческія намѣренія совсѣмъ въ другую сторону обращаются, нежели сперва положены были; сказывалъ при томъ, — о расположеніи житья своего, которое нынѣ совсѣмъ принужденъ перемѣнить по притчинѣ смерти Анны Алексѣевны и князь Бориса Александровича Куракина, его племянника“ († 22 ноября 1764 г.). Для устройства дѣлъ его, Петръ Ивановичъ Панинъ собирался ѣхать въ Москву. При этомъ Петръ Ивановичъ Панинъ шутилъ съ Порошинымъ, говоря ему, что, уѣзжая въ Москву, онъ, конечно, не поручитъ ему въ Петербургѣ своихъ любовныхъ дѣлъ [1]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, Петръ Ивановичъ Панинъ женился во второй разъ на фрейлинѣ Маріи Иро-

---

[1]) Записки Порошина, изд. 2-е, ред. Русск. Стар., Спб., 1881 г., стр. 85, 92, 150.

діоновнѣ Ведель, племянницѣ Петра Богд. Пассека, одного изъ важнѣйшихъ сторонниковъ воцаренія Екатерины II, и родственницѣ князей Кантемиръ. Она умерла въ 1776 году [1]).

Младшая сестра графини Анны Алексѣевны Паниной, Марья Алексѣевна Татищева (р. 4 января 1735, † 1801 г.) была замужемъ за гвардейскимъ капитанъ-поручикомъ, княземъ Василіемъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1731, † послѣ 1792 г.), человѣкомъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчательнымъ, и имѣла огромную семью, состоявшую изъ четырехъ сыновей и одинадцати дочерей [2]).

XII.

Сынъ Петра Алексѣевича Татищева, Петръ Петровичъ Татищевъ и дочери: Елизавета Петровна Чиркова и Екатерина Петровна Энгельгардтъ.—Родственныя отношенія ихъ къ двумъ русскимъ поэтамъ, Денису Васильевичу Давыдову и Евгенію Абрамовичу Боратынскому.

У Петра Алексѣевича Татищева было четверо дѣтей: сынъ Петръ и три дочери—Анна, Елизавета и Екатерина, изъ которыхъ старшая умерла дѣвицею, а двѣ меньшія вышли замужъ и своимъ женскимъ потомствомъ занесли свои имена на страницы исторіи русской литературы.

О Петрѣ Петровичѣ Татищевѣ я не располагаю подробными свѣдѣніями.

[1]) Сборникъ Бартенева, XVIII вѣкъ, кн. I, стр. 145. — Родосл. изд. «Русской Стар.», т. I, стр. 271.

[2]) См. Матеріалы для родословной князей Голицыныхъ, собр. кн. Н. Н. Голицынымъ. Кіевъ. 1880 г. (изд. корректурное) стр. 28 и 36 и замѣтку В. Н. Поливанова, с. 498.

Послѣ того, какъ отецъ его овдовѣлъ, онъ жилъ въ Казани, у прадѣда своего, Нефеда Никитича Кудрявцева, подъ надзоромъ котораго, вѣроятно, получилъ первоначальное воспитаніе. Будучи мальчикомъ 12 — 14 лѣтъ, Петръ Петровичъ Татищевъ участвовалъ въ числѣ „шести благородныхъ юношей“ въ аллегорическомъ представленіи, устроенномъ въ Казани, въ 1771 году, директоромъ гимназіи фонъ-Каницемъ на другой день коронаціи императрицы Екатерины II, 23-го сентября.

Торжество въ гимназіи открылось музыкальной увертюрой, а затѣмъ было произнесено нѣсколько рѣчей учителями гимназіи и учениками и прочитана ода императрицѣ. По окончаніи рѣчей и оды, за тѣмъ мѣстомъ залы, гдѣ онѣ произносились, поднялся вдругъ занавѣсъ и приглашенной публикѣ представилось слѣдующее зрѣлище. Возвышался балдахинъ, обитый зеленымъ штофомъ съ позументами; а подъ нимъ на возвышеніи помѣщалось кресло, обитое таковой же матеріей, и на креслѣ былъ поставленъ портретъ императрицы. Съ обѣихъ сторонъ престола вышли шесть „малолѣтнихъ благородныхъ юношей“ и столько же „благородныхъ дѣвицъ“ въ пастушеской одеждѣ—и начался, подъ особо сочиненную музыку, балетъ, въ которомъ выражались „пріятнымъ искуснымъ образомъ чувствованія глубочайшаго почтенія и благоговѣнія къ Матери отечества“. Двое изъ участниковъ въ балетѣ, войдя на ступень престола, окружили портретъ Екатерины II гирляндой, а прочіе пали на колѣни и, вставая, осыпали его цвѣтами. „Чрезъ сіи и другія искуственныя дѣйствія, — читаемъ въ современномъ описаніи торжества, — а особливо чрезъ нѣкоторыя молящія движенія, аріи соотвѣтствующія, сія нѣжная знать наполняла сердца присутствующихъ радостнымъ усерднѣйшимъ чувствованіемъ, отъ коихъ получила за сіе благодарственную похвалу“ [1]).

При образованіи въ Казани, въ 1774 году, „дворян-

[1]) В. Владиміровъ, «Историч. записка о 1-й казанской гимназіи» Казань, 1867 г., ч. I, ст. 116—118.

скаго легіона“ для борьбы съ шайками Пугачевцевъ, Петръ Петровичъ Татищевъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, поступилъ въ этотъ легіонъ офицеромъ - добровольцемъ и храбро бился на казанскихъ улицахъ съ толпами мятежниковъ въ день разгрома этого города Пугачевымъ. Онъ и его отецъ послѣдними проникли въ казанскую крѣпость, гдѣ заперлись начальствующія лица вмѣстѣ съ войсками: Татищевы, не имѣя уже возможности пройдти въ крѣпость черезъ запертыя крѣпостныя ворота, были втащены туда на веревкахъ черезъ стѣну. Въ концѣ 1774 года, уже по усмиреніи Пугачевщины, Петръ Петровичъ Татищевъ, по прошенію, поддержанному сильнымъ ходатайствомъ передъ Екатериной II со стороны графа Петра Ивановича Панина, его родственника,—принятъ былъ на службу поручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, расположенныхъ въ Казанской губерніи [1]).

Петръ Петровичъ Татищевъ былъ такъ же, какъ и его отецъ, масономъ. Воспитанный Шварцемъ, онъ ѣздилъ съ нимъ въ 1781 году въ Германію для изученія „системы строгаго наблюденія“, и затѣмъ женился на сестрѣ масона, иностранкѣ незнатнаго происхожденія—m-lle Гинé [2]).

Отъ этого брака у него была одна только дочь, Анастасія Петровна, вышедшая за князя Петра Михайловича Долгорукаго († 1833 г.), извѣстнаго въ московскомъ обществѣ подъ названіемъ „enfant prodigue“ [3]).

Теперь позволю себѣ кратко указать на родственныя отношенія сестеръ Петра Петровича Татищева—Елизаветы и Екатерины.

Елизавета Петровна Татищева вышла замужъ въ январѣ 1792 г., за полковника, впослѣдствіи генералъ-майора, Николая Александровича Чирко-

---

[1]) Донесеніе графа П. И. Панина Екатеринѣ II, 10-го октября 1774 года, «Сборн. Русск. Истор. Общ.», т. VI, стр. 164—165. Письмо Екатерины II къ П. И. Панину 20-го ноября того же года. Ibid., стр. 180—181.

[2]) Лонгиновъ, стр. 232.

[3]) Кн. П. В. Долгорукій, «Росс. Родосл. книга», ч. I, стр. 101—102.

в а, который получилъ въ приданое за ней имѣнія въ губерніяхъ Симбирской и Казанской, перешедшія къ ея отцу по наслѣдству отъ Н. Н. Кудрявцева. Вотъ что сообщаетъ о Н. А. Чирковѣ его правнукъ В. Н. Поливановъ: „Послѣ свадьбы Чирковъ не долго продолжалъ службу и занялся устройствомъ своихъ имѣній. Зиму Чирковы проводили въ Москвѣ, гдѣ имѣли свой домъ, а лѣтомъ жили въ Акшуатѣ, любимомъ мѣстопребываніи Николая Александровича. Здѣсь онъ построилъ прекрасный каменный домъ, развелъ во вкусѣ своего времени паркъ, держалъ домашній оркестръ и большую псовую охоту. Вообще, генералъ - майоръ Чирковъ, по сохранившимся современнымъ портретамъ и разсказамъ его современниковъ, представляется однимъ изъ видныхъ и блестящихъ представителей Екатерининской эпохи. Украшенный только-что учрежденнымъ георгіевскимъ крестомъ, онъ, кромѣ того, за свои военныя заслуги награжденъ былъ императрицей золотой, весьма богатой, шпагой. Надпись, находящаяся кругомъ эфеса, гласитъ, что она пожалована „за мужество, оказанное въ сраженіи 7 іюня 1788 года на лиманѣ Очаковскомъ". На обѣихъ сторонахъ клинка вырѣзаны торжественныя восклицанія: „Vivat Catharina"! Шпага эта отъ дочери его, Екатерины Николаевны, перешла къ моему отцу, Ник. Иван. Поливанову. Въ сохранившейся частью, принадлежавшей Чиркову, довольно обширной библіотекѣ, состоящей исключительно почти изъ французскихъ изданій, находятся всѣ лучшія философскія сочиненія конца XVIII столѣтія. При разностороннемъ образованіи, онъ не чуждъ былъ, кажется, того умственнаго движенія, которое коснулось хотя и поверхностно, но не безслѣдно передовыхъ людей нашего дворянства. Женившись довольно поздно, Николай Александровичъ скончался въ Москвѣ, въ декабрѣ 1806 года, 72 лѣтъ отъ роду. Елизавета Петровна пережила мужа на 17 лѣтъ, и прахъ ихъ покоится рядомъ въ особой каменной часовнѣ при акшуатской церкви" [1]).

---

[1]) Истор. Вѣстн. 1887 г., т. XXX, стр. 498.

У Чирковыхъ было двѣ дочери: Екатерина и Софія. Екатерина Николаевна Чиркова вышла замужъ за сенатора (въ царствованіе императора Николая I) Ивана Петровича Поливанова, сынъ котораго Николай Ивановичъ Поливановъ († въ Казани въ 1874 г.) былъ школьнымъ товарищемъ (по школѣ гвард. подпрапорщ. и кавалер. юнкеровъ) поэта Лермонтова [1]). Софья Николаевна Чиркова стала женой извѣстнаго поэта-партизана, Дениса Васильевича Давыдова (р. 16 іюня 1784 г. † 22 апрѣля 1839 г.).

Мужемъ Екатерины Петровны Татищевой († 13-го ноября 1821 годъ) былъ авторъ интересныхъ записокъ, обнимающихъ собою время трехъ царствованій: Екатерины II, Павла Петровича и Александра I—генералъ-майоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (р. 10-го февраля 1766 г., † 4-го ноября 1836 г.).

Записки Энгельгардта, составляя важный источникъ для исторіи Россіи второй половины XVIII и начала XIX вѣка, касаются спеціально Казанскаго края. Л. Н. Энгельгардтъ находился на службѣ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и при императорѣ Павлѣ, а затѣмъ, при Александрѣ I, проживалъ частнымъ человѣкомъ. Первые годы царствованія императора Павла онъ стоялъ съ своимъ полкомъ въ Оренбургѣ, а въ 1798 году, при посѣщеніи Казани императоромъ Павломъ, находился на *„ревю“* въ этомъ городѣ, куда были собраны всѣ войска изъ окрестныхъ городовъ и провинцій. Императоръ Павелъ, сопровождаемый великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, прибылъ въ Казань 24-го мая 1798 года и оставался въ бывшей столицѣ татарскаго улуса цѣлую недѣлю, производя ученье войскамъ и осматривая разныя мѣстныя учрежденія. Полкомъ Энгельгардта и имъ самимъ императоръ

---

[1]) Сынъ Н. И. Поливанова, Владим. Ник. Поливановъ—авторъ столь часто приводимой мною замѣтки на настоящую статью о Кудрявцевыхъ.

остался очень доволенъ, пожаловавъ ему Анненскій орденъ, а въ слѣдующемъ году произвелъ его въ генералъ-майоры и въ командоры Мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. „Служа въ турецкую войну и противу Поляковъ усердно и ревностно,—замѣчаетъ Энгельгардтъ,—былъ я въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, лица отъ непріятеля не отворачивалъ и почти ничего не получилъ; а за марширование на Арскомъ полѣ (въ Казани) и удачные батальонные выстрѣлы получилъ два ордена“ [1]). Энгельгардтъ сообщаетъ весьма подробныя и интересныя свѣдѣнія о пребываніи императора Павла въ Казани, дополняющія во многомъ „Современный журналъ этого пребыванія“, помѣщенный въ сборникѣ г. Бартенева, „Осмнадцатый вѣкъ“ (кн. IV, с. 464—469), и представляющія важный матеріалъ для характеристики Павла I.

Въ Казани Энгельгардтъ женился въ 1799 году на Екатеринѣ Петровнѣ Татищевой. Выйдя въ отставку въ томъ же году, онъ сталъ проживать въ Казани, наѣзжая изрѣдка въ Москву по зимамъ, а лѣто проводя въ старинной резиденціи Нефеда Никитича Кудрявцева, селѣ Каймарахъ.

Обѣ дочери Энгельгардта вышли замужъ за писателей. Старшая дочь, Анастасія Львовна (р. 26 октября 1804, † 13 марта 1860 г.) — за извѣстнаго поэта Пушкинской эпохи Евгенія Абрамовича Боратынскаго (р. 19 февраля 1800, † 29 іюня 1844), а меньшая — Софья Львовна за Николая Васильевича Путяту (р. 22 іюля 1802, † 29 октября 1877 г.). Боратынскій, поэтъ мыслитель, задумчивая и задушевная поэзія котораго хорошо извѣстна всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ, прекрасно отразилъ свой симпатичный нравственный образъ въ вдохновенныхъ произведеніяхъ, а потому и не нуждается еще въ новой характеристикѣ. Скажу нѣсколько словъ о мужѣ второй дочери Л. Н. Энгельгардта. Н. В. Путята былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Пушкину и къ Бо-

---

[1]) Записки Энгельгардта, «Русск. Вѣстн.» 1859 г., т. XXIV, стр. 594.

ратынскому, вслѣдствіе чего и женился на свояченицѣ послѣдняго, и вращался въ обществѣ Карамзина, князей Вяземскаго и Одоевскаго. Онъ былъ человѣкъ большого ума и многосторонняго образованія; занимался много новой русской исторіей, но печаталъ мало изъ написаннаго имъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ предсѣдателемъ московскаго Общества любителей россійской словесности [1]).

Здѣсь я долженъ, однако, закончить мою бесѣду съ читателями о Никитѣ Алферовичѣ Кудрявцевѣ и его потомствѣ, которая и безъ того затянулась. Начавъ концемъ XVII столѣтія, я довелъ свое повѣтствованіе до 70-хъ годовъ XIX вѣка. Въ теченіе двухъ столѣтій мы встрѣтились съ шестью поколѣніями, представители которыхъ подвизались на самыхъ разнообразныхъ общественныхъ поприщахъ, столь же разнообразныхъ какъ и условія времени, въ которое они жили и дѣйствовали. Казанскій воевода и главный надсмотрщикъ за судостроеніемъ по Волгѣ, представитель утилитарнаго вѣка Петра Великаго, стоитъ въ челѣ этихъ поколѣній; поэты XIX в. самыхъ разнообразныхъ свойствъ — ихъ замыкаютъ. А между Никитою Алферовичемъ Кудрявцевымъ и этими поэтами — Панаевымъ, Давыдовымъ и Боратынскимъ, проходитъ цѣлый рядъ лицъ, въ индивидуальной жизни которыхъ постепенно отражаются общія русскія событія и идеи вѣка отъ Петра Великаго до Николая I включительно, отражаются, правда, неясно и неполно,—но такова участь въ исторіи всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, не возвышающихся надъ общимъ уровнемъ современнаго имъ умственнаго развитія. Тѣмъ не менѣе изучать такое отраженіе общихъ событій народной исторіи и воззрѣній вѣка въ частной жизни и индивидуальномъ сознаніи отдѣльныхъ личностей—и интересно, и

---

[1]) Свѣдѣнія о жизни Н. В. Путяты, къ сожалѣнію весьма краткія, см. въ «Русск. Арх.» 1878 г., кн. I, стр. 125—127.

крайне важно. Исторія давно уже перестала быть повѣствованіемъ о дѣяніяхъ героевъ и знаменитыхъ мужей, а для серьёзнаго, научнаго изученія исторіи общества, этой любопытнѣйшей части народной исторіи, прежде всего нужно изучить возможно бо́льшее число индивидуумовъ, изъ которыхъ слагается общество.

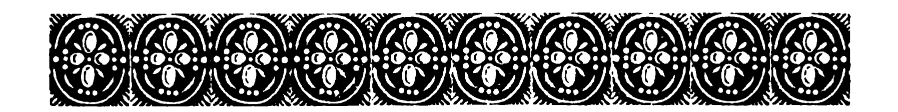

II.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ,

ФАВОРИТЪ И ОБЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II.

(1708—1739).

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ,

ФАВОРИТЪ И ОБЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II [1]).

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!...

Пушкинъ.

Личность князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго представляетъ интересъ для историка не по важности ея значенія въ жизни эпохи, а для характеристики самой эпохи.

Далеко не всякій человѣкъ оставляетъ прочный, самостоятельный слѣдъ въ исторіи своего народа. Такихъ личностей, напротивъ, весьма немного. Большинство же людей подчиняется вліянію окружающей среды, являясь продуктомъ времени и общества, среди котораго они живутъ и дѣйствуютъ. Они даже не борятся съ окружающими ихъ воззрѣніями, нравами и порядками — они подчиняются имъ, плывутъ по теченію. Это, такъ называемыя, рядовыя личности. Въ нихъ отражается ихъ время, ихъ среда,—и, изучая ихъ, изучаешь извѣстную сумму явленій ихъ эпохи.

Къ личностямъ этого послѣдняго типа принадлежитъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой.

---

[1]) Первонач. напеч. въ «Древн. и Нов. Россіи» 1879 г., т. I, стр. 31—52.

Одаренный отъ природы красивой наружностью, живымъ и гибкимъ умомъ и прекраснымъ сердцемъ, впечатлительнымъ и добрымъ, — князь Иванъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ. Но онъ не умѣлъ выработать жизненной борьбой воли, характера: онъ жилъ слишкомъ мало для этого, и жизнь его была изломана, не по его винѣ. Лишенный строгой школы въ дѣтствѣ, князь Иванъ 17-лѣтнимъ юношей начинаетъ придворную карьеру, скользкую вообще, а еще болѣе полную превратностей и случайностей въ то время, въ которое онъ вступилъ въ нее. Его захватываетъ вихрь придворной, свѣтской жизни, у него кружится голова отъ той высоты общественнаго положенія, которой онъ достигаетъ въ 19—20 лѣтъ. Несправедливо обвинять человѣка въ положеніи князя Ивана за то, что въ его года онъ не велъ себя серьезнѣе: 19—20 лѣтъ, это возрастъ, ищущій въ жизни наслажденій и утѣхъ, и нужно имѣть весьма исключительныя природныя и жизненныя условія, чтобы въ эти года относиться отрицательно къ окружающему и мучиться „задачей бытія“. Князь Иванъ не имѣлъ такихъ условій. Опутанный сѣтью придворныхъ интригъ и „конъюнктуръ“ своего отца и родственниковъ, онъ гибнетъ наряду съ ними, менѣе ихъ виновный въ ихъ олигархически-тщеславныхъ замыслахъ. Живя жизнью легкомысленнаго придворнаго только три года, князь Иванъ девять лѣтъ томится въ Березовскомъ острогѣ и въ тюрьмахъ Тобольска и Шлюссельбурга и умираетъ страшной, позорной смертью — колесованіемъ, въ тотъ возрастъ, когда только складывается характеръ обыкновеннаго человѣка. Князь Иванъ казненъ 31 года.

I.

Дѣтство и отрочество князя И. А. Долгорукаго. — Его воспитаніе. — Гофъюнкерство при в. кн. Петрѣ Алексѣевичѣ и начало его сближенія съ нимъ.— Дѣло Девьера и удаленіе кн. Ивана отъ двора, по проискамъ кн. Меншикова.—Воцареніе Петра II, месть Меншикову и его опала.—Переѣздъ двора въ Москву, тѣсное сближеніе князя Ивана съ отрокомъ-императоромъ.— Фаворъ князей Долгорукихъ.—Помолвка Петра II съ сестрой князя Ив. Ал. Долгорукаго и самого князя Ивана съ гр. Нат. Борис. Шереметевой.

(1708 — 1729).

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой родился въ 1708 году. Онъ былъ старшій сынъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и княгини Прасковьи Юрьевны, рожденной княжны Хилковой. Кромѣ сына Ивана, у Алексѣя Григорьевича было еще три сына и три дочери. Старшая изъ дочерей, княжна Екатерина, впослѣдствіи извѣстная подъ именемъ „государыни - невѣсты“, была обручена съ отрокомъ императоромъ Петромъ II и явилась несчастной игрушкой въ рукахъ честолюбиваго и ограниченнаго отца [1]). Первоначальное воспитаніе Иванъ Алексѣевичъ получилъ въ Варшавѣ, въ домѣ своего дѣда, талантливаго дипломата эпохи Петра Великаго, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, бывшаго долгое время посломъ при королѣ польскомъ Августѣ II (съ 1700 по 1712 и съ 1715 по 1721 г.). Въ 1721 г., мѣсто

---

[1]) Ивана Алексѣевича Долгорукаго братья и сестры: 1) Николай Алексѣевичъ, родился 1713 г. † 1790 г.; 2) Алексѣй, родился 1716 † 1792 г.; 3) Александръ, родился 1718 † 1782 году; 4) Елена, родилась 1725 † 1749 г.; 5) Екатерина, родилась 1722 † 1745 г.; 6) Анна, родилась 1727 г.

князя Григорія Өедоровича, въ Варшавѣ, занялъ его племянникъ, князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукой. Иванъ Алексѣевичъ продолжалъ жить при дядѣ и только въ 1723 году, въ годъ смерти Григорья Өедоровича, прибылъ въ Петербургъ. Въ суетномъ и парадномъ дворѣ Августа II и въ легкомысленномъ и праздномъ образѣ жизни польскихъ магнатовъ начала XVIII вѣка — юноша князь Иванъ не могъ имѣть строгой и серьезной школы, несмотря на то, что воспитателемъ его былъ очень замѣчательный человѣкъ того времени, нѣмецъ Генрихъ Фикъ. Этотъ Фикъ, подавшій Петру Великому проектъ обученія молодыхъ людей, былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ служилыхъ иноземцевъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Сторонникъ шведской конституціи, Фикъ разработалъ для Петра Великаго систему коллегіальнаго управленія и находился въ близкихъ отпошеніяхъ съ замѣчательнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ первой половины XVIII вѣка — княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Вліяніемъ на него Фика объясняется многое въ замыслахъ верховниковъ при ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны. Врожденныя свойства характера князя Ивана—впечатлительность и живость — не только не получали сдержки, а еще болѣе развивались и совершенствовались въ Варшавѣ. Здѣсь онъ спозаранку привыкъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ, къ любовнымъ интригамъ и къ кутежамъ.

Съ 1723 года Иванъ Алексѣевичъ жилъ въ Петербургѣ, при отцѣ, занимавшемъ тогда должность президента Главнаго магистрата. При восшествіи на престолъ Екатерины I, Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ гофъ-юнкеромъ къ великому князю Петру Алексѣевичу, сыну несчастнаго царевича Алексѣя Петровича. Этотъ маленькій Петръ, внукъ Петра Великаго, былъ въ то время „забытъ и незнаемъ", никто не обращалъ на него вниманія, а Иванъ Алексѣевичъ, понявъ тогдашнія придворныя „конъюнктуры", сообразилъ, что преемникомъ Екатерины будетъ никто иной какъ Петръ Алексѣевичъ и, по выраженію князя М. М. Щербатова,

„разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность“. Князь Щербатовъ передаетъ слѣдующій анекдотъ по этому поводу: „Въ единый день, нашедъ его (великаго князя Петра) единаго, Иванъ Долгорукой палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому, имѣетъ и къ его крови; изъяснилъ ему, что онъ по крови, по рожденію и по полу, почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ Россійскаго престола, прося, да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему“. Съ этого дня начинается дружба его съ великимъ княземъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фаворъ всей фамиліи Долгорукихъ. Петръ, въ то время десятилѣтній ребенокъ, впечатлительный и привязчивый, очень естественно могъ полюбить ловкаго, словоохотливаго семнадцатилѣтняго красавца гофъ-юнкера. Меншиковъ, зорко слѣдившій за Петромъ, конечно не могъ равнодушно переносить фаворъ Ивана Алексѣевича. Запутанный Ижорскимъ княземъ въ дѣло Девьера, молодой гофъ-юнкеръ былъ отправленъ поручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Такого оскорбленія никогда не могъ простить „выскочкѣ пирожнику“, надменный Долгорукой, и въ этомъ удаленіи слѣдуетъ искать начало немилости, а затѣмъ и паденія Меншикова.

Съ воцареніемъ Петра II, Иванъ Алексѣевичъ снова является при дворѣ и сразу затѣняетъ своимъ значеніемъ будущаго императорскаго тестя. Онъ совершенно овладѣваетъ сердцемъ и умомъ юнаго императора. Петра II забавляютъ разныя выдумки его весельчака-любимца: то балъ, то охота, то parti de plaisir за городомъ, съ иллюминаціей, бенгальскими огнями и фейерверкомъ. Постоянно въ обществѣ своей красавицы тетки, Елизаветы Петровны, и кокетливой сестры князя Ивана, Екатерины Долгорукой, окруженный цѣлой толпой молоденькихъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ—двѣнадцатилѣтній Петръ II невольно начинаетъ предаваться мечтаніямъ эротическаго свойства.... Марія Меншикова, его невѣста, гораздо старше его и некрасивая лицемъ, мало по

малу дѣлается ему противна. Но не однѣми забавами привязалъ къ себѣ императора князь Долгорукой. Онъ напоминалъ Петру о необходимости продолжать занятія науками и внушалъ ему милосердіе и состраданіе. Сохранилось, между прочимъ, слѣдующее преданіе. Однажды, стоя за кресломъ императора и видя, какъ ему поднесли къ подписанію смертный приговоръ, князь Иванъ укусилъ государя за ухо, и на вопросъ его: „что это значитъ?“ — отвѣчалъ: „прежде чѣмъ подписывать бумагу надо вспомнить каково будетъ несчастному, когда ему станутъ рубить голову!“ — „Расположеніе царя къ князю Ивану таково,—пишетъ испанскій посолъ де-Лиріа,—что царь не можетъ быть безъ него ни минуты. Когда на дняхъ его ушибла лошадь и онъ долженъ былъ слечь въ постель, его величество спалъ въ его комнатѣ“.

Результаты сближенія императора съ гофъ-юнкеромъ скоро даютъ себя знать. Въ сентябрѣ 1728 года, Меншиковъ, а съ нимъ и его дочь, невѣста императора, ссылаются въ Раненбургъ, а оттуда въ Березовъ. Девятнадцатилѣтній князь Иванъ Долгорукой дѣлается оберъ-камергеромъ, майоромъ гвардіи и затѣмъ кавалеромъ заразъ двухъ орденовъ: Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Фаворъ полный. Молодой любимецъ царя становится невольнымъ участникомъ честолюбивыхъ замысловъ своихъ родичей, князей Долгорукихъ: роднаго дяди, Сергѣя Григорьевича, и двоюроднаго, Василья Лукича. У самого оберъ-камергера нѣтъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ въ головѣ, нѣтъ никакихъ замысловъ. Онъ живетъ жизнію двадцатилѣтняго юноши, смотрящаго черезъ розовыя очки на міръ Божій, не мудрствуя лукаво, не думая о завтрашнемъ днѣ, мало обращая вниманія на калейдоскопъ придворныхъ перемѣнъ того времени; а перемѣны эти были часты и эфемерны. „Дворъ императорскій со времени удаленія князя Меншикова, — говоритъ историкъ Петра II Арсеньевъ, — былъ какъ бы ристалищемъ, на коемъ бойцы испытывали свои силы, и сдѣлался потомъ мѣстомъ сокровенныхъ нападеній и открытаго боя соперниковъ, препирав-

шихся о власти". — „Ежели взять нынѣшнее обхожденіе — пишетъ одинъ изъ современниковъ (бригадиръ Пашковъ)— какимъ мученіемъ суетнымъ преходятъ люди съ людьми: нынѣ слышишь такъ, а завтра иначе; есть много такихъ, которые ногами ходятъ, а глазами не видятъ, а которые и видятъ, тѣ не слышатъ; новые временщики привели великую конфузію такъ, что мы съ опасеніемъ бываемъ при дворѣ, всякой всякаго боится, а крѣпкой надежды нигдѣ нѣтъ".

Тѣмъ не менѣе, князь Иванъ, по личнымъ къ нему отношеніямъ отрока-императора, былъ сила, къ которой прибѣгали не одни только его родичи, но и сторонніе люди и притомъ, что называется, люди съ вѣсомъ. Гофмейстеръ императора Остерманъ заискивалъ въ князѣ Иванѣ Долгорукомъ, его дружбы искали иностранные дипломаты, даже самый важный изъ нихъ, по нашимъ тогдашнимъ международнымъ отношеніямъ, посолъ цесаря нѣмецкаго графъ Вратиславъ. При Петрѣ II всѣ иностранцы въ Россіи вообще очень струсили. Возвышеніе при дворѣ и въ государствѣ русскихъ людей и долгое пребываніе императора въ Москвѣ послѣ коронаціи— въ особенности послѣднее—ихъ очень смущало и безпокоило. Они вообразили, что Россія стоитъ на поворотѣ къ прежнему, по ихъ представленію, московскому варварству, что она на пути „отъ бытія", къ которому вызвалъ ее Петръ Великій, снова къ „небытію", то есть къ замкнутости Московскаго царства. „Великіе замыслы Петра I-го—взывали иностранные дипломатическіе агенты при русскомъ дворѣ — въ скоромъ времени будутъ приведены къ нулю". Они близоруко вообразили, что реформа Петра Великаго есть его прихоть и что „бытіе" Россіи обусловливается преобладаніемъ „Нѣмцевъ, перешедшихъ нашъ порогъ". Въ одномъ они были правы: въ Москвѣ Петръ II повелъ не по лѣтамъ разсѣянную жизнь.

Съ переѣздомъ двора въ Москву въ 1728 году, „потѣхи" Петра II окончательно взяли верхъ надъ учебными и серьезными занятіями. Отрокъ императоръ предался всецѣло увеселеніямъ и въ особенности охотѣ. Но на этотъ разъ винов-

никомъ разсѣянной его жизни былъ уже не Иванъ Алексѣевичъ, а его отецъ, Алексѣй Григорьевичъ, второй послѣ Остермана гофмейстеръ Петра II, человѣкъ безъ образованія, безъ способностей, но гордый и тщеславный, желавшій одинъ руководить императоромъ и думавшій управлять Остерманомъ, а на дѣлѣ бывшій всецѣло подъ его вліяніемъ. Онъ завидовалъ фавору сына и желалъ подставить на его мѣсто другаго. Этотъ другой скоро нашелся въ лицѣ красиваго камергера цесаревны Елизаветы Петровны, Бутурлина, родственника князей Голицыныхъ. Петръ сталъ оказывать Бутурлину предпочтеніе передъ княземъ Иваномъ Долгорукимъ, но это предпочтеніе было далеко не по сердцу Алексѣю Григорьевичу: черезъ Бутурлина императоръ подпадалъ вліянію Елизаветы Петровны и Голицыныхъ, чего менѣе всего желалъ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой. Тайнымъ намѣреніемъ его было обвѣнчать Петра II съ своею дочерью, княжною Екатериною. Онъ увозилъ Петра II на цѣлыя недѣли въ свою подмосковную деревню Горенки для того чтобы отдалить его, какъ отъ цесаревны Елизаветы, такъ и отъ сына, и сблизить, напротивъ, съ своей дочерью, княжной Екатериной. „Бѣдный молодой человѣкъ, — пишетъ испанскій посолъ де-Лиріа о князѣ Иванѣ, — въ такомъ отчаяніи, что желаетъ, чтобы царь пересталъ его любить и удалилъ его отъ себя“. Де-Лиріа, бывшій съ княземъ Иваномъ въ близкихъ отношеніяхъ, обращалъ его вниманіе на охлажденіе къ нему императора, но тотъ всегда отвѣчалъ ему, что онъ не ѣздитъ за городъ съ государемъ просто потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ его дѣлать, и тѣхъ наглостей, съ которыми относятся къ царю его сопровождающіе.

Съ отчаяніемъ, въ досадѣ на отца и на сестру Екатерину, съ которой онъ былъ не въ хорошихъ отношеніяхъ, князь Иванъ, оставаясь одинъ въ Москвѣ, предавался неумѣренному кутежу. Образъ жизни его выводилъ изъ себя даже его друзей. „Онъ не сопутствуетъ царю, — говоритъ де - Лиріа, —

чтобы во время царскихъ выѣздовъ наединѣ предаваться собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ". „Я опасаюсь,— прибавляетъ тотъ же дипломатъ,—что онъ мало по малу совсѣмъ потеряетъ благоволеніе его величества, которому онъ уже не служитъ съ такимъ усердіемъ, какъ прежде".

Враги князя Ивана (а у него ихъ было не мало) съ большой рѣзкостью отзываются о его наслажденіяхъ и удовольствіяхъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, питавшій ненависть ко всѣмъ Долгорукимъ, утверждалъ, что Иванъ Алексѣевичъ „на лошадяхъ, окруженъ драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ—и по ночамъ въ честные домы вскакивалъ—гость досадный и страшный". О характерѣ посѣщеній князя Ивана въ „честные домы" находятся любопытныя, хотя сильно ретушированныя, подробности въ мемуарѣ князя Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи". Князь Щербатовъ, ригористъ и рѣзкій порицатель „поврежденія нравовъ" послѣ-реформенной Россіи, былъ цѣлымъ поколѣніемъ моложе князя Ивана Долгорукаго. Онъ не зналъ его лично, и писалъ по слухамъ въ то время, когда о роли князей Долгорукихъ при Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ слагались цѣлыя легенды. Враги Долгорукихъ вносили въ эти легенды густыя черныя краски. По этому свидѣтельства князя Щербатова слѣдуетъ принимать съ большою осторожностью. Князь Щербатовъ разсказываетъ подробно о любовныхъ похожденіяхъ князя Ивана и, между прочимъ, о его открытой связи съ женой князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, княгиней Настасьей Гавриловной, рожденной Головкиной (дочерью канцлера). „Князь Иванъ,—говоритъ князь Щербатовъ,—не только безъ всякой закрытности съ нею жилъ, но при частыхъ съѣздахъ у князя Трубецкаго съ другими своими младыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генералъ-маіора и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ своей жены сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единожды, бывъ въ домѣ сего князя Трубецкаго, по исполненіи

многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ его выкинуть въ окошко и еслибы Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабкѣ его Лопухиной, первой супругѣ Петра Великаго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ князя Долгорукаго, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было"... „Окружающіе однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе,—продолжаетъ князь Щербатовъ,—примѣру его подражали, и можно сказать, что честь женская не менѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ".

Разгульный образъ жизни скоро надоѣлъ князю Ивану. Добрая сторона его природы проснулась, и онъ рѣшился остепениться. Лучшее средство для этого, по воззрѣнію нашихъ предковъ, была женитьба: „женится—перемѣнится",—говоритъ русская пословица; и вотъ князь Иванъ начинаетъ мечтать о семейной жизни. Его родственники, въ особенности мать, по всей вѣроятности, склоняли его также къ этому. Женихъ онъ былъ очень выгодный. Его положеніе при дворѣ, его близость къ императору, а главное, ожидаемая всѣми не нынче-завтра помолвка Петра II съ его сестрою, княжною Екатериною — заставляли многія знатныя семейства искать случая породниться съ нимъ. Носились даже слухи, что онъ хотѣлъ жениться на цесаревнѣ Елизаветѣ, но получилъ отказъ. Елизавета Петровна сочла бракъ съ нимъ неровнымъ для себя союзомъ, да и кромѣ того, сердце ея въ то время не было свободно. Онъ влюбился въ дочь Миниха, но на этотъ бракъ не согласился его отецъ, ненавидѣвшій Нѣмцевъ. Думалъ было князь Иванъ жениться на графинѣ Ягужинской, дочери извѣстнаго Павла Ивановича, одного изъ наперсниковъ Петра Великаго, но и этотъ бракъ разстроился. Помѣшалъ опять отецъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой считалъ не парой для своего сына дочь худороднаго Поляка. У Ягужинскаго произошла съ нимъ изъ за этого ссора, и Павелъ Ивановичъ сталъ непримиримымъ врагомъ Долгорукихъ. Нако-

нецъ князь Иванъ сдѣлалъ предложеніе дочери умершаго фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, Натальѣ Борисовнѣ. Предложеніе это было принято съ радостью какъ его родными, такъ и родными невѣсты. Партія, которую дѣлала пятнадцатилѣтняя сирота графиня, красавица и очень богатая дѣвушка, считалась въ то время идеально-завидною какъ для невѣсты, такъ и для жениха. Но пусть лучше разскажетъ намъ объ этомъ сама Наталья Борисовна, задушевно простымъ языкомъ своихъ записокъ: „Думала, я первая счастливица въ свѣтѣ—пишетъ Наталья Борисовна,—потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи. Я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна. Напротивъ того и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ! какъ она счастлива! Моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать, я не знала, что это счастіе мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословитъ. Однако я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предыдущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію. Подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась“. Иванъ Алексѣевичъ серьезно и глубоко полюбилъ эту прекрасную дѣвушку и эта любовь служитъ лучшимъ мѣриломъ его собственной души: въ ней выразилось все лучшее въ его природѣ.

30-го ноября 1729 года произошло торжественное обрученіе Петра II съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгорукою, а вскорѣ послѣ этого, въ Рождественскій сочельникъ, состоялось тоже очень торжественное обрученіе брата императорской невѣсты, оберъ-камергера, князя Ивана Долгорукаго съ Натальей Борисовной Шереметевой.

II.

Болѣзнь Петра II, составленіе кн. Долгорукими его подложной духовной и степень участія въ этомъ князя Ивана. — Кончина юнаго императора, шляхетское движеніе въ Москвѣ и избраніе императрицей герцог. Курляндской Анны Іоанновны. — Опала князей Долгорукихъ. — Свадьба князя Ив. Ал. Долгорукова и ссылка его, его родителей, братьевъ и сестеръ. — Путь ихъ до Березова.

(1730).

Наступившій вслѣдъ за этими торжествами 1730 годъ начался очень несчастливо для князей Долгорукихъ и для юнаго императора, но никто не предвидѣлъ того, что совершилось такъ неожиданно скоро. 6-го января, въ крещенье, Петръ II простудился, и болѣзнь его стала развиваться съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Надежды на выздоровленіе не было. Тогда-то князья Долгорукіе, Григорьевичи, отецъ оберъ-камергера съ братьями, и Василій Лукичъ придумали составить подложное завѣщаніе отъ имени Петра II о назначеніи преемницей престола государыни-невѣсты Екатерины Алексѣевны. Иванъ Алексѣевичъ мало принималъ участія въ этомъ дѣлѣ. Замыселъ о духовномъ завѣщаніи принадлежитъ его отцу, князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, а главные авторы его были: Василій Лукичъ и Сер-

гѣй Григорьевичъ. На совѣщаніи Долгорукихъ о духовной въ Головинскомъ дворцѣ, у князя Григорія Алексѣевича, 17-го января, составлено было два экземпляра духовной; одинъ экземпляръ предполагалось поднести къ подписанію умирающаго императора, а другой экземпляръ, на случай если императоръ не будетъ имѣть возможности подписать, долженъ былъ подписать кто нибудь изъ Долгорукихъ. Подписалъ Иванъ Алексѣевичъ, которому рука Петра II была хорошо извѣстна.

— „Я умѣю подъ руку государеву подписываться—говорилъ Иванъ Алексѣевичъ — понеже я съ государемъ, издѣваясь (то есть забавляясь, шаля), писывалъ, и можно мнѣ ту духовную подписать“.

Затѣмъ Иванъ Алексѣевичъ объяснилъ подробно, какъ онъ „издѣваясь съ государемъ, писывалъ“. „Во время большой охоты въ окрестностяхъ Тулы—говорилъ онъ—государь для шутки сталъ писать свое имя по французски и по русски, а для забавы, при его величествѣ, я писалъ имя его величества такимъ же почеркомъ, какъ его величество писать изволилъ“.

Когда оба экземпляра духовной были написаны, Иванъ Алексѣевичъ вынулъ какія-то черновыя письма изъ кармана: то были „тульскія забавы“—и обратился къ своимъ дядямъ и отцу:

„Посмотрите,—говорилъ онъ,—клеймо государево и моей руки, слово въ слово, какъ государево письмо“.

Иванъ Алексѣевичъ подалъ Долгорукимъ два листа, на каждомъ изъ которыхъ было написано только по одному слову: „Петръ“. Долгорукіе стали подробно разсматривать обѣ подписи и никакъ не могли догадаться, которая подпись подлинная, которая принадлежитъ Ивану Алексѣевичу. Тотъ указалъ имъ на свою поддѣлку подъ руку императора. Вслѣдъ затѣмъ онъ подписалъ одинъ экземпляръ духовной.

Этимъ ограничилось все его участіе въ замыслѣ его родичей. Изъ позднѣйшихъ показаній Ивана Алексѣевича (въ 1739 году) ясно видно, что онъ былъ совершенно чуждъ не

только дальнѣйшимъ планамъ своего отца и дядей относительно подложной духовной Петра II, но и самому замыслу объ объявленіи своей сестры наслѣдницею престола. Иванъ Алексѣевичъ былъ неотлучно при умирающемъ императорѣ. Авторы духовной отдали оба экземпляра Ивану Алексѣевичу, прося его найти случай, чтобъ Петръ II подписалъ одинъ изъ нихъ, но онъ не нашелъ такого случая за тяжкою болѣзнію императора. Очень можетъ быть, что Иванъ Алексѣевичъ просто не хотѣлъ найти этого случая, считая невозможнымъ возвести на престолъ свою сестру. Подписавъ духовную, очевидно также необдуманно, какъ необдуманно онъ „издѣвался“ съ императоромъ въ Тулѣ, (онъ подписалъ ее, по собственному сознанію, не читая), Иванъ Алексѣевичъ во время спохватился и не далъ дальнѣйшаго хода духовной. Присутствуя на совѣщаніи своихъ родичей 17-го января и выслушавъ длинныя разсужденія pro и contra о провозглашеніи императрицею княжны Екатерины, Иванъ Алексѣевичъ, какъ видно, пришелъ къ выводамъ отрицательнымъ на этотъ счетъ. На него могли подѣйствовать рѣзкіе и убѣдительные доводы фельдмаршала князя Долгорукаго, говорившаго противъ возведенія на престолъ княжны Екатерины; но кромѣ того личныя къ нему отношенія отца и сестры не могли заставить его особенно плѣняться мыслію видѣть её на русскомъ престолѣ [1]).

Долгорукіе, кромѣ подписи духовной, имѣли еще слѣдующіе планы относительно провозглашенія императрицей княжны Екатерины. Они хотѣли: во первыхъ, чтобы волю свою, выраженную въ духовной, Петръ II заявилъ лично „министрамъ“ Верховнаго тайнаго совѣта, призвавъ ихъ къ себѣ,— и во вторыхъ, чтобы по кончинѣ императора объявить духовную въ народъ. Эти планы были вовсе даже неизвѣстны

[1]) Подробности о совѣщаніяхъ кн. Долгорукихъ 17 января 1730 г. относительно духовной Петра II, смотри въ статьѣ Н. И. Костомарова: «Самодержавный отрокъ», Древняя и Новая Россія, 1878 г., т. I, стр. 55—57.

Ивану Алексѣевичу. Онъ держалъ у себя оба экземпляра духовной до 20-го января, то есть до того дня, когда избраніе на престолъ Анны Іоанновны, герцогини Курляндской, стало уже совершившимся фактомъ. 20-го января Иванъ Алексѣевичъ отдалъ духовныя отцу и тотъ сжегъ ихъ.

Такова степень участія фаворита Петра II во всемъ этомъ дѣлѣ на основаніи офиціальныхъ актовъ, вслѣдствіе чего нельзя согласиться съ Манштейномъ, говорящимъ, что „лишь только Петръ II закрылъ глаза, какъ князь Иванъ вышелъ изъ комнаты и, со шпагою наголо, закричалъ: „да здравствуетъ императрица Екатерина“! Но какъ на этотъ возгласъ никто не отвѣчалъ, то онъ увидѣлъ тщетность своего плана, вложилъ шпагу въ ножны, отправился домой и сжегъ завѣщаніе“. Свидѣтельство Манштейна основано на одномъ изъ устныхъ пересказовъ о смерти Петра II и избраніи Анны Іоанновны, пересказовъ, которыхъ обращалось въ публикѣ очень много въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII вѣка. Точныхъ документальныхъ свидѣтельствъ никто тогда не зналъ. Они находились подъ спудомъ до нашихъ дней. Въ то время многіе даже сомнѣвались въ существованіи подложнаго завѣщанія Петра II, составленнаго Долгорукими.

19 января 1730 года, въ первомъ часу ночи, четырнадцатилѣтній Петръ II скончался. Съ его смертію пресѣклось мужское поколѣніе дома Романовыхъ. Верховный совѣтъ собрался въ экстренное засѣданіе для рѣшенія вопроса первой важности: кому быть государемъ на Руси? Вопросъ этотъ не стоялъ на очереди съ 1613 года. Отецъ Ивана Алексѣевича, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, попробовалъ было завести рѣчь о своей дочери, но ему почти не дали говорить. По инициативѣ князя Димитрія Михайловича Голицына, поддержаннаго княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, главой Россійскаго государства была избрана Курляндская герцогиня Анна Іоанновна, причемъ самодержавная власть ея была ограничена извѣстными „пунктами“. Вслѣдъ затѣмъ началась знаменательная въ русской исторіи борьба „верховниковъ“ съ „шля-

хетствомъ“ по вопросамъ о государственномъ строѣ земли русской. У шляхетства (такъ называлось въ то время дворянство) начались совѣщанія, стали открыто съѣжаться и сходиться на большія сборища въ домахъ князей Черкасскаго и Барятинскаго и другихъ. Верховники также совѣщались, но тайно: они шептались между собой въ особой палатѣ, куда всходили изъ официальнаго присутствія Верховнаго совѣта. Московское общество было сильно возбуждено, какъ давно не помнили старожилы. „Шляхетскіе“ кружки волновались теперь, быть можетъ, столь же сильно, какъ волновались московскіе „начетчики“ конца XVII вѣка, въ годину раскольничьихъ и стрѣлецкихъ смутъ. Иванъ Алексѣевичъ не участвовалъ въ этихъ совѣщаніяхъ. Онъ былъ совершенно чуждъ тогдашнему политическому движенію. Онъ искренно предавался постигшему его горю, горячо оплакивая преждевременную кончину своего юнаго друга-государя. Угрызенія совѣсти за „потѣхи“ съ императоромъ мучили его. Его волновало будущее.... Что-то будетъ съ воцареніемъ Анны Іоанновны? Какъ отнесется новое правительство къ нему и къ его родичамъ?... Его смущало духовное завѣщаніе. Князь Иванъ находилъ утѣшеніе своей душевной скорби въ любвеобильномъ сердцѣ своей невѣсты и въ бесѣдахъ испанскаго посла де-Лиріа. Но конечно самая мрачная фантазія не могла подсказать той лютой судьбы, которая въ недалекомъ будущемъ ожидала князя Ивана и всю его семью.

11-го февраля совершились похороны Петра II, и съ опущеніемъ въ могилу трупа юнаго императора, померкла звѣзда его фаворита. Анна Іоанновна уже торжественно въѣхала въ Москву, не менѣе торжественно разодрала „пункты“ Верховнаго тайнаго совѣта: самодержавіе было возстановлено. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали приближающейся коронаціи императрицы, къ которой дѣлались пышныя приготовленія. Повидимому гроза пронеслась надъ головою Долгорукихъ, не задѣвъ ихъ, но это было только повидимому.

Гроза подобралась къ Долгорукимъ втихомолку, не-

жданно-негадано. 8-го апрѣля появился указъ сенату съ слѣдующимъ неопредѣленнымъ началамъ: „Извѣстны мы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ губернаторовъ нѣтъ: того ради“... назначались губернаторами слѣдующіе Долгорукіе: князь Василій Лукичъ въ Сибирь, князь Михаилъ Владиміровичъ въ Астрахань, князь Иванъ Григорьевичъ въ Волгду, воеводою. На другой день, 9 апрѣля, появились два краткихъ указа. Первымъ назначался воеводою, даже безъ указанія куда именно, другой братъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, князь Александръ Григорьевичъ. Городъ для его воеводства предоставлялось опредѣлить сенату. Вторымъ указомъ ссылались въ дальнія деревни ихъ: отецъ князя Ивана, Алексѣй Григорьевичъ, со всѣми дѣтьми, слѣдовательно и Иванъ Алексѣевичъ,—и дядя послѣдняго, князь Сергѣй Григорьевичъ съ семьей. Въ тотъ же день всѣхъ Долгорукихъ допрашивали о „завѣщательномъ письмѣ Петра II“. Иванъ Алексѣевичъ, подъ угрозою „объявить самую истинную правду подъ смертною казнію“, собственноручно написалъ: „ни о какой духовной, или завѣщательномъ письмѣ, или проэктахъ (онаго) никогда ни отъ кого не слыхалъ и у самого не бывало“. Въ данномъ случаѣ запереться было единственнымъ средствомъ спасти себя.

О Долгорукихъ стали разсказываться разные анекдоты, въ которыхъ истина перепутывалась съ ложью и гдѣ фантазія находила обильную себѣ пищу. Въ этихъ разсказахъ главною виною Долгорукихъ и причиной ихъ опалы являлось похищеніе ими громадныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства и наслѣдственныхъ царскихъ сокровищъ изъ дворца. Намѣреніе ихъ провозгласитъ императрицей княжну Екатерину едва мелькало въ разсказахъ. Эти анекдоты находили себѣ мѣсто въ тогдашнихъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ, напримѣръ въ нѣмецкихъ журналахъ: „Europäische Fama“, „Historisches Journal“, „Der Genealogische Archivarius“; во французскихъ: „Recueil de Gazette dedié au Roy“; датскихъ: „Staats und gelehrte Zeitung“ и „Reichs-Post Reiter“;

голландскихъ: „Mercure historique et politique“ и „Gazette d'Utrecht“,—а впослѣдствіи передавались въ словесныхъ пересказахъ и вносились въ разныя нѣмецкія компиляціи XVIII в. Но въ этихъ разсказахъ, какъ всегда, была доля правды. Послѣ паденія Долгорукихъ въ московскомъ кремлѣ устроена была особая палатка для разбора возвращенныхъ отъ нихъ драгоцѣнныхъ вещей. Молва называла въ то время главнымъ виновникомъ несчастія Долгорукихъ вице-канцлера Остермана; только впослѣдствіи создалось убѣжденіе, что они погибли по злобѣ Бирона. Если можно винить одно лице въ злосчастной судьбѣ Долгорукихъ — то конечно можно винить скорѣе Остермана, чѣмъ Бирона. Остерманъ, хорошо знакомый съ внутреннимъ политическимъ состояніемъ Россіи того времени, знавшій близко роль и значеніе Долгорукихъ при Петрѣ II и всѣ ихъ замыслы и имѣвшій большой авторитетъ въ глазахъ Анны Іоанновны, скорѣе могъ стать гонителемъ сильныхъ въ то время Долгорукихъ, чѣмъ изучавшій только почву московскаго двора, едва пріѣхавшій изъ Курляндіи камеръ-юнкеръ Биронъ. Биронъ въ 1730 году былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ явился въ 1740. Тогда онъ не былъ всесильнымъ временщикомъ, а только робкимъ, заискивающимъ человѣкомъ, и не ему было тягаться съ сильными русскими олигархами. За Остерманомъ стояла цѣлая фаланга лицъ, изъ природныхъ Русскихъ, отъ всего сердца желавшахъ гибели Долгорукихъ. Во главѣ этой фаланги были концлеръ Гаврила Ивановичъ Головкинъ и большое его родство. Много было причинъ для этой ненависти къ Долгорукимъ. Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ вполнѣ ее заслужили своими олигархическими затѣями и лукавствомъ, но помимо этого было много причинъ для ненависти, причинъ мелочныхъ, совершенно личныхъ, случайныхъ: частныя отношенія, родственныя ссоры и дрязги, состязаніе мелкаго самолюбія, зависть, денежные счеты и проч., и проч. Одинъ юродивый первой половины XVIII вѣка, Тихонъ Архиповичъ, мѣтко характеризовалъ такого рода взаимныя отношенія русскихъ людей:

„намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ — говорилъ онъ — мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“.

Положеніе князя Ивана, наравнѣ со всѣми Долгорукими, а равно и положеніе его невѣсты, было ужасно тягостно съ самой смерти Петра II. Состояніе духа Натальи Борисовны и ея жениха отлично выразила она въ своихъ запискахъ. „А между тѣмъ всякія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ — пишетъ Наталья Борисовна. Иной скажетъ въ ссылку сошлютъ, иной скажетъ чины и кавалеріи оберутъ: подумайте, каково мнѣ тогда было, будучи въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руки помощи не имѣть и ни съ кѣмъ о себѣ посовѣтывать; а надобно и домъ, долгъ и честь сохранить, и вѣрность не уничтожить. Великая любовь къ нему (князю Ивану) весь страхъ изгонитъ изъ сердца, а иногда нѣжность воспитанія и природа въ такую горесть приведетъ, что всѣ члены онѣмѣютъ отъ несносной тоски. Куда какое это злое время! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ. Кажется въ тѣ дни и солнце не свѣтило; только и отрады мнѣ было, когда его (князя Ивана) вижу, поплачемъ вмѣстѣ и такъ домой поѣдемъ. Куда уже всѣ веселья пошли! Ниже сходства было, что это женихъ къ невѣстѣ ѣздитъ“. Князь Алексѣй Григорьевичъ, съ княземъ Иваномъ и со всей семьей жилъ въ то время въ своей подмосковной — Горенкахъ.

Въ самый разгаръ черныхъ для Долгорукихъ дней умерла бабушка Натальи Борисовны, Марья Ивановна Салтыкова (23 февраля 1730 г.), старшій братъ невѣсты, Петръ Борисовичъ Шереметевъ лежалъ больной въ оспѣ, меньшой, Сергѣй — жилъ отдѣльно отъ сестры. Молоденькая невѣста была совершенно предоставлена себѣ. Вся ея родня, такъ еще недавно восхищавшаяся предстоящею ей партіей, стала ее теперь отговаривать отъ брака съ человѣкомъ, надъ которымъ уже носился злой демонъ опалы, но влюбленная дѣвушка слушать ничего не хотѣла. Она вступала въ большую семью, кромѣ того въ семью не дружную, сварливую. Наталья Бори-

совна видѣла во всемъ этомъ опредѣленіе судьбы и волю Божію. Она торопилась съ свадьбой. „Самъ Богъ меня давалъ замужъ, больше никто“, — трогательно замѣчаетъ она въ своихъ запискахъ. Наконецъ свадьба была совершена въ началѣ апрѣля въ знаменитомъ селѣ Горенкахъ, подмосковной князя Алексѣя Григорьевича, гдѣ еще такъ недавно любилъ подолгу проживать юный императоръ. Самое названіе села „Горенки“ какъ бы предвѣщало ту горемычную будущность, которая открывалась теперь передъ новобрачными. Никто изъ Шереметевыхъ не присутствовалъ на свадьбѣ; Долгорукіе были всѣ въ сборѣ. Братъ Сергѣй и сестры провожали Наталью Борисовну изъ Москвы въ Горенки, какъ на похороны: плакали горько, и невѣста раскручинилась. „Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою“, — пишетъ Наталья Борисовна. Свадебный поѣздъ невѣсты состоялъ только изъ одной кареты, въ которой сидѣла Наталья Борисовна и двѣ старушки, дальнія ея родственницы. Три дня прожили молодые въ Горенкахъ. На третій день они собрались дѣлать визиты родственникамъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, но ихъ предупредилъ нежданный визитъ къ нимъ совершенно инаго характера: явился сенатскій секретарь и объявилъ грозный указъ 9-го апрѣля, ссылающій князя Алексѣя Григорьевича со всей семьей въ ссылку. Тѣмъ не менѣе, по настоянію молодой, они поѣхали съ визитами и послѣ выслушанія грознаго указа. Наталья Борисовна, по юности лѣтъ, думала, что дѣло еще можетъ уладиться: она никакъ не могла понять, чтобы безъ вины можно было ссылать! Да и не знала она въ то время всѣхъ „винъ“ Долгорукихъ. Только сорокъ слишкомъ лѣтъ спустя она поняла всѣ обстоятельства и съ горестью записала въ своихъ запискахъ: „У насъ такое время, когда, къ несчастью, нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше Турковъ: когда-бъ прислали петлю, должны-бъ удавиться“!

Здѣсь начинается горемычная доля эксъ-фаворита, доля,

въ которой играетъ такую видную роль молоденькая шестнадцатилѣтняя княгиня Долгорукая. Въ ея запискахъ, изъ которыхъ я приводилъ уже нѣсколько извлеченій, читатель найдетъ поэтическій разсказъ всѣхъ злоключеній Ивана Долгорукаго и его семьи, среди которыхъ героемъ, ангеломъ-хранителемъ ихъ всѣхъ является Наталья Борисовна. Этотъ разсказъ достаточно извѣстенъ. Его приводятъ вездѣ, гдѣ говорится о ссылкѣ Долгорукихъ; поэтому я передамъ дальнѣйшую судьбу князя Ивана Алексѣевича на основаніи малоизвѣстныхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ „слѣдственнаго дѣла о Долгорукихъ".

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, „съ женою и со всѣми сыновьями, такъ и съ дочерьми" ссылался въ пензенскую его деревню, Касимовскаго уѣзда, село Никольское. 10-го апрѣля, семья Долгорукихъ тронулась въ путь. Мать Алексѣя Григорьевича отправилась съ ними же, но уѣхала съ дороги къ другому своему сыну, князю Сергѣю Григорьевичу, въ Муромъ.

15-го мая, пріѣхалъ въ Никольское гвардіи капитанъ Петръ Воейковъ и отобралъ у князя Алексѣя Григорьевича и сына его Ивана „кавалеріи", а у послѣдняго, кромѣ того еще и камергерскій ключъ. 12 іюня послѣдовалъ новый указъ — о ссылкѣ князя Алексѣя съ семьей въ Березовъ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Всѣ вотчины и движимое его имущество были описаны и надъ ними учреждено особое управленіе отъ канцеляріи конфискаціи. Матери князя Алексѣя, объ отъѣздѣ которой къ князю Сергѣю не было извѣстно, предоставлялось на волю — ѣхать съ княземъ Алексѣемъ, или же поступить въ монастырь, по желанію, въ какой захочетъ, кромѣ монастырей московскихъ и нижегородскихъ [1]).

---

[1]) Въ Нижній не дозволялось ей потому, что въ нижегородскомъ Васильевскомъ женскомъ монастырѣ была пострижена ея дочь, Александра Григорьевна, вдова Василія Ѳедоровича Салтыкова († 1730 г.). Салтыковъ былъ родной дядя императрицы Анны Іоанновны, по матери. При ссылкѣ Александра Григорьевна не названа Салтыковой, а «князь Алексѣевой сестрою, Александрою».

Долгорукимъ дозволялось взять съ собою только пятнадцать человѣкъ прислуги: десять мужчинъ и пять женщинъ („на каждую ихъ женскую персону по одной"). Приставомъ къ Долгорукимъ, для сопровожденія ихъ до Тобольска, назначенъ гвардіи капитанъ-поручикъ Макшеевъ съ отрядомъ изъ двадцати четырехъ солдатъ, при одномъ сержантѣ и одномъ капралѣ. Макшеевъ получилъ строгую инструкцію о присмотрѣ за арестантами. Между прочимъ, инструкція предписывала „смотрѣть на-крѣпко, чтобъ никто къ нимъ, Долгорукимъ, нарочно откуда либо пріѣзжіе или ѣдучіе по пути на встрѣчѣ, не приходили и водиться съ ними отнюдь не допускать". 19 іюня Макшеевъ засталъ Долгорукихъ не въ Никольскомъ, а въ другомъ сосѣднемъ съ нимъ, селѣ Селищѣ, въ пяти верстахъ отъ Касимова. 24 іюня Долгорукіе отправились изъ Касимова. Передъ отъѣздомъ оттуда, они второпяхъ устроили свои домашнія и денежныя дѣла. (Въ деньгахъ они сильно нуждались). Весьма любопытно письмо князя Алексѣя Григорьевича къ его московскому дворецкому, Ѳедору Туркову, и прикащикамъ, отъ 24 іюня 1730 года. Изъ этого письма видно, до какой степени нуждалась семья Алексѣя Григорьевича въ деньгахъ, и выясняется взглядъ нашихъ родовитыхъ людей первой половины XVIII вѣка на ихъ частныя, домашнія обязанности и частныя долговыя обязательства. Невольно останавливаешься съ удивленіемъ надъ заботливостью въ распоряженіяхъ по своему хозяйству и надъ честнымъ отношеніемъ къ своимъ личнымъ долгамъ того самаго человѣка, который несомнѣнно не только обворовывалъ государственную казну, но и расхищалъ имущество умершаго адмирала графа Апраксина, котораго онъ былъ душеприкащикомъ. Опять та же двойственность, какъ и въ Волынскомъ, доказывающая неустойчивость въ нравственныхъ воззрѣніяхъ русскихъ людей первой половины XVIII вѣка. Вотъ это письмо князя Алексѣя Долгорукаго.

„Ѳедоръ Турковъ! Ежели деревни мои не взяты и не запрещено будетъ вамъ писать, то отпиши ты ко мнѣ, и для

Бога не оставте дому моего, и скажи людямъ, чтобъ жили межъ собой не ссорно и смотри надъ ними, за что Богъ вамъ заплатитъ. А что вы писали ко мнѣ о деньгахъ, что хотѣли ко мнѣ перевести, а я оныхъ денегъ не получалъ и взять не знаю гдѣ, и для Бога пришлите ко мнѣ деньги чрезъ какой случай возможно. Людей, которые возвратятся къ вамъ въ Москву, дворовыхъ разошлите въ деревни и опредѣлите оныхъ къ дѣламъ и велите имъ давать жалованье и хлѣбъ, а также опредѣлите къ дѣламъ въ Москвѣ или къ деревнямъ, которые годятца; дѣвкамъ, которыя прiѣдутъ, до замужества оныхъ содержите и давайте хлѣбное и денежное жалованье; лошадей, которыя къ вамъ возвратятца, мои и князь Ивановы, велите распродать, или по деревнямъ разослать [1]), а паче какъ усмотрите сами лутче, то кто изъ жеребцовъ отберите лутчихъ сколько надобно и припускать, чтобъ у припуска были. Шамардиной долгъ тысячу двѣсти рублевъ отдайте, какъ оные потребуетъ, токмо ей самой, или по писму ея кому она велитъ; Чурбанихиной долгу у матери ея не отбирать и давать оной по прежнему сполна, да Захарьенину долю давать внуку ея. Писали вы ко мнѣ, что Янковъ требовалъ денегъ за кроват и за столъ, и за стулья, и за обои, и другое что взято было у него по реестру и оное ему возвратить назадъ, понеже въ деньгахъ мнѣ нужда есть; а князь Василiю Петровичу Макулову отдать двести рублевъ, которые его были на мнѣ; и когда на вексель въ Тобольскъ переведешь ко мнѣ деньги и вексель пошлешь, тогда и къ вицъ-губернатору Ивану Васильевичу Болтину отпиши, чтобъ онъ пожаловалъ, по прибытiи моемъ въ Тобольскъ о томъ векселѣ мнѣ сказалъ; и впредь, когда станете переводить ко мнѣ деньги чрезъ вексель, пишите къ нему-жъ, вицъ-губернатору, чтобъ онъ пожаловалъ, по тѣмъ векселямъ отдавалъ“.

---

[1]) Это тѣ самыя лошади, о которыхъ такъ поэтично распространяется въ своихъ запискахъ Наталья Борисовна. (См. «Русскiй Архивъ» 1867 г., стр. 28).

Въ тотъ же день Наталья Борисовна Долгорукая писала брату: „Батюшка-братецъ, Петръ Борисовичъ! Пожалуй, прикажи мамзелѣ отдать сто рублевъ денегъ, понеже мы у нее занимали“. Эта „мамзель“ была та именно гувернантка, по имени Марія Штауденъ, о привязанности которой такъ нѣжно вспоминаетъ Наталья Борисовна въ своихъ запискахъ.

Дальнѣйшій путь Долгорукихъ, по донесеніямъ Макшеева въ Сенатъ, былъ слѣдующій. Изъ Касимова черезъ Муромъ въ Нижній-Новгородъ Окою, а затѣмъ Волгою и Камою, до Сарапуля, съ остановками въ Козмодемьянскѣ и Казани. 13-го іюля прибыли Долгорукіе въ Сарапуль и чрезъ Соликамскъ были доставлены въ Тобольскъ 24-го августа[1]). 3-го августа, въ деревнѣ Самаргахъ нагналъ Догорукихъ прапорщикъ Никита Любовниковъ, для описи бывшихъ съ ними денегъ и пожитковъ. Вслѣдствіе этого произошла небольшая остановка въ пути. Любовниковъ переписалъ всѣ вещи и деньги, но не отобралъ ихъ.

Опись, составленная Любовниковымъ, занимаетъ въ дѣлѣ „о ссылкѣ князей Долгорукихъ“ 34 страницы въ листъ весьма убористаго письма. Изъ разсмотрѣнія этой описи являются интересныя данныя, а именно: 1) Алексѣй Григорьевичъ взялъ съ собой, кромѣ носильнаго платья, три образа въ золотыхъ окладахъ и два золотыхъ креста съ брилліантами, яхонтами и изумрудами, Слѣдованную Псалтирь и золотую чашу, подаренную отъ Рѣчи Посполитой отцу его, послу въ Польшѣ, князю Григорію Ѳеодоровичу. 2) Княжна Екатерина, государыня невѣста, взяла съ собою громадное количество платьевъ, сдѣланныхъ къ свадьбѣ съ императоромъ, и разныя драгоцѣнности, по всему вѣроятію, падаренныя ей при обру-

[1]) Любопытны свѣдѣнія о цѣнахъ того времени, находящіяся въ рапортахъ Макшеева. Проѣздъ, во время двухмѣсячной дороги Долгорукихъ отъ Касимова до Тобольска съ сопровождавшими ихъ прислугою и конвоемъ, безъ продовольствія, и кромѣ того, слѣдованіе Макшеева съ командой отъ Москвы до Касимова — все это вмѣстѣ стоило 670 руб. 96 коп. Макшеевъ получилъ изъ Сената на расходы 1000 руб. и, представивъ Сенату остатокъ, 329 р. 4 к., просилъ выдать ему эти деньги въ награду. Сенатъ выдалъ ему въ награду только 94 р. 4 к., а остальные 235 руб. «въ сенатскую сумму приняты».

ченіи: петлицу съ одиннадцатью алмазами, и бриллiанты, подарки царицы Евдокіи Өеодоровны, царевны Прасковьи Ивановны и цесаревны Елизаветы Петровны. 3) У Натальи Борисовны Долгорукой пожитковъ было весьма немного. 4) Въ перечисленіи носильнаго платья, какъ мужскаго, такъ и женскаго, поражаетъ большое количество старинной московской, „до-реформенной" одежды. Очевидно, въ домашнемъ быту она сохранялась нашими предками долго послѣ того, какъ они стали оффиціально наряжаться въ пудреные парики и шитые камзолы, оберъ-роки и робъ-роны. 5) Денегъ у князей Долгорукихъ съ собой было не много. У Алексѣя Григорьевича оказалось 600 руб., въ томъ числѣ занятыхъ въ Соликамскѣ у тамошняго жителя М. Ф. Турчанинова 500 р. У Натальи Борисовны было всего 50 руб., изъ тѣхъ ста рублей, которые заняла она у „мамзели", Маріи Штауденъ, сопровождавшей ее до ихъ касимовской деревни; у Ивана Алексѣевича на рукахъ денегъ вовсе не было.

Тобольскій вице-губернаторъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ, согласно сенатскому указу, препроводилъ Долгорукихъ въ самый день ихъ пріѣзда въ Тобольскъ, т. е. 24 августа, далѣе, въ Березовъ, подъ надзоромъ капитана сибирскаго гарнизона Петра Шарыгина, съ командою въ двадцать четыре человѣка при одномъ сержантѣ и одномъ капралѣ.

III.

Жизнь кн. Ив. Ал. Долгорукаго и его семейства въ Березовѣ. — Воевода Бобровскій и другіе знакомые князей Долгорукихъ въ Березовѣ. — Поручикъ Овцынъ. — Доносы на князей Долгорукихъ. — Капитанъ Ушаковъ и тайный увозъ князей Долгорукихъ и ихъ сообщниковъ изъ Березова въ Тобольскъ.

(1730 — 1738).

Въ концѣ сентября 1730 года прибыли разжалованные и униженные временщики въ пустынный и ледяной Березовъ, гдѣ еще застали семью свергнутаго ими князя Меншикова. Долгорукіе были заперты въ острогъ, съ запрещеніемъ выходить изъ него. Они могли посѣщать только церковь. Бумаги, чернилъ и книгъ имъ не велѣно было давать. Они получали кормовыхъ по одному рублю въ сутки, прислуга ихъ столько же. Между тѣмъ, жизненные припасы въ Березовѣ были очень дороги: за пудъ сахару они платили 9 руб. 50 коп., — цѣна по тому времени непомѣрная. Они терпѣли большую нужду. Ѣли они деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ. Тоскливa была ихъ жизнь въ острогѣ, скучно проходилъ ихъ день. Мужчины имѣли одно только развлеченіе — забавляться утками, гусями и лебедями, плавaвшими въ сажалкѣ на острожномъ дворѣ. Женщины проводили время ссылки въ рукодѣліяхъ — въ рисованіи и вышиваньи по разнымъ матеріямъ священныхъ изображеній и въ шитьѣ церковныхъ облаченій. Въ числѣ иконъ (счетомъ 21), оставшихся въ Березовѣ послѣ Долгорукихъ, находились между прочимъ: 1) Распятіе Господа Іисуса Христа, писанное на лазуревой камкѣ, 2) Ангелъ-хранитель, шитый шелками и золотомъ по бѣлой кожѣ, 3) Знаменіе Божіей Матери, шитое шелками по шелковой матеріи, съ вѣнцами и гривнами, шитыми золотомъ и серебромъ пополамъ съ жемчугомъ,

и 4) Знаменіе Божіей Матери, шитое золотомъ и серебромъ по бѣлому полотну. Сверхъ того, въ березовскомъ Воскресенскомъ соборѣ до сихъ поръ хранятся двѣ парчевыя священническія ризы, на оплечіяхъ которыхъ имѣется по орденской звѣздѣ св. Андрея Первозваннаго; по свидѣтельству церковныхъ описей, а также преданій, одна изъ этихъ ризъ шита дочерями князя Долгорукаго, а другая—дочерями князя Меншикова.

Жили Долгорукіе въ постоянныхъ ссорахъ и пререканіяхъ другъ съ другомъ. Старушка-княгиня Прасковья Юрьевна Долгорукая, жена князя Алексѣя, не перенесла всѣхъ физическихъ и нравственныхъ тревогъ опалы и ссылки: въ ноябрѣ 1730 года она умерла. Ссоры Долгорукихъ начались вскорѣ по прибытіи ихъ въ Березовъ, и, какъ видно, главными заводчиками этихъ ссоръ были Алексѣй Григорьевичъ и развѣнчанная государыня-невѣста. Гордая и надменная, она не могла переносить своего униженія. Алексѣй Григорьевичъ сталъ еще нетерпимѣе и придирчивѣе относиться къ князю Ивану чѣмъ прежде. Онъ преслѣдовалъ его упреками въ томъ, что тотъ виновникъ всѣхъ ихъ бѣдъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ дать умиравшему Петру II подписать духовной... Во время взаимныхъ укоровъ у Долгорукихъ вырывались неосторожныя выраженія о ихъ прежнемъ величіи, проскальзывала весьма понятная ненависть къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1731 году объ этихъ ссорахъ возникло дѣло, по доношенію капитана Шарыгина. 9 декабря 1731 года, по выслушаніи экстракта изъ этого дѣла, послѣдовалъ именной указъ: „сказать Долгорукимъ, чтобъ они впредь отъ такихъ ссоръ и непристойныхъ словъ конечно воздержались и жили смирно подъ опасеніемъ наижесточайшаго содержанія“.

Въ первое время ссылки князя Ивана мучили угрызенія совѣсти: его добрая натура сказывалась. Въ 1733 году, онъ говѣлъ великимъ постомъ и на духу признался священнику Рождественской церкви, что онъ мучается тѣмъ, что подпи-

салъ духовную Петра II подъ руку государя. „Богъ проститъ“ — отвѣчалъ священникъ. Вообще Долгорукіе отличались набожностью. Они жертвовали въ березовскія церкви облаченія, образа и разныя драгоцѣнности, по ихъ желанію приносились въ Рождественскую церковь (она находилась вблизи острога) изъ двухъ другихъ березовскихъ церквей иконы, и служились молебны съ акаѳистами.

Въ 1734 году умеръ Алексѣй Григорьевичъ отъ горячки. Главой семьи остался Иванъ Алексѣевичъ, и вся горечь семейныхъ распрей пала на долю несчастной его жены, Натальи Борисовны. Несмотря на строгія требованія инструкціи о содержаніи ссыльныхъ, Долгорукіе пользовались покровительствомъ своихъ приставовъ и караульныхъ офицеровъ. Приставъ при Долгорукихъ, смѣнившій Шарыгина, майоръ Петровъ и каптенармусъ сибирскаго гарнизона Павелъ Козминъ особенно мирволили несчастнымъ узникамъ. Петровъ даже былъ крестнымъ отцемъ старшаго сына Ивана Алексѣевича, Михаила, родившагося въ 1731 году. Они позволяли князю Ивану и женѣ его выходить изъ острога въ городъ въ гости и принимать у себя гостей. Скоро самъ воевода березовскій, добрый и благодушный старикъ Бобровскій и его семья познакомились съ Долгорукими и часто проводили время другъ у друга. Бобровскій и жена его присылали Долгорукимъ „разную харчу“ и дарили ихъ песцовыми и другими мѣхами. Князь Иванъ и Наталья Борисовна въ свою очередь не скупились на „благодарности“ Бобровскимъ и Петрову. Они дарили имъ сукна, часы золотые ветхіе, „гарнитуръ насыпной съ искрами“ и такой же „гризетъ“. Впослѣдствіи ходили слухи и про болѣе цѣнные подарки со стороны Долгорукихъ. Разсказывали, что Петровъ получилъ отъ князя Ивана дорогую табакерку и даже сто червонцевъ. Гордая „разрушенная“ государыня-невѣста ни съ кѣмъ не сближалась, а остальные Долгорукіе были слишкомъ молоды и даже малы. Николай Долгорукой проводилъ время въ ученіи. Русской грамотѣ и кое-какимъ свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи и ариѳме-

тики обучался онъ у иконописца тобольскаго архіерейскаго дома, Ковалева. Кто былъ его французскій учитель, неизвѣстно — по всей вѣроятности кто нибудь изъ ссыльныхъ шведскихъ офицеровъ, оставшійся въ Сибири; но до насъ дошли любопытныя его учебныя тетради по французскому языку. Изъ этихъ тетрадей выясняется тотъ кругъ идей, въ которомъ воспитывался юный княжичъ, опозоренный и униженный совершенно безвинно. Такъ напримѣръ, для склоненій выбирались слѣдующія имена существительныя: le gentilhomme, le roi, le prince, le gouverneur, le colonel, le general, le capitaine, la reine, la princesse.... l'ame, l'esprit, l'église, l'amour, l'espérance, l'envie. Можно думать, что самая послѣдовательность этихъ словъ не была случайна, и въ сопоставленіи ихъ князья Долгорукіе какъ бы выражали затаенное желаніе и надежду на видную общественную роль въ будущемъ, которое могло быть въ ихъ мечтахъ возстановленіемъ недавнопрошлаго ихъ величія. Иванъ Алексѣевичъ, сообщительный отъ природы, началъ заводить дружбу съ разными офицерами, и мѣстнаго гарнизона, и наѣзжавшими въ Березовъ, съ мѣстнымъ духовенствомъ и съ березовскими обывателями. Особенно подружился онъ съ флотскимъ поручикомъ Дмитріемъ Овцынымъ. Онъ постоянно становился съ нимъ рядомъ въ церкви, часто бывалъ у него и принималъ у себя, даже въ баню ходили они иногда вмѣстѣ. Близость съ Овцынымъ погубила Долгорукихъ. Впослѣдствіи молва сдѣлала его любовникомъ княжны Екатерины, и на этомъ то фактѣ обыкновенно основывали всѣ дальнѣйшія злоключенія Долгорукихъ... Но не слѣдуетъ опереживать событій.

Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ религіозное настроеніе князя Ивана стало слабѣть, и скоро онъ снова вспомнилъ свою разгульную жизнь. Онъ сталъ бражничать и кутить съ своими новыми пріятелями. Иногда, подъ вліяніемъ вина, языкъ его развязывался не въ мѣру, и онъ проговаривался о многомъ изъ своей прежней жизни, о чемъ трезвый, конечно, не проболтался бы. Весьма естественно, что

березовскихъ офицеровъ, подъячихъ, священниковъ и обывателей, очень занимали разсказы Ивана Алексѣевича, и они нарочно его подзадоривали, а онъ выражался подчасъ очень неосторожно и рѣзко объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, о тогдашнихъ придворныхъ „конъюнктурахъ".

— „Нынѣ фамилія наша и родъ нашъ совсѣмъ пропали— говорилъ въ отчаяніи подгулявшій князь Иванъ,—а все это раззорила.... ваша теперешняя императрица", при чемъ онъ выражался объ Аннѣ Іоанновнѣ въ полномъ смыслѣ непечатными словами.

Точно также рѣзко и неуважительно говорилъ онъ и о Елизаветѣ Петровнѣ, которую онъ называлъ „Елизаветкой". Онъ приписывалъ ея навѣтамъ императрицѣ гибель своей фамиліи.

— „Императрица послушала Елизаветку, а та обносила всю нашу фамилію за то, что я хотѣлъ ее за разсѣянную жизнь (Иванъ Алексѣевичъ выразился гораздо рѣзче) сослать въ монастырь". Затѣмъ онъ припоминалъ разные анекдоты изъ ея жизни, разныя придворныя сплетни, ходившія на счетъ любившей весело пожить въ своемъ селѣ Покровскомъ цесаревны. Въ этихъ анекдотахъ и сплетняхъ главную роль игралъ Шубинъ, предметъ первой ея любви горько поплатившійся за свои увлеченія.

Изъ отрывочныхъ рѣчей князя Ивана выясняются настоящіе виновники гибели Долгорукихъ. Бирона онъ не называетъ въ числѣ ихъ ни разу. Зато упоминаетъ о Ягужинскомъ. „Я никого такъ не боюсь, какъ Павла Ягужинскаго— онъ нашъ гонитель", печаловался князь Иванъ.

Но чего же онъ могъ опасаться? Для опасенія съ его стороны были основанія, кромѣ неосторожныхъ рѣчей съ березовцами. Князь Иванъ не во всемъ винился на духу рождественскому священнику.

Онъ велъ переписку съ оставшимися въ Москвѣ и Петербургѣ друзьями и съ своими родственниками, разосланными по разнымъ концамъ Россіи. Быть можетъ, онъ надѣялся не

только на смягченіе своей участи, но даже на полное помилованіе. Его дядя, князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукой, мало по малу возстановлялъ свою политическую репутацію, благодаря сильному заступничеству своего тестя, Петра Павловича Шафирова. Шафировъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ „птенцовъ гнѣзда Петрова", перенесъ много невзгодъ въ своей жизни и на себѣ испыталъ всю горечь политической ссылки, а потому насколько могъ облегчалъ положеніе зятя. Князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому было дозволено жить въ его касимовской вотчинѣ — селѣ Замотринѣ; носились слухи, что онъ снова будетъ приближенъ ко двору, и на него-то теперь возлагалъ свои надежды князь Иванъ.

Не всѣ вещи князя Ивана вошли въ опись офицера Любовникова. Самыя драгоцѣнныя для него онъ припряталъ. Въ числѣ ихъ были: два патента, не за фальшивой, а за дѣйствительной подписью друга-императора Петра II,—одинъ на гофъюнкерскій, а другой на оберъ-камергерскій чинъ и „Книга о коронаціи Петра II". Любилъ смотрѣть на эти патенты князь Иванъ вмѣстѣ съ своею женою. Они воскрешали передъ ними ихъ недавнее блестящее прошлое, они вызывали у нихъ слезы при воспоминаніи о другѣ-императорѣ.... Книга о коронаціи Петра II переносила ихъ въ роскошныя палаты царскаго дворца и сіявшій огнями Успенскій соборъ въ то незабвенное для нихъ время, когда Долгорукіе были первыми людьми въ Россійскомъ государствѣ. Живо возставали передъ ними придворныя торжества, въ которыхъ игралъ первенствующую роль, по званію оберъ-камергера, князь Иванъ. Книга о коронаціи Петра II очень интересна. То была рукопись церковно-славянскаго устава „въ похвалу его императорскаго величества". Въ ней была картина: „Петра II-го персона, сѣдящая на престолѣ, да Россія, стоящая на колѣняхъ предъ престоломъ его императорскаго величества дѣвою въ русскомъ одѣяніи". Была у князя Ивана память и о скорбномъ для Долгорукихъ событіи, о началѣ несчастій ихъ фамиліи: писанный манифестъ, съ раскрашеннымъ бордюромъ вокругъ, о

кончинѣ Петра II и о воцареніи герцогини курляндской Анны Іоанновны.

Не съ одними березовцами говорилъ князь Иванъ. Онъ говорилъ откровенно съ своими меньшими братьями, въ особенности съ Николаемъ и Александромъ. Здѣсь въ откровенной семейной бесѣдѣ онъ давалъ полную волю языку. Онъ подробно разбиралъ права Анны Іоанновны на наслѣдіе русскаго престола и приходилъ къ отрицательнымъ выводамъ на этотъ счетъ, толковалъ и о наслѣдіи русскаго престола послѣ Анны Іоанновны. Какая-то давнишняя, затаенная злоба къ Аннѣ Іоанновнѣ проглядываетъ въ его отзывахъ о ней. Повторяя распространенную въ то время сплетню о ея отношеніяхъ къ Бирону, Иванъ Алексѣевичъ говорилъ:

— „Какая она государыня, она шведка! Мы знаемъ, за что она Бирона жалуетъ“....

Очень любопытно заявленіе Ивана Алексѣевича о намѣреніяхъ Анны Іоанновны относительно назначенія по себѣ преемника. Это заявленіе, по всей вѣроятности, было повтореніемъ тогдашнихъ слуховъ, достигавшихъ и березовскихъ ссыльныхъ. Изъ него видно, что Анна Іоанновна не вдругъ разорвала связи съ Голштиніей, и оригинальное ея выраженіе: „чертушка, что въ Голштиніи живетъ“—(такъ она называла сына покойной герцогини Анны Петровны Голштинской, будущаго русскаго императора Петра III) — явилось впослѣдствіи.—„Государыня—говорилъ Иванъ Алексѣевичъ—хочетъ выдать свою племянницу Анну Леопольдовну за сына Голштинскаго герцога“, т. е. именно за этого „чертушку“.

На Долгорукихъ явился доносъ около 1735 года. Одинъ изъ березовскихъ жителей, Иванъ Канкаровъ сказалъ за собой „слово и дѣло“. Доносчикъ оказался сумасшедшимъ, и на этотъ разъ гроза миновала Долгорукихъ. Года черезъ два, въ 1737 году, послѣдовалъ новый доносъ со стороны офицера Муравьева. Изъ Петербурга былъ присланъ капитанъ Рагозинъ, описавшій вновь все имущество Долгорукихъ. Князю Ивану и женѣ его удалось снова припрятать дорогіе для нихъ

патенты, манифестъ и книгу. Долгорукихъ обвинили въ свободномъ хожденіи къ березовскимъ обывателямъ и въ имѣніи лишнихъ вещей, что доказывалось пожертвованіемъ въ церковь парчи на облаченія. Излишнія вещи были отобраны и караулъ надъ Долгорукими усиленъ: имъ запрещено было выходить изъ острога. Тѣмъ не менѣе ихъ продолжали навѣщать березовцы. Въ числѣ этихъ посѣтителей бывалъ тобольскій таможенный подъячій Тишинъ, иногда пріѣзжавшій въ Березовъ по дѣламъ службы. Очень возможно, что Тишинъ былъ подосланъ нарочно петербургскими врагами Долгорукихъ, какъ повѣствуетъ семейное преданіе. Тишину приглянулась красивая и неприступная княжна Екатерина. Разъ какъ - то, напившись пьянымъ, онъ въ грубой формѣ высказалъ ей свое желаніе. Оскорбленная эксъ-невѣста императора Петра II пожаловалась пріятелю князя Ивана, поручику Овцыну, и пьяный подъячій получилъ заслуженное наказаніе: Овцынъ, при помощи казачьяго атамана Лихачева и боярскаго сына Кашперова, жестоко избилъ Тишина. Тишинъ, затаивъ оскорбленіе, далъ слово отомстить обидчикамъ. Поводъ не замедлилъ представиться. Князь Иванъ, подгулявши, проговорился и Тишину, какъ онъ не разъ проговаривался раньше, про императрицу, про Елизавету Петровну, про Бирона.

— Для чего ты такія слова говоришь—какъ бы усовѣщивалъ его Тишинъ — лучше бы тебѣ за ея императорское величество и за всю императорскую фамилію Бога молить.

— „А что, донести хочешь?... догадывался выпившій князь Иванъ. „Гдѣ тебѣ доносить, — продолжалъ онъ, — ты нынѣ уже сталъ сибирякъ. Впрочемъ, — заключилъ онъ, подумавши,—хотя и доносить станешь, то тебѣ же голову отсѣкутъ“.

Тишинъ сказалъ на это князю Ивану, что онъ доносить не думаетъ, а донесетъ приставъ Долгорукихъ майоръ Петровъ.

— „Петровъ уже нашъ и задаренъ“!—отвѣчалъ на это князь Иванъ.

Тишинъ пожаловался Петрову, но тотъ не обратилъ на жалобу вниманія и замялъ дѣло. Тогда Тишинъ подалъ доносъ сибирскому губернатору, въ которомъ обвинялъ, кромѣ Долгорукихъ, и Петрова, и березовскаго воеводу Бобровскаго за послабленія имъ.

Результатомъ этого доноса было прибытіе въ Березовъ капитана сибирскаго гарнизона Ушакова, родственника знаменитаго начальника Тайной канцеляріи Андрея Ивановича Ушакова. Капитанъ Ушаковъ явился въ маѣ 1738 года, „инкогнито, но съ секретнымъ предписаніемъ". Ему поручено было прикинуться присланнымъ, по повелѣнію императрицы, разузнать о житьѣ-бытьѣ Долгорукихъ и улучшить ихъ положеніе. Быть можетъ несчастнымъ узникамъ блеснулъ даже съ его пріѣздомъ лучъ надежды на избавленіе изъ заточенія. Ушаковъ отлично съигралъ роль. Онъ познакомился съ Долгорукими, съ разными березовскими жителями, съ священниками, водилъ съ ними хлѣбъ-соль, вступалъ въ бесѣды, и такимъ образомъ подъ рукой узналъ все, что ему было нужно.

Немедленно по его отъѣздѣ былъ полученъ въ Березовѣ приказъ изъ Тобольска — отдѣлить князя Ивана отъ жены, братьевъ и сестеръ. Иванъ Алексѣевичъ былъ заключенъ въ тѣсную землянку, гдѣ его еле кормили и притомъ самой грубой пищей. Наталья Борисовна выплакала у караульныхъ солдатъ позволеніе тайно по ночамъ подходить къ землянкѣ. Она приносила ему ужинъ, и изрѣдка удавалось ей видѣть страдальческій обликъ мужа черезъ небольшое отверстіе землянки.

Прошло лѣто 1738 г.

Въ концѣ августа тайно, ночью, были вывезены изъ Березова въ Тобольскъ: князь Иванъ, двое его братьевъ, Николай и Александръ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, трое березовскихъ священниковъ, одинъ дьяконъ, слуги Долгорукихъ и березовскіе обыватели, всего болѣе 60-ти человѣкъ. Объ этомъ происшествіи у березовцевъ до сихъ поръ сохранилось преданіе, по которому князь Иванъ Долгорукой и многія другія лица были вывезены изъ Березова въ глухую осеннюю, дожд-

ливую ночь на небольшомъ карбасѣ. Въ Тобольскѣ всѣхъ ихъ сдали тому же капитану Ушакову, который, къ удивленію князя Ивана, вдругъ превратился изъ любезнаго гостя въ грознаго и жестокосердаго судью.

Несчастная Наталья Борисовна, оставшись въ Березовѣ съ своимъ семилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ (род. 2 апрѣля 1731 г.), съ третьимъ братомъ князя Ивана, и съ золовками, надѣясь, кромѣ того, скоро вторично стать матерью,—была совершенно удручена горемъ. Она не знала, куда дѣвался ея „Иванушка" съ братьями и приходила отъ этого въ отчаяніе. „Я кричала, билась, волосы на себѣ драла"; — описываетъ свое отчаяніе сама Наталья Борисовна:—„кто ни попадетъ встрѣчу, всѣмъ валяюсь въ ногахъ, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христіане, дайте только взглянуть на него и проститься! Не было милосерднаго человѣка, не словомъ меня кто утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ и часоваго, примкнувши штыкъ, поставили".

Скоро она узнала гдѣ ея мужъ съ братьями, но то, что она узнала, не успокоило ее, а окончательно подкосило, и не суждено уже было этой страдалицѣ свидѣться съ нѣжно-любимымъ ею мужемъ....

IV.

Судъ надъ княз. Ив. Ал. Долгорукимъ и его братьями въ Тобольскѣ. — Поручикъ Суворовъ. — Заключеніе кн. Ивана въ Шлюссельбургѣ и ссылка братьевъ его въ Вологду.—Судьба березовскихъ сообщниковъ князей Долгорукихъ.—Слухи о новыхъ замыслахъ со стороны князей Долгорукихъ.—Новый судъ надъ ними въ Новгородѣ.—Казнь князя Ив. Ал. Долгорукаго.

(1738 — 1739).

Въ Тобольскѣ была образована для настоящаго дѣла особая экспедиція, подъ начальствомъ все того же Ушакова и поручика Василія Суворова (кажется, отца знаменитаго впослѣдствіи героя Рымника, Измаила и Варшавы, Италійскаго князя). Начались обычные допросы съ „пристрастіемъ“ и „розыскомъ“, т. е. пыткою.

На первыхъ допросахъ Иванъ Алексѣевичъ пробовалъ было запираться, но скоро, помимо своей воли, онъ высказалъ гораздо болѣе, чѣмъ хотѣлъ. Онъ содержался очень жестоко. Въ сырой тюрьмѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованный къ стѣнѣ, онъ лишился сна и аппетита. И изнуреніе отъ березовской землянки, и разлука съ женой, и нравственныя потрясенія и мученія, и тобольская тюрьма—не могли не подѣйствовать на нервную систему князя Ивана. Онъ впалъ въ нервное раздраженіе, близкое къ умопомѣшательству и сталъ разсказывать подробности о составленіи духовной Петра II. Это послужило матеріаломъ для новыхъ допросовъ. 11 сентября 1738 года Ушаковъ и Суворовъ предложили ему 16 вопросныхъ пунктовъ о нижеслѣдующемъ: „о вредительныхъ и злыхъ словахъ“ къ поношенію чести ея императорскаго величества и цесаревны Елизаветы, о его намѣреніи сослать цесаревну въ монастырь, о разговорахъ съ Тишинымъ по поводу его намѣренія донести и о майорѣ Петровѣ, о книгѣ „въ похвалу его величества“, о коронаціи Петра II,

о другой книгѣ кіевской печати, „якобы о вѣнчаніи брака“ Петра II съ княжною Екатериною, о патентахъ, о разныхъ березовскихъ знакомыхъ, преимущественно объ Овцынѣ, о подаркахъ Петрову и Бобровскому, о перепискѣ его, а главнымъ образомъ, о подробностяхъ составленія, подписанія и уничтоженія духовнаго завѣщанія Петра II. Въ тотъ же день князь Иванъ былъ допрашиваемъ по этимъ пунктамъ. Его пытали нѣсколько разъ дыбою. Онъ во всемъ почти сознался; только упорно отрицалъ существованіе книги кіевской печати „якобы о бракѣ его величества“, утверждая, что такой книги не было, а что была одна только рукописная о коронаціи Петра II, которую князь Николай сжегъ. Подробно и чистосердечно разсказалъ онъ всю исторію подложной духовной своего друга - императора, что, какъ видѣли читатели, тяжелымъ гнетомъ лежало у него на душѣ и онъ былъ радъ очистить свою совѣсть. Этимъ послѣднимъ показаніемъ онъ оговаривалъ въ весьма серьезныхъ замыслахъ своихъ дядей, князей Долгорукихъ: Василія Лукича, Сергѣя и Ивана Григорьевичей и Василія Владиміровича съ братомъ Михаиломъ Владиміровичемъ.

Ивана Алексѣевича перевезли въ Шлюссельбургъ. Двухъ его братьевъ, Николая и Александра сослали въ Вологду (31 января 1739 г.). Въ Шлюссельбургъ же въ началѣ 1739 года доставлены были и всѣ оговоренные имъ князья Долгорукіе.

Странная судьба преслѣдовала Долгорукихъ! Въ самые критическіе для нихъ моменты умирали ихъ родственники, бывшіе въ силѣ и выходившіе за черту опалы и „искорененія“ всего ихъ рода. Девять лѣтъ тому назадъ, въ 1730 году, едва они были разосланы по деревнямъ, умеръ В. Ѳ. Салтыковъ, родной дядя Анны Іоанновны, женатый на княжнѣ Александрѣ Григорьевнѣ Долгорукой, сестрѣ Алексѣя Григорьевича. Теперь, 1 марта 1739 года, умеръ Петръ Павловичъ Шафировъ, тесть Сергѣя Григорьевича. Благодаря его заступничеству Сергѣй Григорьевичъ сталъ выходить изъ подъ

опалы. Онъ былъ уже назначенъ посломъ въ Лондонъ. Отъѣздъ его былъ отсроченъ только изъ за отпускной аудіенціи у императрицы, на которой ему предстояло вручить кредитивныя грамоты; но вмѣсто аудіенціи онъ попалъ въ Шлюссельбургъ.

Между тѣмъ тобольская экспедиція работала надъ допросами лицъ, прямо или косвенно прикосновенныхъ къ „вредительнымъ и злымъ словамъ“ Ивана Алексѣевича въ Березовѣ. Возникъ рядъ особыхъ дѣлъ о цѣлой массѣ преступниковъ (до 50 человѣкъ). Въ числѣ ихъ находились и караульные офицеры, и вся команда часовыхъ, начиная съ майора Петрова и Овцына, и березовскіе подъячіе и „отставные дворяне и дѣти боярскіе“, и священники, и дворовые князя Ивана, и простые обыватели. Непонятно, какъ Бобровскій ускользнулъ отъ „инквизиціи“ (техническое оффиціальное названіе предварительнаго слѣдствія въ то время).

Изъ перечисленныхъ лицъ только девятнадцать человѣкъ потерпѣли кару по суду. Майоръ Петровъ былъ обезглавленъ въ Тобольскѣ въ іюнѣ 1739 г. Священники биты кнутомъ и разосланы по дальнимъ сибирскимъ городамъ со всѣми своими семьями. Всѣхъ больше пострадалъ духовникъ князя Ивана, священникъ Рождественской церкви Ѳедоръ Кузнецовъ: его били кнутомъ нещадно и затѣмъ, вырѣзавъ ноздри, сослали въ Охотскъ. Офицеры, нѣкоторые изъ березовскихъ обывателей и дворовые люди князя Ивана написаны въ рядовые въ сибирскіе полки. Степень виновности многихъ изъ лицъ, привлеченныхъ къ „инквизиціи“ опредѣляется между прочимъ слѣдующимъ примѣромъ. Возникло особое дѣло о какой-то вдовѣ Анисьѣ, приносившей въ Березовѣ князю Александру Долгорукому „двухъ малыхъ утенковъ“. Судьба несчастной сердобольной вдовы неизвѣстна.

Въ Шлюссельбургѣ шли дѣятельно допросы постепенно доставляемыхъ туда Долгорукихъ. „Инквизиціей“ надъ ними управляли изъ Петербурга два Андрея Ивановича: Остерманъ и Ушаковъ, за которыми стояла цѣлая толпа враговъ и нена-

вистниковъ Долгорукихъ, въ числѣ которыхъ находился пріобрѣвшій тогда большую силу кабинетъ-министръ А. П. Волынской. Цѣлый годъ тянулись допросы въ Шлюссельбургѣ: начавшись въ октябрѣ 1738 года, они окончились въ октябрѣ 1739 года. Этотъ процессъ не могъ не обратить на себя вниманія и въ Россіи, и за границей. Униженная и оскорбленная фамилія временщиковъ снова воспрянула черезъ девять лѣтъ! Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ихъ дальнѣйшей судьбой, но никто ничего не зналъ опредѣленнаго — зачѣмъ везутъ въ Шлюссельбургъ Долгорукихъ со всѣхъ концовъ Россіи? И вотъ иностранные дипломаты прислушиваются къ слухамъ, къ толкамъ и заносятъ ихъ въ свои депеши. Эти же слухи попадаютъ и въ заграничные листки и журналы. Въ то время Россія переживала трудное для нея время, и почва для слуховъ была обильная.

Шла неудачная и непопулярная война съ Турціей, въ которой гибла русская армія отъ дурнаго продовольствія. Наша исконная коварная союзница Австрія подставляла намъ ногу на каждомъ шагу, но русская дипломатія того времени не имѣла еще передъ собой тѣхъ доказательныхъ уроковъ исторіи, какіе явились впослѣдствіи. Тогда она имѣла еще нѣкоторое основаніе держаться союза съ Австріей, видя въ этомъ союзѣ единственный противовѣсъ какъ Франціи, постоянно затрогивающей „русскіе интересы“ въ Турціи, въ Польшѣ и въ Швеціи, которая мечтала о возвращеніи балтійскихъ провинцій, такъ и возраставшей силѣ Пруссіи. То былъ канунъ воцаренія Фридриха II, знаменитаго установителя могущества Гогенцоллерновъ. Неудача русскаго оружія въ Турціи заставляла шевелиться нашихъ недруговъ, и Швеція помышляла объявить намъ войну. Положеніе Россіи внутри было еще хуже. Финансы наши пришли въ страшное разстройство, курсъ на рубли упалъ болѣе чѣмъ на половину. Недоимки возрастали годъ отъ году, административный произволъ въ губерніяхъ и казнокрадство чиновниковъ не знали предѣловъ, голодъ и пожары опустошали разныя мѣстности Россіи. На

Волгѣ шли разбои и инородческіе бунты [1]). Рядомъ съ этими внутренними нестроеніями начались преслѣдованія „родовитыхъ“ русскихъ людей. Графъ Апраксинъ, князь Волконскій, князь Алексѣй Михайловичъ Голицынъ, обращенные въ придворныхъ шутовъ, играли въ чехарду въ спальнѣ больной императрицы, кудахтали, сидя на лукошкахъ съ яицами, и нѣжно заботились о здоровьи царской собачки. Въ 1737 году „искоренена“ вся фамилія князей Голицыныхъ. Вождь верховниковъ въ 1730 году, князь Д. М. Голицынъ, заключенъ въ Шлюссельбургъ, его сыновья и другіе родичи сосланы, кто въ Казань, кто въ Астрахань, кто въ Сибирь. Шли хлопоты при дворѣ о бракосочетаніи племянницы императрицы, Анны Леопольдовны, для утвержденія наслѣдія русскаго престола въ потомствѣ Іоанна Алексѣевича, а потомство Петра отклонялось систематически. Его внукъ назывался „чертушкой, что въ Голштиніи живетъ“, а его дочь, Елизавета Петровна была въ забросѣ, въ загонѣ. Биронъ и Остерманъ придумывали разныя „конъюнктуры“ для предстоящаго брака Анны Леопольдовны. Нѣмецкій терроръ достигъ своего апогея. Такова была канва, по которой досужимъ дипломатамъ весьма легко было вышивать очень пестрые узоры. И они вышивали.

Носились слухи, что Долгорукіе замышляли государственный переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны; разсказывался даже подробный планъ этого переворота. Заговорщики находились, будто бы, въ сношеніяхъ съ Швеціею и Франціею. При ожидавшемся всѣми пораженіи русской арміи въ Молдавіи, шведскія войска должны вступить въ предѣлы Россіи, что было бы сигналомъ къ перевороту. Предполагалось, будто бы, уничтожить императорскій дворъ, императрицу заключить въ монастырь, произвести еще болѣе короткую расправу съ герцогомъ Бирономъ, а принцессу Анну

---

[1]) Подробности о внутреннемъ состояніи Россіи въ то время см. въ моей монографіи «А. П. Волынскій», Др. и Нов. Россія 1877 г., т. II, кн. VII, стр. 215—221.

Леопольдовну и герцога Брауншвейгскаго, помолвка принцессы съ которымъ была почти улажена, отправить обратно въ Германію. Затѣмъ хотѣли прогнать вообще всѣхъ Нѣмцевъ, нѣкоторыхъ повѣсить—и въ заключеніе всего провозгласить императрицею Елизавету Петровну, обвѣнчавъ ее съ Александромъ Нарышкинымъ, жившимъ съ 1730 года за границей. Успѣхъ Миниха въ Молдавіи (взятіе Хотина и переходъ черезъ Прутъ) разстроилъ всѣ планы [1]).

Ничего подобнаго не сохранилось въ правительственныхъ актахъ. Изъ просмотрѣнныхъ мною оффиціальныхъ современныхъ „экстрактовъ", изъ громаднаго допроса князей Долгорукихъ 1738 и 1739 гг. не видно, чтобы правительство подозрѣвало ихъ въ чемъ либо подобномъ. Можетъ быть намѣренно не допрашивали ихъ,—это другое дѣло.

Въ политическихъ процессахъ того времени почти постоянно главная вина подсудимыхъ, извѣстная очень хорошо правительству, не вносилась въ допросные пункты и затѣмъ въ обвинительный актъ. Осужденіе произносилось за второстепенныя, иногда третьестепенныя, преступленія и проступки. Долгорукихъ обвиняли въ составленіи подложной духовной Петра II съ намѣреніемъ возвести на престолъ послѣ его смерти княжну Екатерину Долгорукую, а Иванъ Алексѣевичъ, кромѣ того, обвинялся еще въ „вредительныхъ и злыхъ словахъ" объ императрицѣ и другихъ лицахъ императорской фамиліи и въ подписаніи духовной подъ руку Петра II.

31 октября 1739 года образовано обычное въ то время для политическихъ процессовъ „генеральное собраніе", состоящее изъ кабинетъ-министровъ, сенаторовъ и трехъ первенствующихъ членовъ синода, съ депутатами: отъ придворнаго штата, отъ гвардіи, отъ генералитета, военной и адмиралтействъ-коллегіи, губернской петербургской канцеляріи и

---

[1]) Всѣ переданныя подробности заимствованы изъ донесеній Пецольда, наход. въ Ист. русск. госуд., Германа; см. русскій переводъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., стр. 672—673.

ревизіонъ, коммерцъ и юстицъ-коллегій. Генеральное собраніе, выслушавъ „изображеніе о государственныхъ воровскихъ замыслахъ Долгорукихъ, въ которыхъ по слѣдствію не токмо обличены, но и сами винились", — въ тотъ же день, 31 октября, постановило слѣдующій приговоръ: князя Ивана Алексѣевича — колесовать, а затѣмъ отсѣчь ему голову. Князьямъ: Василію Лукичу, Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ — отсѣчь головы. О фельдмаршалѣ, князѣ Василіи Владиміровичѣ Долгорукомъ, и братѣ его, Михаилѣ Владиміровичѣ, говорилось: „хотя они достойны смерти, но предается объ нихъ на высочайшую милость императорскаго величества". Все движимое имущество Долгорукихъ и конфискованное въ 1730 году недвижимое, отписано на ея императорское величество.

На другой день, 1 ноября, приговоръ генеральнаго собранія былъ утвержденъ императрицей. Кромѣ того, при этомъ повелѣвалось: 1) казнь учинить въ Новгородѣ публично; 2) князя Василія Владиміровича подъ крѣпкимъ карауломъ заключить по прежнему въ Иванъ-городѣ, а брата его, Михаила Владиміровича, въ Шлюссельбургѣ; 3) о братьяхъ и сестрахъ князя Ивана, женѣ его и дѣтяхъ и о семьяхъ князей Сергѣя Григорьевича и Михаила Владиміровича, собрать свѣдѣнія сколько ихъ, гдѣ обрѣтаются, сколько за ними деревень и какіе у нихъ пожитки и доложить императрицѣ.

6 ноября, А. И. Ушаковъ, прибывшій въ Новгородъ для присутствованія при совершеніи казни, по особому повелѣнію императрицы допрашивалъ Долгорукихъ о ихъ „зломъ умышленіи (въ 1730 г.), чтобъ въ Россійской имперіи самодержавію не быть, а быть бы республикѣ". Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этихъ замыслахъ и кто въ нихъ участвовалъ не знаетъ; и онъ дѣйствительно, какъ мы видѣли, былъ далекъ, въ то время мысли, „чтобы быть въ Россіи республикѣ".

Казнь совершена въ Новгородѣ, 8 ноября 1739 г. Ее очень поэтично, хотя не совсѣмъ точно, изобразилъ, на осно-

ваніи семейныхъ преданій, князь П. В. Долгорукой въ своихъ „Запискахъ“:

„Въ верстѣ почти отъ Новгорода,—пишетъ онъ—лежитъ большая болотистая мѣстность, отдѣленная отъ города оврагомъ съ высохшимъ на днѣ его ручьемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Ѳедоровскаго. На этомъ болотистомъ мѣстѣ находится кладбище для бѣдныхъ, такъ называемое Скудельничье кладбище. Въ четверти версты отъ него былъ воздвигнутъ эшафотъ. Начали съ наказанія кнутомъ трехъ меньшихъ братьевъ князя Ивана, изъ которыхъ Николаю кромѣ того „урѣзали“ языкъ; затѣмъ отрубили головы князьямъ Ивану и Сергѣю Григорьевичамъ и Василію Лукичу. Наконецъ очередь дошла до Ивана Алексѣевича, приговореннаго къ четвертованію. Онъ велъ себя въ эту высокую и страшную минуту съ необыкновенною твердостію; онъ встрѣтилъ смерть—и какую смерть!—съ мужествомъ истинно русскимъ. Въ то время, какъ палачъ привязывалъ его къ роковой доскѣ, онъ молился Богу; когда ему отрубили правую руку, онъ произнесъ: „Благодарю тебя, Боже мой“,—при отнятіи лѣвой ноги „яко сподобилъ мя еси“.... „познати тя“—произнесъ онъ, когда ему рубили лѣвую руку—и лишился сознанія. Палачъ поторопился кончить казнь, отрубивъ ему правую ногу и вслѣдъ затѣмъ голову [1]).

Внукъ несчастной жертвы, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой [2]) пишетъ въ неизданныхъ своихъ запискахъ: „Конецъ столь неожиданный, столь страшный, исполненный стольких страданій—искупилъ всѣ грѣхи юности князя Ивана, и его кровь, оросившая новгородскую почву, эту древнюю колыбель русской политической жизни,

---

[1]) По сентенціи суда, какъ мы видѣли выше, князь Иванъ былъ колесованъ; его братья, Александръ и Николай, во время совершенія казни въ Новгородѣ были въ Вологдѣ.

[2]) Князь И. М. Долгорукой, поэтъ и писатель начала XIX в., р. 1764 † 1833 г.—См. о немъ Словарь Геннади, в. 1-й, Берл. 1876 г., с. 317—318.

должна примирить его память со всѣми врагами нашего рода". И со всѣми врагами Россіи, и съ фарисеями нравственности, клеймящими до сихъ поръ князя Ивана за его легкомысленную юность,—позволю себѣ прибавить къ словамъ князя И. М. Долгорукаго.

Такъ трагически кончилъ свою недолгую жизнь князь Иванъ Алексѣевичъ, обманутый призрачнымъ счастьемъ въ тотъ возрастъ, когда всѣ мы гоняемся за этимъ счастьемъ, и девять лѣтъ протомившійся потомъ „въ странѣ медвѣдей и снѣговъ". Много было впереди еще жизни у князя Ивана. Быть можетъ онъ, подъ вліяніемъ горячей любви своей неподражаемой жены, умѣвшей прозрѣть человѣка въ легкомысленномъ придворномъ юношѣ, сталъ бы примѣрнымъ сыномъ родной земли. Правда, что историкъ не въ правѣ дѣлать предположеній; но какъ человѣкъ, какъ каждый человѣкъ, онъ невольно преклонитъ голову передъ безвременной кончиной князя Ивана. Больно умирать каждому, мучительно умирать насильственною смертію, — ужасно умирать такою смертью 31 года отъ роду....

V.

Дальнѣйшая судьба братьевъ и сестеръ князя Ив. Ал. Долгорукаго.—Награжденіе Тишина, главнаго доносчика на князей Долгорукихъ.

Дальнѣйшая судьба вдовы князя Ивана, многострадальной княгини Натальи Борисовны Долгорукой, и ихъ дѣтей изложена въ особомъ очеркѣ, слѣдующемъ за симъ непосредственно и посвященномъ характеристикѣ этой замѣчательной русской женщины. Но повѣсть о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ не была бы вполнѣ закончена, если бы я не напомнилъ читателю о томъ, что сталось съ братьями и сестрами оберъ-камергера Петра II и съ виновникомъ гибели всего его семейства, подъячимъ Тишинымъ.

Судьба братьевъ князя Ивана, въ особенности одного изъ нихъ, князя Александра Алексѣевича, была очень печальна. Есть преданіе, что въ Тобольскѣ во время допросовъ брату, слѣдователи его подпаивали, и въ пьяномъ видѣ онъ невѣсть что разсказывалъ про князя Ивана. Совѣсть замучила молодаго человѣка. Онъ не могъ примириться съ безсознательнымъ своимъ предательствомъ злосчастнаго брата; онъ впалъ въ ипохондрію и 7 января 1739 года распоролъ себѣ животъ бритвой. Объ этомъ сохранилось оффиціальное донесеніе караульнаго офицера. Жизнь Александру Долгорукому спасли, но не на радость ему. Дальніе потомки князя Ивана и другіе его родственники не могли простить князю Александру его невольнаго грѣха. Его потомство остальные Долгорукіе считали проклятымъ племенемъ, а въ народѣ князя Александра иначе не называли, какъ князь съ пòротымъ брюхомъ. Изъ Вологды, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, князь Александръ въ 1740 году былъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ имъ обоимъ велѣно „учинить

наказаніе кнутомъ, съ урѣзаніемъ языка". 23 октября 1740 года, Биронъ, въ то время регентъ Россійской имперіи, приказалъ отмѣнить эту казнь, для „поминовенія императрицы Анны Іоанновны". Но милость Бирона поздно достигла Тобольска, и сибирская губернская канцелярія рапортовала въ тайную канцелярію отъ 19 января 1741 года, что Александръ и Николай Долгорукіе наказаны кнутомъ съ урѣзаніемъ языка, еще до полученія указа, 28 октября 1740 года. Они были сосланы въ отдаленныя мѣста Сибири: Александръ—въ Камчатку, Николай въ Охотскъ. Средній ихъ братъ, Алексѣй, остававшійся въ Березовѣ, былъ опредѣленъ въ Камчатскую экспедицію матросомъ.

Сестры князя Ивана разосланы по сибирскимъ монастырямъ: Екатерина (государыня-невѣста) въ томскій Рождественскій, Елена въ тюменскій Успенскій, Анна въ верхотурскій Покровскій, что доказывается оффиціальными актами Государственнаго архива и мѣстными томскими и иркутскими, консисторскими и монастырскими архивами. Этими оффиціальными, неоспоримыми, свидѣтельствами совершенно уничтожается фантастическій разсказъ о заключеніи княжны Екатерины въ бѣлозерскомъ Горицкомъ монастырѣ, сообщенный Р. Г. Игнатьевымъ въ Русск. Арх. 1866 г.

Указъ тобольской архіерейской канцеляріи отъ 9 ноября 1740 г. былъ полученъ въ Томскѣ 21 декабря того же года, а на другой день совершено было іеромонахомъ Моисеемъ постриженіе въ монахини томскаго Рождественскаго монастыря „разрушенной невѣсты", „дѣвки Катерины, Долгоруковой дочери", какъ она названа была въ указѣ тобольской архіерейской канцеляріи. Постриженіе происходило въ присутствіи караульнаго оберъ-офицера, доставившаго ее изъ Тобольска; княжна Екатерина, по обычаю всѣхъ насильственно постригаемыхъ въ монашество въ XVII—XVIII вв., не произнесла ни одного изъ монашескихъ обѣтовъ, храня упорное молчаніе на вопросы, предлагаемые ей іеромонахомъ Моисеемъ. Рождественскій томскій монастырь былъ крайне бѣденъ, не имѣя

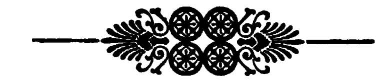
никакихъ вкладовъ и земельныхъ владѣній и не получая ничего отъ казны на свое содержаніе: монахини питались мірскимъ подаяніемъ, и такъ какъ княжна Екатерина ничего не получила отъ казны на свое содержаніе, то пропитывалась тѣмъ же способомъ. Преданія о княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, доселѣ живущія среди томскихъ обывателей, передаютъ слѣдующее: содержась въ монашеской келліи подъ крѣпкимъ карауломъ, не покидавшимъ ее ни днемъ ни ночью, она получала позволеніе лишь иногда, для развлеченія, подняться на монастырскую колокольню, съ высоты которой былъ видѣнъ весь городъ Томскъ. Сохранился также разсказъ о томъ, какъ княжна Екатерина рѣшительно отказала отдать присланному къ ней нарочному свое обручальное кольцо съ императоромъ Петромъ II. „Только тогда вы можете воспользоваться этой моей святыней, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ или отрубить мою руку“—сказала она посланному.

Доносчикъ Тишинъ былъ награжденъ, но не особенно щедро. Онъ изъ таможенныхъ тобольскихъ подъячихъ былъ „пожалованъ“ секретаремъ въ Москву и получилъ 600 руб. наградныхъ, впрочемъ, съ разсрочкой на шесть лѣтъ, по 100 руб. въ годъ, „понеже“—какъ сказано въ указѣ—„онъ къ пьянству и мотовству склоненъ“.

Императрица Елизавета Петровна освободила всѣхъ братьевъ и сестеръ князя Ивана, указомъ отъ 3 декабря 1741 года. Ихъ жизнь по освобожденіи есть новая жизнь, съ своими радостями и печалями; она уже не имѣетъ мѣста въ повѣтствованіи о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ Долгорукомъ.

Примѣчаніе. — При составленіи настоящей статьи, кромѣ общеизвѣстныхъ источниковъ для исторіи послѣ-Петровской Руси XVIII в., я пользовался слѣдующими малоизвѣстными: 1) Выписками, сдѣланными мною въ 1878 году изъ «Дѣлъ о князьяхъ Долгорукихъ» (1730 — 1741), хранящихся въ Государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ. Изъ этихъ дѣлъ были извѣстны доселѣ только случайные, безсвязные отрывки, напечатанные въ: а) «Памятникахъ новой русской исторіи» Кашпирова (т. I,

отд. II, с. 152—192), b) въ примѣчаніяхъ П. И. Бартенева къ «Запискамъ княгини Н. Б. Долгорукой» (Русскій Архивъ 1867 г.) и с) въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ», 1864, кн. I, см., с. 1—7. Мнѣ удалось, на основаніи подлинныхъ документовъ, возстановить нѣкоторыя даты и разсказать подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ было извѣстно доселѣ, процессъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, 1738—1739 г. 2) Книгой князя П. В. Долгорукаго, подъ неправильнымъ заглавіемъ: «Memoires du prince Pierre Dolgoroukow», t. I. Genève, 1867. Это не записки о его жизни, а сводъ свидѣтельствъ письменныхъ, устныхъ и анекдотовъ о русской придворной жизни первой половины XVIII в. и о знатнѣйшихъ русскихъ фамиліяхъ того времени. И въ частныхъ разговорахъ, и въ печати случалось встрѣчаться съ незаслуженными, пренебрежительными отзывами объ этой книгѣ. Правда, авторъ позволяетъ себѣ иногда высказывать рѣзкія и не всегда основательныя сужденія; но при сличеніи его книги съ архивными документами и изданными источниками и монографіями, несомнѣнно приходишь къ заключенію, что князь Долгорукой пользовался какъ тѣми, такъ и другими, весьма добросовѣстно съ фактической стороны. Отсутствіе цитатъ придаетъ видъ недостовѣрности книгѣ и вводитъ невольно въ сомнѣніе читателя, мало знакомаго съ источниками исторіи Россіи XVIII в. Преданія и анекдоты, конечно, лежатъ на отвѣтственности автора, но имъ никогда, по самой сущности ихъ, нельзя придавать безусловной достовѣрности; а какъ дополненіе, какъ иллюстрація нравовъ эпохи, и преданія и анекдоты имѣютъ несомнѣнную важность для историка. 3) Документами и преданіями о постриженіи княжны Екатерины Долгорукой и ея сестеръ, находящимися въ интересныхъ статьяхъ ученаго изслѣдователя исторіи Сибири, протоіерея А. И. Сулоцкаго (р. 1812 † 1884 г.), помѣщенныхъ въ Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1871 г., №№ 3 и 4 и затѣмъ подробнѣе въ Русскомъ Вѣстникѣ 1880 г., т. CXLVIII, кн. 7, с. 5—19.

III.

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.

(1714 — 1771 г.).

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ [1].

«Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убитъ;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мертвитъ:
И слезъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не усладитъ»...

Козловъ. Поэма «Кн. Н. Б. Долгорукая».

«Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла и не дала въ томъ безумія Богу. (Кн. Іова, гл. 2, ст. 10)».

«Записки» кн. Н. Б. Долгорукой

Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе люди стали знакомиться съ недавно-прошлымъ родной земли, съ начала XIX вѣка и до нашихъ дней, они невольно обращаютъ вниманіе на въ высшей степени симпатичную личность княгини Натальи Борисовны Долгорукой, какъ на образецъ глубоко и искренно любящей жены и матери и примѣръ жестокаго жизненнаго испытанія. Начиная С. Н. Глинкой и Рылѣевымъ и кончая г-жею Толычевой и Д. Л. Мордовцевымъ, тянется цѣлый рядъ очерковъ въ прозѣ и въ стихахъ, излагающихъ ея жизнь [2]). Вѣроятно, многимъ изъ тѣхъ, кто

[1]) Первонач. напечатано въ «Историч. Вѣстникѣ» 1886 г., т. XXIII, стр. 263—282.

[2]) Указанія на главнѣйшія монографіи, посвященныя жизни княгини Н. Б. Долгорукой, приводятся ниже, въ концѣ настоящаго очерка, стр. 163—164.

благосклонно развернетъ страницы этой книги, памятны поэтическіе образы княгини Н. Б. Долгорукой, созданные Рылѣевымъ и Козловымъ. Шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ воспѣлъ Рылѣевъ горестную судьбу дочери одного изъ самыхъ крупныхъ сподвижниковъ Петра Великаго, а стихи эти до сихъ поръ еще сохранили свѣжесть и теплоту чувства:

Обрядъ свершился роковой....

—такъ заключаетъ Рылѣевъ свою „Думу“,—

Прости послѣднее веселье....
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни свои въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной.

А какъ картинно изобразилъ Козловъ бесѣду княгини Натальи Борисовны Долгорукой съ священникомъ на обратномъ ея пути изъ Сибири, въ одномъ изъ подмосковныхъ селеній графа Шереметева, размышленія ея въ Кремлѣ и затѣмъ постриженіе!

При общеизвѣстности печальной жизненной повѣсти княгини Натальи Борисовны Долгорукой, невозможно сказать о ней чего либо новаго, но необходимо напоминать почаще извѣстное о ней. Послѣднія по времени монографіи, посвященныя ея скорбной жизни, появились пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и, быть можетъ, многимъ не попадались подъ руку ни книга г. Мордовцева, ни брошюра г-жи Толычевой.

Вотъ на основаніи какихъ побужденій я позволяю себѣ вести бесѣду о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

I.

Семья Нат. Борис. Шереметевой и ея родственники.—Ея рожденье, дѣтство и отрочество.—Свѣтская жизнь и помолвка съ княземъ Ив. Ал. Долгорукимъ.

(1714 — 1729).

Наталья Борисовна была дочерью извѣстнаго фельдмаршала и любимца Петра Великаго, графа Бориса Петровича Шереметева и второй его супруги, вдовы роднаго дяди царя Петра, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Анны Петровны, рожденной Салтыковой. Фельдмаршалу, когда онъ, по волѣ царя Петра, вступилъ во второй бракъ, шелъ 61-й годъ; онъ вдовѣлъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, и меньшая его дочь отъ перваго брака была въ то время женщиной немолодой, почти 40 лѣтъ. У него уже были въ то время взрослые внуки. Между старымъ фельдмаршаломъ и молодой Нарышкиной существовала громадная разница въ годахъ: ей шелъ всего 25-й годъ, слѣдовательно она была на 35 лѣтъ моложе фельдмаршала и на 15 лѣтъ моложе меньшой его дочери. Отъ перваго брака, съ Авд. Ив. Чириковой, у графа Б. П. Шереметева было трое дѣтей: Софья Борисовна, умершая еще въ 1694 году, Анна Борисовна—замужемъ за графомъ Ив. Ѳед. Головинымъ, и Михаилъ Борисовичъ, ровесникъ царю Петру, служилъ генералъ-майоромъ, и былъ женатъ также на Нарышкиной, Авдотьѣ Григорьевнѣ, дальней родственницѣ второй жены фельдмаршала. Молодая мачиха вступала въ семью Шереметева также не одна. Отъ Льва Кирилловича Нарышкина у нея были двѣ дѣвочки погодки: Маша — девяти и Анюта — восьми лѣтъ.

Первенцомъ у Анны Петровны отъ брака съ Бор. Петр. Шереметевымъ былъ сынъ Петръ, родившійся въ 1713 году. Наталья Борисовна была вторымъ ребенкомъ и родилась 17-го января 1714 года. За нею слѣдовали: Сергѣй (р. 1715 г.), Вѣра (р. 1716 г.) и Екатерина (р. 1718 г.). 17-го февраля 1719 года скончался фельдмаршалъ Шереметевъ, 67 лѣтъ отъ роду.

Наталья Борисовна была всего пяти лѣтъ, когда умеръ ея отецъ. Она не могла ощущать горя и даже плохо помнила его смерть; но горе отъ потери матери повергло ее въ страшное отчаяніе. Графиня Анна Петровна Шереметева скончалась 22-го іюля 1728 года, когда Натальѣ Борисовнѣ шелъ 14-й годъ. „Сколько я ни плакала,—говоритъ сама Наталья Борисовна въ своихъ „Запискахъ“—только все еще не доставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ; однако, ни слезами, ни рыданіемъ не воротила“. Анна Петровна Шереметева очень любила свою Наташу, пригожую, живую, понятливую и разсудительную дѣвочку. „Я ей была дорога,—говоритъ сама Наталья Борисовна.—Льстилась мною веселиться; представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила“. Мать старалась о воспитаніи дочери, о ея солидномъ обученіи и образованіи. Къ ней была приставлена гувернатка, „мамзель“, по терминологіи того времени, нѣмка Марія Штауденъ, которая привязалась къ своей воспитанницѣ и сохраняла къ ней впослѣдствіи самую искреннюю дружбу.

Привольно катилась жизнь Натальи Борисовны при матери. Она жила у нея съ старшимъ братомъ своимъ Петромъ Борисовичемъ, меньшимъ братомъ Сергѣемъ, двумя сестрами и двумя же сестрами Нарышкиными. Веселый нравъ матери, богатство, широкій кругъ знатнаго родства—все это располагало Наталью Борисовну въ дѣтствѣ къ веселой и разсѣянной жизни: она очень любила удовольствія. Смерть матери

все измѣнила. Нарышкиныхъ взяли къ себѣ ихъ родственники, и Наталья Борисовна очутилась въ зависимости отъ своего брата, Петра Борисовича Шереметева (самый старшій братъ, отъ перваго брака фельдмаршала, графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ, умеръ въ годъ рожденья Натальи Борисовны), который не долюбливалъ ее, какъ любимицу матери, и недружелюбно къ ней относился. Наталья Борисовна стала грустить, хандрить, плакала, преувеличивая свои невзгоды. Жизнь ея пошла одиноко, она заключилась въ самой себѣ и выработала ту серьезность воззрѣній, ту стойкость воли, которыя помогли ей такъ геройски перенести дѣйствительныя несчастія, охватившія ее въ недалекомъ будущемъ. „Пришло на меня высокоуміе,—говоритъ она:—вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія, въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію: заранѣ пріучала себя къ скукѣ“.

Такой жизнью прожила Наталья Борисовна два года. Наконецъ, молодость взяла свое: ей снова захотѣлось повеселиться, и 15-ти лѣтъ она появилась въ свѣтъ. Молодые люди знатныхъ фамилій наперерывъ стали ухаживать за богатой, красивой, симпатичной дѣвушкой и на перебой дѣлали ей предложенія; но она была холодна ко всѣмъ: сердце ея еще не заговорило.

Наконецъ, она приняла предложеніе самаго выдающагося изъ всѣхъ тогдашнихъ московскихъ жениховъ. То былъ 22-хъ лѣтній красавецъ, оберъ-камергеръ и фаворитъ императора Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой. Долго искалъ онъ подходящей себѣ „партіи“, и наконецъ выборъ его остановился на Натальѣ Борисовнѣ. Фамилія князей Долгорукихъ была въ то время на зенитѣ своего величія: она находилась въ полномъ фаворѣ, какъ тогда выражались. Отецъ фаворита, князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ по природѣ ничтожный и алчный къ наживѣ, былъ оберъ-гофмейстеромъ и воспита-

телемъ юнаго императора, а его дочь, сестра Ивана Алексѣевича, княжна Екатерина, была объявленной невѣстой Петра II. Но не одинъ фаворъ при дворѣ привлекъ Наталью Борисовну къ ея жениху, что̀ доказала она впослѣдствіи; князь Иванъ Долгорукой заронилъ въ сердцѣ юной Шереметевой искру серьезнаго чувства. Суетный и легкомысленный, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой былъ надѣленъ живымъ и гибкимъ умомъ и прекраснымъ сердцемъ. Онъ утомился, въ 22 года своей шумной и порочной жизнью и нашелъ исцѣленіе отъ ея ранъ въ безграничной любви Натальи Борисовны. Занимала ее, впрочемъ, и знатность ея жениха. Я имѣлъ уже случай привести выше подлинныя слова Натальи Борисовны, изъ ея „Записокъ“, въ которыхъ она весьма краснорѣчиво выражаетъ свое тогдашнее счастье [1]).

30-го ноября 1729 года произошло въ Москвѣ торжественное обрученіе императора Петра II съ княжною Екатериною Долгорукою, а черезъ три недѣли послѣ того, наканунѣ Рождества, послѣдовало обрученіе ея брата, князя Ивана, съ Натальею Борисовною также въ Москвѣ, въ старинномъ Шереметевскомъ домѣ, на Никольской. На обрученіи присутствовали: императоръ съ великими княжнами, весь дворъ, иностранные посланники, генералитетъ и многочисленная, высокопоставленная родня князей Долгорукихъ и графовъ Шереметевыхъ. Обручальный перстень жениха стоилъ 12 тысячъ рублей, обручальный перстень невѣсты 6 тысячъ. Драгоцѣнные подарки такъ щедро сыпались въ руки невѣсты князя Долгорукаго, что она не успѣвала принимать ихъ. Братъ Натальи Борисовны, Петръ Борисовичъ, также дарилъ жениха: шестью пудами серебра въ слиткахъ, золочеными старинными кубками и стопами. Наталья Борисовна была на седьмомъ небѣ отъ блаженства и счастія. Горящія смоляныя бочки освѣщали дворъ передъ домомъ Шереметевыхъ и улицу,

---

[1]) См. настоящ. сборникъ, стр. 101, въ біограф. очеркѣ князя И. А. Долгорукаго.

наполненную народомъ до того, что по ней нельзя было ни пройдти, ни проѣхать. Толпа любовалась какъ иллюминаціею, такъ и стеченіемъ на праздникъ царя и „большихъ господъ“ и, какъ говорили тогда въ Москвѣ, привѣтствовала Наталью Борисовну радостными кликами: „Слава Богу, что отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову“! За обрученіемъ слѣдовалъ цѣлый рядъ пышныхъ торжествъ въ честь обрученныхъ и при дворѣ, и у Долгорукихъ, и у Шереметевыхъ, и у ихъ многочисленныхъ родственниковъ. Но среди этихъ торжествъ нежданно-негаданно произошла катастрофа, совершенно измѣнившая всѣ предположенія тогдашнихъ дворскихъ и дипломатическихъ кружковъ и пагубно повліявшая на судьбу князей Долгорукихъ и Натальи Борисовны Шереметевой.

II.

Кончина императора Петра II. — Скорбь Н. Б. Шереметевой. — Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. — Опала князей Долгорукихъ и отзывы Натальи Борисовны о лицахъ и событіяхъ этого времени.

(1730).

Въ ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года скончался императоръ Петръ II, и на русскій императорскій престолъ была избрана вдовствующая курляндская герцогиня Анна Іоанновна съ нѣкоторыми ограниченіями ея власти.

15-го февраля Анна Іоанновна прибыла въ Москву, а 25-го торжественно разорвала подписанныя ею въ Митавѣ

„кондиціи“. Тогда опала самодержавной императрицы прежде всего постигла князей Долгорукихъ, составлявшихъ большинство Верховнаго тайнаго совѣта и игравшихъ столь выдающуюся роль при дворѣ императора Петра II.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробностяхъ этой опалы. Достаточно лишь упомянуть, что отецъ и дяди князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго унизились до составленія подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Петра II о воцареніи по его кончинѣ его невѣсты, княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой. Но тогда, кромѣ самихъ авторовъ подложнаго документа, никто не зналъ въ точности, какъ происходило его составленіе. Подробности объ этомъ всплыли гораздо позднѣе, а при воцареніи Анны Іоанновны носились лишь темные слухи, что, по кончинѣ Петра II, князья Долгорукіе хотѣли провозгласить императрицей невѣсту императора, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, а за невозможностью исполнить этотъ замыселъ, явились иниціаторами въ дѣлѣ ограниченія самодержавной власти Анны Іоанновны. Въ дѣйствительности, они далеко не были иниціаторами этого дѣла, но таково было въ то время общее убѣжденіе, а дѣйствительный иниціаторъ „кондицій“, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, само собою считалъ нужнымъ скрывать истину. Справедливость слуховъ о роли Долгорукихъ при воцареніи Анны Іоанновны старались укоренить въ ея сознаніи враги Долгорукихъ, во главѣ которыхъ стояли главные дѣятели провозглашенія новой императрицы самодержицей: князь А. М. Черкасскій, канцлеръ графъ Головкинъ, графъ Ягужинскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Остерманъ. Но эти враги такъ ловко скрывались за другими, что не только современники, но и позднѣйшіе историки того времени приписывали несчастія Долгорукихъ Бирону, который въ 1730 году не имѣлъ еще никакого политическаго значенія.

Дни съ 19-го января по 25-е февраля были скорбными днями для всѣхъ Долгорукихъ, и въ особенности для князя Ивана Алексѣевича и его невѣсты. Князь Иванъ былъ чрез-

вычайно пораженъ смертію дѣйствительно любимаго имъ отрока-императора и чуялъ, что ему, какъ фавориту Петра II, не сдобровать при новомъ правительствѣ, каково бы оно ни было. Онъ „не путался" (по выраженію того времени) въ политическія совѣщанія шляхетства, а грустный, убитый горемъ, упрекая себя въ душѣ за свое легкомысленное участіе въ составленіи подложнаго завѣщанія Петра II, таилъ въ себѣ это участіе, не говорилъ о немъ никому, даже своей невѣстѣ, и только съ ней одной выплакивалъ свое горе [1]). „Куда дѣвались искатели и друзья?—восклицаетъ въ своихъ „Запискахъ" Наталья Борисовна. — Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна"!

Въ самый день кончины Петра II Иванъ Алексѣевичъ провелъ вечеръ у Натальи Борисовны, разсказывая подробности о кончинѣ юноши - императора. Женихъ съ невѣстой заливались горючими слезами. Въ этотъ памятный для нихъ обоихъ вечеръ поклялись они другъ другу никогда не разлучаться, и эту клятву Наталья Борисовна исполнила свято, нарушивъ ее лишь черезъ девять лѣтъ помимо своей воли.

Бѣда за бѣдой обрушивались на Наталью Борисовну. Она, 16-ти-лѣтняя дѣвушка, привыкшая къ привольной жизни, была въ горестное для нея время предоставлена самой себѣ. Въ это время, какъ видѣли читатели выше, умерла ея бабушка, Марья Ивановна Салтыкова, старшій братъ ея, Петръ Борисовичъ, лежалъ больной въ оспѣ; меньшой, Сергѣй, былъ отдѣленъ отъ брата, чтобы не заразиться оспой, которой боялись какъ чумы, потому что предохранительная прививка ея не была еще тогда извѣстна [2]).

Наталья Борисовна, зная, какъ она сама выражается,

---

[1]) Подробности объ участіи князя И. А. Долгорукаго въ составленіи подложной духовной императора Петра II см. выше, въ наст. сборникѣ стр. 102—105.

[2]) См. тамъ же, стр. 109.

„обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ“, и будучи свидѣтельницей недавнихъ опалъ Девіера, Толстаго, всей семьи Меншиковыхъ,— предавалась страшному отчаянію. Она пришла въ безсознательное состояніе, услыхавъ вѣсть о кончинѣ Петра II. Когда опомнилась, твердила только одно: „ахъ, пропала! пропала!“— и безутѣшно плакала. Она ожидала, что князь Иванъ Долгорукой будетъ удаленъ отъ двора, но на столько была увѣрена въ его невинности, что никакъ не предвидѣла той печальной участи, которая ожидала въ недалекомъ будущемъ и его, и ее. Родственники Натальи Борисовны потеряли голову, не зная, чѣмъ ее утѣшить. Они, не понимая честности и твердости характера молоденькой Шереметевой, остановились на лучшемъ, по ихъ мнѣнію, средствѣ: стали ее уговаривать отказать князю Ивану и пойдти замужъ за другаго, который въ то время сильно домогался ея руки. „Ты человѣкъ молодой, не сокрушай себя такъ безразсудно,—говорили они ей.— Князю Ивану, когда ему будетъ худо, можно отказать; будутъ другіе женихи, не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть“. Наталья Борисовна была глубоко оскорблена такими совѣтами. Вотъ что говоритъ она сама: „Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего имъ не могла на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода [1]), а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна“.

---

[1]) Писано въ 1767 году.

Весьма естественно, что въ 16 лѣтъ и при томъ исключительномъ положеніи, въ какомъ находилась Наталья Борисовна въ то время, бурныя событія воцаренія Анны Іоанновны и всѣ люди, дѣлавшіе тогдашнюю исторію, проходили въ сознаніи Шереметевой черезъ призму ея субъективныхъ, сердечныхъ чувствъ. Тайныя нити политическихъ „конъюнктуръ" были сокрыты отъ нея, да и не интересовали ее вовсе. Тѣмъ болѣе любопытны ея отзывы, ея краткія замѣтки, брошенныя мимоходомъ въ „Запискахъ" почти 40 лѣтъ спустя, о времени воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

Погребеніе Петра II произвело сильное впечатлѣніе на Наталью Борисовну, главнымъ образомъ потому, что въ печальной церемоніи принималъ участіе ея женихъ; она смотрѣла на церемонію изъ оконъ своего дома. По отношеніямъ Петра II къ князю Ивану Долгорукому, Наталья Борисовна идеализируетъ „отрока - императора". При видѣ печальнаго, грустнаго лица жениха въ траурной одеждѣ Наталья Борисовна „обезпамятовала" и отъ слабости не могла сидѣть и упала на окошко; при взглядѣ на гробъ Петра II, она лишилась чувствъ и затѣмъ дала волю слезамъ: „оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько ей сердце дозволяло, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло"! Наталья Борисовна такъ характеризуетъ Петра II: „Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная". „О, Боже!—восклицаетъ она: — дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха".

Совершенно въ противоположномъ свѣтѣ представляется ей императрица Анна Іоанновна. Она убѣждена, что герцогиня курляндская не имѣла никакого права на наслѣдіе россійскаго престола и, смотря изъ оконъ дворца на торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву, въ такихъ выраженіяхъ описываетъ ея наружность: „Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кава-

лерами идетъ всѣхъ головою выше и чрезвычайно толста". Кондиціямъ, предложеннымъ Аннѣ Іоанновнѣ, Наталья Борисовна сочувствуетъ; она рѣзко осуждаетъ людей, дѣйствовавшихъ противъ кондицій.... „Злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей (Аннѣ Іоанновнѣ) во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили", — говоритъ она въ своихъ „Запискахъ".

Биронъ, котораго Наталья Борисовна считаетъ единственнымъ виновникомъ злоключеній Долгорукихъ, представляется ей совершеннымъ извергомъ, и она, простосердечно вѣря всѣмъ ходившимъ въ то время росказнямъ о его плебейскомъ, будто бы, происхожденіи, преувеличиваетъ ихъ, увѣряя, что Биронъ былъ башмачникомъ и шилъ на ея дядю сапоги. „Сказываютъ, мастеръ превеликій былъ", — замѣчаетъ она.

Всѣ дни воцаренія Анны Іоанновны представляются Натальѣ Борисовнѣ „злымъ временемъ". По ея мнѣнію, и при антихристѣ „не тошнѣе того будетъ". „Кажется въ тѣ дни и солнце не свѣтило", — говоритъ она.

III.

Бракосочетаніе Нат. Бор. Шереметевой съ княземъ Ив. Ал. Долгорукимъ.— Ссылка князя Ивана и всей его семьи въ дальнія деревни, а за тѣмъ въ Березовъ.—Сыновья князя Ивана Ал. и кн. Нат. Бор.: Михаилъ и Димитрій.

(1730 — 1738).

Наталья Борисовна, твердо рѣшившись связать свою судьбу съ княземъ Иваномъ Долгорукимъ, отважно шла на встрѣчу непріятнымъ условіямъ для ея семейной жизни. Отецъ князя Ивана, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, не любилъ своего старшаго сына, жениха Натальи Борисовны, завидуя его фавору у Петра II; сестры князя Ивана, въ особенности „разрушенная государыня-невѣста", отличались напыщенностью и мелочнымъ чванствомъ. Наталья Борисовна все это отлично видѣла, но торопила со свадьбой. Ея „товарищъ", какъ она называетъ въ своихъ запискахъ жениха, ея ненаглядный „Иванушка"—былъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Свадьба Натальи Борисовны произошла въ началѣ апрѣля 1730 года, въ знаменитой подмосковной князя Алексѣя Григорьевича, селѣ Горенкахъ, гдѣ подолгу живалъ Петръ II и куда, послѣ его кончины, удалился князь Алексѣй со всей семьей. Свадьба была весьма печальна, представляя совершенную противоположность бывшему съ небольшимъ три мѣсяца тому назадъ обрученію. „Бракъ нашъ больше плачу достоенъ, а не веселія",—замѣчаетъ Наталья Борисовна. Она пріѣхала въ Горенки въ каретѣ съ двумя старушками, вдовами,—родные не рѣшились сопровождать ее къ опальному семейству князей Долгорукихъ.

На третій день послѣ грустной свадьбы, Наталья Борисовна тѣмъ не менѣе собралась съ мужемъ дѣлать визиты къ его роднымъ; но въ то время, какъ уже все было готово

къ отъѣзду новобрачныхъ изъ Горенокъ въ Москву, явился сенатскій секретарь и объявилъ Алексѣю Григорьевичу со всѣмъ семействомъ указъ, ссылающій ихъ въ дальнія деревни, но въ какія неизвѣстно. Наталья Борисовна положительно отказывалась вѣрить возможности на дѣлѣ такой несправедливости. По ея „молодоумію и смѣлости", она никакъ не могла понять, какъ это можно безъ суда ссылать людей! Она стала уговаривать мужа и свекра ѣхать къ императрицѣ и оправдаться, и настояла на дѣланіи свадебныхъ визитовъ. Объѣзжая по очереди всѣхъ Долгорукихъ, она удостовѣрилась, что безъ суда ссылать можно, потому что всѣ они получили указы или ѣхать въ дальнія деревни, или на губернаторскія и воеводскія мѣста въ дальнія провинціи. Она увидала воочію, что „на это дѣло нѣту починки", и тутъ только поняла весь смыслъ „искорененія ихъ фамиліи", что̀ она съ горестью называетъ своими „свадебными конфектами". „У насъ такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше Турковъ: когда бъ прислали петлю, должны бъ удавиться"! — съ горечью замѣчаетъ Наталья Борисовна.

Князья Долгорукіе должны были черезъ три дня выѣхать изъ Горенокъ, и молоденькая новобрачная торопилась съ дорожными сборами. Ея мужъ, не привыкшій къ мелочной заботливости, все предоставилъ ей, а свекровь и золовки думали лишь о себѣ, наполняя карманы „брилліантами и разными галантереями". Но Наталья Борисовна очень боялась, чтобы ея мужъ, подъ вліяніемъ постигшаго его горя, что нибудь не сдѣлалъ надъ собой, и всюду слѣдовала за нимъ. По молодости лѣтъ, она была крайне непрактична, и все объ одномъ думала, что ихъ скоро простятъ и вернутъ опять ко двору. Она взяла только самое необходимое въ дорогу и въ ограниченномъ количествѣ. Братъ Петръ Борисовичъ прислалъ ей на дорогу 1,000 рублей. Она оставила себѣ лишь 400, а 600 отослала назадъ; она не знала, что ей приведется ѣхать на свой собственный счетъ. Никто изъ родныхъ не явился даже проводить въ изгнаніе несчастную новобрачную; лишь

ея гувернантка, Марія Штауденъ, да крѣпостная горничная отправились раздѣлить ея участь въ ссылкѣ. Въ весеннюю распутицу, въ началѣ апрѣля двинулись Долгорукіе по рязанской дорогѣ, узнавъ только на пути, что имъ предназначено жить въ ихъ родовой касимовской вотчинѣ, селѣ Селищѣ. Но недолго привелось имъ пробыть тамъ. 20-го іюня явился въ Селище капитанъ Макшеевъ съ отрядомъ солдатъ и препроводилъ князя Алексѣя Григорьевича со всей семьей въ Тобольскъ.

Я не стану останавливаться на подробностяхъ этихъ невольныхъ продолжительныхъ странствій князей Долгорукихъ, столь задушевно описанныхъ Натальей Борисовной въ ея „Запискахъ". Много бѣдъ перенесла она въ четыре мѣсяца, совершая переѣзды то въ водополье по проселочнымъ дорогамъ, то на особо построенномъ для Долгорукихъ карбасѣ по Окѣ, Волгѣ и Камѣ, то мчась на почтовыхъ по пріуральскимъ горнымъ дорогамъ. Кто желаетъ познакомиться съ этими подробностями, пускай обратится къ самимъ „Запискамъ", изъ которыхъ я и безъ того уже представилъ много выдержекъ [1]).

24-го августа прибыли изгнанники въ Тобольскъ. Въ тотъ же день они были препровождены въ Березовъ на старомъ и очень плохомъ досчаникѣ, подъ надзоромъ Шарыгина, тобольскаго гарнизоннаго офицера изъ солдатъ, смѣнившаго капитана Макшеева. Не могу не остановиться на его характеристикѣ, набросанной Натальей Борисовной: „Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако, со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ

---

[1]) Кромѣ того, о пути князей Долгорукихъ отъ Горенокъ до Тобольска, по документамъ Госуд. архива, см. въ моей статьѣ: «Князь И. А. Долгорукой», наст. сборникъ, стр. 111—115.

онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и невоздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ, это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: „теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ"! Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ".

Въ Березовѣ начинается для Натальи Борисовны новый, самый тяжкій періодъ ея жизни, съ которымъ читатели познакомились изъ біографическаго очерка князя Ив. Ал. Долгорукаго [1]). Всѣ хлопоты и заботы по дому и хозяйственныя, и нравственныя, выпали на долю Натальи Борисовны, которая въ то время была уже матерью: у нея родился сынъ Михаилъ 2-го апрѣля 1731 года.

Въ октябрѣ 1738 года, черезъ два мѣсяца послѣ тайнаго увоза князя Ивана въ Тобольскъ, у Натальи Борисовны родился второй сынъ—Димитрій. Онъ страдалъ впослѣдствіи нервнымъ разстройствомъ, что̀, быть можетъ, объясняется страшнымъ нравственнымъ ея потрясеніемъ, испытаннымъ во время увоза въ Тобольскъ князя Ивана.

---

[1]) См. выше, настоящ. сборн., стр. 116—125.

IV.

Возвращеніе княг. Нат. Бор. Долгорукой въ Москву и ея жизнь тамъ. — Заботы ея о судьбѣ сыновей. — Помилованье князей Долгорукихъ императрицей Елизаветой.—Переѣздъ Натальи Борисовны въ Кіевъ и добровольное ея постриженіе. — Ея кончина.

(1739 — 1771).

Долго не знала Наталья Борисовна о судьбѣ мужа. Въ концѣ 1739 года она подала „доношеніе" императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ просьбой, что если ея мужъ живъ, то не разлучать ее съ нимъ, а если не живъ, то постричь ее. Только изъ отвѣта на это доношеніе узнала Наталья Борисовна, что ея Иванушки нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Ей позволено было вернуться къ братьямъ, и Наталья Борисовна пустилась въ дальній путь изъ Березова 17-го іюня 1740 года съ двумя сыновьями, изъ которыхъ старшему было 8 лѣтъ, а меньшему полтора года. По странному стеченію обстоятельствъ, она прибыла въ Москву 17-го октября, въ тотъ самый день, когда скончалась гонительница ея мужа и его родичей, императрица Анна Іоанновна. Сначала Наталья Борисовна не имѣла пристанища и три года скиталась по чужимъ домамъ. У старшаго брата, Петра Борисовича, она не хотѣла жить: она была недовольна, что онъ изъ всѣхъ отцовскихъ богатствъ удѣлилъ ей всего 500 душъ въ трехъ деревняхъ: селѣ Волынскомъ (въ 6-ти верстахъ отъ Москвы), Левоновѣ и Рязановѣ.

Внукъ Натальи Борисовны, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, винитъ Петра Борисовича Шереметева, „богатаго Лазаря", какъ онъ его называетъ, въ томъ, что тотъ обдѣлилъ Наталью Борисовну, явившись наслѣдникомъ всего громаднаго состоянія своего отца; но П. И. Бартеневъ, приводя

отрывки изъ „Записокъ“ князя И. М. Долгорукаго о Натальѣ Борисовнѣ, справедливо признаетъ эти обвиненія преувеличеніемъ, потому что главное свое состояніе Петръ Борисовичъ Шереметевъ получилъ позднѣе, именно въ 1743 году, въ приданое за своей женой, и неизвѣстно который изъ сыновей Бориса Петровича Шереметева унаслѣдовалъ его имѣнія. Борисъ Петровичъ умеръ въ то время, когда дѣйствовалъ законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи (изданъ въ 1714 году), по которому отецъ могъ передавать имѣніе одному изъ сыновей, по своему выбору [1]). Фельдмаршалъ Шереметевъ оставилъ духовное завѣщаніе, возбудившее много споровъ, но какъ распредѣлялось въ немъ наслѣдованіе большимъ состояніемъ Бориса Петровича—неизвѣстно. Завѣщаніе это до сихъ поръ не издано. Въ 1722 году, Петръ Великій указалъ сенату разсмотрѣть это завѣщаніе и разрѣшить вопросъ о наслѣдствѣ дѣтей фельдмаршала, согласно указамъ. Законъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ въ декабрѣ 1730 года, но долго ли разсматривалъ сенатъ духовное завѣщаніе Бориса Петровича Шереметева и чѣмъ онъ рѣшилъ его—неизвѣстно. Если рѣшеніе послѣдовало послѣ уничтоженія закона о единонаслѣдіи, то оно могло раздѣлить состояніе фельдмаршала между его двумя сыновьями отъ втораго брака и дѣтьми старшаго сына отъ перваго брака,—и тогда Петръ Борисовичъ Шереметевъ являлся далеко не „богатымъ Лазаремъ“. Во всякомъ случаѣ, до выясненія вопроса о судьбѣ духовнаго завѣщанія Бориса Петровича Шереметева обвиненіе Петра Борисовича въ обдѣленіи наслѣдствомъ Натальи Борисовны преждевременно.

Прибывъ въ Москву, Наталья Борисовна оставила свое прежнее намѣреніе немедленно постричься въ монахини. Послѣ перваго порыва отчаянія, обязанности матери пересилили любовь жены. У нея на рукахъ остались два сына, которымъ

[1]) Р. Арх., 1867 г., 1-е изд., с. 61—62.

нужно было дать воспитаніе, и до окончанія его она рѣшилась всецѣло посвятить себя дѣтямъ, оставаясь чуждою зрительницею перемѣнъ въ правительствѣ и въ обществѣ, которыя происходили вокругъ нея. А перемѣны эти были быстры.

Враги князей Долгорукихъ одинъ за другимъ сходили не только съ политическаго, но и съ жизненнаго поприща. Ѳеофанъ Прокоповичъ, графы Головкинъ и Ягужинскій умерли еще до возвращенія Натальи Борисовны въ Москву, незадолго передъ тѣмъ сложилъ на плахѣ голову Волынской; въ то время какъ Наталья Борисовна жила въ Москвѣ, былъ низложенъ злѣйшій „вредитель“ Долгорукихъ, по ея мнѣнію, герцогъ Биронъ; за нимъ послѣдовали Остерманъ и сынъ канцлера, вице-канцлеръ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Въ отдаленную ссылку вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ, въ пустынное зимовье за Якутскомъ, Германгъ, самое мѣстоположеніе котораго съ точностью не было извѣстно,—отправилась добровольно его жена, графиня Екатерина Ивановна Головкина, записавшая свое имя въ исторіи Россіи на ряду съ именемъ Натальи Борисовны, въ числѣ образцовыхъ, самоотверженныхъ женъ. Императрица Елисавета Петровна сказала графинѣ Головкиной, что она, какъ непричастная винѣ мужа, сохраняетъ за собой свое состояніе и придворное званіе (она была статсъ-дамой). „На что мнѣ почести и богатство, когда не могу ихъ раздѣлить съ другомъ моимъ,—отвѣчала императрицѣ графиня Головкина. Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобы съ нимъ быть неразлучно“. Нѣмецкое правительство, десять лѣтъ стоявшее во главѣ Россіи, было низложено, и на россійскомъ престолѣ находилась дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, крестница одного изъ князей Долгорукихъ (фельдмаршала, князя Василія Владиміровича). Наталья Борисовна имѣла все основаніе ожидать улучшенія участи родичей своего мужа, чтò дѣйствительно и не замедлило исполниться. Елисавета Петровна помиловала всѣхъ опальныхъ лицъ царствованія Анны Іоанновны, и въ томъ

числѣ всѣхъ Долгорукихъ, остававшихся въ живыхъ. Изъ Сибири возвращены были братья и сестры князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго и многіе изъ нихъ приближены ко двору: въ 1745 году, княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, бывшая невѣста Петра II, выдана императрицей замужъ за графа Я. А. Брюса, но она умерла вскорѣ послѣ брака. За два года до ея свадьбы, въ 1743 году, женился старшій братъ Натальи Борисовны, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, на единственной дочери князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго—княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, наслѣдницѣ громаднаго состоянія въ 60,000 крѣпостныхъ крестьянскихъ душъ, составившаго основаніе богатства Шереметевыхъ. Только послѣ этого брака Наталья Борисовна рѣшилась перейдти на житье въ домъ брата: она была однихъ лѣтъ съ Варварой Алексѣевной и, какъ кажется, находилась съ ней въ близкихъ отношеніяхъ. Внукъ Натальи Борисовны, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, утверждаетъ, что Петръ Борисовичъ Шереметевъ очень дурно обращался съ сестрой и съ ея дѣтьми. По его словамъ, Петръ Борисовичъ нерѣдко допускалъ старшаго ея сына, князя Михаила Ивановича Долгорукаго, ходить безъ обуви и выпрашивать сапоги у глупаго Шереметевскаго библіотекаря Вороблевскаго [1]). Но на сколько справедливы слова князя Ивана Михайловича Долгорукаго,— я не имѣю средствъ провѣрить и оставляю ихъ на его отвѣтственности.

Старшій сынъ Натальи Борисовны кое-какъ учился, меньшой былъ болѣзненный и слабый. Старшаго сына Наталья Борисовна пристроила въ военную службу, а затѣмъ женила на княжнѣ Голицыной; онъ вскорѣ овдовѣлъ, и тогда она пріискала ему вторую жену, баронессу Анну Николаевну Строганову. Устроивъ вслѣдъ затѣмъ свои имущественныя дѣла, при помощи втораго брата, графа Сергѣя Борисовича

---

1) Р. Арх., 1867 г., с. 61.

Шереметева, Наталья Борисовна рѣшилась, наконецъ, исполнить свое давнишнее желаніе—принять монашество.

Въ 1758 году, вмѣстѣ съ меньшимъ больнымъ сыномъ, уѣхала она въ Кіевъ, гдѣ въ Фроловомъ женскомъ монастырѣ постриглась съ именемъ Нектаріи. Изъ тиши своей монастырской келіи она привѣтствовала воцарившуюся въ 1762 году Екатерину II и получила въ отвѣтъ слѣдующій рескриптъ: „Честная мать! Письмо ваше отъ 12 іюля я получила, за которое и за присланную при томъ икону Пресвятыя Богоматери, также за усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонна“ [1]).

То было послѣднимъ отношеніемъ Натальи Борисовны къ оффиціальному міру. Вспоминая свою горестную жизнь, она вся предалась молитвѣ, взывая съ отчаяніемъ: „Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Не достаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать“. Въ январѣ 1767 года она написала свои „Записки“, а въ мартѣ того же года приняла схиму и писала къ старшему своему сыну Михаилу и къ невѣсткѣ: „Господь совершилъ всѣ мои намѣренія—сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ выйдти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту“. Но смерть еще щадила ее, отнимая у нея дорогихъ сердцу. Въ 1768 году потеряла Наталья Борисовна любимаго брата, графа Сергѣя Борисовича, „брата, отца и друга“, какъ она называетъ его, а въ 1769 году умеръ на ея рукахъ меньшой ея сынъ Димитрій, впавшій въ совершенное душевное разстройство, близкое къ помѣшательству. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ предался мистицизму и поступилъ послушникомъ въ одинъ изъ кіевскихъ монасты-

---

[1]) Сказ. о родѣ князей Долгорукихъ, с. 157—158.

рей, а незадолго передъ смертію принялъ тайно постриженіе. Въ одной изъ своихъ памятныхъ книжекъ Наталья Борисовна написала слѣдующія скорбныя строки: „Оставшіе по смерти моей пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь; всякаго христіанина прошу сказать, вспомня меня: слава Богу, что окончилась ея жизнь, не льются уже токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея. Я васъ (сына Михаила и невѣстку) Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ васъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердный помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу".

Наталья Борисовна скончалась 3 іюля 1771 года, 57-ми лѣтъ отъ роду. Погребена она въ Кіево - Печерской лаврѣ, рядомъ съ меньшимъ сыномъ, при входѣ въ соборную церковь.

Въ 1787 г. императрица Екатерина II, совершая свое знаменитое путешествіе въ только что присоединенный къ Россіи Таврическій полуостровъ, была проѣздомъ въ Кіевѣ. Она приказала, въ знакъ своего уваженія къ Натальѣ Борисовнѣ, обнести ея могилу рѣшеткой. Въ настоящее время могилы ея и ея сына Димитрія обозначены боковыми надписями; не только нѣтъ рѣшетки, но и могильныхъ плитъ почти нельзя отличить отъ пола. Внукъ Натальи Борисовны, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, передаетъ въ объясненіе этого слѣдующее: „Надъ сими останками положены были наровнѣ съ чугуннымъ поломъ двѣ чугунныя же плиты, съ надписями; но какъ шествовалъ черезъ Кіевъ государь Павелъ въ чужіе краи, тогдашній митрополитъ Кіевской разсудилъ приказать доски перевернуть гладью вверхъ. Причина этого неизвѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно; всѣ черезъ нихъ ходятъ".

Въ полномъ христіанскомъ смиреніи закончила свою многострадальную жизнь княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, проведя лучшіе годы въ добровольной ссылкѣ въ Сибири и найдя себѣ „тихое пристанище" подъ конецъ жизни въ монастырской келіи. Память о ней навсегда будетъ жить

среди русскихъ людей, какъ память объ одномъ изъ сильныхъ характеровъ, которыхъ немало среди русскихъ женщинъ. Горькую жизненную чашу пришлось испить Натальѣ Борисовнѣ: покориться горю, но не пасть подъ его ударами — есть великій нравственный подвигъ, который она совершила съ такимъ достоинствомъ и самоотверженіемъ.

Примѣчаніе—Русская исторія Глинки печаталась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1812 года (1-е изд.), а потомъ въ отд. изданіяхъ: 2-е, М., 1817—1819, въ 10 част.; 3-е изд., 1823 — 1825 г. въ 14 частяхъ. — «Дума» Рылѣева «Наталья Долгорукова» появилась впервые въ «Новостяхъ литературы» 1823 г., ч. V, № 30; затѣмъ перепечатана въ отдѣльномъ изд. его «Думъ», 1825 г., и въ собраніи сочиненій Рылѣева (Лейпцигское изд. 1861 г. и Петербургское 1872 г.). «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», поэма Козлова, была посвящена Жуковскому и появилась въ 1828 г. отдѣльнымъ изданіемъ; перепечатана въ стихотвореніяхъ Козлова, изд. Смирдинымъ въ его коллекціи «Полн. собр. сочин. русск. авторовъ», Спб. 1855 г. О кн. Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой говорится во всѣхъ монографіяхъ, посвященныхъ судьбѣ князей Долгорукихъ въ царствованіе Анны Іоанновны и въ особенности въ біографіяхъ мужа кн. Натальи Борисовны, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Всего интереснѣе указанія о ней, находящіяся въ «Запискахъ» ея внука, кн. И. М. Долгорукаго («Р. Арх.», 1867 г.), и въ «Memoires du pr. Pierre Dolgoroukow», t. I, Genève, 1867 (p. 331—376). Изъ отдѣльныхъ монографій о кн. Н. Б. Долгорукой мнѣ извѣстны слѣдующія. Въ 1857 г. появилась въ Лондонѣ книга Джемса Гирда: «The life and times of Nathalia Borissovna, princ. Dolgoroukow»; на основаніи этой монографіи и др. источниковъ появилось изслѣдованіе о Н. Б. Долгорукой неизвѣстнаго автора въ «От. Зап.», 1858 г., т. CXVI, I, с. 275—300. Популярно-изложенные біографическіе очерки кн. Н. Б. Долгорукой помѣщены: въ «Ежемѣсячномъ календарѣ» на 1869 г., № 6, въ «Виленскомъ Вѣстн.», 1870 г., №№ 31—35 (Н. Новоселова) и въ книгѣ Д. Л. Мордовцева, «Русскія женщины новаго времени», Спб., 1874 г. Изъ біографій для дѣтскаго чтенія самыми замѣчательными являются: Е. В., въ «Семейныхъ Вечерахъ» (старш. возрастъ), 1869 г., № 12; В. Острогорскаго, «Дѣтское Чт.», 1870 г., № 3; Н. Покровскаго, «Дѣло и

отдыхъ», 1871 г., № 11, и Т. Толычевой (псевдонимъ), отд. брош., изд. Общ. распростр. полезн. книгъ, М., 1874 г. Почти исключительнымъ источникомъ для всѣхъ этихъ біографическихъ очерковъ кн. Нат. Борис. послужили ея интересныя «Записки», писанныя ею въ 1767 году, 53 лѣтъ отъ роду. Въ нихъ она трогательно вспоминаетъ всѣ злоключенія своей жизни. Въ первый разъ онѣ были изданы въ журналѣ «Другъ Юношества», 1810 г., № 1; затѣмъ въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ» князя П. В. Долгорукаго, Спб., 1840 г. Оба изданія не полны и съ поправками въ языкѣ. Лучшее изданіе въ «Русскомъ Архивѣ» П. И. Бартенева за 1867 г. Французскій переводъ «Записокъ» находится въ приведенныхъ выше «Memoires du prince P. Dolgoroukow». Въ настоящее время А. С. Суворинымъ предпринято новое изданіе этихъ записокъ.—Изъ извѣстныхъ мнѣ беллетристическихъ произведеній послѣдняго времени, въ которыхъ играетъ роль княгиня Н. Б. Долгорукая, отмѣчу драму Д. В. Аверкіева: »Разрушенная невѣста», (Рус. Вѣстн. 1876 г., т. CXXI, кн. 1, с. 175—276); Главное содержаніе драмы заключается въ изложеніи судьбы княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой, невѣстки Натальи Борисовны, но послѣдней отведено въ драмѣ нѣсколько интересныхъ сценъ. Сюда относятся: посѣщеніе Натальи Борисовны ея родственницей Анной Годіоновной и княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, еще при жизни Петра II; разговоръ за это же время Натальи Борисовны съ княжной Екатериной Долгорукой, въ которыхъ мѣтко выражено существовавшее между ними различіе; сцена въ Горенкахъ передъ вѣнчаньемъ Натальи Борисовны и появленіе послѣ вѣнца сенатскаго оберъ-секретаря съ указомъ объ арестѣ и ссылкѣ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и всей его семьи; и наконецъ, эпилогъ, представляющій жизнь князей Долгорукихъ въ Березовѣ и увозъ князя Ивана въ Тобольскъ.

IV.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ

И

ЕГО СЕМЬЯ ВЪ ССЫЛКѢ.

(Ихъ жизнь въ Раненбургѣ съ 1730 по 1735 г.).

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКОЙ

И

ЕГО СЕМЬЯ ВЪ ССЫЛКѢ [1].

Второй сынъ знаменитаго дипломата эпохи Петра Великаго, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, князь Сергѣй Григорьевичъ — извѣстенъ гораздо менѣе всѣхъ остальныхъ своихъ родичей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ правительствѣ Петра II и въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью юнаго императора. Между тѣмъ князь Сергѣй Григорьевичъ, по своимъ способностямъ и по служебной дѣятельности, принадлежитъ къ числу довольно видныхъ дѣятелей эпохи.

Молодость свою провелъ онъ въ западно-европейскихъ государствахъ, состоя при посольствахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Женившись впослѣдствіи на Маѳѣ Петровнѣ Шафировой, дочери извѣстнаго знатока тогдашнихъ международныхъ сношеній, вице-канцлера Петра Павловича Шафирова, князь Сергѣй Долгорукой получилъ въ лицѣ своего тестя знающаго и опытнаго руководителя на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1721 г. онъ занялъ постъ своего отца — посланника при польскомъ королѣ Августѣ. Отозванный изъ Варшавы въ 1725 году, онъ снова былъ

[1]) Помѣщено первоначально въ Ист. Вѣстн. 1880 г., т. I, стр. 457—476.

назначенъ посломъ въ Польшу въ 1728 г. и вторично оставилъ этотъ постъ лишь по вызову своихъ родичей въ 1729 г., когда былъ ими вовлеченъ въ честолюбивые замыслы своего брата Алексѣя Григорьевича. Князь Сергѣй былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи подложной духовной императора Петра II, по которой русскій престолъ передавался отъ имени юнаго императора его обрученной невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, дочери князя Алексѣя. Участіе въ составленіи этой духовной, первая мысль о которой принадлежала князю Алексѣю, погубило князя Сергѣя и всю его многочисленную семью. 9-го апрѣля 1730 г. — день, въ который обрушилась невзгода на всѣхъ Долгорукихъ, сенатскій указъ ссылалъ князя Сергѣя съ женою и со всѣми дѣтьми въ дальнія его деревни на безвыѣздное житье [1]).

[1]) У князя Сергѣя Григорьевича было девять человѣкъ дѣтей: сыновья — Николай, Василій, Петръ, Григорій и Алексѣй; дочери — Марія, Анна, Екатерина и Анастасія, родившаяся въ Раненбургѣ, 23 октября 1730 г. Сынъ Алексѣй родился тамъ же подъ конецъ заключенія князя Сергѣя, 14 марта 1735 г.

I.

Ссылка князя С. Г. Долгорукаго и его семейства въ Раненбургъ и первый годъ ихъ пребыванія тамъ.

(1730 — 1731).

Въ началѣ мая 1730 г. въ домъ князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго въ Москвѣ явился гвардіи капитанъ Петръ Воейковъ, объявилъ ему указъ о лишеніи его чиновъ и, снявъ съ него польскій орденъ Бѣлаго Орла, передалъ оный канцлеру графу Головкину. Не успѣлъ еще князь Сергѣй Григорьевичъ доѣхать до своей муромской деревни—сельца Ѳоминокъ, какъ послѣдовалъ новый указъ Сената (12 іюня) о взятіи князя Сергѣя и всего его семейства подъ стражу и объ отправленіи въ Раненбургскую крѣпость—мѣсто кратковременной ссылки князя Александра Даниловича Меншикова [1]). Съ этимъ указомъ былъ посланъ къ князю Сергѣю гвардіи подпоручикъ Петръ Румянцевъ, въ сопровожденіи сержанта, капрала и двѣнадцати солдатъ. Инструкція, данная Румянцеву, предписывала строгій присмотръ за арестантами и походила какъ двѣ капли воды на всѣ подобнаго рода инструкціи того времени: она была точнымъ повтореніемъ инструкціи о содержаніи князя Алексѣя Долгорукаго съ семействомъ въ Березовѣ, куда тотъ ссылался сенатскимъ указомъ того же 12 іюня. Князю Сергѣю дозволено было оставить при себѣ изъ мужской прислуги 8 человѣкъ, а изъ женской 5.

---

[1]) Раненбургъ, крѣпость, основанная Петромъ Великимъ; до учрежденія о губерніяхъ Екатерины II, (1775 г.) находилась въ предѣлахъ Воронежской губерніи; а съ того времени и теперь Раненбургъ—уѣздный городъ Рязанской губерніи.

Мать князя Сергѣя, княгиня Марья Ивановна Долгорукая, рожденная княжна Голицына, за нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ происшествій удалилась на житье въ московскій Страстной монастырь, не принимая, впрочемъ, постриженія; когда Долгорукихъ постигла опала, ее противъ воли постригли и назвали Маргаритою, дозволивъ слѣдовать въ ссылку за однимъ изъ ея сыновей—Алексѣемъ, или Сергѣемъ: она выбрала послѣдняго.

20 іюня Румянцевъ прибылъ въ сельцо Ѳоминки, арестовалъ князя Сергѣя съ женою и дѣтьми, отобралъ у него всѣ вещи и въ тотъ же день отправился съ арестантами въ Муромъ. На другой день ихъ повезли въ Касимовъ, а 13-го іюля доставили въ Раненбургъ, гдѣ они были сданы Румянцевымъ присланному воронежскимъ вице-губернаторомъ Пашковымъ воронежскаго гарнизона капитану Мяснову, при которомъ находились: подпрапорщикъ, капралъ и 24 солдата. На первоначальные расходы по содержанію князя Сергѣя Долгорукаго и его семьи Мясновъ получилъ отъ Сената двѣсти рублей изъ денегъ князя Сергѣя.

Въ инструкціи, данной подпоручику Петру Румянцеву, ни слова не говорилось о томъ, какъ поступить со старицею Маргаритою, вслѣдствіе чего до разрѣшенія этого вопроса Сенатомъ онъ оставилъ ее въ сельцѣ Ѳоминкахъ; 2-го іюля былъ посланъ изъ Сената особый курьеръ, Степанъ Шульцъ, съ четырьмя солдатами, для препровожденія старицы Маргариты въ Раненбургъ. Шульцъ на дорогѣ нагналъ Румянцева, которому и сдалъ ее подъ росписку. Румянцевымъ она была передана Мяснову вмѣстѣ съ княземъ Сергѣемъ и его семьею для содержанія въ Раненбургѣ.

Всѣ имѣнія князя Сергѣя были конфискованы: только 9-го ноября 1730 г. отдана ему одна Замотринская волость на „пропитаніе“, какъ сказано въ указѣ. Вмѣстѣ съ имѣніями князя Сергѣя подверглись конфискаціи имѣнія и старицы Маргариты, которыя она, поступая въ Страстной монастырь, желала передать двумъ старшимъ дѣтямъ князя Сергѣя—Николаю

и Маріи. Въ январѣ 1731 г. она просила императрицу Анну Іоанновну укрѣпить за ними эти деревни; была-ли исполнена ея просьба—неизвѣстно.

При высылкѣ изъ сельца Ѳоминокъ, князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукой не зналъ, что его имѣнія конфискованы. 2-го іюля 1730 г. съ дороги въ Раненбургъ онъ написалъ въ свою рязанскую вотчину, село Корино, прикащику Михайлѣ Петрову слѣдующій „указъ“ о присылкѣ ему въ Раненбургъ разныхъ припасовъ:

„По полученіи сего указу прислать тебѣ въ Ранибурхъ муки арженой самой мелкой 20 четв., солоду арженаго 10 четв., крупъ грешневыхъ 5 четв., яшныхъ крупъ 1 четв., пшеничной муки 5 четв. самой хорошей, масла коровья 6 пудъ, 60 барановъ, 20 гусей, 50 курицъ русскихъ, 20 утокъ. Да тебѣ-жъ собрать со крестьянъ меду чистаго 5 пудъ, а ежели со крестьянъ запасы и столовые припасы все собраны, что надлежитъ на нынешней 730 годъ и высланы въ Москву, а противъ сего указу собрать съ нихъ, крестьянъ, показанное число въ зачетъ на предбудущей 731 г., а собравъ въ самой скорости прислать въ Ранибурхъ, не ожидая о присылкѣ вторичного указу; а ежели противъ вышепоказанного припасу чего съ нихъ, крестьянъ, не збираетца и за тѣ припасы зачесть имъ, крестьянамъ, впредь другими зборами, а вышепоказанное число припасы собрать все и прислать въ самой скорости. Да тебѣ-жъ какъ возможно сыскавъ, купить ведро масла ареховова и прислать съ симъ обозомъ въ непродолжительномъ времени, понеже намъ имѣется во всемъ не малая нужда“.

О томъ же писалъ князь Сергѣй въ Москву своему дворовому человѣку Ивану Чертову 12-го іюля:

„По полученіи сего указу прислать тебѣ въ самой скорости въ Ранибурхъ вялой рыбы что есть, да масла ареховова что есть, ведро или больши; да тебѣ-жъ взять у Степановны въ монастырѣ сахаръ и кофе весь и прислать къ

намъ, а изъ того сахару взять голову и отдать Степановнѣ [1]); да прислать муки крупичатой да меду кадку, что стоитъ въ монастырѣ; да тебѣ-жъ купить китаекъ черныхъ на 4 р., а деньги посланы съ сенацкимъ куріеромъ Степаномъ Шульцомъ, да взять въ оптекѣ алексиру горького 6 склянокъ и прислать въ самой скорости".

Какъ видно, князь Сергѣй очень нуждался въ средствахъ къ жизни: въ „запасахъ" и въ деньгахъ. 23-го октября 1730 г. онъ пишетъ въ сельцо Ѳоминки управляющему Колычеву слѣдующее:

„Писалъ я къ вамъ отъ 19 іюля, о присылке ко мнѣ запасу, на которое мое письмо атвѣтъ не получалъ; ноне паки требую по прежнему моему писму прикажите отпустить ко мнѣ запасы, въ чемъ мнѣ необходимая нужда, понеже здесь купить не сы(ще)шь".

Въ январѣ слѣдующаго 1731 г. тому же Колычеву онъ пишетъ опять:

„Г. Колычевъ! Ежели есть у васъ въ зборѣ 100 рублевъ денегъ, пожалуй пришли ко мнѣ, а буде нѣтъ, то прикажи собрать за сталовые запасы 100 рублевъ и пришли ко мнѣ, а я имѣю нужду нѣкоторыя мелочи купить здѣсь".

Изъ рапортовъ капитана Мяснова въ Сенатъ о количествѣ продуктовъ, полученныхъ княземъ Сергѣемъ изъ его Замотринской волости съ 1731 по 1734 г., видно, что продуктовъ этихъ было доставляемо въ изобиліи, денегъ же присылалось изъ Замотрина весьма немного: въ теченіе двухъ лѣтъ — съ 15-го декабря 1730 г. по 15-е декабря 1732 г. князь Сергѣй получилъ всего 1195 рублей.

Но не однѣ заботы о пропитаніи занимали князя Сергѣя среди его грустной жизни въ Раненбургѣ. Онъ разсчитывалъ на улучшеніе своего положенія и имѣлъ слабую надежду даже на совершенное помилованіе.

---

[1]) Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о Страстномъ монастырѣ, гдѣ жила мать князя Сергѣя.

23-го октября 1730 года онъ обращается къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Державнѣйшая царица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая! Дерзаю молити вашего императорского величества, яко вси прикланяяй выи молимъ Всевышняго Творца, да простретъ десницу милосердія отъ горняго жилища. Тако нынѣ всеподданнѣйшій рабъ вашего величества, премилосердая государыня, рабски припадая къ ногамъ, молю: простри десницу милосердія отъ Высочайшія державы престола своего, помилуй, помилуй погибшего и страждущего раба своего. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ князь Сергѣй Долгорукой“.

Голосъ его не былъ услышанъ.

Въ апрѣлѣ 1731 года князь Сергѣй воспользовался предстоявшимъ празднованіемъ годовщины коронаціи императрицы Анны Іоанновны, чтобы вторично напомнить о своемъ горестномъ положеніи и просить объ улучшеніи своей участи. 21-го апрѣля этого года онъ писалъ императрицѣ:

„Вашего императорского величества, государыня всѣмъ милосердая, приклоняя колѣна, всеподданнѣйше молю, сотвори съ убогимъ и послѣднимъ рабомъ своимъ божеское милосердіе: помилуй всемилостивѣйшая государыня для такъ дни великого отъ всѣхъ Творца дарованного и всему народу торжественного высочайшія коронаціи вашего императорского величества, дабы и я бѣдной и последней рабъ вашего величества въ такъ великой радости имѣлъ малое участіе и съ неизреченнымъ благодареніемъ во все продолженіе бѣдного живота моего въ пожалованной мнѣ деревнишки за высочайшее вашего императорского величества всѣмъ милосердой государыни здравіе Всевыщего Творца неусыпно просилъ. Вашего императорского величества всемилостивѣйшей государыни послѣдній и всеподданейшій рабъ князь Сергѣй Долгорукой“.

Участь его все-таки не была смягчена.

Долгорукіе содержались въ Раненбургѣ, въ крѣпости, ворота которой, по инструкціи должны были старательно охраняться часовыми. Вести переписку, притомъ исключительно о хозяйственныхъ дѣлахъ, дозволялось имъ не иначе, какъ въ присутствіи пристава, капитана Мяснова, который каждый разъ долженъ былъ давать имъ бумагу, перья и чернила. Письма Долгорукихъ Мясновъ обязанъ былъ посылать или почтой, или съ особыми ѣздовыми; но не совсѣмъ точно исполнялъ онъ эту инструкцію, дѣлая значительныя послабленія вельможному арестанту, который, хотя и содержался въ крѣпости, но сохранялъ свой княжескій титулъ и, имѣя родственныя связи при дворѣ, не нынче-завтра могъ снова пріобрѣсть прежнее положеніе. Приставъ сознавалъ это очень хорошо и не брезгалъ посильными даяніями опальнаго князя: въ разное время онъ получилъ отъ князя Сергѣя Григорьевича цѣнные подарки, а именно: шпагу съ серебрянымъ эфесомъ, камлоту зеленаго 10 арш., кусокъ миткаля, кусокъ китайской парчи и денегъ до 120 рублей; кромѣ того брату его, Филиппу Мяснову, князь Сергѣй Григорьевичъ подарилъ лошадь. Благодаря этимъ подаркамъ, Долгорукіе писали письма не одного только хозяйственнаго содержанія, но вели дѣятельную переписку съ своими родными о разныхъ семейныхъ дѣлахъ и даже, какъ мы видѣли, имѣли возможность напоминать о себѣ самой императрицѣ. Письма ихъ пересылались, вопреки инструкціи, съ крестьянами, привозившими имъ деньги и припасы изъ Замотринской волости, а также съ людьми сестеръ княгини Долгорукой — княгинь Гагариной и Хованской и Салтыковой. Капитанъ Мясновъ вообще не особенно бдительно наблюдалъ за арестантами: онъ дозволялъ прислугѣ Долгорукихъ свободно выходить изъ крѣпости въ городъ для разныхъ покупокъ и даже просто къ знакомымъ, ради препровожденія времени. Самъ Мясновъ уѣзжалъ иногда изъ Раненбурга верстъ за 60 на нѣсколько дней, оставляя такимъ образомъ Долгорукихъ безъ должнаго надзора.

II.

Переписка княгини Марѳы Петровны Долгорукой съ сестрами и дальнѣйшая жизнь семьи князя Сергѣя Григ. Долгорукаго въ Раненбургѣ.

(1731 — 1734).

Переписка княгини Долгорукой съ сестрами и братомъ живо изображаетъ ежедневный обиходъ Долгорукихъ, всѣ ихъ печали и радости, — но главнымъ образомъ печали, которыхъ довольно-таки было у раненбургскихъ узниковъ.

У княгини Долгорукой было четыре сестры и братъ—баронъ Исаія Петровичъ Шафировъ. Старшая сестра Наталья Петровна, бывшая за-мужемъ за графомъ Александромъ Ѳедоровичемъ Головинымъ, умерла еще въ 1728 г., и Головинъ женился во второй разъ; дѣти Натальи Петровны жили у своей тетки (второй сестры княгини Долгорукой), Анны Петровны, которая была за-мужемъ за княземъ Алексѣемъ Матвѣевичемъ Гагаринымъ, единственнымъ сыномъ казненнаго при Петрѣ Великомъ сибирскаго губернатора. При опалѣ Долгорукихъ князь Гагаринъ недобросовѣстно воспользовался родствомъ съ ними: именнымъ указомъ 27 октября 1730 г. пожалованы ему 1493 души изъ отписныхъ вотчинъ князя Василія Лукича Долгорукаго. Третья сестра — Екатерина Петровна была за-мужемъ за княземъ Василіемъ Петровичемъ Хованскимъ (р. 22 янв. 1694 г. † 9 янв. 1746 года). Онъ приходился роднымъ внукомъ тоже казненному, въ 1682 году, начальнику Стрѣлецкаго приказа, боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому, по прозванью „Тараруй“, извѣстному супротивнику царя Петра Алексѣевича и державшему открыто сторону раскольниковъ-старо-

обрядцевъ. Князь Василій Петровичъ Хованскій началъ службу при Петрѣ Великомъ во флотѣ, а при Елизаветѣ Петровнѣ занималъ должность шталмейстера. Меньшая сестра—Марья Петровна была за мужемъ за Михаиломъ Михаиловичемъ Салтыковымъ, получившимъ впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, званіе сенатора. Всѣ сестры были очень между собою дружны, но въ особенности близка къ княгинѣ Марѳѣ Петровнѣ Долгорукой была меньшая сестра—Салтыкова. Она принимала самое горячее, сердечное участіе въ положеніи князя Сергѣя и его семьи и не смотря на то, что въ 1731 г. „почитай 25 недѣль съ постели не вставала“, т. е. пролежала цѣлыхъ полгода, она усердно хлопотала объ отправкѣ лѣкаря и вспомогательныхъ медицинскихъ средствъ къ больному князю Сергѣю и вела акуратную переписку съ княгиней Марѳой Петровной. Въ письмахъ княгини Долгорукой и ея сестеръ изрѣдка попадаются приписки князя Сергѣя, князей Хованскаго и Гагарина и Михаила Михаиловича Салтыкова; всѣ эти приписки отличаются краткостью и заключаютъ въ себѣ поклоны и разныя благопожеланія; только разъ князь Сергѣй пишетъ княгинѣ Гагариной большое письмо о своихъ деревенскихъ дѣлахъ.

Для образца этой переписки привожу два письма цѣликомъ: одно княгини Марѳы Петровны Долгорукой, другое Марьи Петровны Салтыковой.

„Государыни мои сестрицы, княгиня Анна Петровна, княгиня Катерина Петровна, Марья Петровна, многолѣтно здравствуйте со всѣми своими. Письмо отъ васъ и посылку все въ цѣлости приняла; сожалѣю, матушка сестрица княгиня Катерина Петровна, о болѣзни вашей и князя; прошу Бога, дабы васъ уздравилъ; доношу вамъ, что князь сегодня занемогъ лихораткою, была не велика зноба, только великая ломота въ костяхъ; пожалуйте, матушка моя, попросите Будлу [1]),

[1]) Лейбъ-медикъ Видло; о немъ см. ниже, наст. очерка стр. 178—179.

чтобъ проносныго далъ князю лекарства, и пришлите немедленно къ намъ, а Николай [1]), доношу, что лихоратка отстала, только тежело вздыхаетъ. Пожалуйте пришлите рейнувейну бутылки двѣ и косякъ отласу средней руки крапивного; пожалуй, матушка моя сестрица Марья Петровна, пришли пары три рукавицъ лушихъ большой руки ласенныхъ строченныхъ, да пожалуй поблагодари Кузьму за посылку, что онъ насилу вздумалъ. Остаюсь сестра ваша княгиня Марфа Долгорукова. 16 марта 1731 г.".

„Милостивая моя государыня сестрица Марфа Петровна",—пишетъ М. П. Салтыкова— „многолѣтно государыня здравствуй купно и съ государемъ моимъ княземъ Сергіемъ Григорьевичемъ и съ дарагими дѣтками; всепокорно васъ, матушка моя, прошу увѣдомить меня о вашемъ здоровьѣ, и о князѣ вашемъ, и о дѣткахъ вашихъ, есть ли легче Николаюшке и Катеньке отъ лихоратки; о себѣ доношу, что мы съ Михайло Михайловичемъ оба не можемъ, однако нынѣ полегче и дѣти наши здоровы слава Богу. Покорно прошу, объяви мой нижайшей поклонъ государю моему князю вашему и государынѣ моей княгини Марьѣ Ивановнѣ [2]), пожалуйте объявите нижайшій поклонъ и дорогимъ вашимъ дѣткамъ, любезно пожалуйте всѣхъ за меня. Поздравляю васъ, моя матушка сестрица, и князя съ новымъ годомъ, дай Вышней пproправодить вамъ сей новый годъ счастливо и въ добромъ здоровьи. Симъ оканчаю, остаюсь всепокорная ваша сестрица Марья Салтыкова низко кланяюся. Изъ Москвы января 2 дня 1731 г.".

Изъ переписки княгини Долгорукой съ сестрами мы узнаемъ: 1) о продолжительной болѣзни князя Сергѣя, 2) о нездоровьи княгини Марѳы Петровны и дѣтей, 3) о житьѣ-бытьѣ ссыльной семьи, ея занятіяхъ и 4) о ея хозяйственныхъ потребностяхъ.

---

[1]) Старшій сынъ князя Серг. Григ. Долгорукаго.

[2]) Мать князя Серг. Григ. Долгорукаго, постриженная въ монашество съ именемъ Маргариты.

Въ концѣ октября 1730 г. князь Сергѣй Долгорукой занемогъ болью въ груди и въ лѣвомъ боку, о чемъ немедленно увѣдомилъ своего пристава капитана Мяснова слѣдующей запиской:

„Г. капитанъ! Объявляю вамъ о болѣзни моей: безпрестанно болитъ грут(д)ь и лѣвой бокъ и всегдашной слышу въ себѣ жаръ, отъ чего каровь (т. е. кровь) съ макротою горломъ идетъ, такоже и руки по утрамъ пухнутъ; и дле той моей болезни прошу васъ, чтобъ гдѣ достать лекаря для пусканія крови“.

Болѣзнь князя Сергѣя встревожила всю семью: въ то время въ Раненбургѣ не было ни одного лекаря. Вслѣдъ за запиской къ Мяснову, князь Сергѣй отправилъ слѣдующее прошеніе въ Сенатъ:

„Понеже я ныне отъ великой моей болезни чахотной въ канечную пришелъ слабость и не чаю продолженія живота моего, покорно прошу присутствующихъ въ Правительствующемъ Сенате васъ, моихъ милостивыхъ государей, показать сомною, Бога ради, милость и истиннаго (?) (это слово не разобрано) христіанства должность—повелѣть ко мне прислать дохтура для излеченія, ежели возможно будетъ, оной тяшкой моей болезни. Повторяю, прошу васъ, моихъ государей, по сему моему прошенію сотворить со мною милость“.

Сенатъ оставилъ прошеніе князя Долгорукаго безъ вниманія и лѣкаря ему не выслалъ. По этому княгиня Мароа Петровна хлопочетъ черезъ своихъ сестеръ и брата, Исаію Петровича Шафирова, о присылкѣ къ нимъ какого нибудь врача, или хоть даже цирюльника, а за совѣтами относительно общаго хода болѣзни мужа обращается къ лейбъ-медику Бидло, тогдашней медицинской знаменитости, — постоянно лѣчившему Долгорукихъ во время ихъ придворнаго фавора.

Николай Бидло, сынъ знаменитаго лейденскаго профессора и лейбъ - медика короля англійскаго Готфрида Бидло, родился въ Амстердамѣ и въ 1706 году поступилъ на службу къ Петру Великому. Онъ былъ начальникомъ перваго госпи-

таля въ Москвѣ и перваго въ Россіи анатомическаго театра; подъ его же руководствомъ образовывались русскіе медики. Вообще Бидло пользовался расположеніемъ Петра Великаго, любившаго анатомію и для своего времени весьма даже свѣдущаго въ этой наукѣ. Бидло не одобрилъ леченія Петра II братьями Блументростами, но не могъ уже спасти умиравшаго отрока-императора: его призвали слишкомъ поздно. Въ октябрѣ 1730 г. Бидло былъ сдѣланъ президентомъ Медицинской коллегіи, членомъ которой, въ числѣ другихъ, назначенъ и упоминаемый въ перепискѣ князей Долгорукихъ докторъ Тейльсъ (Тельчъ) [1].

Припоминая прежнее лѣченье Бидло, княгиня Мареа Петровна, въ ноябрѣ 1731 г., проситъ своего брата, „чтобы дохтуръ Будль (такъ называетъ она Бидло въ своихъ письмахъ) пожаловалъ, „далъ травъ исъ чего декохтъ варятъ, сыропу, что всегда ему давалъ и на Москвѣ, красныхъ порошковъ и проносныхъ лекарствъ“. М. П. Салтыкова просила Бидло прописать лѣкарство князю Сергѣю, но онъ отвѣчалъ ей: „Я радъ написать, да не знаю обстоянія его болѣзни, что̀ таперь ему пуще“, а затѣмъ пожелалъ имѣть слѣдующія свѣдѣнія: идетъ ли кровь изъ горла съ гноемъ, или безъ гноя, не чувствуетъ ли князь Сергѣй колотья въ которомъ нибудь боку, постоянный у него жаръ, или нѣтъ, каковъ сонъ, аппетитъ, и давно ли князь „кровь металъ“? Получивъ требуемыя справки, Бидло прописалъ рецепты, велѣлъ пустить кровь не менѣе двухъ разъ и далъ подробную инструкцію на счетъ ухода за больнымъ. Вслѣдъ за этимъ были посланы и лѣкарства. Въ письмахъ къ сестрамъ княгиня Долгорукая весьма часто проситъ совѣтовъ Бидло, такъ что М. П. Салтыкова отказывается „его трудить“, увѣряя сестру, что болѣзнь князя хорошо ему извѣстна.

---

[1]) Подробности о докторѣ Бидло см. въ книгѣ Пекарскаго, Наука и литература при Петрѣ I, т. I, стр. 132, 133, 136, 367, 368 и 433; въ «Запискахъ» Маркевича, т. I; въ депешахъ Лефорта (Сборн. Рус. Ист. Общ., т. V, стр. 315, 341, 344, 385) и Мардефельда (ibid., т. XV, 249).

Еще до совѣта съ Бидло, Исаія Петровичъ Шафировъ обращался къ начальнику тайной канцеляріи А. И. Ушакову съ просьбою объ отправленіи врача къ князю Сергѣю. Ушаковъ разрѣшилъ, но долго не могли найдти охотника ѣхать въ такую даль, да притомъ къ опальному князю; только въ іюлѣ 1731 года. М. П. Салтыкова „уговорила" ѣхать въ Раненбургъ одного врача, который, по ея словамъ, кромѣ того что „пускаетъ кровь изъ руки, умѣетъ пускать и піявицъ". Отправляя его изъ Москвы, Салтыкова дала ему „на дорогу, на пропитаніе рубль", да наняла ему пару лошадей до Раненбурга за 5 рублей. Но врачъ этотъ не доѣхалъ до Долгорукихъ: онъ заболѣлъ дорогой. Тогда Салтыкова посылаетъ (въ концѣ октября 1731 г.) цирюльника, или какъ она его называетъ, „болбира" (отъ французскаго слова — barbier = цирюльникъ), крѣпостнаго человѣка княгини А. П. Гагариной. „Князь и я съ дѣтьми", пишетъ княгиня Гагарина сестрѣ своей княгинѣ Долгорукой, „посылаемъ вамъ, матушка моя, болбира, можетъ кинетъ кровь князю вашему и вамъ, а оной болбиръ мнѣ изъ ноги пущалъ, и людямъ нашимъ многимъ пущалъ; вы и сами вѣдаете, что мнѣ очень трудно пущать кровь, а онъ хорошо очень трафилъ, только изволите приказать напередъ изъ людей кому бросить, а послѣ себѣ". Цирульнику было дано на проѣздъ туда и обратно 4 р. съ „полтинникомъ", да на харчи 2 р. 25 к.; впрочемъ Салтыкова проситъ княгиню Долгорукую дать ему еще, когда онъ поѣдетъ назадъ. „Болбиръ" прибылъ въ Раненбургъ послѣ того, какъ князю Сергѣю 2-го декабря пустили кровь, и не имѣлъ случая выказать свое искусство.

Князь Сергѣй болѣлъ очень долго; болѣзнь, то уменьшаясь, то снова увеличиваясь, тянулась до начала 1734 г. Въ январѣ 1733 г. кн. Сергѣй причастился, и весь этотъ годъ чувствовалъ себя очень не хорошо; въ ноябрѣ 1733 г. болѣзнь приняла такой оборотъ, что всѣ домашніе были убѣждены въ скорой его смерти.

Въ семьѣ Долгорукихъ былъ боленъ не одинъ князь

Сергѣй,—заболѣла и Марѳа Петровна, утомленная вѣчными хлопотами и уходомъ за мужемъ; что касается дѣтей — изъ нихъ постоянно кто нибудь да хворалъ; особенно озабочивали родителей продолжительный кашель Николашеньки и „короста“ на головѣ у годовой дѣвочки Насти. Долгорукая не безпокоила Бидло, когда дѣло шло о ней, или дѣтяхъ, обращаясь въ такомъ случаѣ за совѣтами къ двумъ другимъ врачамъ, жившимъ въ Москвѣ — къ Францу и къ извѣстному въ то время спеціалисту по дѣтскимъ болѣзнямъ — Тейльсу. Кромѣ того сестры пересылали ей разныя домашнія средства и имѣвшіеся у нихъ рецепты. Приводимъ одинъ изъ этихъ рецептовъ цѣликомъ: Грудная трава. „Грудныхъ травъ по 3 или по 4 горсти, въ четверной водѣ вари докаместь половина выкипитъ, послѣ скрость полотняной платокъ процеди, и отъ тою немоши поить сколько изволитъ“. (Въ другихъ рецептахъ говорится, какъ принимать противъ лихорадки рвотные порошки, составъ которыхъ, впрочемъ, неизвѣстенъ).

Любимцами родителей и тетокъ были: старшій сынъ Николаша (которому въ то время было уже лѣтъ 15) и старшая дочь Машенька лѣтъ 12-ти; оба они умѣли читать и хорошо писали по русски. Примѣромъ ихъ грамотности можетъ служить слѣдующая приписка на письмѣ княгини М. П. Долгорукой къ княгинѣ Гагариной и Салтыковой отъ 22 марта 1732 г. „Отдаю свой нижайшій поклонъ государынѣ тетушкѣ княгинѣ Аннѣ Петровнѣ и Марьѣ Петровнѣ, благодарствую, государыня тетушка, за вашъ гостинецъ—за платокъ. Племянница ваша Марья Долгорукова нижайше, государыня тетушка, кланяюсь. Княгиня Анна Петровна и государыня Марья Петровна благодарствую государыня за платокъ. Остаюся князь Николай Долгорукой. Марта 27 дня 1732 г.“. Тетки интересовались ходомъ ученья своихъ племянниковъ и племянницъ и посылали для чтенія старшимъ псалтирь, а для обученія меньшихъ — азбуки.

Въ семьѣ князей Долгорукихъ чтеніе было мало распро-

странено; причинъ для этого было много. Хотя инструкція объ арестѣ запрещала имъ имѣть при себѣ книги, но при тѣхъ послабленіяхъ, которыя, какъ мы видѣли, дѣлалъ князю Сергѣю его приставъ Мясновъ—это запрещеніе не помѣшало бы раненбургскимъ узникамъ предаваться чтенію, при особой ихъ къ тому склонности. Но, какъ видно, они не особенно любили чтеніе, да и книгъ въ то время на русскомъ языкѣ выходило мало, а на иностранныхъ языкахъ, кажется, ни князь Сергѣй Долгорукой, ни княгиня Марѳа Петровна читать не могли. Изъ дальнѣйшаго изложенія ясно, что оба они усердно предавались чтенію книгъ религіознаго содержанія. Марѳа Петровна просила своего брата прислать ей при случаѣ „книги Миней Четьи, или какія у него есть“, обѣщаясь возвратить ихъ по прочтеніи; „а буде у васъ нѣтъ, хоша у кого возьмите“, прибавляетъ она. Въ ноябрѣ 1731 г. Салтыкова послала ей требуемую книгу, при чемъ писала: „Посылаю къ вамъ, матушка моя сестрица, книгу Минею Четчею (sic!) сентябрьскую четверть, взявъ у деверя своего и вы, моя матушка, пожалуйте велите беречь и какъ ненадобно, то назадъ ее извольте прислать, тогда я вамъ пришлю и другіе мѣсяцы книгу Минею Четчею и къ вамъ пришлю читать“. Деверь Салтыковой, отдавши Долгорукимъ свою книгу, безпокоится о ея участи, вслѣдствіе чего Салтыкова пишетъ въ мартѣ 1732 г. слѣдующее: „Книгу, которую я къ вамъ послала прежде сего, Миней Четію, деверь мой требуетъ ее. Пришлите пожалуйте, понѣже у него три еще есть, то не хочетъ разрознить“. Въ маѣ она повторяетъ эту просьбу. Наконецъ книга возвращена, и Салтыкова посылаетъ вторую четверть (декабрьскую) Миней - Четій, при чемъ пишетъ: „Ежелибъ онѣ наши книги были, то - бъ мы вамъ услужили вовсе, а то нарочно взяли у деверя моего, государыня, для чтенія князю вашему“. Кромѣ Четій-Миней, Мих. Мих. Салтыковъ прислалъ князю Сергѣю для чтенія книгу сочиненія

Баронуса, т. I [1]), а княгиня Марѳа Петровна Долгорукая просила сестеръ прислать ей календарь на 1732 годъ.

Имянины и дни рожденія князя Сергѣя и княгини Марѳы Петровны, а равно и ихъ дѣтей, не забываются сестрами княгини Долгорукой; онѣ аккуратно поздравляютъ ихъ и посылаютъ подарки, хотя весьма незатѣйливые; напр. въ іюнѣ 1731 г. княгиня Гагарина пишетъ своей сестрѣ: „Поздравляю васъ, государыня, съ прошедшимъ днемъ тезоименитствомъ вашимъ, посылаю вамъ, моя матушка, платочекъ, а княжнамъ вашимъ ленточекъ новомотныхъ, не прогнѣвайтесь, свѣтъ мой, на не большихъ гостинцахъ". Къ этому же дню княгиня Хованская посылаетъ княгинѣ Долгорукой „штуку" канифасу, а дочерямъ ея— лентъ. Въ 1732 г. Салтыкова отправляетъ своимъ племянницамъ и племянникамъ слѣдующіе подарки: Машинькѣ—„платокъ рушной новой алой", Николашенькѣ тоже платокъ „жолтой", Катенькѣ—лентъ, Петрушенькѣ—чулки, Гришенькѣ и Настенькѣ—чулки-жъ, Аннушкѣ—„платокъ полосатой", Васенькѣ — табакерку. Въ маѣ того же года она посылаетъ Долгорукимъ гостинецъ, привезенный ей мужемъ изъ Риги: мѣдный кофейникъ новый съ канфоркой и молочникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько вещей изъ своей старой посуды: 3 синія чашки и 2 цвѣтныя чашки съ блюдами. „Не прогнѣвайся, матушка моя, что разныя", пишетъ она сестрѣ, „истинно лучшей (т. е. посуды) у меня нѣтъ, только и было цвѣтныхъ, а синія чашки вѣдаю что нехороши, только не было лучше, у меня ихъ было шесть, да разбили, матушка, три, понежъ три были спрятаны, а три употребляли". При этомъ же письмѣ посылаетъ она гостинцы племянницамъ и племянникамъ: Машинькѣ—„ленты съ серебромъ навамодныя", Катенькѣ и Аннушкѣ по парѣ рукавовъ, а меньшимъ дѣтямъ

---

[1]) «Дѣянія церковныя и гражданскія», русскій переводъ творенія кардинала Баронія: «Annales ecclesiastici», изд. въ Римѣ въ 1558—1607. Переводъ этотъ напечатанъ церковно-славянскими литерами въ Москвѣ въ 1719 г. и состоитъ изъ двухъ томовъ. См. Пекарскаго, Наука и литер., т. I, с. 327—328 и т. II, с. 446—447.

ленты шелковыя къ рукавамъ. Сергѣю Григорьевичу посылались шейные шелковые платки и курительный табакъ, привезенный Салтыковымъ изъ Риги.

Сестры присылали княгинѣ Долгорукой разные припасы изъ Москвы: изъ списка этихъ припасовъ видно, что потребности раненбургскихъ узниковъ были весьма умѣренны. Вотъ напр., что было переслано сестрами княгинѣ Долгорукой съ января по декабрь 1731 года: 1 ведро орѣховаго масла, 3 ведра маковаго масла, 1 осьмина маку, 2 четверти грецкаго гороху, 2 пуда сахару, 2 бутылки рейнвейну, 27 тетеревей и нѣсколько куръ, 2 тысячи тонкихъ свѣчъ, свѣчъ маковыхъ (т. е. простыхъ сальныхъ нисшаго сорта), безъ означенія количества, крупъ смоленскихъ и разныхъ мелкихъ крупъ для дѣтей тоже безъ указанія количества. Въ мартѣ 1732 года Салтыкова посылаетъ Долгорукимъ 100 штукъ соленыхъ лимоновъ и 4 ф. лимонныхъ корокъ, а въ маѣ того же года отправляетъ имъ ½ пуда кофе, извиняясь, что не цѣлый пудъ, „понеже“, пишетъ она, „кофе чрезмѣрно дорогъ, по двадцати по восьми рублей пудъ, но очень хорошъ, я его пробовала“.

Средства Долгорукихъ годъ отъ году уменьшались, заочное управленіе Замотринымъ было очень затруднительно; управляющій этимъ имѣніемъ — Колычевъ дозволялъ себѣ поборы съ крестьянъ въ свою пользу, а Долгорукимъ весьма неаккуратно доставлялъ деревенскіе припасы и деньги.

Замотринскіе крестьяне стали оказывать явное неповиновеніе Колычеву и наконецъ подали на него челобитную княгинѣ Гагариной: въ этой челобитной они просили уволить Колычева и замѣнить его дворяниномъ Разстригинымъ. Княгиня Гагарина была въ большомъ затрудненіи, какъ ей поступить, обращалась за содѣйствіемъ къ А. И. Ушакову и къ П. И. Ягужинскому, сама объяснялась съ крестьянами и писала о ихъ неудовольствіи пространныя донесенія князю Сергѣю. Княгиня Долгорукая заступалась за Колычева, утверждая въ письмахъ своихъ къ княгинѣ Гагариной, что

крестьяне „все плутуютъ, отъискивая себѣ воли". Наконецъ крестьяне явились съ своей челобитной въ Раненбургъ къ самому князю Сергѣю, чѣмъ онъ былъ очень разсерженъ. „Попросите отъ меня государя моего Михаила Михаиловича (Салтыкова), чтобы приказалъ ихъ (крестьянъ) гораздо наказать", — пишетъ князь Сергѣй княгинѣ Гагариной въ концѣ марта 1732 г. — „и извольте ихъ отослать къ Колычеву, понеже они плутуютъ и составляютъ челобитныя, будто отъ миру, напрасно на Колычева и другихъ крестьянъ возмущаютъ, а отъ ихъ ослушаній я великую имѣю скудость въ положенномъ на нихъ сборѣ". Вслѣдствіе этого письма княгиня Гагарина призываетъ къ себѣ челобитчиковъ-крестьянъ, кричитъ на нихъ и отпускаетъ, не разобравъ дѣла.

Въ 1732 г. Долгорукіе ровно ничего не получили изъ Замотрина, такъ что княгиня Мареа Петровна принуждена была просить у сестеръ взаймы 100 рублей. Всѣ расходы на лѣченье князя Сергѣя и на покупку припасовъ и птицъ падали на долю сестеръ княгини Долгорукой: разъ только она послала Салтыковой 10 р. на покупку голландскихъ куръ. Сестры ея изъ своихъ же средствъ одѣвали всю семью раненбургскихъ узниковъ, такъ какъ Мареа Петровна часто обращалась къ нимъ съ просьбами: то купить матерій на платья себѣ и дѣтямъ, то экипировать ея раненбургскую прислугу, то наконецъ прислать для князя Сергѣя кошачій мѣхъ на шубу и „нѣмецкіе кожаные штаны". Имъ же княгиня Долгорукая пересылаетъ для починки разныя вещи, которыя трудно, или почти невозможно было исправить тогда въ Раненбургѣ: разную мѣдную посуду, кофейникъ и карманные часы. По ея порученію сестры заказываютъ въ Москвѣ и пересылаютъ въ Раненбургъ два образа: св. Николая Чудотворца—патрона старшаго сына Николая, и Страстной Божьей Матери, къ которой они имѣли особенное уваженіе, потому что мать князя Сергѣя, старица Маргарита, жила до ссылки въ Московскомъ Страстномъ монастырѣ.

Дворовые Долгорукихъ, оставшіеся въ Москвѣ, тоже

находились на попеченіи и иждивеніи сестеръ княгини Маρѳы Петровны, которая относилась къ этимъ людямъ съ большимъ вниманіемъ, заботилась о безбѣдномъ ихъ существованіи и помѣщала дѣтей нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ученье къ мастеровымъ.

Въ 1732 г. Долгорукіе заводятъ у себя рѣдкія породы птицъ: голубей „трубастыхъ" и „египецкихъ", куръ голландскихъ хохлатыхъ, бѣлыхъ китайскихъ гусей и бѣлыхъ хохлатыхъ утокъ. Птицы эти присылаются имъ Салтыковой и княгиней Гагариной, частью изъ имѣнія послѣдней—Селищъ, частью изъ Москвы, гдѣ, впрочемъ, не всегда удавалось найдти породы, выписываемыя Долгорукими; напр. голландскихъ куръ Салтыкова долго безуспѣшно розыскивала по Москвѣ и добыла ихъ уже отъ своей знакомой, княгини Авдотьи Михайловны Голицыной. Птицы служили забавой Долгорукимъ и доставляли имъ не малое развлеченіе въ однообразно-скучной жизни ихъ въ Раненбургѣ.

Жизнь эта текла уныло, счастливое прошлое, казалось, скрылось навсегда, а будущее не сулило ничего отраднаго: сколько времени продлится заключеніе и чѣмъ оно закончится?—никто не зналъ. Въ „суетное и опасное время" нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны нельзя было лечь вечеромъ въ постель въ полной увѣренности, что на другое утро проснешься у себя дома: нерѣдко арестовывали ночью— и арестантъ встрѣчалъ слѣдующій день въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости или какого нибудь острога. Князь Сергѣй испыталъ на себѣ превратности судьбы, совершенно неожиданно очутившись въ Ѳоминкахъ, а затѣмъ въ Раненбургской крѣпости. Изъ Раненбурга вели дороги въ „мѣста болѣе отдаленныя"—можно было попасть въ Березовъ, Пелымъ, Енисейскъ, Охотскъ.... Такъ какъ надежда свойственна человѣку, то и раненбургскіе узники мечтали объ улучшеніи своего положенія заступленіемъ сильныхъ людей и власть имѣющихъ „патроновъ". Въ этомъ отношеніи больше всѣхъ могъ помочь отецъ Маρѳы Петровны, Петръ Павловичъ Шафи-

ровъ, политическое и придворное значеніе котораго снова усиливалось. Онъ, какъ извѣстно, былъ сначала человѣкомъ очень близкимъ къ Петру Великому, но впослѣдствіи подвергся его гнѣву и едва не былъ казненъ. Въ 1730 г. при погромѣ, постигшемъ всѣхъ Долгорукихъ, Шафировъ былъ отправленъ въ благовидную ссылку—въ Гилянь, для заключенія договора о вѣчномъ мирѣ съ персидскимъ шахомъ. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе, уступивъ Персіи всѣ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области, и возвратился въ Петербургъ въ декабрѣ 1732 г. Всѣхъ сестеръ, въ особенности же княгиню Долгорукую, живо интересуетъ пребываніе его въ Персіи, а главное возвращеніе оттуда. Шафировъ довольно часто писалъ княгинямъ Гагариной и Хованской и Салтыковой, почти всякій разъ вспоминая несчастную свою дочь, княгиню Долгорукую, и всѣ вѣсти отъ „государя-батюшки“ немедленно передавались раненбургскимъ узникамъ. 16-го мая 1731 г. онъ пишетъ Долгорукимъ изъ Ряшци отдѣльную „цыдулку“, которую княгиня Хованская и пересылаетъ имъ въ копіи.

Шафировъ, прибывъ въ Петербургъ, не замедлилъ позаботиться объ улучшеніи участи князя С. Г. Долгорукаго и его семьи; но въ концѣ 1733 года въ Раненбургѣ случились нѣкоторыя происшествія—мелкія и неважныя сами по себѣ, которыя, однако, едва не привели къ ухудшенію участи раненбургскихъ ссыльныхъ.

III.

«Дѣло» о перепискѣ князей Долгорукихъ.

(1733).

При князьяхъ Долгорукихъ было 12 человѣкъ прислуги: 5 лакеевъ, 2 повара и 5 женщинъ. Люди Долгорукихъ получили отъ Сената дозволеніе выходить изъ крѣпости въ городъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, для покупки харчей; но они воспользовались этой льготой, чтобы вести себя „несмирно, дѣлать раненбургскимъ обывателямъ разныя обиды и другія продерзости и вступать съ ними въ драки". Въ 1733 г. такія „шалости" Долгоруковской прислуги усилились. Мясновъ неоднократно жаловался на нихъ князю Сергѣю, но, не получивъ отъ него никакого удовлетворенія, отнесся въ Сенатъ, изъ котораго послѣдовалъ указъ такого содержанія:

„Велѣть содержать ему его, князь Сергѣя Долгорукаго, съ женою и съ дѣтьми и съ опредѣленными при немъ людьми по данной ему инструкціи во всемъ непремѣнно, а которые ихъ люди отпусканы были за карауломъ для покупки харчу и чинили продерзости и драки и тамошнимъ жителямъ обиды, тѣмъ за то учинить жестокое наказаніе ему капитану Мяснову по своему усмотрѣнію, о чемъ было ему предписано, имѣя подъ арестомъ своимъ, и отписываться въ Сенатъ не надлежало; и впредь ни до какихъ продерзостей не токмо людей ихъ, но и самого его князь Сергѣя и жену его и дѣтей недопускать, а ежели впредь покажутся отъ нихъ противные данной ему Мяснову инструкціи какіе проступки и продерзости, то ихъ всѣхъ держать передъ прежнимъ арестомъ жесточае и не токмо постороннихъ, но и опредѣленныхъ при нихъ людей до предбудущаго указу къ нимъ не допускать и о томъ писать въ Сенатъ немедленно, объявляя о тѣхъ ихъ поступкахъ и продерзостяхъ именно, и требовать указу; буде

же отъ людей ихъ такія жь продерзости или иные противные поступки впредь покажутся, за то ихъ наказывать же, смотря по винамъ ихъ, ему жь, капитану Мяснову, безо всякія пощады и о томъ писать ему въ Сенатъ немедленно, а до полученія о томъ указа тѣхъ людей изъ крѣпости не выпущать и поступать съ ними такъ, какъ по указу и по воинскимъ артикуламъ съ содержащимися подъ крѣпкимъ арестомъ колодниками надлежитъ; а что надлежитъ до покупки имъ харча и другихъ нуждъ, то исправлять съ вѣдома его, капитанскаго, караульнымъ солдатамъ; а ежели до какихъ свыше тѣхъ продерзостей оный капитанъ ихъ допуститъ, то взыскано будетъ на немъ; а сколь давно и съ какого случая или въ какой надеждѣ тѣ его Долгорукова люди такія продерзости чинить начали, о томъ ему Мяснову въ Сенатъ ропортовать немедленно".

Вскорѣ съ людьми Долгорукихъ произошли безпорядки по поводу пересылки писемъ. 23-го ноября 1733 г. служитель князя Сергѣя, Демидъ Канищевъ, требовалъ, чтобы присланнаго изъ Замотрина конюха Якова Гачнева отправить въ Москву съ письмами и за лѣкарствами, такъ какъ болѣзнь князя приняла весьма опасный оборотъ. Мясновъ объявилъ ему, что письма въ Москву онъ пошлетъ отъ себя; Канищевъ ничего ему на это не отвѣтилъ и пошелъ къ княгинѣ Долгорукой.

— „Княгиня велѣла сказать тебѣ, обратился онъ къ приставу, вернувшись изъ дома, въ которомъ содержались князья Долгорукіе—что если ты не пошлешь конюха съ письмами въ Москву, то-де она прикажетъ тому конюху прямо ѣхать въ Петербургъ къ батюшкѣ (П. П. Шафирову) на тебя съ жалобою".

Затѣмъ Канищевъ передалъ Мяснову слѣдующія рѣчи князя Сергѣя: „Ежели-де хотя мало что̀ мнѣ поможется, то-де на васъ будемъ писать въ Сенатъ во всякихъ пакостяхъ и блудняхъ", и требовалъ, чтобы конюха допустили къ княгинѣ, но получилъ отъ пристава отказъ.

Князь Сергѣй прислалъ къ Мяснову другаго своего служителя, Александра Кіевскаго, съ тѣмъ же требованіемъ.

— „Прежде я отправлялъ письма съ конюхами, а теперь не хочу“, сказалъ ему Мясновъ.

— „Коли такъ, отвѣчалъ Кіевскій,—то я по волѣ господъ своихъ сдѣлаю сегодня же или завтра, что меня пошлютъ въ Петербургъ“.

Князь Сергѣй Григорьевичъ, „для нестерпимой его болѣзни“, приказывалъ сказать на Мяснова „слово и дѣло“, вслѣдствіе чего приставъ долженъ бы былъ послать его въ Петербургъ. Князь Сергѣй училъ Кіевскаго, что̀ ему говорить на допросѣ въ Тайной канцеляріи, а именно: указать на тѣ взятки и подарки, которые Мясновъ бралъ съ князя Сергѣя и на тѣ его неисправности по надзору, о которыхъ мы упоминали выше.

Когда караульный сержантъ отправилъ уже изъ Раненбургской крѣпости конюха обратно въ Замотрино, Канищевъ нагналъ его у воротъ, приказывалъ ему ѣхать въ Москву и сказать княгинѣ Гагариной, прося ее отписать о томъ къ П. П. Шафирову, что Мясновъ хочетъ князя Сергѣя уморить, за лѣкарствами не посылаетъ и конюховъ для посылокъ держать не велитъ. Конюхъ Гачневъ отправился въ Москву къ княгинѣ Гагариной, но такъ какъ онъ былъ безъ письма, то та ему не повѣрила и хотѣла его даже бить,—послѣ этого онъ уѣхалъ въ Замотрино.

Началось дѣло въ московской Тайной канцеляріи у С. А. Салтыкова. 24-го декабря 1733 г. прибылъ въ Раненбургъ изъ московской Тайной канцеляріи гвардіи капитанъ-поручикъ Бурковъ и въ тотъ же день снялъ допросъ съ людей Долгорукихъ. Этотъ допросъ подтвердилъ всѣ вышеизложенныя подробности. Въ это самое время Салтыковъ допрашивалъ въ Москвѣ людей княгинь Гагариной и Хованской и нѣкоторыхъ изъ людей князей Долгорукихъ о привозѣ ими писемъ въ Раненбургъ и обратно. Изъ допроса выяснилось, что хотя эти люди и возили письма, но не иначе, какъ съ вѣдома Мяснова, а въ Раненбургѣ къ Долгорукимъ не допу-

скались и проживали въ обывательскихъ домахъ подъ карауломъ. Тѣмъ не менѣе до половины апрѣля 1733 г. Демидъ Канищевъ и Кіевскій просидѣли въ Раненбургской крѣпости подъ строгимъ карауломъ и были освобождены лишь по высочайшему указу Анны Іоанновны.

Заступничество Шафирова проявило свою силу: 7-го мая 1735 г. князю Сергѣю и всей его семьѣ дозволено было жить въ одной изъ деревень его Замотринской волости. Въ то время приставомъ состоялъ при немъ капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка Зуевъ, а Мясновъ былъ произведенъ въ майоры и получилъ другое назначеніе [1]; при выѣздѣ же князя Сергѣя изъ Раненбурга Зуевъ былъ смѣненъ новымъ приставомъ, капитаномъ Кошелевымъ. 24-го мая князь Сергѣй со всей семьей и съ разбитой параличемъ матерью выѣхалъ изъ Раненбурга. Капитанъ Кошелевъ принялъ у Зуева самого князя Сергѣя, его прислугу и вещи подъ общую росписку. Въ этой роспискѣ помѣщены: сначала князь Сергѣй съ семьей, потомъ прислуга и подъ конецъ—„кортикъ князя Сергѣя съ серебряной оправою“.

Князь Сергѣй прожилъ въ Замотринѣ слишкомъ четыре года: въ 1738 г. Анна Іоанновна помиловала его совершенно — онъ былъ вызванъ ко двору и назначенъ посломъ въ Лондонъ. Но въ то самое время, когда съ одной стороны всходила для него заря счастья и новой карьеры, съ другой надвигались грозныя тучи, исхода которыхъ князь Сергѣй не могъ предвидѣть. 1-го марта 1739 г. умеръ его заступникъ Петръ Павловичъ Шафировъ; а измученный тюрьмою и пытками князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой показалъ въ Шлюссельбургѣ, что князь Сергѣй девять лѣтъ тому назадъ пи-

---

[1] Не задолго до улучшенія участи князя Сергѣя, 14-го марта, у него родился сынъ Алексѣй, а мать князя Сергѣя, старица Маргарита, около того же времени заболѣла «параличною болѣзнію» — ударъ поразилъ всю ея лѣвую сторону. 5-го апрѣля 1735 г. Зуеву предписывалось высочайшимъ указомъ новорожденнаго сына князя Сергѣя окрестить, а Маргариту, ежели умретъ, похоронить.

салъ подложную духовную Петра II подъ диктовку князя Василія Лукича Долгорукаго. Князь Сергѣй уже совсѣмъ приготовился ѣхать въ Лондонъ, его задерживала только отпускная аудіенція Анны Іоанновны, — но вмѣсто Лондона онъ попалъ въ Шлюссельбургъ, подвергся допросу, а восемь мѣсяцевъ спустя, 8-го ноября 1739 г. былъ обезглавленъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ двумя другими князьями Долгорукими—Василіемъ Лукичемъ и Иваномъ Григорьевичемъ.

Примѣчаніе. О пребываніи князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго въ Раненбургѣ напечатаны весьма неполныя извлеченія И. П. Шульгина изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Извлеченія эти помѣщены въ I т. Пам. Нов. Рус. Ист., изд. В. Кашпирева (отд. II, стр. 155—160). При сличеніи настоящаго очерка съ этими извлеченіями, читатели сами усмотрятъ, на сколько онъ ихъ полнѣе. Въ просмотрѣнныхъ мною дѣлахъ Государственнаго Архива къ пребыванію князя Сергѣя Долгорукаго въ Раненбургѣ относятся: 1) Подлинные экстракты о ссылкѣ князя Сергѣя Григорьевича въ Раненбургъ (отд. VI, д. № 164); 2) Процессы служителей князя Сергѣя и рапорты капитановъ Мяснова и Зуева (ibid., № 166); 3) Переписка княгини Марѳы Петровны Долгорукой съ ея сестрами и братомъ (ibid.). Эта переписка состоитъ изъ 103-хъ писемъ, изъ которыхъ княгинѣ Долгорукой принадлежатъ 26 писемъ, княгинѣ Гагариной — 21 письмо, Салтыковой—23, княгинѣ Хованской—14, князю Сергѣю Григорьевичу—8, Исаіи Петровичу Шафирову—5; П. П. Шафирову, князьямъ Гагарину и Хованскому, М. М. Салтыкову, племяннику Долгорукой—графу Головину и дѣтямъ Долгорукимъ по одному. Всѣ эти письма сохранились въ копіяхъ, представляемыхъ въ Сенатъ капитаномъ Мясновымъ; благодаря этой мѣрѣ, уцѣлѣла полная коллекція писемъ за довольно продолжительное время, тогда какъ большая часть переписки русскихъ людей XVII и XVIII вѣковъ безслѣдно погибла. Переписка княгини Долгорукой заключаетъ въ себѣ небезъинтересныя данныя для бытовой исторіи высшаго русскаго дворянства XVIII в., до сихъ поръ еще мало извѣстной и почти совсѣмъ не разработанной. Изъ этой переписки, между прочимъ, видно, какъ въ нравахъ и обычаяхъ высшихъ русскихъ классовъ первой половины XVIII в. еще продолжали жить понятія и привычки до-Петровской Руси.

V.

ССЫЛКА КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ЛУКИЧА ДОЛГОРУКАГО

ВЪ СЕЛО ЗНАМЕНСКОЕ.

ССЫЛКА КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ЛУКИЧА ДОЛГОРУКАГО

ВЪ СЕЛО ЗНАМЕНСКОЕ [1]).

Въ III кн. „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ за 1880 годъ помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи въ Соловецкомъ монастырѣ князя В. Л. Долгорукаго, извлеченныя изъ архива этого монастыря преосвященнымъ Макаріемъ, въ то время епископомъ Архангельскимъ, а въ настоящее время архіепископомъ Новочеркасскимъ [2]). Архивнымъ свѣдѣніямъ предпосланы замѣчанія о роли князей Долгорукихъ въ правленіе Петра II и о ихъ опалѣ при Аннѣ Іоанновнѣ, заимствованныя, главнымъ образомъ, изъ „Русской исторіи“ С. Н. Глинки. Замѣчанія эти исполнены большихъ неточностей, особенно существенныхъ по отношенію къ ссылкѣ князей Долгорукихъ [3]).

Князь Василій Лукичъ Долгорукой не былъ прямо заключенъ въ Соловецкій монастырь, какъ это сказано въ замѣткахъ преосвященнаго Макарія, а до этого заключенія пробылъ въ ссылкѣ около четырехъ мѣсяцевъ въ своей керенской вотчинѣ, селѣ Знаменскомъ. Располагая данными изъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла о князьяхъ Долгорукихъ, хранища-

---

[1]) Первонач. напечат. въ «Чтеніяхъ въ Моск. Общ. исторіи и древн. росс.», 1881 г., кн. I, смѣсь, стр. 1—16.

[2]) См. смѣсь, стр. 27—32.

[3]) Ibid., стр. 19—27.

гося въ Государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ, я сообщаю на основаніи этихъ данныхъ свѣдѣнія о ссылкѣ князя В. Л. Долгорукаго въ село Знаменское и о переводѣ его оттуда въ Соловецкій монастырь. Свѣдѣніямъ этимъ считаю нелишнимъ предпослать краткій біографическій очеркъ князя В. Л. Долгорукаго, заимствованный изъ моей монографіи: „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“ [1]).

Представитель старшей линіи князей Долгорукихъ, князь Василій Лукичъ, былъ человѣкъ весьма умный, образованный и свѣтски воспитанный. Продолжительное пребываніе во Франціи, въ Польшѣ, въ Даніи и Швеціи представляло Василію Лукичу обширное поле для наблюденій и давало большой матеріалъ для размышленій; но его умъ, положительный и холодный, не отличался прогрессивными стремленіями: политическія симпатіи влекли его къ старой, монархически-феодальной Европѣ, и близкое знакомство съ тогдашними государственными порядками Франціи, Польши, Даніи и Швеціи—оставило глубокій слѣдъ въ его политическихъ воззрѣніяхъ, выяснивъ ему значеніе аристократіи. Честолюбивый и надменный, онъ считалъ свою фамилію самою аристократическою въ Россіи и мечталъ о возможности политическаго значенія для князей Долгорукихъ; но опытный и искусный дипломатъ, князь Василій Лукичъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямою дорогою и не затруднялся въ выборѣ средствъ для ея достиженія: въ его нравственныхъ воззрѣніяхъ вообще было много іезуетизма, въ образѣ дѣйствій—коварства и лукавства. Что касается до его свѣтскости, то объ этомъ мы имѣемъ отзывы двухъ современныхъ ему западно-европейскихъ дипломатовъ. По словамъ испанскаго посла де-Лиріа,

---

[1]) См. стр. 25—29 названн. книги.

онъ прекрасно говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, а голштинскій посланникъ Бассевичъ считаетъ его человѣкомъ „le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps".

Служебная карьера князя Василія Лукича Долгорукаго началась во Франціи при пресловутомъ въ то время дворѣ Людовика XIV-го. Сынъ стольника и кіевскаго воеводы, князя Луки Ѳеодоровича Долгорукаго, Василій Лукичъ отправился во Францію въ 1687 г. молодымъ человѣкомъ, въ свитѣ своего дяди, князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго. Тринадцать лѣтъ пробылъ онъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ общественнаго и литературнаго движенія, знаменательнаго въ исторіи цивилизаціи новой Европы. Среди расфранченнаго придворнаго общества Версаля, сластолюбивыхъ и деспотическихъ вакханалій стараго короля и льстивой придворной литературы — уже нарождались зачатки будущаго политическаго, общественнаго и умственнаго перерожденія Франціи, а за ней и всей Европы. Англійская революція 1688 года, происшедшая на другой годъ по пріѣздѣ Василія Лукича во Францію, была первымъ толчкомъ для того просвѣтительнаго движенія, которое выразилось въ злой и безпощадной критикѣ Вольтера и въ отрицательной философіи энциклопедистовъ. Но князя Василія Лукича оно не коснулось. Во Франціи онъ сдружился съ іезуитами, и аббатъ Жюбѐ нашелъ въ немъ впослѣдствіи дѣятельнаго адепта для своей католической пропаганды въ Россіи.

XVIII столѣтіе застаетъ Василія Лукича въ Польшѣ. Съ 1700 по 1706 годъ состоитъ онъ тамъ при русскомъ послѣ, другомъ своемъ дядѣ, князѣ Григоріи Ѳеодоровичѣ Долгорукомъ, а въ 1706 и 1707 г. замѣняетъ его. Съ 1707 по 1720 г. Василій Лукичъ пребываетъ посломъ нашимъ въ Даніи, гдѣ дипломатическая миссія его была трудна. Ему нужно было, прежде всего, разорвать союзъ датскаго короля Фридриха IV-го съ Карломъ XII, а затѣмъ укрѣпить союзъ и дружбу Россіи съ Даніей. Онъ достигъ этой цѣли лишь въ концѣ 1709 года, послѣ Полтавской побѣды: 28 октября

1709 года датскій король объявилъ войну Швеціи. Въ 1711, 1712 и 1714 гг. стараніями Василія Лукича заключены новые союзные договоры Россіи съ Даніей. Въ концѣ 1720 года, Василій Лукичъ былъ отозванъ изъ Копенгагена и отправленъ посломъ во Францію, къ регенту Филиппу Орлеанскому, хлопотать о посредничествѣ при примиреніи со Швеціей и о признаніи Петра Великаго императоромъ. Первое порученіе Василія Лукича увѣнчалось успѣхомъ, второе не удалось. Французскій посланникъ въ Швеціи Кампредонъ получилъ приказаніе открыть „негоціацію", согласную съ желаніемъ Петра Великаго; на признаніе же императорскаго титула за русскимъ царемъ тогдашній премьеръ Франціи, кардиналъ Дюбуа, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Регентъ обошелся съ Василіемъ Лукичемъ очень любезно; Парижъ встрѣтилъ радушно своего стараго знакомаго. Въ 1724 году Василій Лукичъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву съ порученіемъ защищать на сеймѣ интересы православныхъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ и, подобно тому, какъ во Франціи, домогаться признанія за Петромъ императорскаго титула. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ порученій, Василій Лукичъ имѣлъ неоффиціальное — отъ князя Меншикова: хлопотать объ избраніи его въ герцоги курляндскіе. Съ этихъ поръ Василій Лукичъ становится усерднымъ „конфидентомъ" Ижорскаго князя. По смерти Петра Великаго, лѣтомъ 1725 года, онъ снова ѣдетъ въ Варшаву стараться за Меншикова, но безуспѣшно: въ слѣдующемъ году курляндскимъ герцогомъ былъ избранъ Морицъ Саксонскій. Однако пребываніе Василія Лукича въ Митавѣ, по поводу курляндскихъ дѣлъ, не осталось безслѣднымъ: оно имѣло важное значеніе не только въ послѣдующей судьбѣ Василія Лукича, но и въ исторіи Россіи. Онъ пріобрѣлъ расположеніе вдовствующей курляндской герцогини Анны Іоанновны и явился опаснымъ соперникомъ ея камеръ-юнкера Бирона, только что начинавшаго входить въ силу. Тонкій и опытный дипломатъ, писавшій множество договоровъ и имѣвшій „негоціаціи" со многими

дворами, не понялъ однако курляндской герцогини Анны Іоанновны, обездоленной судьбой и находившейся въ то время, какъ выражались въ XVIII в., въ „мизерномъ“ положеніи. По своимъ митавскимъ впечатлѣніямъ 1726 года Василій Лукичъ оцѣнилъ Анну Іоанновну въ 1730 году, взявши ея сторону при вопросѣ, кому быть государемъ по смерти Петра II-го?— и горько ошибся въ своихъ разсчетахъ!

Осенью 1726 года Василій Лукичъ отправился въ Стокгольмъ съ важнымъ порученіемъ противодѣйствовать сближенію Швеціи съ Англіей и присоединенію первой къ ганноверскому союзу. Эта миссія ему однако не удалась—Швеція приступила къ союзу. Василій Лукичъ имѣлъ все основаніе спѣшить въ Петербургъ, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ вызванъ своими родичами, князьями Алексѣемъ и Сергѣемъ Григорьевичами Долгорукими. По воцареніи отрока-императора Петра II-го, князья Долгорукіе Григорьевичи, измышляли выгодныя для нихъ „конъюнктуры“ и имъ нуженъ былъ опытный дипломатъ - родственникъ. Василій Лукичъ быстро превращается изъ „конфидента“ Меншикова въ его врага и ловко устраиваетъ сѣть, въ которую улавливается будущій тесть императора. Меншиковъ очутился въ Березовѣ, а на мѣстѣ его дочери, невѣсты императора, явилась двоюродная племянница Василія Лукича, княжна Екатерина Алексѣевна.

Въ кратковременное правленіе отрока-императора Василій Лукичъ становится членомъ Верховнаго тайнаго совѣта и всецѣло предается своимъ фамильнымъ интересамъ. Болѣе всего озабочиваетъ его существенный для Долгорукихъ замыселъ—укрѣпить наслѣдіе россійскаго престола за государыней-невѣстой. Во время опасной болѣзни Петра II, въ январѣ 1730 года, у князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго созрѣла мысль о составленіи подложной духовной отъ имени императора въ пользу своей дочери государыни - невѣсты. Князь Алексѣй Долгорукой обратился въ такомъ важномъ дѣлѣ за содѣйствіемъ къ Василію Лукичу, и онъ явился са-

мымъ дѣятельнымъ участникомъ въ составленіи подложной духовной. Въ этомъ замыслѣ князей Долгорукихъ поддерживалъ датскій посланникъ Вестфаленъ. Данія, ведя вѣковую борьбу за Шлезвигъ съ голштинскими герцогами, была очень озабочена предстоящимъ вопросомъ о русскомъ престолонаслѣдіи и весьма естественно опасалась усиленія голштинской династіи въ ущербъ своимъ интересамъ, въ случаѣ воцаренія въ Россіи, послѣ смерти Петра II, голштинскаго принца Петра-Ульриха, или родной его тетки Елизаветы Петровны. Съ этой цѣлію Вестфаленъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ князю Василію Лукичу, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Копенгагенѣ. „Слухъ носится“, — писалъ ему Вестфаленъ — „что его величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство россійской имперіи будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ или голштинскому принцу, то датскому королевскому двору съ Россіею дружбы имѣть не можно, а понеже его величества обрученная невѣста фамиліи вашей, то и можно удержать престолъ за ней, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно—Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу (Екатерину I) удержали, что̀ и по вашей знатной фамиліи учинить можно и что вы больше силы и славы имѣете“.

Въ ночномъ засѣданіи Верховнаго совѣта 19 января 1730 г. замыселъ этотъ потерпѣлъ неудачу. Князь Василій Лукичъ, будучи опытнымъ дипломатомъ, даже не намекнулъ на него, а первый поддержалъ князя Д. М. Голицына, высказавшись въ пользу курляндской герцогини Анны Іоанновны [1]).

---

[1]) Госуд. Арх., разд. VI, дѣло № 181, ч. II.—«Экстрактъ, что по слѣдствію о Долгорукихъ явилось», 1739 г.—Письмо Вестфалена напечатано Арсеньевымъ, въ «Исторіи царств. Петра II», стр. 149—150. Письмо это приводитъ Вестфаленъ въ своихъ депешахъ. См. III-е Приложеніе, № 1, къ моей монографіи «Воцар. императрицы Анны Іоанн.» Казань 1880 г. —О князѣ В. Л. Долгорукомъ см. Бантыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836, т. II, 257—272; «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ»,

Императрица Анна Іоанновна разорвала „кондиціи“ верховниковъ и была провозглашена самодержицей 25 февраля 1730 года. Послѣ этого событія опала князей Долгорукихъ, въ особенности князя Василія Лукича, какъ одного изъ главныхъ участниковъ дѣла ограниченія самодержавной власти Анны Іоанновны,—являлась неизбѣжной необходимостью и составляла лишь вопросъ времени. 28 апрѣля должна была совершиться коронація императрицы. Къ этому-то времени и рѣшили удалить изъ Москвы князей Долгорукихъ, со стороны которыхъ опасались разныхъ новыхъ мѣропріятій не въ пользу самодержавія Анны Іоанновны. На коронація неограниченная власть ея должна была получить полное и торжественное освященіе; между тѣмъ носились слухи, что именно князь Василій Лукичъ Долгорукой замышляетъ что-то, чтобы помѣшать этому полному и торжественному освященію. 8 и 9 апрѣля послѣдовали указы, разсылавшіе иныхъ Долгорукихъ губернаторами и воеводами въ отдаленныя провинціи, а другихъ—въ дальнія ихъ вотчины. Въ числѣ послѣднихъ находились князья Алексѣй и Сергѣй Григорьевичи съ ихъ семьями; князь Василій Лукичъ былъ отнесенъ къ первой категоріи, вмѣстѣ съ князьями Михаиломъ Владиміровичемъ и Иваномъ Григорьевичемъ Долгорукими: Князь Василій Лукичъ назначался губернаторомъ Сибири.

с. 103—106.—«Eclaircissements» Бассевича, голштинскаго министра, «Magazin für die neuere Geschichte und Geographie», Büsching'a Bd. IX.—Де-Лиріа, «Характеристики» *ркп.*, с. 145.—Рукопись Малиновскаго, «Управленіе Всеросс. имперіи во время бывшаго В. Т. С.» (Дѣятельность Долгорукаго за 1716 — 1729 гг.).—Дипломатическая дѣятельность князя В. Л Долгорукаго подробно изложена С. М. Соловьевымъ на основаніи дѣлъ Главн. Моск. арх. Мин. ин. дѣлъ, въ его «Исторіи Россіи»: дѣятельность въ Даніи, т. XV, с. 352—353; XVII, с. 5—8, 53, 81—90; 310—314; во Франціи, т. XVII, 331 — 346; въ Польшѣ т. XVIII, 88 — 92; въ Швеціи, т. XIX, с. 63—72.—О дѣятельности кн. В. Л. Долгорукаго въ Курляндіи 1726—1727 гг. см. статью Щебальскаго: «Кн. Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій», Русск. Вѣстн. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.

Въ подорожной, выданной ему 9 апрѣля, находится слѣдующій маршрутъ: изъ Москвы на Переяславль - Залѣсскій до Ярославля — сухимъ путемъ, а далѣе Волгой до Казани. Для поѣздки до Ярославля Василій Лукичъ получилъ изъ Сената прогоновъ на 40 ямскихъ подводъ, „а чтобъ замедленія въ дорогѣ не чинилъ“, посланъ съ нимъ гвардіи сержантъ Степанъ Бѣлавинъ съ четырьмя солдатами. Бѣлавинъ долженъ былъ секретно наблюдать за тѣмъ, чтобы князь Василій Лукичъ не съѣзжался на дорогѣ и не переговаривалъ съ княземъ Иваномъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, отправленнымъ также на Ярославль въ Вологду, куда онъ назначался воеводою. Въ Ярославлѣ Бѣлавинъ долженъ былъ просить Василія Лукича, „чтобъ онъ садился въ суды и ѣхалъ въ назначенный путь немедленно, а въ которомъ числѣ изъ Ярославля поѣдетъ — ѣхать ему, Бѣлавину, съ репортомъ къ Москвѣ“. Ярославскому воеводѣ Өеодору Вельяминову - Зернову былъ посланъ указъ, чтобы онъ приготовилъ все къ отъѣзду князя В. Л. Долгорукаго и нанялъ бы суда для его плаванія по Волгѣ на суммы Камеръ-коллегіи. Имѣнія князя Василія Лукича, равно какъ и всѣхъ остальныхъ Долгорукихъ, въ то время еще не были конфискованы, а вся дорога опальнаго князя отъ Москвы до Переяславля-Залѣсскаго лежала чрезъ его вотчины, такъ что онъ могъ, подъ благовиднымъ предлогомъ пребыванія въ своихъ деревняхъ, очень долго слѣдовать къ мѣсту своего назначенія и въ день коронаціи находиться вблизи отъ Москвы. Это обстоятельство заставило правительство Анны Іоанновны измѣнить маршрутъ Василія Лукича. Чрезъ нѣсколько дней послѣ первой, ему была выдана вторая подорожная, въ которой путь его былъ изображенъ слѣдующимъ образомъ: Москва, Владиміръ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Козмодемьянскъ, Вятка и наконецъ Тобольскъ.

14 апрѣля, за двѣ недѣли до коронаціи, послѣдовалъ манифестъ о „преступленіяхъ“ князей Долгорукихъ; участь ихъ была отягчена. Между тѣмъ князь Василій Лукичъ отпра-

вился уже въ путь. 17 апрѣля нагналъ его въ его подмосковной, селѣ Нехлюдовѣ, преображенскаго полка подпоручикъ Степанъ Медвѣдевъ съ командой, состоявшей изъ одного сержанта, одного капрала и двѣнадцати рядовыхъ. Василій Лукичъ былъ взятъ подъ караулъ и, лишенный чиновъ и „кавалерій", ссылался на житье въ свою пензенскую вотчину, Керенскаго уѣзда, село Знаменское. „За многія его, князя Василія Долгорукова", говоритъ манифестъ 14 апрѣля, — „какъ ея Императорскому Величеству самой, такъ и государству *безсовѣстные противные поступки*, лиша всѣхъ его чиновъ и кавалеріи снявъ, послать въ дальную его деревню съ офицеромъ и солдаты и быть тому офицеру и солдатомъ при немъ, князь Василіѣ, неотлучно". Въ это время въ Москвѣ работала усердно коммисія о преступленіяхъ князей Долгорукихъ, подъ пресѣдательствомъ Остермана. Биронъ, только что прибывшій въ Москву и таившій личную злобу противъ Василія Лукича, подстрекалъ противъ него своего одноземца, хотя еще нерѣшительно и робко. Въ то время, какъ мы видѣли выше, ходили слухи, что князь Василій Лукичъ Долгорукой, въ бытность свою въ Митавѣ (1725—1726 г.), обратилъ на себя вниманіе Курляндской герцогини Анны Іоанновны и этимъ возбудилъ ревность ея камеръ-юнкера Э. І. Бирона.

Подпоручикъ Медвѣдевъ получилъ отъ Сената слѣдующую инструкцію:

1) „Ѣдучи дорогою, смотрѣть накрѣпко того, чтобъ никто къ нему (князю В. Л. Долгорукому), нарочно откуда либо пріѣзжіе или ѣдучіе по пути или на встрѣчѣ, не приходили и видется съ нимъ безъ себя (никому) отнюдь не допускать, а допускать при себѣ, чтобъ говорили въ слухъ, а не тайно, и медлить долго съ нимъ не велѣть, а съ кѣмъ когда увидится, то ему (Медвѣдеву) записывать".

2) „Дорогою бумаги и чернилъ не давать и писемъ ни къ кому никакихъ писать не допускать, и въ пути какъ возможно ѣхать съ поспѣшеніемъ и ни гдѣ не за чѣмъ не мѣшкать и съ дороги репортовать чрезъ недѣлю, а буде что-

въ дорогѣ чрезвычайное случится, о томъ писать съ нарочнымъ безъ всякаго замедленія, а пріѣхавъ до мѣста быть ему при немъ, ни мало ни куда не отлучаясь, и ежели когда потребуетъ писать къ Москвѣ или въ деревни *о какихъ домашнихъ дѣлахъ, а не о постороннихъ,* тогда давъ ему бумагу и чернилъ велѣть писать при себѣ и при томъ смотрѣть того, чтобъ кромѣ домашнихъ нуждъ ни о чемъ не писалъ, и тѣ его письма печатать ему, Медвѣдеву, самому, а съ тѣхъ его писемъ, каковы и съ кѣмъ посланы будутъ, оставливая у себя точныя копіи, записывать въ журналъ, и какъ его, князь Василіевы, такъ и ему свои письма или репорты, посылать въ городъ къ воеводѣ, къ которому способно, а къ тому воеводѣ посланъ указъ, чтобъ онъ тѣ письма принимая, посылалъ на ординарныхъ почтахъ; а буде о нужномъ и важномъ дѣлѣ случится писать ему, Медвѣдеву, то посылать отъ себя съ нарочными по почтѣ".

3) „Когда отъ кого къ нему письма приходить будутъ съ ѣздоками, то оныхъ безъ себя отдавать ему не велѣть и тѣхъ пріѣзжихъ къ нему не допускать, а принимать тѣ письма и, распечатывая, читать прежде ему, и буде въ тѣхъ письмахъ писано будетъ о домашнихъ его нуждахъ или отъ кого токмо о здоровьи, а не о другихъ какихъ постороннихъ дѣлахъ, въ которыхъ бы могло быть какое сомнѣніе или противность, — тѣ письма ему отдавать, и потому такія письма, когда и чрезъ кого получены будутъ оставливать у себя точныя копіи и записывать".

4) „Буде же онъ (кн. Долгорукой) писать будетъ къ кому какія письма кромѣ домашнихъ нуждъ о другихъ какихъ дѣлахъ, въ которыхъ можетъ быть сумнѣніе какое или противность, или отъ кого къ нему такія письма присланы будутъ, тѣ отбирать, а подлинныя присылать, оставливая у себя списки, въ сенатъ съ нарочными; а кто съ такими письмами пріѣдетъ, тѣхъ до полученія указа держать подъ карауломъ".

5) „Сколько при немъ, князь Василіѣ, какихъ домовыхъ его служителей и кто имянно поѣдутъ, тому взять у него

по пріѣздѣ изъ подмосковной его деревни именную роспись и смотрѣть того, чтобъ тѣ его служители всегда были при немъ и никуда ихъ не отпускать, а пріѣхавъ въ деревню, оставить ему при немъ людей толикое число, безъ чего пробыть не можно, а прочихъ отпустить къ Москвѣ, а сколько при немъ какихъ людей оставлено и къ Москвѣ отпущено будетъ, о томъ въ сенатъ рапортовать, и которые люди при немъ останутся, тѣмъ быть при немъ въ той деревнѣ безотлучно, а которые отпустятся къ Москвѣ, тѣхъ, осмотря, чтобъ никакихъ писемъ ни къ кому съ ними не было, выпроводить за своимъ карауломъ".

6) „Подводъ ему, Медвѣдеву, и тѣмъ урядникамъ и солдатамъ брать по подорожному именному приказу по 16 подводъ, а прогонные деньги платить изъ тѣхъ, которыя ему, князь Василію, даны изъ сената; а на приключающіеся расходы и на дачу посланнымъ отъ него, Медвѣдева, къ Москвѣ дано ему, Медвѣдеву, денегъ 300 рублевъ".

18 апрѣля князь Василій Лукичъ Долгорукой былъ привезенъ во Владиміръ, а въ концѣ апрѣля доставленъ въ мѣсто своего заключенія, село Знаменское. При немъ находилось 9 человѣкъ прислуги. Князь Долгорукой располагалъ на долго (если не навсегда) поселиться въ деревнѣ. Онъ писалъ своимъ сестрамъ и прикащикамъ о присылкѣ ему изъ другихъ деревень денегъ, припасовъ, мастеровыхъ, прислуги и разныхъ вещей для устройства Знаменскаго дома на зиму.

Первое время по пріѣздѣ въ село Знаменское, князь Василій Лукичъ содержался весьма строго: караулъ, постоянно находившійся при немъ, не дозволялъ ему никуда отлучаться изъ дому, даже въ церковь. Только черезъ мѣсяцъ, въ концѣ мая, Сенатъ нѣсколько улучшилъ положеніе арестанта.

„Ежели онъ, Долгорукой, пожелаетъ въ деревнѣ своей" — читаемъ въ сенатскомъ постановленіи 25 мая — „ходить въ церковь, или выходить на дворъ для прогулки и для смотрѣнія въ той деревнѣ конюшеннаго двора и въ поляхъ и въ гумнахъ хлѣба, также и бороду брить,—въ томъ ему не за-

прещать, и прикащиковъ и старостъ той деревни, также кои будутъ пріѣзжать и изъ другихъ деревень для разговору о деревенскихъ и домашнихъ его нуждахъ,—къ нему допускать, и при тѣхъ всѣхъ случаяхъ быть ему, Медвѣдеву, самому и поступать какъ о томъ въ инструкціи написано. Съ запасами съ Москвы и изъ другихъ деревень пріѣзжать къ нему, также ежели пригонятъ изъ подмосковныхъ его деревень конской заводъ, въ томъ не запрещать же; домовымъ людямъ при немъ быть тѣмъ, о которыхъ въ доношеніи его, Медвѣдева, написано; да сверхъ того, для мытья и шитья рубахъ, двумъ бабамъ".

12 іюня послѣдовалъ указъ сената о препровожденіи князя В. Л. Долгорукаго съ пятью человѣками прислуги въ Соловецкій монастырь, „прямо до города Архангельскаго, не занимая Москвы". Во все время переѣзда Василій Лукичъ долженъ былъ находиться подъ крѣпкимъ надзоромъ подпоручика Медвѣдева, согласно выше приведенной инструкціи. До Вологды Василія Лукича везли сухимъ путемъ на ямскихъ и вольныхъ подводахъ (гдѣ нѣтъ ямовъ), а отъ Вологды до Архангельска водою (р. Вологдою, Кубенскимъ озеромъ, Сухоною и Сѣв. Двиною)—на гребныхъ судахъ. Объ изготовленіи судовъ въ Вологдѣ было предписано мѣстному воеводѣ Тормасову, а о пріемѣ князя Долгорукаго въ Архангельскѣ и о доставленіи его въ Соловецкій монастырь посланъ указъ архангелогородскому губернатору князю Мещерскому.

23 іюня Медвѣдевъ выѣхалъ съ княземъ Долгорукимъ изъ села Знаменскаго и везъ его до Вологды черезъ Темниковъ, Касимовъ, Владиміръ и Ярославль. Почти мѣсяцъ находился князь Василій Лукичъ въ дорогѣ до Архангельска. 22 іюля князь Мещерской отправилъ его въ Соловецкій монастырь на „извозномъ карбасѣ" подъ присмотромъ архангелогородскаго полку капитана Михаила Салтыкова и команды изъ одного сержанта, одного капрала и 12 рядовыхъ. На продовольствіе князя Долгорукаго, его прислуги и команды было выдано 8 рублей изъ остатковъ отъ питейныхъ сбо-

ровъ. 4 августа Василій Лукичъ достигъ Соловецкаго монастыря и былъ помѣщенъ въ Антоніевской келіи.

14 августа подпоручикъ Медвѣдевъ возвратился изъ Архангельска въ Москву и, вмѣстѣ съ рапортомъ о передачѣ князя Долгорукаго губернатору князю Мещерскому, представилъ въ Сенатъ, въ копіяхъ частную переписку князя Василія Лукича во время пребыванія его въ Знаменскомъ и духовное завѣщаніе, составленное узникомъ передъ отплытіемъ его изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь. Эти документы любопытны во 1-хъ потому, что они знакомятъ насъ съ житьемъ-бытьемъ князя В. Л. Долгорукаго въ селѣ Знаменскомъ и съ хозяйственными порядками въ его вотчинахъ вообще; во 2-хъ, они дополняютъ свѣдѣнія о его родственныхъ отношеніяхъ. Изъ этихъ документовъ мы узнаемъ между прочимъ, что князь Василій Лукичъ былъ женатъ (на комъ неизвѣстно), въ 1730 году былъ вдовъ и что у него была сестра Елена Лукинишна [1]). Духовное завѣщаніе, кромѣ того характеризуетъ душевное настроеніе, въ которомъ находился князь Василій Лукичъ, отправляясь въ Соловки. Онъ смотрѣлъ, весьма естественно, на соловецкую тюрьму, какъ на могилу: узники, бывшіе въ ней прежде, не возвращались оттуда. Но могилой Василья Лукича явился не Соловецкій монастырь, а Новгородъ, гдѣ онъ былъ обезглавленъ, девять лѣтъ спустя, 8 ноября 1739 г. [2]).

Помѣщаю вышеупомянутую переписку князя В. Л. Долгорукаго въ извлеченіи.

---

[1]) Въ Россійск. родосл. книгѣ князя П. В. Долгорукаго (т. I, стр. 90, № 76 и 77) и въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ» (1-е изд., 1840, с. 103, и родосл. табл. № 1) не означено, что кн. Василій Лукичъ былъ женатъ; сестра тоже не упомянута, показанъ только братъ, князь Александръ Лукичъ (полковн.).

[2]) Духовное завѣщаніе кн. В. Л. Долгорукаго напечатано г. Щебальскимъ въ прилож. къ его статьѣ: «Восшествіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны», Р. В. 1859 г., т. XIX, с. 65—67.

№ 1.

Указъ князя В. Л. Долгорукаго, въ касимовскую его деревню, въ село Ературъ, старостѣ и выборнымъ.

„Посланъ отъ меня изъ села Знаменскаго крестьянинъ Григорій Ерофѣевъ сынъ Зайка"—пишетъ кн. В. Л. Долгорукой старостѣ и выборнымъ своей Касимовской деревни— „и съ нимъ послано письмо запечатано и подписано въ домъ мой въ Москвѣ, и вамъ это письмо принять, а его тотъ часъ отпустить назадъ и съ нимъ ко мнѣ отписать, котораго числа и о которую пору онъ къ вамъ пріѣхалъ, чтобъ мнѣ о томъ вѣдать, для того, что ему велѣно ѣхать наскоро, а которое письмо съ нимъ послано къ Москвѣ, и вамъ бы тотчасъ не мѣшкавъ и не половины дня, послать съ тѣмъ письмомъ нарочнаго крестьянина верхомъ на почтовой лошади и приказать, чтобъ ѣхалъ наскоро, и вели то письмо отдать въ домѣ моемъ человѣку моему Максиму Верилову, а будетъ Вериловъ въ отлученіи, велѣть то письмо Алексѣю Попову и, взявши отповѣдь, чтобъ тотъ крестьянинъ ѣхалъ немедленно назадъ, а какъ тотъ крестьянинъ къ вамъ съ отповѣдью поворотится и вамъ бы тотчасъ ко мнѣ прислать нарочнаго крестьянина и съ нимъ писать во сколько дней тотъ посланный отъ васъ крестьянинъ къ Москвѣ поспѣлъ и въ сколько онъ назадъ поворотился, и естли привезъ письмо отъ Верилова или отъ Попова и вамъ то письмо прислать ко мнѣ".

„Приказывалъ я самъ"—продолжаетъ князь Долгорукой— „прикащику Якову Кашинцову и старостѣ, который ко мнѣ съ нимъ пріѣзжалъ, чтобъ 100 рублевъ оброчныхъ денегъ, которые они указывали, собраны, чтобъ за рыбу ихъ не отдавали, а прислалибъ ихъ ко мнѣ съ нарочнымъ; и тѣхъ денегъ по сѣхъ поръ ко мнѣ не прислано и вамъ бы прикащика и старосту о томъ допросить для чего тѣхъ денегъ не прислали, а естли прикащикъ поѣхалъ, то одного старосту

допроси и что скажетъ, о томъ ко мнѣ отписать съ симъ посланнымъ. Оброчныя деняги, которыя сбираются въ Никольскую треть, и всѣ тѣ деньги, собравъ, прислать немедленно ко мнѣ въ село Знаменское; и какъ скоро чаете собрать и ко мнѣ о томъ пишите съ симъ же посланнымъ. Будетъ мало моихъ житницъ и вамъ бы велѣть пристроить осенью столько, чтобъ могло всыпатца во всѣ житницы хлѣба четвертей тысячи четыре или пять, и велѣть тѣ житницы покрыть, чтобъ отнюдь течи не было. Которой мой хлѣбъ раздавалъ крестьяномъ на сѣмяны при прикащикѣ Яковѣ Кашинцовѣ и при другихъ прикащикахъ, и вамъ бы тотъ хлѣбъ велѣть собрать какъ новь поспѣетъ и какъ зберете о томъ ко мнѣ писать".

Въ концѣ этого „указа" старостѣ находится слѣдующая приписка:

„Конечно посланное письмо съ симъ крестьяниномъ тотъ часъ пошлите къ Москвѣ и прикажите накрѣпко, чтобъ наскоро везъ. Писанъ въ селѣ Знаменскомъ, въ 8 день мая 1730 г. Князь Василій Долгоруковъ".

№ 2.

Письмо къ князю В. Л. Долгорукому прикащика его Егора Теплынина.

Въ началѣ письма Теплынинъ доноситъ, что указъ князя В. Л. Долгорукаго въ село Ературъ (см. предъид. № 1) и упоминаемое въ немъ письмо въ Москву получены 31 мая, и послѣднее немедленно отправлено къ дворецкому въ Москвѣ, Максиму Верилову [1]).

„Въ указѣ вашемъ написано",—продолжаетъ Егоръ Теплынинъ — „чтобы прислать къ тебѣ, государю, изъ села Ерахтура денегъ. Нынѣ такихъ денегъ у старосты въ сборѣ

[1]) Начало письма въ копіи написано очень неразборчиво. Точки, поставленныя въ текстѣ какъ этого письма, такъ и послѣдующихъ, означаютъ не разобранныя слова.

нѣтъ, которые были прежде въ сборѣ подушныхъ и оброчныхъ, тѣми деньгами насилу могли отплатиться въ Касимовѣ. Съ крестьянъ подушныя деньги на нынешній 1730 годъ первая треть, генварская, заплачены деньги въ нынешнемъ мѣсяцѣ маѣ, по пріѣздѣ моемъ въ село Ературъ; и платили съ принужденіемъ, что въ городѣ держали тѣхъ крестьянъ за карауломъ, а платили деньгами подушными и оброчными для скорости; ежели не заплатили бъ хотѣлъ воевода штрафъ брать, что долго .... за срокъ не плачены были; а майская треть указомъ пожалована не платить. Истинно, государь, скудны. Крестьянъ много опасенъ былъ вовсе разорить убогихъ, а больше по расположенію сбиралъ; которые побогате, что въ городѣ заплатить ....., а лишняго сверхъ окладу съ крестьянъ не сбиралъ же; и иного всеконечно съ крестьянъ собрать вскоре денегъ невозможно; знатно не стараніемъ бывшаго прикащика Кашинцева запущена доимка, и то онъ денегъ давно не биралъ и не заплатилъ подушныя, не проча онъ многаго житья себѣ здѣсь, и уѣхалъ въ Лебедянскую вотчину до моего пріѣзду въ село Ерахтуръ за день. Я пріѣхалъ съ женою Марьею мая 13 дня и живу здѣсь. Сестрица ваша государыня Алена Лукинишна изволила меня съ женою послать къ тебѣ государю; и послѣ еще ко мнѣ указъ присланъ, чтобъ ѣхать не помѣшкавъ. Совсѣмъ готовъ ѣхать, только ожидаю вашего указу и безъ того опасенъ ѣхать, что слышно въ дорогѣ воровства много, грабятъ,—а что со мною вашего послано, чтобы не отняли. Вашего сіятельства нижайшій рабъ Егоръ Теплынинъ. Мая 31 дня 1730 г.“ [1]).

№ 3.

Письмо къ князю В. Л. Долгорукому Азовскаго полку маэора Муромцова.

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь мой, князь

[1]) Къ этому письму въ копіи его находится слѣдующая приписка: «Получено письмо съ тѣмъ же крестьяниномъ, который посланъ былъ съ письмами изъ с. Знаменскаго въ Касимовскую его (кн. В. Л. Долгорукаго) деревню, іюня 4 дня 1730 г.

Василій Лукичъ! Съ покорностію моею Ваше Сіятельство утруждаю и прошу, — пишетъ майоръ — Керенской Вашего Сіятельства вотчины села Знаменскаго прикащикъ со крестьяны обидѣлъ насъ и владѣютъ нашею землею, и сосѣдей моихъ въ Керенскомъ уѣздѣ, села нашего Дмитровскаго, что на Буртасѣ, десятинъ на сто отъ рѣки Буртасу чрезъ Воронежскую степку къ селу Дмитровскому и Никольскому межнику. А Вашего Сіятельства дачи села Знаменскаго съ нашею дачею не сошлись, а сошлись другихъ разныхъ помѣщиковъ по Воронежскую степку; а прикащикъ Вашего Сіятельства со крестьяны чего ради намъ такую обиду дѣлаетъ и насъ раззоряетъ,—про то мы не знаемъ и вины своей никакой не обрѣтаемъ и признаваемъ, что Вашему Сіятельству объ оной нашей землѣ прикащикъ не доносилъ. Того ради съ покорностію прошу Вашего Сіятельства нашего милостиваго государя, дабы Вашего Сіятельства милостивымъ указомъ повелѣно было намъ означенную землю отдать во владѣніе по прежнему, чего ради о Вашемъ здравіи долженъ Бога просить, ибо мы отъ онаго пришли во всеконечное раззореніе. А прикащикъ со крестьяны Вашего Сіятельства нашею дачею сами владѣть не возмогли и отдаютъ въ наемъ Черкасскаго крестьянамъ, и то явная обида отъ прикащика со крестьяны, а не отъ Вашего Сіятельства, нашего милостиваго государя. Вашего Сіятельства и нашего милостиваго государя покорный слуга Алексѣй Муромцовъ. Мая 9 дня 1730 г.“.

№ 4.

Указъ князя В. Л. Долгорукаго въ домъ его въ Москвѣ, дворецкому Максиму Верилову.

Этотъ указъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ подробный инвентарь разныхъ продуктовъ и хозяйственныхъ вещей, необходимыхъ князю Долгорукому для его житья-бытья въ деревнѣ.

„Крайнея мнѣ здѣсь нужда“—пишетъ Василій Лукичъ—

„въ окончинахъ и въ печахъ, и для того, какъ сей мой указъ получишь, тотчасъ подреди здѣлать окончины, а для поспѣшенія отдай тремъ или четыремъ мастерамъ, чтобъ скорее здѣлали и какъ можно спѣши, и образцовъ [1]) на печи купи и другое что написано въ росписи ниже сего, все отправь ко мнѣ немедленно, а особливо мнѣ крайнея нужда въ окончинахъ и въ печахъ, чтобъ поспѣли сюды въ іюлѣ, для того чтобъ прежде глубокой осени успѣть здѣсь складть печи".

Далѣе слѣдуетъ роспись что прислать въ село Знаменское: 25 окончинъ стеклянныхъ [2]). „Образцовъ какіе дешевлѣ на печи небольшихъ печей, для того что тѣ печи будутъ въ избахъ, которые по три и по полтрей сажени вышины и для того надобно печи небольшіе. Лишнихъ въ запасъ образцовъ для того естьли которые образцы дорогою перебьютца" [3]). „Штукатуровъ и печниковъ съ необходимымъ инструментомъ, чтобъ они образцы уложили хорошенько, чтобъ не разбились дорогою". „Пришли мнѣ книгу Минеи мѣсячные, Минеи-четьи, Осмогласникъ, Псалтырь, — которые читывала жена, а въ ней печать крупная; букварей (малые, а не большіе) пятнадцать или двадцать, въ которыхъ писаны азбука, склады и заповѣди и толкъ о заповѣдяхъ; 1 Чесовникъ. Только смотри, чтобъ у всѣхъ тѣхъ книгъ печать была не мелка и не слѣпа".

Эта роспись прерывается слѣдующими приказаніями:

„Двухъ жеребцовъ вороныхъ, которые ходили въ цугѣ впереди, не продавай, для того что они надобны къ заводу. О полевыхъ кобылахъ: полевыхъ и ..... и верховыхъ, ѣзжалыхъ—сколько ихъ есть въ подмосковной, въ Рузѣ, въ Оболенску и въ Козельску—всѣхъ пришли ко мнѣ сюда; а гнѣдой цукъ и у которыхъ хвосты обрублены—тѣ оба цука продай".

---

[1]) По нынѣшнему произношенію: изразцовъ, т. е. кафелей.

[2]) Написано подробно какой мѣры должны быть окончины, а также подробно изложено, какъ ихъ сдѣлать.

[3]) Затѣмъ идетъ перечисленіе разныхъ вещей и матеріаловъ, необходимыхъ для печей: проволоки, заслонокъ, вьюшекъ, отдушинъ и т. п.

„Съ вышеписанной посылкой пришли ко мнѣ Карнея и другова сталера, который вновѣ принетъ и учениковъ, которые мои у нихъ есть, и прикажи имъ взять съ собою всякія снасти, чтобъ дѣлать столярное и токарское, такъ же и станокъ токарской; такъ же прикажи Карнею, чтобы взялъ снасти, чѣмъ колеса дѣлать, и какъ его пошлешъ, отдай ему на руки вышеписанные окончины, чтобъ онъ въ цѣлости сюда отвезъ и чтобъ оба столеры смотрѣли, какъ и чѣмъ стекла въ окончины вмазываютъ, чтобъ здѣсь умѣли вмазывать".

„Людей пришли ко мнѣ съ тою же посылкой: Кирилу повара, Ивана клюшника, Алексѣя кучера, Гаврилу Ворыша, да изъ Рузы Данилу Кинешемца".

„Съ Кирюшкою и съ Кинешемцемъ отпусти сита и другія снасти, чѣмъ дѣлаютъ муку крупичетую; и всѣхъ тѣхъ снастей купи вдвое, либо что одно испортитца, чтобъ другое осталось".

Послѣ этого продолжается „роспись".

„Еще пришли клею рыбья пудъ, кишнецу (?) пудъ, сахару головнаго два пуда, леденцу бѣлого фунтъ, да краснаго фунтъ, 6-ро щипцы желѣзные, чѣмъ овецъ щипать; 1 шипцы и 1 лопату железные къ каменю [1]) я чаю есть оне у Карпа, которые привезены изъ Копенгагена. 24 стакана хрустальныхъ изъ чего пить. 4 стакана серебрянныхъ, такіе какой со мной одинъ, 24 рюмки, чѣмъ вино пьютъ, 24 стаканчика, чѣмъ водку пьютъ, чтобъ были не малы и гладкіе а .... 2 косека камокъ хорошіе, цвѣтами, одинъ коришной, другой гвоздишной. Черносливу 10 фунтовъ. Инбирю въ сахарѣ 10 ф. Муки крупичетой и полукрупичетой по четверти, или осминъ по три, масла ореховаго ведра 3 или 4. Масла маковаго ведра 3 или 4. Поваренной посуды: тарелокъ дюжина оловянныхъ, 10 блюдъ оловянныхъ, 2 чаши съ деревянными ручками, которые ходили на Москвѣ, оловянныхъ 6 кастрюлей, 2 котла мѣдныхъ (?), 2 сковороды (всю ту мѣдную по-

[1]) Т. е. къ камину.

суду вели вылудить вновь); 2 распри (?), 1 таганъ большой, 2 треножки, на чемъ ставятъ кострюли, жеровня, въ чемъ кофе жечь, которые привезены изъ Штокъголма, уксусу бѣлаго хотя съ ведро; мельничку, что кофе мелятъ, ситъ 5 или 6, частые ...... клещи да лопату желѣзную на поварню. Всю ту поваренную посуду отдай Кирилѣ повару, чтобъ привезъ въ цѣлости. На всю вышеписанную посылку держи деньги, и о тѣхъ которые ты возмешь за годовые припасы, которые мнѣ готовлены въ Москвѣ"\.... [1]).

Послѣ росписи слѣдуютъ наставленія Верилову объ исполненіи прежнихъ приказаній князя Долгорукаго и о наблюденіи за его гардеробомъ въ Московскомъ домѣ.

„Приказывалъ я тебѣ въ Неклюдовѣ прислать ко мнѣ съѣсныхъ припасовъ и людей, и тѣ припасы и люди и по се время ко мнѣ не бывали не знаю для чего, и какъ скоро сей указъ получишь, немедленно крестьянина съ кѣмъ посланъ отпусти назадъ и съ нимъ отпиши ко мнѣ какъ скоро ты надѣешся всю вышеписанную посылку съ Москвы послать, чтобъ я зналъ, какъ ко мнѣ можетъ поспѣть; и въ Кассимовъ отпиши, чтобъ то твое письмо немедленно прислали, а отпустить чаю всю ту посылку лутче водою до Касимовской моей вотчины, и оттуда велѣть везти ко мнѣ сухимъ путемъ на крестьянскихъ подводахъ только прикажи водою до Касимовской моей вотчины ѣхать съ поспѣшеніемъ и поклади ту всю посылку въ лодки, а ежели въ большомъ суднѣ отпустишь, то замѣшкаетца. Отпиши ко мнѣ, рухледь моя которая лежала на чужихъ дворехъ, перевезена-ль ко мнѣ на дворъ, и покладена-ль въ новую казенную? Буде не перевезена, доложа сестрѣ, велите перевести; а ежели казенная недодѣлана, вели чтобъ прежде осени отдѣлать и чтобъ рухледь перевесть".

Затѣмъ идетъ новая роспись вещей, которыя слѣдуетъ прислать въ село Знаменское.

---

[1]) Здѣсь очевидно не достаетъ нѣсколькихъ словъ въ окончаніи фразы.

„Еще пришли: два мѣха лысіе, одинъ дущетой, а другой лапчетой черной, оные такіе мѣхи въ казенной, а естьли лапчетаго чернаго мало, хотя прикупи къ нему въ задъ. Нитокъ тонкихъ, чѣмъ рубашки мои шить, булавокъ большихъ и среднихъ, шлаворъ [1]) черной, которой вновь дѣлалъ, тазовъ 3 средніе, 1 маленькой, 3 оловянника небольшихъ, зеркало какое ни есть небольшое, на столъ".

„Сверхъ вышеписанной росписи" — продолжаетъ князь В. Л. Долгорукой — „вели здѣлать еще 9 окончинъ длиною въ свѣту, кромѣ рамъ, 5-ти четвертей, шириною въ свѣту 3 четверти, такою же работою и подъемные, такъ какъ вышеписанные; да кромѣ того вели здѣлать еще 3 окончины и съ рамами вышиною 3 четверти, а поперегъ полъаршина; да еще образцовъ купи на шестую небольшую печь — и пришли все то съ вышеписанною-жъ посылкою".

Настоящій „указъ" оканчивается слѣдующимъ приказаніемъ:

„Вложенное при семъ письмо тотчасъ отнеси сестрамъ. Конечно, какъ наискоряе по сей росписи ко мнѣ присылай: крайнея мнѣ во всемъ нужда; такъ же скажи Карпу, чтобъ конечно просушилъ мою рухлядь, чтобъ не сгнила. Князь Василій Долгоруковъ. Писанъ въ Знаменскомъ 28 мая 1730.

№ 5.

Письмо князя В. Л. Долгорукаго къ сестрамъ [2]).

„Матки мои, государыни сестрицы, здравствуйте! Отпишите ко мнѣ здоровы-ль вы, хотябъ та печаль моя миновала, чтобъ я слышалъ объ васъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Неклюдова просилъ я васъ, Верилову приказывалъ, чтобъ прислали

---

[1]) Шлафрокъ.

[2]) Кромѣ вышеупомянутой родной сестры кн. Василія Лукича, Елены Лукинишны, сестрами онъ называетъ двоюродную сестру Анну Яковлевну (дочь князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго) и невѣстку, Авдотью Ивановну, жену своего брата, кн. Александра Лукича. Какъ видно, всѣ онѣ жили вмѣстѣ въ с. Неклюдовѣ.

ко мнѣ что нужное на пропитаніе, также и людей, для того со мною нѣтъ ни такаго, ни какаго ктобъ умѣлъ хотя рубашку вымыть или зашить; однакожь по се время ни то пропитаніе, ни люди ко мнѣ не бывали, а больше чаю, что на дорогѣ для моего несчастія и имъ нѣкакое случилось несчастіе; ежелижъ зачѣмъ отъ васъ не посланы, пожалуйте, пришлите, будетъ возможно. Остафьевну [1]) прикажите, для Бога, содержать, чтобъ она была довольна, за ея службу къ женѣ".

„Съ симъ письмомъ послалъ я роспись къ Верилову"— продолжаетъ князь В. Л. Долгорукой—„въ чемъ мнѣ здѣсь есть нужда; пожалуйте, прикажите, чтобъ скорѣе прислали. А особливо нужны мнѣ здѣсь печи и окончины, чтобъ прежде осени поспѣли ко мнѣ; а ежели не поспѣютъ, принужденъ буду въ черной избѣ жить зиму; а здѣсь ничего найтить нельзя—такое глухое мѣсто. Пожалуйте, прикажите рухледь мою изъ разныхъ дворовъ, гдѣ размѣтана, собрать и поставить на моемъ дворѣ въ казенную, и чтобъ не распропала, какъ я васъ просилъ".

Далѣе Василій Лукичъ сообщаетъ о своемъ прибытіи въ село Знаменское.

„Я привезенъ въ Керенскую мою деревню 27 Апрѣля"— пишетъ онъ — „и по се время въ горести моей живу за карауломъ, только позволено мнѣ вытти изъ избы въ сѣни, и я у церкви не бывалъ, за мои грѣхи Богъ не сподобилъ. Невѣсткѣ, князю Якову [2]), сестрамъ, Катеринѣ Ивановнѣ [3]) и всѣмъ нашимъ сродникамъ поклонъ. Братъ вашъ князь Василій Долгоруковъ. С. Тенское, 28 мая, 1730 г.".

Послѣ этого въ письмѣ приписка:

„Отпишите ко мнѣ съ симъ посланнымъ, которое число

---

[1]) Вдова, находившаяся въ услуженіи у покойной жены кн. Василія Лукича.

[2]) Князь Яковъ Александровичъ Долгорукой, племянникъ князя Василія Лукича, сынъ Александра Лукича; невѣстка—какъ видно, его жена, неизвѣстная по имени.

[3]) Княжна Екатерина Ивановна, племянница князя Василія Лукича по его женѣ.

вы сіе письмо получите и какъ и что по посланной при семъ росписи будетъ ко мнѣ послано и какихъ людей послано; для Бога прикажите, чтобъ скорѣе ко мнѣ велѣли прислать въ томъ мнѣ нужа“.

№ 6.

Указъ князя В. Л. Долгорукаго въ Московскій его домъ людямъ его Максиму Верилову и Алексѣю Попову.

Этотъ указъ касается смѣны прикащика Керенской вотчины и распоряженій о продажѣ изъ этой вотчины хлѣба.

„Отпустилъ я къ Москвѣ Керенской моей вотчины прикащика Ивана Козлова“—пишетъ князь Долгорукой—„а тое вотчину велѣлъ у него принять человѣку моему Ѳеодору Торопину и велѣлъ ему быть въ той моей вотчинѣ прикащикомъ и всякіе дѣла гражданскіе и вотчинные управлять вмѣстѣ съ старостами и выборными и все чинить по наказу и по указамъ которые велѣлъ я ему, Ѳеодору Торопину, имать противъ того, чѣмъ былъ пожалованъ прикащикъ Иванъ Козловъ. Хлѣбъ я велѣлъ изъ Керенскихъ вотчинъ посылать въ Касимовскую мою вотчину на продажу, а къ Москвѣ не велѣлъ посылать для того что повозки крестьянамъ ставятца дороги, развѣ вы отпишете, чтобъ прислать небольшое, и тогда велѣно ему посылать; а естьли крестьянской хлѣбъ понадобитца изъ Касимова къ Москвѣ, и тогда можете велѣть его привесть стругами касимовскимъ крестьянамъ. Писано въ Керенской моей вотчинѣ, въ селѣ Знаменскомъ іюня 23 дня, 1730 г. Князь Василій Долгоруковъ“.

№ 7.

Указъ князя В. Л. Долгорукаго человѣку его Ѳеодору Торопину.

Этотъ указъ заключаетъ въ себѣ инструкцію вновь назначенному въ Керенскую вотчину прикащику. Инструкція эта слѣдующаго содержанія:

„Принять тебѣ Керенскую мою вотчину у прикащика Ивана Козлова и быть въ той моей вотчинѣ прикащикомъ, а дѣла гражданскіе и вотчинные и всякіе управлять вмѣстѣ съ старостами и выборными и все чинить по наказу и по указамъ, которые примешь у него, Ивана Козлова, и о чемъ надлежитъ и о томъ о всемъ писать въ домъ мой къ Москвѣ, и какіе указы будутъ присыланы съ Москвы изъ дому моего, и тебѣ по онымъ чинить“. „Хлѣбъ на продажу возить въ Касимовскую мою вотчину“, — пишетъ далѣе князь Василій Лукичъ—„а къ Москвѣ въ зимѣ поѣздокъ не посылать, развѣ съ Москвы изъ дому моего отпишутъ какаго хлѣба или того, чего тогда прислать. Которая земля въ спорѣ съ селомъ Дмитровскимъ, и тебѣ бъ освидѣтельствовавъ выпись села Дмитровскаго по рубежнымъ урочищамъ, такожь выпись разночинцовъ, у которыхъ я землю покупалъ, съ тою выписью— и не велѣть владѣть тою землею, которая земля мнѣ не крѣпка и отдать ее тѣмъ помѣщикамъ, кому надлежитъ, не дожидая отъ меня иного указу [1]). Прикащичьи доходы имать бы тебѣ себѣ противъ того, чѣмъ былъ пожалованъ Иванъ Козловъ. Сей мой указъ прочесть тебѣ не однажды старостамъ и выборнымъ на всемъ сходѣ. Писано въ Керенской моей вотчинѣ, въ селѣ Знаменскомъ, Іюня 23 дня, 1730 г. Князь Василій Долгорукой“.

23 іюня 1730 года князь Василій Лукичъ былъ вывезенъ изъ с. Знаменскаго.

[1]) См. выше письмо къ кн. В. Л. Долгорукому А. Муромцева, № 3.

VI.

СУДЪ

НАДЪ

КНЯЗЕМЪ Д. М. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

(1736—1737).

СУДЪ

НАДЪ

КНЯЗЕМЪ Д. М. ГОЛИЦЫНЫМЪ.

(1736—1737) [1].

Характеръ и историческая роль князя Дмитрія Михайловича Голицына еще весьма недостаточно изслѣдованы. Матеріалъ для его біографіи не только не разсмотрѣнъ критически, но и далеко не приведенъ въ извѣстность. Кромѣ компилятивнаго и неполнаго фактами біографическаго очерка въ „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“ Бантыша-Каменскаго [2]), мы не имѣемъ ни одной монографіи, посвященной дѣятельности князя Д. М. Голицына. А между тѣмъ человѣкъ этотъ, какъ будто затерянный въ толпѣ сподвижниковъ Петра Великаго и незамѣтный среди генераловъ и царедворцевъ русскаго и въ особенности нѣмецкаго происхожденія, явившихся въ послѣдовавшія за Петромъ Великимъ царствованія, имѣетъ несомнѣнное право на серьезное вниманіе историка. И это право, по моему мнѣнію, несравненно больше того, какимъ пользуются

---

[1]) Первонач. напеч. въ «Древней и Новой Россіи» 1879 г., ч. XV, с. 20—62.

[2]) 1-я серія, 1836 г., т. II, с. 74—79.

не только второстепенные „птенцы гнѣзда Петрова“, но и выдающіеся дѣятели первой половины XVIII вѣка, вродѣ Меншикова, Миниха, Остермана и Бирона. Всѣ эти хорошо извѣстныя намъ личности въ бóльшей, или меньшей степени принадлежать къ разряду карьеристовъ, и, кромѣ того, всѣ они, не исключая и Миниха, „случайные“ люди, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ.

Князь Голицынъ не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому разряду: онъ не карьеристъ и не случайный человѣкъ. Онъ, прежде всего, „человѣкъ родословный“, съ тѣмъ значеніемъ, какое придавалось этимъ людямъ въ до-Петровской, московской Руси. Голицынъ—„бояринъ“, „мужъ ума и совѣта“, царскій думецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Голицынъ—не чуждъ западно-европейской образованности. Онъ является достойнымъ примѣромъ того, что многіе изъ представителей московскаго боярства могли уживаться съ европейскими политическими воззрѣніями XVI и XVII вв., сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свою самобытность. На князѣ Голицынѣ можемъ мы изучить какіе плоды способно было принести намъ общеніе съ Западомъ, если бы оно шло у насъ постепенно и послѣдовательно, а не было бы такъ круто и рѣзко привито къ намъ, какъ то сдѣлалъ Петръ Великій, и, тѣмъ болѣе, не было бы такъ узко и односторонне понято, какъ понималось оно нашими правителями и людьми власть имѣющими во всѣ царствованія преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—двулицый Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи—московской и европейской. Однимъ лицемъ своимъ онъ вдумчиво глядитъ въ былое Руси, другимъ—самонадѣянно привѣтствуетъ ея грядущее. Принадлежа къ поколѣнію старшему, чѣмъ поколѣніе А. П. Волынскаго, князь Голицынъ былъ застигнутъ реформою Петра въ зрѣлые годы жизни, когда вполнѣ опредѣляются характеръ и міровоззрѣніе человѣка. Поэтому мы не видимъ въ немъ ни двойственности, ни разрыва между мыслью и практикою, ни противорѣчія между словомъ и дѣломъ въ той степени,

въ какой эти качества отличаютъ поколѣніе Волынскаго. Князь Д. М. Голыцынъ былъ человѣкъ сильнаго характера, но и онъ не представлялъ натуры вполнѣ цѣльной, свободной отъ противорѣчій. Время, въ которое онъ жилъ, время крутаго перелома русской жизни и мысли, не могло не оставить слѣда и на этой сильной личности. Стойко и смѣло проводя свои общественныя воззрѣнія, Голицынъ не разъ долженъ былъ уступать „злобѣ дня", не разъ входилъ онъ въ компромиссы, не разъ ставилъ частные свои интересы выше интересовъ общественныхъ. Онъ былъ чрезмѣрно гордъ и надмененъ, обожалъ власть болѣе всего на свѣтѣ и не переносилъ противорѣчія; этими чертами своего нрава онъ приближался къ нраву двухъ Московскихъ государей, Іоанна III-го и его внука и соименника—грознаго царя. Князь Голицынъ обладалъ обширнымъ умомъ и большимъ образованіемъ, но умъ его отличался сухостью и излишнею теоретичностью, не былъ согрѣтъ теплотою чувства; поэтому отрицательное отношеніе Голицына къ окружавшей его дѣйствительности и отзывается дидактизмомъ и ригоризмомъ. Онъ, какъ и большинство московскихъ бояръ, не любилъ Нѣмцевъ, но очень хорошо сознавалъ неизбѣжную необходимость для Россіи въ европейской цивилизаціи. Знакомый съ нѣсколькими европейскими языками, онъ много читалъ и въ своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, собралъ обширную библіотеку, въ которой было болѣе 6,000 томовъ историческихъ и политическихъ сочиненій. Въ ней находились русскіе лѣтописцы, хронографы, синопсисы и сборники, на ряду съ переводами на русскій языкъ корифеевъ европейской мысли XVI и XVII вв. Макіавелли, Томазія, Гуго-Гроція, Локка, Пуффендорфа и другихъ. „Въ своей частной жизни, говоритъ о немъ князь П. В. Долгорукой въ своихъ „Mémoires", онъ сохранилъ многіе старинные русскіе обычаи, которые уже при немъ выходили изъ употребленія. Такъ напримѣръ, его младшіе братья, одинъ—фельдмаршалъ, а другой—сенаторъ, не садились въ его присутствіи иначе, какъ по его личному

приглашенію; не только его племянники, но и племянницы, дочери и невѣстки его братьевъ и сестеръ, цѣловали его руку".

Князь Голицынъ былъ врагъ скороспѣлыхъ нововведеній, безъ особой надобности заносимыхъ къ намъ изъ-за моря. Поэтому онъ не могъ раздѣлять всѣхъ принциповъ преобразовательной программы Петра Великаго. По словамъ испанскаго посла дюка де-Лиріа, Голицынъ любилъ говорить: „Къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и предписывали намъ новые законы"! Въ реформѣ Петра Великаго Голицыну болѣе всего были антипатичны стремленія царя измѣнить нравы и благочестивые обычаи старины. Семейныя отношенія царя возмущали Голицына. Его гордый нравъ не могъ мириться съ насиліемъ Петра въ отношеніи къ сестрамъ и сыну, царевичу Алексѣю. Голицынъ не могъ простить царю его развода съ Лопухиной и сближенія (а затѣмъ и брака) съ маріенбургскою плѣнницею Мартою Скавронскою. Онъ не скрываетъ своихъ симпатій къ злосчастному царевичу Алексѣю Петровичу и къ его сыну Петру Алексѣевичу, впослѣдствіи императору Петру II. Въ отцѣ и сынѣ чтитъ онъ „благородную отрасль благороднаго корня", какъ выражались наши древніе лѣтописцы о потомствѣ Мономаха. За то съ какимъ высокомѣріемъ, доходящимъ почти до презрѣнія, относится князь къ Мартѣ Скавронской, воцарившейся подъ именемъ Екатерины I, и къ дочерямъ ея, Аннѣ и Елизаветѣ! Несмотря на такія воззрѣнія князя Голицына, Петръ Великій не только щадилъ, но и высоко цѣнилъ его. Царь преобразователь умѣлъ хорошо отличать своихъ порицателей-Голицыныхъ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ и фанатиковъ-пустосвятовъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно семейное преданіе, сохраненное однимъ изъ потомковъ князя Д. М. Голицына, княземъ Н. С. Голицынымъ. „Петръ Великій, говоритъ преданіе, любилъ часто захаживать по утрамъ къ князю Дмитрію Михайловичу, чтобы сообщить ему свои новыя предпріятія, или выслушать его мнѣнія.

Князь Дмитрій Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе никого не принимать къ себѣ, не кончивъ утренней молитвы; нерѣдко случалось, что прибытіе высокаго посѣтителя было ранѣе срочнаго часа, но, не любя нарушать заведеннаго порядка, Петръ Великій не прерывалъ благочестиваго уединенія князя. „Узнай Николушка, когда старикъ кончитъ свои дѣла“? говорилъ государь родственнику князя Дмитрія Михайловича, мальчику князю Голицыну, жившему у него въ домѣ, и терпѣливо ждалъ выхода стараго князя“ [1]).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, и по своему происхожденію, и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, былъ аристократъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Происходя отъ Литовскаго великаго князя Гедимина (въ 14-мъ колѣнѣ), онъ, въ числѣ своихъ предковъ и ближайшихъ родственниковъ, съ гордостью могъ назвать нѣсколько достойнѣйшихъ людей, съ честью послужившихъ землѣ Русской. Особенно памятны ему двое Голицыныхъ, оба—Васильи Васильевичи: одинъ знаменитый дѣятель смутнаго времени, предложенный въ цари патріархомъ Гермогеномъ и отказавшійся отъ кандидатуры для избѣжанія лишнихъ смутъ и нестроеній; другой—извѣстный государственный человѣкъ эпохи царя Θеодора Алексѣевича и царевны Софіи, которому принадлежитъ починъ уничтоженія мѣстничества и мечта, опередившая своею смѣлостью лучшіе европейскіе умы,—мечта объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Князь Дмитрій Михайловичъ былъ, съ своей точки зрѣнія, глубоко убѣжденъ въ томъ, что аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи и искренно стремился къ достиженію этого блага. Его политическимъ идеаломъ былъ государственный строй Швеціи. Онъ надѣялся, при избраніи Анны Іоанновны на извѣстныхъ „кондиціяхъ“, достичь торжества аристократическаго режима, но ему это не удалось. Переворотъ въ пользу самодержавія госу-

---

[1]) С. Серчевскаго, Записка о родѣ князей Голицыныхъ, стр. 61 и слѣд.

дарыни ясно доказалъ князю Голицыну, что „одинъ въ полѣ не воинъ“ [1]). Трагически-зловѣще звучатъ слова его, произнесенныя имъ въ день провозглашенія Анны Іоанновны самодержицею: „Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть, пострадаю за отечество; мнѣ уже не много остается жить; но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать болѣе моего“!

Пророческія слова князя Голицына сбылись. Вскорѣ началась такъ называемая „Бироновщина“, и Русь утратила свою недавнюю еще внутреннюю силу, очутившись съ нѣмецкимъ тріумвиратомъ изъ Остермана, Миниха и Бирона—во главѣ государства. Русь была унижена этимъ владычествомъ и самъ Голицынъ вскорѣ палъ его жертвою.

Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ есть одно изъ возмутительнѣйшихъ дѣяній нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ характеристическимъ выраженіемъ тогдашняго общественнаго склада русской жизни. Несправедливое осужденіе и гибель этого по истинѣ даровитѣйшаго изъ русскихъ людей, завѣщанныхъ Московскою Русью Руси Петровской,—является однимъ изъ ужасныхъ эпизодовъ безправія русскаго человѣка и циническаго попиранія его Нѣмцами въ десятилѣтнее мрачное царствованіе Анны Іоанновны. Въ судѣ надъ княземъ Голицынымъ, какъ и въ другихъ политическихъ процессахъ, а равно и въ разныхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ этого царствованія,—Нѣмцы ловко спрятались за русскихъ людей и, направляя потайныя пружины ихъ дѣйствій, умывали руки въ гибели удачно и хитро закланной ими жертвы. Голицынъ былъ осужденъ русскими людьми такъ же, какъ и Долгорукіе, какъ и Волынской.

Въ предлагаемой статьѣ читатели найдутъ исторію суда

---

[1]) Участіе князя Д. М. Голицына въ дѣлѣ избранія императрицы Анны Іоанновны подробно изложено въ моей монографіи: «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», Казань 1880 г.—См. стр. 1—18; 77—188; 240—267.

надъ княземъ Д. М. Голицынымъ, на основаніи подлиннаго слѣдственнаго дѣла, хранящагося въ Государственномъ архивѣ въ Петербургѣ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ выписокъ, обязательно переданныхъ автору Г. В. Есиповымъ, Л. Н. Майковымъ и А. П. Барсуковымъ, а также и изъ нѣкоторыхъ обнародованныхъ источниковъ [1]).

Передъ изложеніемъ суда надъ княземъ Д. М. Голицынымъ, я считаю не безъинтереснымъ напомнить читателямъ главнѣйшіе изъ общеизвѣстныхъ фактовъ его жизни до 1736 года.

[1]) Въ изложеніи дѣла о князѣ Д. М. Голицынѣ я привожу въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ только указанія на важнѣйшіе изъ неизданныхъ источниковъ, а также дѣлаю нѣсколько ссылокъ на сочиненія изданныя. Всѣ же подробности дѣла, заимствованныя изъ Государственнаго архива, оставляю безъ цитатъ, на томъ основаніи, что, при цитатахъ на него, пришлось бы пестрить цифрами чуть не каждую строчку.

I.

Отецъ и предки князя Д. М. Голицына.—Посылка за границу.—Посольство въ Константинополь.—Губернаторство въ Кіевѣ.—Князь Дм. Мих. Голицынъ членъ Верховнаго тайнаго совѣта.—Опала его при Аннѣ Іоанновнѣ.—Процессъ князя Конст. Дм. Кантемира съ мачихою.

(1663—1736).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ родился въ 1663 году. Онъ былъ старшій изъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей боярина, князя Михаила Андреевича Голицына. Двоюродный братъ князя Д. М. Голицына, бояринъ и полководецъ царя Ѳеодора Алексѣевича и царевны Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, былъ на верху своей славы и могущества во дни юности князя Дмитрія Михайловича. По обычаю того времени, князь Дмитрій Михайловичъ очень рано былъ зачисленъ въ царскіе стольники. Въ 1695 году онъ женился на княжнѣ Аннѣ Яковлевнѣ Одоевской, принадлежавшей къ старѣйшему роду изъ князей Рюриковичей. Въ 1697 году, тридцати четырехъ лѣтъ отъ рода и уже отецъ семейства, князь Дмитрій Михайловичъ былъ посланъ Петромъ Великимъ за границу въ числѣ 39-ти стольниковъ, отправленныхъ въ Италію. Умъ, таланты, образованность и высокое политическое значеніе двоюроднаго брата, а затѣмъ собственное пребываніе въ Италіи—явились для князя Дмитрія Михайловича первыми стимулами серьезнаго, научнаго изученія исторіи и политики.

Въ 1701 году, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ былъ отправ-

ленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, для склоненія Порты къ согласію на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю. Съ 1708 по 1721 годъ онъ былъ губернаторомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ президентомъ Каморъ-коллегіи и сенаторомъ. Князь Голицынъ былъ въ Малороссіи представителемъ русской власти въ критическое для Украйны время, и былъ самымъ просвѣщеннымъ и достойнымъ ея представителемъ. При немъ Мазепа передался Карлу XII, при его участіи былъ выбранъ новый гетманъ Скоропадскій. Князь Голицынъ съумѣлъ сохранить отличныя отношенія какъ къ новому гетману, такъ и ко всей старшинѣ малороссійской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ далекъ отъ сепаративныхъ стремленій этой старшины. Все, что было интеллигентнаго въ Кіевѣ и Малороссіи вообще,—группировалось около просвѣщеннаго губернатора. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями малорусскаго духовенства, сохранивъ со многими изъ нихъ тѣ же отношенія и по отъѣздѣ изъ Кіева. Онъ былъ въ тѣсномъ общеніи съ кіевскою академіею, и вокругъ него группировалась цѣлая школа переводчиковъ изъ студентовъ академіи. Они переводили ему съ языковъ латинскаго и польскаго политическія и историческія сочиненія. Эти переводы послужили основаніемъ его Архангельской библіотеки.

При Екатеринѣ I,—Дмитрій Михайловичъ былъ назначенъ членомъ Верховнаго тайнаго совѣта, при самомъ учрежденіи его въ 1726 году. Его почину принадлежитъ: забота Верховнаго совѣта за все время его существованія о положеніи податныхъ классовъ русскаго народа и средства, предпринятыя этимъ высшимъ въ то время государственнымъ учрежденіемъ, къ уменьшенію и облегченію податей. При Петрѣ II, будучи первенствующимъ членомъ Верховнаго совѣта, Дмитрій Михайловичъ стоялъ во главѣ управленія торговлею, по званію президента Коммерцъ-коллегіи.

При Аннѣ Іоанновнѣ, послѣ неудавшейся попытки верховниковъ, кончается политическая карьера князя Дмитрія Михай-

ловича, хотя онъ и былъ назначенъ сенаторомъ во вновь преобразованный Сенатъ. Будучи уже преклонныхъ лѣтъ (въ 1731 году ему было подъ 70) и утомленный долгой, почти полувѣковой, службой, онъ рѣдко посѣщалъ сенатскія засѣданія, проводя время большею частью въ своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, окруженный своими неизмѣнными друзьями—книгами. Онъ видѣлъ утѣшеніе и въ своихъ сыновьяхъ, Сергѣѣ, 34-хъ, и Алексѣѣ, 32-хъ лѣтъ. Оба они были люди очень умные и образованные, и оба, какъ сыновья Дмитрія Михайловича, находились „на замѣчаніи" у правительства Анны Іоанновны. Оба опи, послѣ блестящей дипломатической карьеры (первый въ качествѣ посла при Мадридскомъ дворѣ, а второй при Берлинскомъ), получили несравненно низшія должности. Сергѣй былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, Алексѣй—судьею вновь учрежденнаго Московскаго Суднаго приказа.

Самого князя Дмитрія Михайловича Нѣмцы-правители до поры до времени не трогали: это былъ сильный и опасный соперникъ. Нужно было подойти къ нему очень осторожно, чтобы завладѣть имъ. И этотъ подходъ былъ сдѣланъ: часъ Дмитрія Михайловича пробилъ. Поводомъ къ изловленію его явился процессъ его зятя, князя Константина Дмитріевича Кантемира, сына Молдавскаго господаря и брата извѣстнаго сатирика, князя Антіоха. Процессъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего политическаго. Онъ велся княземъ Кантемиромъ съ его мачихою, вдовою господаря, дочерью послѣдняго боярина и затѣмъ фельдмаршала, князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, изъ-за наслѣдства отцовскимъ имѣніемъ. Подходъ былъ ловко сдѣланъ, и князь Дмитрій Михайловичъ привлеченъ къ отвѣтственности.

Сущность этого процесса заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1723 году умеръ молдавскій господарь, князь Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ. По духовному завѣщанію онъ, на основаніи закона Петра Великаго о единонаслѣдіи (1714), передавалъ всѣ свои помѣстья одному изъ двухъ сыновей—

Константину, или Антіоху; старшаго сына Матвѣя онъ не любилъ и положительно устранилъ его отъ наслѣдства. Къ Антіоху, самому меньшому изъ сыновей и самому образованному, особенно лежало его родительское сердце, и въ духовномъ завѣщаніи онъ указывалъ на него какъ на наслѣдника всѣхъ имѣній, потому-что онъ, по его словамъ, „въ умѣ и наукахъ былъ отъ всѣхъ лучшій". Впрочемъ, князь Дмитрій Кантемиръ предоставлялъ окончательно произвести выборъ между двумя его сыновьями Петру Великому. Духовное завѣщаніе князя Дмитрія Кантемира не приводилось въ исполненіе ни при Петрѣ Великомъ, ни при Екатеринѣ I: очевидно, выжидали, пока подростетъ меньшой сынъ, князь Антіохъ, которому въ годъ смерти отца шелъ 16-й годъ. Пока, впредь до утвержденія духовнаго завѣщанія, всѣ дѣти господаря владѣли имѣніями сообща. Между тѣмъ, одинъ изъ сыновей, князь Константинъ, женился на дочери всесильнаго въ то время князя Дмитрія Михайловича Голицына и въ маѣ 1729 г. былъ утвержденъ наслѣдникомъ всѣхъ отцовскихъ имѣній. Основываясь на завѣщаніи князя Дмитрія Кантемира, формально этотъ выборъ былъ произведенъ царствующимъ государемъ, Петромъ II, а на дѣлѣ первенствовавшимъ въ то время „верховникомъ", княземъ Д. М. Голицынымъ. Вдова господаря, княгиня Настасья Ивановна Кантемиръ, черезъ годъ послѣ смерти мужа потребовала у пасынковъ своихъ выдѣла себѣ законной четвертой части изъ недвижимыхъ имѣній мужа, князя Дмитрія Кантемира. Пасынки ея, ссылаясь на духовное завѣщаніе отца, отказали ей въ выдѣлѣ этой части. Они утверждали, что въ духовномъ завѣщаніи объяснено о награжденьи княгини Настасьи мужемъ ея, при его жизни, недвижимыми имѣніями съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти его женѣ не брать уже ничего. Претензія княгини и отвѣтъ ея пасынковъ разсматривались въ Сенатѣ, и 3 мая 1725 г. Сенатъ постановилъ выдать вдовѣ Кантемиръ слѣдующую ей по закону четвертую часть изъ недвижимыхъ имѣній ея мужа. Въ числѣ сенаторовъ, подписавшихъ это постановленіе, нахо-

дился и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Это постановленіе Сената не было приведено въ исполненіе. Въ 1728 году состоялось новое сенатское опредѣленіе, подтверждавшее постановленіе 1725 года. Между тѣмъ князь Константинъ Дмитріевичъ Кантемиръ, получивъ майоратъ, не только отказался выдѣлить мачихѣ присужденную ей Сенатомъ часть изъ майората, но снова возбудилъ въ Юстицъ-коллегіи искъ о неправильной ея претензіи. Въ 1736 г. дѣло въ третій разъ достигло Сената, который въ третій разъ высказался въ пользу княгини Настасьи Ивановны Кантемиръ и, кромѣ того, опредѣлилъ: взыскать съ князя Константина Дмитріевича Кантемира въ пользу княгини Настасьи за противозаконное владѣнье ея частью съ 1723 по 1729 г. слѣдующее по закону [1]). Тогда князь Константинъ Кантемиръ подалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ челобитную, въ которой силился доказать неправильность сенатскихъ опредѣленій. Дѣло Кантемира было вслѣдствіе этого „внесено“ въ Кабинетъ ея величества, а для новаго его разсмотрѣнія, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ „Вышній судъ“, подъ предсѣдательствомъ самой императрицы. Членами его были назначены: адмиралъ, графъ Ѳ. А. Головинъ; оберъ - шталмейстеръ, князь А. Б. Куракинъ; оберъ-егермейстеръ, А. П. Волынской; гофмаршалъ, Д. А. Шепелевъ и генералъ-полицiймейстеръ, В. Ѳ. Салтыковъ.

---

[1]) По закону о единонаслѣдіи 1714 года вдова собственника наслѣдовала, въ четвертой части недвижимаго имѣнія. Законъ этотъ былъ отмѣненъ Анной Іоанновной 25 октября 1730 г., согласно желанію самого «шляхетства».

II.

«Вышній судъ» по тяжбѣ князя Конст. Дмитр. Кантемира съ мачихой.—Перовъ.—Привлеченіе къ суду князя Д. М. Голицына.—Побочные поводы для сего.—Безпорядки, открытые Вышнимъ судомъ.—Истинные поводы привлеченія князя Д. М. Голицына къ суду.

(1736).

Засѣданія Вышняго суда были открыты самою императрицею, во дворцѣ, 29 ноября 1736 г. Судъ повидимому очень усердно отнесся къ предлежавшей ему задачѣ—строго разсмотрѣть на основаніи законовъ и справедливости какъ рѣшеніе Сената, такъ и все его дѣлопроизводство по тяжебному дѣлу князя К. Д. Кантемира и возстановить поруганную истину. 29 ноября, въ день открытія, въ засѣданіе суда были приглашены обѣ заинтересованныя стороны: сенаторы, рѣшавшіе дѣло (А. И. Ушаковъ, баронъ П. П. Шафировъ, Нарышкинъ и кн. Юсуповъ) и князь Константинъ Дмитріевичъ Кантемиръ. Всѣмъ имъ было объявлено объ учрежденіи вышняго суда. Постоянныя засѣданія суда начались съ 1 декабря. Въ большинствѣ случаевъ они происходили дважды въ день, утромъ и вечеромъ; на четырехъ засѣданіяхъ, а именно 1, 2, 15 и 28 декабря присутствовала сама императрица [1]).

Первыя засѣданія были посвящены внимательному изученію сенатскаго дѣлопроизводства. 4 декабря впервые было обнаружено участіе въ этомъ дѣлѣ канцеляриста Каморъ-коллегіи Перова, и судьи московскаго Суднаго приказа, князя Алексѣя Дмитріевича Голицына, сына Дмитрія Михай-

---

[1]) Всего въ теченіе декабря мѣсяца было 38 засѣданій. Въ утреннія засѣданія члены собирались въ 6-мъ и 7-мъ часу утра, въ вечернія—въ 4-мъ и 5-мъ по полудни. Всѣхъ раньше пріѣзжалъ Шепелевъ.

ловича. Несмотря на то, что Перовъ былъ просто ходатаемъ въ Сенатѣ со стороны князя Конст. Дм. Кантемира,—Вышній судъ призналъ его очень важнымъ „преступникомъ“, повліявшимъ на неправильное рѣшеніе дѣла въ Сенатѣ. Постановлено—допросить его. Настоящее намѣреніе членовъ Вышняго суда было очень плохо замаскировано. Перовъ являлся тою ниткою, уцѣпившись за которую, они могли привлечь къ отвѣтственности не князя Алексѣя Дмитріевича Голицына (не его имъ было нужно), а отца его, старика Дмитрія Михайловича Голицына. Не слѣдуетъ забывать, что въ XVIII вѣкѣ, при тогдашнемъ своеобразномъ судебномъ слѣдствіи, когда дѣло возникало путемъ частнаго доноса,—такія лица, какъ Перовъ, играли во всѣхъ процессахъ весьма видную роль: ихъ показаніе являлось базисомъ для новаго дѣла, для новаго слѣдствія и суда. По извѣту такихъ лицъ составлялись вопросные пункты для главнаго обвиняемаго, т. е. для такого „преступника“, который всего нужнѣе былъ въ данное время по соображеніямъ иной разъ очень важнымъ, но неимѣвшимъ ничего общаго съ юстиціею. Къ извѣту не относились критически, а напротивъ принимали его на вѣру. Такимъ извѣтчикомъ въ дѣлѣ Долгорукихъ былъ Тишинъ, въ дѣлѣ Волынскаго — Кубапецъ, въ дѣлѣ Голицына имъ явился Перовъ.

4 декабря, вечеромъ, Перовъ былъ допрошенъ и вслѣдъ затѣмъ арестованъ. Онъ, конечно, почуялъ, что нужно членамъ Вышняго суда и потребовалъ себѣ бумаги и чернилъ. Такъ возникло обширное „повинное письмо“ Перова, послужившее поводомъ къ привлеченію къ суду князя Дмитрія Михайловича Голицына. 12 декабря письмо это было доставлено въ судъ, а 13 декабря, на основаніи его, были уже составлены и „опробованы отъ ея императорскаго величества пункты“ для допроса князя Д. М. Голицына. Всѣхъ пунктовъ было 28. Они касались: отношеній Перова къ Голицыну и противозаконнаго „употребленія онаго Перова, государева человѣка, а равно другихъ государевыхъ людей для партикулярнаго дѣла его, Голицына“; такаго же противозаконнаго употребленія сержан-

товъ и солдатъ роты кн. К. Д. Кантемира; самовольнаго сочиненія Перовымъ, по указанію Голицына, ложныхъ экстрактовъ изъ дѣла и обсужденія этихъ экстрактовъ съ разными лицами, въ томъ числѣ съ сенаторами Шафировымъ и Новосильцевымъ; наконецъ, неправильнаго участія князя Голицына, въ качествѣ сенатора, въ рѣшеніи этого дѣла. Того же 13 декабря состоялось высочайшее повелѣніе о допросѣ по этимъ пунктамъ князя Д. М. Голицына въ Вышнемъ судѣ на другой день, 14 декабря, а равно и о допросѣ тамъ же сержанта лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (изъ роты князя Кантемира) Кондырева и писаря той же роты Греченникова. Доставленіе князя Голицина въ судъ было возложено на конногвардейскаго поручика Андрея Леонтьева и на сержанта Преображенскаго полка Михаила Кавелина. Инструкція предписывала обоимъ явиться въ домъ князя тайно, войти въ ту комнату, гдѣ онъ находится и пригласить его въ судъ ея величества указомъ. „И чтò онъ, князь Голицынъ, на тò отвѣтствовать будетъ—читаемъ въ инструкціи,—возвратясь въ Вышній судъ, не заѣзжая ни куда и о томъ не объявляя никому, записать все отъ слова до слова и рапортовать“.

Между тѣмъ, старикъ князь Голицынъ лежалъ дома больной: больше мѣсяца его мучили подагра и хирагра. 13 декабря къ нему былъ посланъ указъ изъ Вышняго суда о допросѣ. Онъ не могъ двинуться съ мѣста и просилъ брата своего, генералъ-кригсъ-комиссара князя Михаила Михайловича Голицына — младшаго, довести объ этомъ до свѣдѣнія членовъ суда. Въ тотъ же день вечеромъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ отправился къ своему ближайшему начальнику и члену Вышняго суда, адмиралу Головину и просилъ его повременить съ допросомъ брата до выздоровленія послѣдняго. „За учиненною мною по тому дѣлу присягою—отвѣчалъ Головинъ князю Голицыну—ничего объявить вамъ не могу и въ Вышній судъ о вашемъ желаньи представлять не буду; а чинилъ бы братъ вашъ, какъ ему именнымъ указомъ объявлено“. Но императрицѣ Головинъ доло-

жилъ о ходатайствѣ князя Михаила Михайловича и убѣдилъ ее дозволить ему подписать отвѣты вмѣсто брата, невладѣвшаго руками. На другой день, 14 декабря, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ явился въ Вышній судъ въ 7-мъ часу утра и просилъ дозволенія быть допущеннымъ передъ собраніе. Когда онъ получилъ таковое, то просилъ всѣхъ членовъ суда о томъ же, о чемъ просилъ наканунѣ Головина, и умолялъ послать врача освидѣтельствовать брата въ доказательство справедливости его словъ. Члены суда, попросивъ князя Михаила Михайловича удалиться, приступили къ обсужденію его ходатайства и опредѣлили: послать къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну въ домъ поручика Леонтьева для доставленія князя въ судъ, — что̀ и было немедленно исполнено.

Въ то время, какъ Леонтьевъ отправился къ больному князю, императрица призывала къ себѣ А. П. Волынскаго и объявила черезъ него суду словесно слѣдующія высочайшія повелѣнія: 1) чтобы князь Дмитрій Михайловичъ написалъ отвѣты по пунктамъ, не выходя изъ суда; 2) по окончаніи допроса отпустить его домой, а отвѣты его объявить ея величеству; 3) караулъ въ домъ князя Д. М. Голицына до указу не посылать.

Въ 10-мъ часу утра былъ доставленъ въ судъ хилый, бо́лѣзненный старикъ, когда-то энергичный государственный дѣятель и политическій мыслитель — князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ призванъ братъ его, генералъ-кригсъ-комиссаръ, для подписи отвѣтовъ; при допросахъ Дмитрія Михайловича онъ не присутствовалъ: онъ находился въ это время въ другой комнатѣ. Допросы по 28 пунктамъ и канцелярская процедура ихъ переписыванья набѣло и подписи — все это длилось съ 10-ти утра до 6-го часа вечера. По окончаніи собственно допросовъ, записанныхъ со словъ Дмитрія Михайловича писаремъ, они были переписаны набѣло и прочитаны вслухъ. Послѣ этого былъ призванъ въ засѣданіе Вышняго суда князь Михаилъ Ми-

хайловичъ. Тогда вопросы снова прочли вслухъ, и князь Махаилъ сличалъ черновые съ бѣловыми; что̀ показалось князю Дмитрію Михайловичу сомнительнымъ, то переправлено; вновь переписано два листа. Князь Михаилъ Михайловичъ скрѣпилъ отвѣты брата по пунктамъ слѣдующею подписью. „Къ сему допросу брата моего, тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера, князя Дмитрея Михайловича Голицына, по приказу его, я, генералъ-кригсъ-комиссаръ, князь Михайла Голицынъ руку приложилъ для того, что братъ мой, князь Дмитрей Михайловичь за болѣзнію въ рукахъ, харагратою, нынѣ руки приложить не можетъ“.

Князь Дмитрій Михайловичъ, выведенный изъ себя мелочностью и придирчивостью вопросныхъ пунктовъ, во время писанья и перечитыванья своихъ отвѣтовъ, раздражительно воскликнулъ:

— „Когда бъ изъ ада сатана ко мнѣ пришелъ, то бы, хотя я предъ Богомъ и погрѣшилъ, однакожъ и съ нимъ бы для пользы своей совѣтовалъ и совѣтовъ отъ него требовалъ и принималъ“!

Въ подлинномъ дѣлѣ вопросные пункты князю Д. М. Голицыну и отвѣты его на нихъ занимаютъ 18 страницъ въ листъ разгонистаго писарскаго почерка XVIII вѣка. На основаніи показаній Перова и отвѣтовъ князя Голицына, участіе послѣдняго въ процессѣ князя К. Д. Кантемира представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Князь Дм. Мих. Голицынъ, принимая близко къ сердцу процессъ своего зятя, князя К. Д. Кантемира, съ мачихою его, просилъ своего сына, князя Алексѣя Дмитріевича отыскать въ Москвѣ надежнаго человѣка, которому можно было бы довѣрить веденіе дѣла Кантемира. Кн. Алексѣй Голицынъ отыскалъ такого человѣка въ лицѣ канцеляриста Камеръ-коллегіи Лукьяна Перова, который и былъ, по ходатайству князя Алексѣя Голицына, переведенъ на службу въ контору Камеръ-коллегіи въ Петербургъ. Камеръ-коллегія

находилась въ то время въ Москвѣ. Князь Алексѣй Голицынъ, въ письмахъ къ отцу, отправленныхъ съ Перовымъ, обѣщалъ ему награды за исправное исполненіе обязанностей ходатая по дѣлу Кантемира. Кромѣ денежнаго награжденія, онъ обѣщалъ ему чинъ коллежскаго секретаря, о чемъ и послалъ доношеніе въ Сенатъ, вложивъ это доношеніе въ одинъ конвертъ съ письмомъ къ отцу. Перовъ прибылъ въ Петербургъ 28 февраля 1735 г. и былъ помѣщенъ княземъ Д. М. Голицынымъ у него въ домѣ. На другой день по пріѣздѣ Перова, князь Д. М. Голицынъ призвалъ его къ себѣ и далъ слово — стараться объ исполненіи всего, что обѣщалъ ему князь Алексѣй. Впрочемъ, доношенію послѣдняго въ Сенатъ о производствѣ Перова въ чинъ князь Дмитрій Михайловичъ не далъ хода, потому что счелъ это неприличнымъ, въ виду совершенно „приватной" причины пріѣзда Перова въ Петербургъ. Князю Алексѣю Дмитрій Михайловичъ написалъ, что „если Перовъ въ судъ пойдетъ (т. е. займется судебнымъ веденіемъ дѣла Кантемира), то дастъ ему отъ 300 до 500 рублей и всякое доброхотство чинить ему будетъ". Дмитрій Михайловичъ, при помощи Перова началъ подробно вновь изучать все дѣло о наслѣдствѣ Кантемира, извѣстное ему и прежде, по первоначальному разсмотрѣнію его въ Сенатѣ въ 1725 году. Князь Д. М. Голицынъ подписалъ это опредѣленіе Сената, вмѣстѣ съ другими сенаторами, будучи убѣжденъ, что княгиня Настасья Кантемиръ хлопочетъ о четвертой части изъ доходовъ съ имѣній своего мужа, а не изъ земельнаго владѣнія. Онъ, по его собственному признанію, зналъ указы о дачѣ женамъ послѣ смерти мужей четвертой части. Княгинѣ Кантемиръ не слѣдовало получать этой части изъ недвижимыхъ имѣній ея мужа, потому что она получила, по его духовному завѣщанію, движимое имущество. Между тѣмъ, опредѣленію Сената не было дано дальнѣйшаго хода по слѣдующей причинѣ. Когда кн. Меншиковъ, Толстой, Ушаковъ и прочіе санаторы доложили о сенатскомъ опредѣленіи Екатеринѣ I, императрица спросила, есть ли у княгини

Кантемиръ жалованная грамота на вотчины князя, — и при этомъ прибавила, что имѣетъ приказъ Петра Великаго о недачѣ ей четвертой части. Канцлеръ графъ Головкинъ доложилъ Екатеринѣ, что у княгини жалованной грамоты нѣтъ, вслѣдствіе чего императрица сказала: „коли такой грамоты нѣтъ, то и дачи ей нѣтъ“. На основаніи этого отвѣта императрицы, послѣдовалъ указъ Сената, отмѣнявшій первоначальное сенатское опредѣленіе о дачѣ четвертой части княгинѣ Кантемиръ. Указъ этотъ исчезъ, когда, ка́къ и при помощи кого — князь Голицынъ не знаетъ. Перовъ нашелъ его въ дѣлѣ, только не подписаннымъ сенаторами, а скрѣпленнымъ одною подписью повытчика.

— „Хотя и утрачено, да надобно разсуждать совѣстно“ замѣтилъ по этому поводу Перовъ Голицыну.

— „Совѣсть подлежитъ до одного суда Божія“ отвѣчалъ на это Голицынъ, „а не до человѣческаго“.

По мнѣнію князя Д. М. Голицына, это было сказано имъ „въ такомъ разсужденіи, что человѣкъ разсуждаетъ (въ вопросахъ юридическихъ) по закону государственныхъ правъ“, а не на основаніяхъ личной, частной нравственности. Онъ, князь Голицынъ не видитъ ничего „безсовѣстнаго и душевреднаго и самому Богу противнаго“ въ такихъ разговорахъ.

Дмитрій Михайловичъ передалъ Перову всѣ документы по иску княгини Кантемиръ и руководилъ имъ при разсмотрѣніи этого иска. Князь имѣлъ возможность предоставить въ распоряженіе Перова такія свѣдѣнія, которыя только ему были доступны, по его служебному положенію. Такъ напримѣръ, будучи въ 1722 — 1725 г.г. президентомъ Камеръ-коллегіи, онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о доходахъ всѣхъ имѣній и былъ убѣжденъ, что княгиня Кантемиръ „ищетъ доходовъ съ великимъ излишествомъ“. По приказу князя Голицына, для точнаго опредѣленія этихъ доходовъ, Перовъ дѣлалъ выписки изъ домовыхъ приходныхъ книгъ кн. Кантемира о доходахъ съ его вотчинъ; князь Голицынъ просматривалъ черновые отвѣты Перова въ судъ и оставался ими очень

доволенъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ ихъ исправлялъ. По слухамъ, Перовъ дозволялъ себѣ подчищать и подскабливать нѣкоторые документы въ дѣлѣ. Князю Голицыну удалось достать экстрактъ изъ доказательствъ противной стороны, истицы, княгини Кантемиръ; онъ велѣлъ сочинить Перову контръ-экстрактъ и отдалъ его князю Кантемиру. Изо всего дѣлопроизводства Перовъ составилъ два экстракта: одинъ подробный, другой краткій. Экстракты эти поправлялись княземъ Голицынымъ и перечитывались Перовымъ разнымъ пріятелямъ князя Дмитрія Михайловича, не многимъ заразъ, а порознь, для выслушиванія ихъ замѣчаній и поправокъ. Они были прочитаны: сенатору Новосильцеву, директору Цальмейстерской конторы Баскакову, президенту Вотчинной коллегіи Ржевскому и брату князя Дмитрія Михайловича, кригсъкомиссару М. М. Голицыну. Съ этими же экстрактами, по приказанію князя Дмитрія Михайловича, ходилъ Перовъ и къ барону Шафирову и докладывалъ ему словесно всѣ обстоятельства, говорившія въ пользу князя Кантемира. Кромѣ разговоровъ по процессу Кантемира, ни какихъ другихъ у Перова съ княземъ Голицынымъ не было. Князь упорно отрицалъ всякіе разговоры „о важныхъ дѣлахъ“ (т. е. о вопросахъ политическихъ). Князь Дмитрій Михайловичъ просилъ сенаторовъ, чтобы Перова не выпускали изъ Петербурга въ Москву и по окончаніи дѣла Кантемира, потому что Перову нужно было „выписку (изъ дѣла) высмотрѣть и подписать“. Ходатайство князя Голицына было уважено Такимъ образомъ, въ пользу своего зятя князь Голицынъ съумѣлъ расположить очень многихъ вліятельныхъ лицъ, и князь Константинъ Кантемиръ являлся передъ судомъ Сената не простымъ отвѣтчикомъ, а человѣкомъ, адвокатами котораго дѣлались многіе изъ его судей.

Такое направленіе процесса не могло, конечно, ускользнуть отъ противной стороны, имѣвшей заступникомъ также сильнаго человѣка, въ лицѣ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, отца княгини Настасіи Кантемиръ. Перовъ

признавался этою стороною за очень ловкую и опасную ищейку, что̀ онъ сознавалъ очень хорошо и самъ. Онъ опасался, чтобъ его не убили, или, по крайней мѣрѣ, не побили. Опасенія свои онъ выражалъ князю Голицыну, и тотъ, для охраны своего повѣреннаго, отпускалъ его изъ дома не иначе, какъ съ провожатыми. Провожали Перова обыкновенно дворовые люди Голицына, человѣка по два, по три заразъ. Сержантъ Преображенскаго полка Кондыревъ и ротный писарь Греченниковъ (оба изъ роты князя Кантемира) употреблялись княземъ Голицынымъ разсыльными во время процесса. Впрочемъ, это обстоятельство князь Голицынъ отрицалъ.

Только по окончаніи суда по дѣлу княгини Кантемиръ, князь Дмитрій Михайловичъ просилъ сына своего, князя Алексѣя, ходатайствовать передъ Сенатомъ о награжденіи Перова чиномъ коллежскаго секретаря, что̀ и было исполнено.

Такимъ образомъ, князь Голицынъ не видитъ, чтобы „по тому дѣлу испровержение правды было“.

Перовъ, оставя свою семью въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ свой домъ, тяготился, по собственному сознанію, жизнью въ Петербургѣ. Онъ неоднократно просилъ князя Голицына отпустить его.

— „Жена моя съ дѣтьми въ Москвѣ безъ меня не имѣютъ пропитанія, да двѣ покражи воровскими людьми въ домишкѣ моемъ были, а я здѣсь обрѣтаюсь почти безъ дѣла и безъ полученія жалованья“ плакался Перовъ Голицыну.

— „Пожалуйста—ласково упрашивалъ его Дмитрій Михайловичъ—подожди окончанія зятня дѣла, я все то велю ему тебѣ наградить, а женѣ твоей велю дать въ Москвѣ запасу и для караула двора твоего мужиковъ приставлю“.

Обѣщанія эти Голицынъ исполнилъ. Безконечное писанье отвѣтовъ, отзывовъ и экстрактовъ надоѣло Перову. Ссылаясь на нетерпящія отлагательства, служебныя дѣла по Камеръ-коллегіи, онъ отказывался писать ихъ. „Ужъ и такъ мы съ своей стороны много экстрактовъ писали, а пользы отъ нихъ не получили“ — говорилъ онъ Голицыну.

Когда дѣло Кантемира въ 1736 г. было вновь передано на разсмотрѣніе Сената, тогда Голицынъ особенно сталъ приставать къ Перову о сочиненіи экстрактовъ и отзывовъ.

— „Прикажите домовому своему подъячему написать — отнѣкивался Перовъ — чтобъ мнѣ отъ сего вашего дѣла безвинно не пропасть, чего я весьма опасенъ, довольно ужъ и такъ вашему сіятельству я служилъ, а добра, кромѣ напасти, не сподобляюсь“.

На это князь Голицынъ „ласкательно“ упрашивалъ Перова, говоря ему такія рѣчи:

— „Слышалъ ты, другъ мой, присловицу: „поилъ ты и кормилъ до уса, корми уже и до бороды“; вѣдь ужъ ты больше того трудился, пожалуй, нынѣ какъ можно потрудись. Возьми дѣло къ себѣ; когда тебѣ досужно будетъ, тогда и напиши“.

Отказываться больше было нельзя.

Перовъ, принимая отъ князя Дмитрія Михайловича бумаги, сказалъ ему: „Воля ваша; трудиться я готовъ, а что̀ на сіе писать будемъ—не знаю“.

Придя домой, Перовъ бросилъ бумаги съ досадою на столъ и больше недѣли за нихъ не принимался. Князь Голицынъ нѣсколько разъ присылалъ освѣдомиться, пишетъ ли Перовъ? На что̀ тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ свободнаго времени, да и не знаетъ, что̀ ему писать. Послѣ этого Дмитрій Михайловичъ снова призвалъ Перова и опять сталъ его упрашивать.

— „Пожалуйста, какъ нибудь напиши,—говорилъ онъ— а я пошлю по брата, князь Михаила Михайловича, и что̀ ты напишешь — послушаемъ. На сенатское рѣшеніе надобно намъ бить челомъ самой всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ“.

Написавъ экстрактъ, Перовъ читалъ его Дмитрію Михайловичу и Михаилу Михайловичу вчернѣ, „выбирая изъ суда къ оправданію ихъ рѣчи“. „И передъ ними читалъ — заявляетъ Перовъ—уже не съ услугою моею, но съ немалою

имъ въ словахъ досадою, такъ что не могли они того экстракта всего выслушать и велѣли мнѣ выдти вонъ, а экстрактъ оставили у себя". Всѣ пункты экстракта князья Голицыны перечеркали и измѣнили. Въ тотъ же день вечеромъ братья Голицыны опять потребовали къ себѣ Перова. На этотъ разъ вмѣсто экстракта они приказывали ему написать челобитную императрицѣ. Перовъ сталъ отговариваться.

— „Чего ты опасаешься? — сказалъ ему князь Михаилъ Михайловичъ. Если бы еще за моремъ писалась такая челобитная, то могъ бы ты какъ-нибудь увернуться, а то здѣсь, въ Петербургѣ, пиши, или не пиши—все равно скажу, что ты писалъ".

Не желая озлобить князей Голицыныхъ, Перовъ написалъ двѣ редакціи челобитной, одну пространную, а другую краткую, обѣ вчернѣ, и отдалъ ихъ князю Дмитрію Михайловичу. „Воля ваша—говорилъ онъ ему при этомъ—больше вамъ служить не могу".

Челобитныя исправляли Голицыны сами, а переписывали набѣло ихъ служители. Впослѣдствіи краткая редакція въ измѣненномъ видѣ была подана княземъ Кантемиромъ императрицѣ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Перовъ прямо отъ обѣдни приходилъ въ покои князя Дмитрія Михайловича. Въ это время, когда князь чувствовалъ нѣкоторое облегченіе отъ мучившей его болѣзни, онъ любилъ разговаривать съ Перовымъ. Князь разспрашивалъ его о состояніи крестьянскаго и городскаго населенія въ Бѣлгородской губерніи, откуда Перовъ былъ родомъ, о тамошнихъ обыкновеніяхъ и о приказныхъ порядкахъ. Часто и самъ князь разсказывалъ Перову изъ видѣннаго и слышаннаго имъ въ его богатую событіями многолѣтнюю жизнь. Иной разъ князь посвящалъ свои разсказы климатическимъ условіямъ Петербурга: онъ передавалъ Перову „о бывшихъ въ Петербургѣ въ прошедшихъ годахъ водяномъ штурмѣ, вѣтрахъ и непогодахъ". Иногда вспоминалъ онъ свое губернаторство въ

Кіевѣ, разспрашивая Перова о чиновникахъ, служившихъ тамъ въ его канцеляріи, о ихъ дальнѣйшей судьбѣ и о порядкахъ въ Кіевской губерніи, заведенныхъ послѣ него. Любилъ князь Дмитрій Михайловичъ вспоминать и свою заграничную жизнь, любилъ онъ нерѣдко разсказывать Перову про иные, чѣмъ на Руси, общественные порядки, видѣнные имъ лично. Касался онъ въ этихъ разсказахъ и западноевропейскаго судоустройства и судопроизводства и развитія въ Европѣ мануфактуръ и торговли.

На основаніи показаній князя Д. М. Голицына, 15 декабря составлены были вопросные пункты Кондыреву, Греченникову, Новосильцову и Ржевскому. Перваго не могли немедленно доставить въ судъ: онъ былъ переведенъ изъ гвардейскихъ Преображенскихъ сержантовъ капитаномъ въ армейскій полкъ генералъ-майора Шипова. Возникла переписка съ Военною коллегіею о доставленіи Кондырева въ Вышній судъ. Греченникова допрашивали въ тотъ же день, 15 декабря. Вопросные пункты Новосильцову, Баскакову и Ржевскому посланы, по мѣсту ихъ служенія, въ Москву, къ С. А. Салтыкову, съ высочайшимъ повелѣніемъ допросить ихъ въ Москвѣ. 16 декабря постановлено допросить, по дѣлу о производствѣ Перова въ коллежскіе секретари, прокурора Камеръ-коллегіи Мельгунова и князя Алексѣя Дмитріевича Голицына. Вопросные пункты для нихъ посланы были также къ С. А. Салтыкову въ Москву. Ему же было предписано допросить сенаторовъ, проживающихъ въ Москвѣ, о неправильномъ рѣшеніи ими дѣла княгини Кантемиръ. Тѣ же изъ сенаторовъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи, которые проживали въ Петербургѣ, были допрошены Вышнимъ судомъ.

Такимъ образомъ возникло, по русскимъ процессуальнымъ обычаямъ XVIII вѣка, нѣсколько отдѣльныхъ процессовъ, разсмотрѣнію которыхъ и были посвящены всѣ остальныя засѣданія Вышняго суда до конца декабря 1736 г. Эти отдѣльные процессы коснулись, между прочимъ, четырехъ высшихъ государственныхъ учрежденій, обвинявшихся въ не-

правильномъ веденіи дѣлъ—Сената и трехъ коллегій—Юстицъ, Камеръ и Вотчинной. Сенатъ обвинялся въ неправильностяхъ по судопроизводству въ дѣлѣ княгини Кантемиръ и въ награжденіи Перова чиномъ за „партикулярныя заслуги"; канцелярія Сената — въ медлительности производства дѣла, въ неправильномъ дѣлопроизводствѣ и въ подчисткѣ документовъ; Юстицъ-коллегія въ неправильномъ рѣшеніи дѣла Кантемира; Камеръ-коллегія обвинялась въ противозаконномъ „употребленіи" Перова, правительственнаго чиновника, въ „партикулярныхъ дѣлахъ" и въ безпорядкахъ по веденію отчетовъ о государственныхъ доходахъ; виновность Вотчинной коллегіи заключалась въ выдачѣ князю Д. М. Голицыну по его „партикулярнымъ дѣламъ" разныхъ справокъ о состояніи имѣній князей Кантемиръ.

Разслѣдованіе Вышнимъ судомъ всѣхъ этихъ безпорядковъ весьма любопытно для историка въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно сообщаетъ нѣкоторыя данныя для характеристики нашихъ присутственныхъ мѣстъ въ первую половину XVIII вѣка, знакомя насъ съ приказными порядками, господствовавшими въ русскихъ судебныхъ процессахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія и выводя на свѣжую воду разныхъ канцелярскихъ дѣльцовъ того времени. Во-вторыхъ, это разслѣдованіе приводитъ Вышній судъ къ постановленію нѣсколькихъ рѣшеній, имѣвшихъ общій юридическій интересъ: они касались болѣе порядочнаго веденія дѣлъ въ Сенатѣ и коллегіяхъ, наилучшей формы суда вообще, „чтобъ не было ябедниковъ", и средствъ для достиженія наибольшей справедливости въ судахъ. Всѣ эти рѣшенія были „опробованы" императрицею Анною и получили впослѣдствіи силу закона. Но они явились гораздо позже второй половины декабря 1736 г. Вышній судъ, не выжидая окончательныхъ результатовъ своихъ разслѣдованій по этимъ общимъ вопросамъ, возникшимъ изъ частнаго гражданскаго дѣла Кантемира, торопился поскорѣе рѣшить самое это дѣло и затѣмъ заняться главнымъ своимъ подсудимымъ, княземъ Д. М. Голицынымъ.

Дѣло Кантемира было рѣшено Вышнимъ судомъ 16 декабря, т. е. тогда, когда только-что были составлены указанные выше вопросные пункты разнымъ лицамъ, показанія которыхъ были бы очень существенны для разъясненія этого дѣла. Вышній судъ нашелъ рѣшеніе Сената правильнымъ по существу, присудивъ выдѣлить княгинѣ Настасьѣ Кантемиръ четвертую часть изъ майората и, сверхъ того, падающій на эту часть доходъ за все время съ 1725 по 1730 годъ, а до 1725 г. дохода не взыскивать, потому что до того времени она жила вмѣстѣ съ дѣтьми и пользовалась общими доходами съ имѣній. Затѣмъ Вышній судъ нашелъ неправильнымъ: многія частныя сенатскія опредѣленія и отмѣнилъ ихъ; нѣкоторыя неправильности въ самомъ обрядѣ суда, и наконецъ — подчистки и подскобки въ документахъ, находившихся въ дѣлѣ. О князѣ Константинѣ Кантемирѣ протоколъ Вышняго суда выражается такимъ образомъ: „А что онъ князь Константинъ Кантемиръ, вѣдая по тому дѣлу вину свою, утверждаяся на одни составныя, лжи наполненныя, ябедническія, представленныя въ судѣ резоны, дерзнулъ прошеніе подать, за что̀ по силѣ указовъ достоинъ жестокаго штрафа; однакожь, ежелибъ онъ въ томъ своемъ челобитьѣ о неправильномъ сенатскомъ рѣшеніи не писалъ и въ Вышнемъ судѣ о томъ неправильномъ сенатскомъ рѣшеніи того по дѣлу не явилось, то-бъ чинимыя въ судѣ отъ ябедниковъ неправды, коварства и всякія плутовскія вымыслы, въ чемъ повѣренный Перовъ повинился, были не явны“. „Того ради— заканчиваетъ протоколъ Вышняго суда, — ему, князю Константину Кантемиру за дерзновенное поданіе такой челобитной шрафу не чинить, а Сенату о неправильномъ того дѣла рѣшеніи и Юстицъ-коллегіи о непорядочномъ и въ противность указовъ суда произвожденіи отвѣтствовать, какъ указы повелѣваютъ“.

Перову дозволено было давать бумагу и чернила, и 24 декабря онъ подалъ вторую свою повинную, въ которой подробно разсказалъ о своемъ участіи въ веденіи дѣла князя

Кантемира и о разговорахъ, какіе имѣлъ съ нимъ князь Голицынъ. Эти подробности приведены уже выше.

Почуялъ бѣду надъ собою князь Дмитрій Михайловичъ! Увидѣлъ онъ, что дѣло не въ процессѣ Кантемира, что главный преступникъ онъ, князь Дмитрій. Ясно ему стало, чтò составляетъ его преступленіе. Не участіе его въ процессѣ зятя было этимъ преступленіемъ, а событія 1730 года. Избраніе на престолъ Анны Іоанновны, „пункты“, о которыхъ такъ усердно хлопоталъ тогда князь Дмитрій, старанія его „прибавить себѣ какъ можно воли“ и убѣжденіе, что онъ будетъ въ состояніи „удержать эту волю“—вотъ за чтò его судили теперь! Конечно, онъ не могъ разсчитывать на судъ справедливый, тѣмъ болѣе — милостивый. Всѣ судьи были его личными врагами, особенно Артемій Петровичъ Волынской, а Волынской орудовалъ теперь всѣмъ Вышнимъ судомъ. Призадумался князь Дмитрій и снова послалъ своего брата къ адмиралу Головину—просить у Вышняго суда милости. Головинъ отказалъ.

„Не могу — отвѣчалъ онъ генералъ-кригсъ-коммисару— не могу, понеже въ томъ мѣстѣ изволитъ присутствовать высокою своею особою сама ея императорское величество“.

III.

«Генеральное собраніе» для суда надъ княземъ Д. М. Голицынымъ. — Составъ этого «собранія». — Обвинительные пункты. — Осужденіе князя Д. М. Голицына и ссылка его въ Шлюссельбургъ. — Конфискація книгъ и писемъ князя Голицына. — Князь Вас. Вл. Долгорукой. — Кончина князя Д. М. Голицына.

(1737).

Скорбно начался для князя Дмитрія Михайловича Голицына и его брата новый 1737-й годъ. Со 2 января начались засѣданія Вышняго суда, исключительно посвященныя князю Голицыну. Они происходили 2, 3, 4 и 7 января, только по одному разу въ день, но за то отличались особою торжественностью и продолжительностью. 3 и 4 января члены Вышняго суда, въ полномъ своемъ составѣ, выходили изъ засѣданій суда къ императрицѣ, въ ея „апартаменты". 7 января засѣданіе продолжалось съ 6-го часа утра до 7-ми вечера. Въ этотъ же день послѣдовалъ указъ Сенату объ учрежденіи „генеральнаго собранія" при Сенатѣ для суда надъ княземъ Д. М. Голицынымъ. По обычаю того времени это собраніе должно было состоять изъ кабинетъ-министровъ, сенаторовъ, генералитета, флагмановъ, президентовъ и членовъ коллегій. Кромѣ того, въ него вошли пятеро членовъ Вышняго суда. Генеральное собраніе составлено было всего изъ 20 лицъ.

Привожу списокъ этихъ лицъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ оффиціальномъ документѣ: 1) Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кабинетъ-министръ князь Черкасскій, 2) генералъ Ушаковъ, 3) адмиралъ Иванъ Головинъ, 4) д. т. с. кн. Трубецкой, 5) адмиралъ графъ Головинъ (членъ Вышняго суда), 6) д. т. с. баронъ Шафировъ, 7) оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ (членъ Вышняго суда), 8) оберъ-егермейстеръ Волынской (членъ Вышняго суда), 9) вице-адмиралъ Сенявинъ, 10) тайный совѣтникъ графъ

Головкинъ, 11) гофъ-маршалъ Шепелевъ (членъ Вышняго суда), 12) генералъ-полицiймейстеръ Салтыковъ (членъ Вышняго суда), 13) т. с. Нарышкинъ, 14) т. с. Неплюевъ, 15) т. с. графъ Мусинъ-Пушкинъ, 16) генералъ-майоръ Игнатьевъ, 17) Адмиралтейской коллегiи совѣтникъ кн. Урусовъ, 18) Юстицъ-коллегiи президентъ кн. Щербатовъ, 19) камергеръ кн. Юсуповъ, 20) оберъ-кригсъ-коммисаръ Соймоновъ. Въ черновомъ спискѣ, кромѣ названныхъ лицъ, помѣщены еще: фельдмаршалъ Минихъ, вице-канцлеръ Остерманъ, ген.-лейт. Генинъ (извѣстный горный инженеръ), шталмейстеръ Кошелевъ и бригадиръ Григорiй Наумовъ; но императрица вычеркнула ихъ изъ числа членовъ генеральнаго собранiя.

8 января весь день былъ посвященъ осужденiю князя Д. М. Голицына и приведенiю въ исполненiе судебнаго приговора.

Члены Вышняго суда собрались въ этотъ день въ 5-мъ часу утра и три часа занимались составленiемъ обвинительнаго акта противъ Голицына, обнародованнаго въ видѣ манифеста. Въ 8-мъ часу утра они „вошли къ ея императорскому величеству“, а въ 9-мъ часу прямо отъ императрицы отправились въ Сенатъ, гдѣ собрались уже всѣ остальные члены генеральнаго собранiя, подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра князя Черкасскаго. Князь Черкасскiй открылъ собранiе предъявленiемъ ему „въ конвертѣ“ указа ея императорскаго величества о судѣ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ. Послѣ предварительнаго между собой совѣщанiя, собранiе приступило въ 12 часовъ дня къ слушанiю рѣшенiй Вышняго суда. Были прочтены два проекта редакцiй приговора генеральнаго собранiя, заранѣе изготовленныхъ—сначала черновой, потомъ бѣловой.

Приговоръ начинался пространнымъ разсужденiемъ о ненеобходимости для государства правосудiя и „крѣпкаго храненiя правъ гражданскихъ“, причемъ, разумѣется, восхвалялась мудрость императрицы Анны Iоанновны за ея „матер-

нее“ охраненіе правосудія въ землѣ Русской и указывалось на ея законоположенія по этому вопросу. Затѣмъ передавалась вкратцѣ сущность процесса кн. Кантемира съ мачихою и говорилось о Перовѣ, „закрывавшемъ неправость отвѣтчикову ябедническими вымыслами, по наущенію князя Дмитрія Голицына“.

„И хотя онъ князь Дмитрій ему отвѣтчику, князю Кантемиру, кровнымъ свойствомъ и обязанъ—читаемъ въ приговорѣ—и по тому обязательству пользы искать ему и долженъ, токмо не въ такихъ дѣлахъ, которыя указамъ нашимъ и правосудію противны, но толь наипаче, ежелибъ онъ князь Дмитрій увидѣлъ что противное нашимъ указамъ и правосудію, то бы надлежало ему по своей должности, яко сенатору и указовъ нашихъ и государственныхъ правъ хранителю, несмотря на ближнее свойство, отъ такого душевредства и обиды того зятя его отвращать и не допущать. Но онъ, князь Дмитрій, по слѣдствію того дѣла въ Вышнемъ судѣ, явился не токмо по тому дѣлу, но и въ протчихъ важныхъ дѣлахъ и преступленіяхъ“.

За этимъ слѣдуетъ тринадцать пунктовъ преступленій князя Голицына.

„1) Отговаривался всегда болѣзнію, не хотя намъ и государству по должности своей служить; положенныхъ на него дѣлъ не отправлялъ, а вмѣсто того, противъ своей присяги, указы наши противнымъ образомъ толковалъ и всячески правду испровергать старался, отъ которыхъ его, князь Дмитріевыхъ, вымышленныхъ коварствъ явились многія обмануты, и принуждены впасть въ тяжкія отвѣты, какъ нѣкоторыя изъ сенаторовъ, такъ и Юстицъ и Каморъ-коллегіевъ президенты члены и прочія“.

2) „Нѣкоторыя доношенія, присланныя къ нему изъ Москвы, подлежащія для поданія въ Сенатъ, закрывая происки свои, у себя держалъ и утаилъ“.

Слѣдующіе девять пунктовъ, отъ третьяго до одинадцатаго включительно, касаются Перова и его отношеній къ

князю Д. М. Голицыну. Они излагаютъ извѣстныя уже читателю подробности изъ отвѣтовъ самого Голицына. Двѣнадцатый пунктъ передаетъ приведенный выше разговоръ Перова съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ о возможной справедливости въ рѣшеніяхъ въ такихъ выраженіяхъ: „Когда Перовъ нѣкоторыя слова отъ него князь Дмитрія противу закона Божія и совѣсти услышалъ, и ему князь Дмитрію отсовѣтывалъ, что надобно совѣстно разсуждать, и на то онъ, князь Дмитрій, не ужасаясь страшнаго суда Божія, такъ Богу противно сказалъ, что будто совѣсть подлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго, вѣдая, что судъ гражданскій — судъ Божій есть".

Тринадцатый пунктъ состоитъ изъ словъ, произнесенныхъ княземъ Голицынымъ въ Вышнемъ судѣ во время допроса и приведенныхъ уже выше, со слѣдующею оцѣнкою ихъ: „да онъ же князь Дмитрій, по призванію въ Вышній судъ къ отвѣту, не токмо такія Богу противныя слова, которыя онъ Перову говорилъ, подтвердилъ, но еще и злѣе того ядъ свой изблевалъ".

По подписаніи бѣловой редакціи приговора всѣми членами собранія, отправлены съ нею къ императрицѣ для конфирмованія Ушаковъ, князь Куракинъ, Волынской и Нарышкинъ. Всѣ остальные члены остались въ Сенатѣ, ожидая ихъ возвращенія. Посланные не заставили себя ждать долго. Анна Іоанновна оставила приговоръ у себя и велѣла Волынскому словесно объявить генеральному собранію только о мѣрѣ наказанія Голицына, уменьшенной ею по особому ея „милосердію".

Манифестъ, составленный того же 8 января и объявлявшій всей Россіи приговоръ генеральнаго собранія надъ княземъ Д. М. Голицынымъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ излагаетъ это „милосердіе" Анны Іоанновны:

„И за такіе его князь Дмитріевы вышеупомянутыя противности, коварства и безсовѣстныя вымышленныя поступки, а наипаче за вышеупомянутыя противныя и богомерзскія

слова по всѣмъ христіанскимъ правамъ, артикуламъ и указамъ собранными для того министры (т. е. министрами) сенаторами, Вышняго суда членами, генералитетомъ и флагманами и коллежскими президентами и членами осужденъ, по отнятіи у него чиновъ и кавалеріи, казнить смертію и движимыя и недвижимыя имѣнія отписать на насъ. И хоть онъ князь Дмитрій смертной казни и достоинъ, однакожъ мы, наше императорское величество, по высочайшему пашему милосердію, казнить его, князь Дмитрія, не указали; а вмѣсто смертной казни повелѣли послать его въ ссылку въ Шлютельбургъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, а движимое и недвижимое все его имѣніе отписать на насъ, и для того публиковать о томъ во всемъ нашемъ государствѣ печатными указами, чтобъ всякаго чина и достоинства люди были извѣстны, и отъ такихъ худыхъ и Богу и намъ, также и государству нашему противныхъ и непотребныхъ поступковъ остерегались, и во всемъ бы поступали по чистой своей совѣсти и по присяжной должности, какъ въ томъ предъ Богомъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать должны".

Арестъ князя Голицына въ его домѣ возлагался на генералъ-полицiймейстера Салтыкова и Петербургскаго оберъ-коменданта Игнатьева, а всѣ распоряженія по отправленію арестанта въ „Шлютельбургъ" (оффиціальное названіе того времени Шлюссельбурга) возлагались на Волынскаго и Ушакова. Кара, по обычаю того времени, постигала не одного осужденнаго по политическому преступленію, но всѣхъ его родственниковъ, близкихъ и дальнихъ. Въ конфирмаціи приговора надъ княземъ Д. М. Голицынымъ не были забыты его братъ, генералъ-кригсъ-коммиссаръ, кн. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ—младшій и племянникъ кн. Петръ Михайловичъ, имѣвшій званіе камергера [1]). По окончаніи дѣла Дмитрія Михайловича, ихъ предписывалось „употребить къ

[1]) Сынъ фельдмаршала, князя Михаила Михайловича Голицына—старшаго, умершаго въ 1730 году.

дѣламъ въ отдаленныя мѣста, только не въ губернаторы". Губернаторская должность въ отдаленныхъ провинціяхъ, какъ напримѣръ, въ Казани или Астрахани, и та считалась въ то время наказаніемъ для лицъ „родословныхъ". Такъ, въ видѣ наказанія былъ посланъ губернаторомъ въ Казань сынъ князя Д. М. Голицына, князь Сергѣй Дмитріевичъ, еще до начала суда надъ своимъ отцомъ. О немъ и о братѣ его, князѣ Алексѣѣ—ничего не говорилось въ конфирмаціи. Князя Сергѣя оставили въ покоѣ. О князѣ же Алексѣѣ производилось особое дознаніе въ Москвѣ. Часъ его осужденія еще не наступилъ.

Въ началѣ 2-го часа дня 8 января 1737 года „генеральное собраніе" было закрыто. Члены Вышняго суда отправились изъ Сената въ свой судъ заняться текущими дѣлами, возникшими изъ процесса князя Кантемира.

Вскорѣ послѣ этого Волынской былъ снова призванъ къ императрицѣ, и ему былъ врученъ конфирмованный приговоръ надъ княземъ Голицынымъ. Въ 4 часа генералъ-полиціймейстеръ Салтыковъ съ генераломъ Игнатьевымъ явились въ домъ Голицына, отобрали у него „кавалеріи", шпагу и бумаги, опечатали весь домъ и поставили караулъ изъ 12 рядовыхъ при 1 капралѣ и 1 сержантѣ. Но конфирмаціи Голицыну еще не было объявлено.

Въ 6 часовъ вечера того же дня въ Сенатъ снова съѣхались члены „генеральнаго собранія". По прочтеніи высочайшей конфирмаціи княземъ А. М. Черкасскимъ, написанъ приговоръ въ окончательной формѣ. Затѣмъ кабинетъ-секретарь Андрей Яковлевъ прочелъ манифестъ о винахъ князя Д. М. Голицына для публикованія. Въ это время прибыли въ Сенатъ генералъ-полиціймейстеръ Салтыковъ и генералъ Игнатьевъ и предъявили собранію отобранныя у Голицына „кавалеріи" и шпагу, а также и взятыя у него письма. „Кавалеріи" и шпага немедленно были отосланы въ Кабинетъ, а письма, запечатанныя печатью Салтыкова, оставлены въ Сенатѣ. Вѣстникомъ окончательной участи стараго князя

отправился отъ генеральнаго собранія А. И. Ушаковъ уже послѣ прочтенія высочайше конфирмованнаго приговора. Возвратившись отъ князя Д. М. Голицына, генералъ Ушаковъ объявилъ собранію — „князя Д. М. Голицына сказку о собранныхъ и покупанныхъ и списанныхъ имъ книгахъ, которыя и дѣтямъ его розданы, а прочія есть въ Москвѣ“. Ушаковъ обратилъ особое вниманіе собранія на то обстоятельство, что въ числѣ книгъ князя Голицына находятся сочиненія Макіавелли и Боккалини.

Судя по количеству томовъ сочиненій Макіавелли, находившихся въ библіотекѣ князя Д. М. Голицына, можно думать, что онъ имѣлъ полное собраніе сочиненій знаменитаго комментатора Тита Ливія и автора „Il Principe“. Боккалини, итальянскій поэтъ конца XVI и начала XVII вѣка, былъ авторомъ весьма распространенныхъ въ первую половину XVIII вѣка политическихъ сатиръ. Особенною извѣстностью пользовалась его сатира: Raggnagli di Parnasso“ (Извѣстія съ Парнаса), въ которой онъ изображаетъ государство Аполлона, окруженнаго знаменитостями всѣхъ временъ и народовъ. Въ своихъ приговорахъ Аполлонъ не щадитъ ни политики, ни литературы, ни нравовъ земныхъ обитателей. Намеки на тогдашнее время разсыпаны въ изобиліи. Вся книга дышетъ любовью къ свободѣ и ненавистью къ тираніи. Венеція является у него убѣжищемъ первой, а Испанія — представительницею послѣдней [1]).

Въ началѣ 8-го часа вечера засѣданіе „генеральнаго собранія“ было окончено. Князь Черкасскій и члены Вышняго суда взяли съ собою подписанный о винахъ князя Голицына манифестъ и „взнесли къ ея императорскому величеству для опробаціи, чтò и исполнено“.

9 января Ушаковъ и Волынской призвали въ Сенатъ генерала Игнатьева и приказали ему отправить князя Голицына

---

[1]) См. «Библіограф. Зап.» 1861 г., № XI, примѣчанія къ «перепискѣ о книгахъ князя Д. М. Голицина».

„въ опредѣленное ему мѣсто“, присовокупивъ, чтобы отпустить съ нимъ, по его требованію, „изъ бывшихъ его пожитковъ серебра и платья и прочаго, что̀ онъ съ собою взять пожелаетъ“.

Вотъ любопытный реэстръ этихъ пожитковъ, составленный и подписанный генераломъ Игнатьевымъ: I. Иконы: 1) Св. Іоанна Воинственника, по краямъ окладъ серебряной; 2) Святителя Николая Чудотворца; 3) Всѣхъ Святыхъ; 4) Крестъ серебрянный съ мощами; II. Книги: 1) Библія, 2) четыре Минеи-четьи, 3) общая Минея, 4) новый Завѣтъ. III. Посуда: a) серебрянная кружка, 3 ложки, солонка, подносъ; b) мѣдная — котловъ среднихъ 2, кострюликовъ съ крышками 7; c) оловянная—блюдъ 8, тарелокъ 9, сковородка желѣзная 1, вертелъ желѣзный 1. IV. Платье: бѣлая пара, кофейная пара, цвѣту желѣзнаго пара, дикая пара, кафтанъ и камзолъ черные, два костыля съ набалдашниками костяными. V. Бѣлье: скатертей 10, наволочекъ 2, портовъ 4, платокъ шелковый 1, 2 колпака, байковая рубаха, рубашекъ носильныхъ нѣсколько. VI. Живность: гусей 28, куръ русскихъ 85, свинины 20 полтей, 6 севрюжинъ вяленыхъ, масла коровьяго 16 кринокъ, бочка орѣховаго ма́сла, кадка меда, рыбы вяленой 13 прутовъ, полпива 2 боченка, крупъ грешневыхъ 2 четверика, муки ржаной куль. За живностью слѣдуетъ списокъ прислуги, подъ рубрикою: люди. Князю Голицыну для услуженія были даны изъ его дворовыхъ три человѣка: Гаврило Ильинъ, Сергѣй Ѳеодоровъ, Николай Алексѣевъ, да одинъ кухарь (поваръ) Ануфрій Первухинъ. Прислугу велѣно было содержать вмѣстѣ съ нимъ подъ крѣпкимъ карауломъ безъисходно. На пропитаніе въ день отпускалось: князю Дмитрію по одному рублю, каждому человѣку изъ прислуги — по гривнѣ. Реэстръ оканчивается слѣдующими словами: „сверхъ же того изъ сысканныхъ въ домѣ его, Голицына, денегъ 50 рублевъ, которые отданы караульному подпоручику Кнутову“.

Въ тотъ же день, рано утромъ, князь Голицынъ, до отправленія въ Шлюссельбургъ, былъ допрашиваемъ въ Выш-

немъ судѣ о книгахъ. Онъ подтвердилъ сказку, переданную Ушакову, дополнивъ ее слѣдующими подробностями:—„Я собиралъ, покупалъ и списывалъ книги, которыя и дѣтямъ роздалъ, а какія именно, порознь сказать не упомню“ говорилъ Дмитрій Михайловичъ. „И въ прошлыхъ годахъ (продолжалъ онъ), государь Петръ первый, императоръ, изволилъ смотрѣть изъ нихъ и взялъ къ себѣ нѣкоторыя, а протчія въ Москвѣ есть“. Голицынъ отрицалъ, чтобы у него были книги печатныя на русскомъ языкѣ изъ такихъ, „которыя безъ указу печатать не можно“. Изъ такихъ книгъ, по его признанію, у него находились рукописные переводы одного трактата Макіавелли и одного сочиненія Боккалини; первый онъ взялъ отъ покойнаго адмирала Ѳеодора Матвѣевича Апраксина, а второе отъ Петра Андреевича Толстаго.

Вслѣдствіе этого заявленія князя Голицына, того же 9 января изъ Вышняго суда было отправлено предписаніе къ С. А. Салтыкову въ Москву объ описи всего имущества князя Д. М. Голицына, а въ особенности книгъ и писемъ. „Ея императорскому величеству извѣстно учинилось — писали члены Вышняго суда Салтыкову, — что у него, князь Дмитрея, имѣлось на чюжестранныхъ діалектахъ, також и переведенныхъ на русскій языкъ около шести тысячь книгъ и для того изволили-бъ, ваше сіятельство, приказать всѣ книги въ одно мѣсто собрать и имъ всѣмъ особую опись учинить, а напередъ тѣмъ, которыя съ чюжестранныхъ на русскій переводы“. Предписывалось также описать все имущество и князя Алексѣя Дмитріевича Голицына. Русскимъ переводамъ иностранныхъ книгъ, находящимся у него также велѣно было составить опись и, кромѣ того, сдѣлать краткія изъ нихъ извлеченія. Книги „Макіавеліеву“ и „Бокалинову“ велѣно было непремѣнно отыскать и доставить въ Вышній судъ съ нарочнымъ курьеромъ. Въ томъ же письмѣ писалось Салтыкову: „Надлежитъ смотрѣть, чтобъ ничего утаено и людьми его (Голицына) растащено не было, и для того весьма потребно въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ публи-

ковать: ежели кто имѣетъ какія его, кн. Дмитріевы, пожитки и письма у себя въ сохраненіи, тѣ бъ люди о томъ вашему сіятельству объявили отъ публикованія въ мѣсяцъ, а буде не объявятъ, а послѣ о томъ сыщетца, за то жестоко штрафованы будутъ" [1]).

По отправленіи письма къ Салтыкову, въ Вышній судъ былъ призванъ почтъ-директоръ Ашъ и приказано ему: „ежели черезъ почту откуда получены будутъ письма на имя князя Дмитрія Голицына и брата его, кригсъ-коммиссара князя Михаила, и племянника его князя Петра — Голицыныхъ, — оныя къ нимъ не отдавать, а приносить въ Вышній судъ".

Такимъ образомъ возникли, уже послѣ осужденія князя Д. М. Голицына, два особыхъ дѣла: о его книгахъ и о его перепискѣ. Оба эти дѣла представляютъ очень много любопытныхъ данныхъ какъ для біографіи и характеристики самого князя Дмитрія Михайловича, такъ и для исторіи нравовъ и культуры Русскаго общества первой половины XVIII вѣка. Но прежде, чѣмъ мы познакомимся съ подробностями этихъ дѣлъ, намъ предстоитъ окончить повѣствованіе о грустной судьбѣ самого Д. М. Голицына.

Сопровождавшій Голицына лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Кнутовъ получилъ очень строгую инструкцію. Ему, между прочимъ, предписывалось: „дорогою отъ С.-Петербурга до Шлютельбурха ни кого до Голицына не допускать, чернилъ и бумаги не давать, чтобъ люди его всегда были при немъ". Подъ конвоемъ Кнутова, князь Д. М. Голицынъ препровожденъ въ Шлюссельбургъ 9 января въ 8-мъ часу утра.

Приставомъ къ князю Голицыну въ Шлюссельбургѣ былъ опредѣленъ сержантъ Преображенскаго полка Голенищевъ-Кутузовъ. Инструкція, полученная имъ, предписывала содержать новаго узника весьма строго. Голенищевъ-Кутузовъ долженъ былъ постоянно находиться при Голицынѣ и никогда

---

[1]) Это письмо напечатано въ «Библіогр. Записк.» 1861 г., № XI.

никуда не отлучаться безъ указа. Голицынъ, а равно и прислуга его—не имѣли права выходить изъ назначенныхъ имъ для жилья комнатъ... Привилегіею изрѣдка посѣщать церковь пользовался только одинъ Дмитрій Михайловичъ, прислуга его, записанная въ числѣ вещей, была лишена даже религіознаго утѣшенія. Въ церковь князь Голицынъ могъ являться только тогда, когда въ ней никого постороннихъ не было и притомъ не иначе, какъ подъ крѣпкимъ карауломъ и въ присутствіи сержанта. Такая мѣра принималась для того, „чтобы никто съ нимъ, Голицынымъ, не могъ разговаривать". Съ этою же цѣлью приставу вмѣнялось въ обязанность, во-первыхъ „смотрѣть накрѣпко, чтобы къ нему никто не приходилъ изъ пріѣзжихъ, или проѣзжающихъ", и во-вторыхъ, „за покупкою провизіи посылать солдатъ, а отнюдь не людей Голицына". Всѣ разговоры Голицына съ приставомъ и съ людьми, а также и всѣ рѣчи прислуги, Голенищевъ-Кутузовъ долженъ былъ тщательно записывать, для чего поручено ему вести тайный журналъ, копіи съ котораго присылать въ кабинетъ ея величества. Князю Голицыну и его прислугѣ запрещалось давать чернила и бумагу, а письма, присылаемыя къ нимъ, вмѣстѣ съ людьми, которые ихъ привозили, доставлять также въ кабинетъ. Туда же приставъ долженъ былъ еженедѣльно рапортовать о состояніи князя Голицына и караульной команды.

Инструкція для содержанія князя Голицына въ Шлюссельбургѣ не представляетъ особыхъ строгостей, сравнительно съ инструкціями для содержанія другихъ важныхъ политическихъ арестантовъ того же времени. Всѣ такія инструкціи писались по одному шаблону, ничѣмъ не отличаясь одна отъ другой. Таковы же, напримѣръ, всѣ инструкціи о содержаніи всѣхъ Долгорукихъ въ ихъ мѣстахъ заключенія. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ о Голицынѣ не сохранилось ни тайныхъ журналовъ его пристава Голенищева-Кутузова, ни донесеній этого послѣдняго въ кабинетъ о состояніи узника. Но о характерѣ этихъ журналовъ и донесеній мы можемъ судить по

находящимся въ дѣлахъ о князьяхъ Долгорукихъ донесеніямъ ихъ приставовъ. О жизни изодня-въ-день князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго и его семьи въ Раненбургѣ (1730—1735) велись подробные журналы [1]), таковые же велись и о другихъ заключенныхъ [2]).

Въ Шлюссельбургѣ содержался въ то время другой узникъ, менѣе замѣчательный по своему уму и образованію, чѣмъ тотъ, кому онъ уступилъ мѣсто своего заключенія, но весьма достойный по своимъ нравственнымъ качествамъ, столь рѣдкимъ въ русскихъ дѣятеляхъ XVIII вѣка. Въ Шлюссельбургѣ томится съ 1735 года одинъ изъ весьма видныхъ сподвижниковъ и одинъ изъ рѣдкихъ „супротивниковъ" Петра Великаго — старый фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукой. Консерваторъ и легитимистъ по убѣжденіямъ политическимъ, человѣкъ старо-русскій и православный по воззрѣніямъ, князь Василій Владиміровичъ былъ на-ряду съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ однимъ изъ лучшихъ людей среди московскаго боярства XVII вѣка, — боярства, придавленнаго реформою Петра Великаго. Чуждый лукавства и криводушія, не входившій ни въ какія сдѣлки и „конъюнктуры", онъ дѣйствовалъ всегда на-чистоту, и всегда и вездѣ, не взирая ни на какія обстоятельства, прямо въ глаза говорилъ правду. Онъ былъ честенъ и храбръ, и дѣло у него никогда не расходилось со словомъ. Непричастный олигархическимъ замысламъ своихъ родичей, князей Долгорукихъ, Василія Лукича и Алексѣя Григорьевича, въ 1730 г., князь Василій Владиміровичъ былъ не только по-

---

[1]) См. выше монографію о пребываніи князя С. Г. Долгорукаго въ Раненбургѣ, наст. Сборника, стр. 169—191.

[2]) Такъ напримѣръ, въ еженедѣльныхъ рапортахъ въ Кабинетъ караульныхъ офицеровъ, состоявшихъ въ Ивангородѣ при князѣ Василіѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ (1737 — 1741), находятся краткія отмѣтки о здоровьѣ узника и его прислуги, съ обозначеніемъ сколько заболѣвало и выздоравливало солдатъ изъ караульной команды. Всѣ эти рапорты (числомъ 251) повторяютъ о князѣ В. В. Долгорукомъ и о трехъ его служителяхъ одну и ту же формулу: «обрѣтаются въ добромъ состояніи». (См. дѣло Госуд. арх., разд. VI, № 183).

щаженъ правительствомъ Анны Іоанновны, но даже взысканъ его милостями; но онъ не пошелъ на сдѣлку съ нѣмецкими олигархами точно такъ же, какъ не шелъ на компромиссы со своими родственниками. Онъ глубоко презиралъ всѣхъ вообще Нѣмцевъ и, конечно, не имѣлъ причинъ дѣлать въ этомъ отношеніи исключенія для правительствовавшаго въ то время на Руси нѣмецкаго тріумвирата: Миниха, Остермана и Бирона. Весьма естественно, что онъ былъ изъ-за пустяковъ схваченъ и засаженъ въ Шлюссельбургъ.

Теперь его перевели въ Ивангородъ. 9 января онъ съ прислугою былъ вывезенъ изъ Шлюссельбурга на 16-ти подводахъ, минуя Петербургъ, прямо въ Ивангородъ. Его сопровождалъ съ конвоемъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка поручикъ Короваевъ. „Князя Василья Долгорукаго — читаемъ въ указѣ Сенату 9 января 1747 г. — изъ Шлюссельбурга нынѣ перевесть въ Ивангородъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ противъ прежняго. Ежели тамо для его особыхъ покоевъ нѣтъ, то на время очистить покоя два или три, а будущею весною для его построить три свѣтлицы и одну кухню“ [3]).

Въ то самое время, какъ въ одни ворота Шлюссельбурга вывозили князя Василія Владиміровича Долгорукаго, въ другія — ввозили князя Дмитрія Михайловича Голицына.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ недолго томился въ казематѣ Шлюссельбургской крѣпости. Преклонные годы, усилившаяся хирагра и нравственныя потрясенія, испытанныя имъ во время слѣдствія и суда надъ нимъ — скоро свели его въ могилу. Черезъ три мѣсяца съ небольшимъ послѣ заточенія въ Шлюссельбургѣ онъ скончался. Прахъ его былъ преданъ землѣ въ оградѣ шлюссельбургской Благовѣщенской церкви. Могила князя въ началѣ нынѣшняго столѣтія обозначалась еще простою каменною плитою со слѣдующею скромною надписью (вполнѣ сохраняемъ ея правописаніе): „На семъ месте погребено тѣло князя Дми-

[3]) См. дѣло Госуд. арх., разд. VI, № 189, ч. I, л. 427.

трея Михайловича Голицына, в лето отъ рождества Христова 1737, месяца Апрелйа 14 дня, в четвертокъ светлыя недели, поживе отъ рождения своего 74 года, представился“ [1]).

Въ изложенномъ здѣсь эпизодѣ изъ жизни князя Д. М. Голицына, онъ является далеко не безупречнымъ участникомъ въ дѣлѣ князя К. Д. Кантемира. Своекорыстныя цѣли руководятъ имъ. Онъ вопреки строгой справедливости, обдѣляетъ князя Антіоха Кантемира и укрѣпляетъ майоратъ за менѣе достойнымъ его братомъ Константиномъ, своимъ зятемъ; онъ употребляетъ всѣ средства для того, чтобы зять его вышелъ побѣдителемъ изъ неправой тяжбы съ мачихою; съ этою цѣлью онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и служебнымъ положеніемъ, переводитъ чиновника на службу изъ Москвы въ Петербургъ и поручаетъ ему, подъ видомъ служебныхъ занятій, свои частныя дѣла. Но если заслуживаетъ упрека за эти несправедливыя дѣянія князь Д. М. Голицынъ, то — съ точки зрѣнія высшей морали, а никакъ не съ точки зрѣнія служебной практики русскаго человѣка XVIII вѣка и тѣмъ менѣе съ точки зрѣнія большинства государственныхъ дѣятелей „опаснаго и суетнаго времени“ (выраженіе А. П. Волынского) Анны Іоанновны. Всѣ судьи князя Д. М. Голицына имѣли на себѣ гораздо болѣе черныхъ пятенъ, чѣмъ ихъ подсудимый. Достаточно припомнить служебную дѣятель-

---

[1]) Свѣдѣнія о могилѣ князя Д. М. Голицына заимствованы изъ письма нѣкоего Аѳанасія Суслова къ неизвѣстному. Письмо это хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ и въ извлеченіи сообщено мнѣ А. П. Барсуковымъ. «Во исполненіе его сіятельства графа Николая Петровича (Румянцева) повелѣнія (пишетъ Сусловъ), при шлюссельбургской Благовѣщенской церкви отыскана на плитной доскѣ надпись, которая у сего прилагается. Нынѣ находится внѣ ограды близь часовни. Іюля 17 дня 1806 г.» По всѣмъ извѣстнымъ до этого письма свѣдѣніямъ, днемъ кончины князя Д. М. Голицына почиталось — 14-е апрѣля 1738 г. Этотъ годъ вошелъ во всѣ немногія печатныя біографическія о немъ извѣстія.

ность одного изъ сильнѣйшихъ обвинителей его — того же Волынскаго. Но князь Голицынъ понесъ наказаніе не за свои служебные проступки: они были только весьма плохо измышленнымъ поводомъ для его осужденія. Лично для Анны Іоанновны онъ былъ опасенъ по своимъ политическимъ воззрѣніямъ; для ея нѣмецкаго правительства онъ былъ ненавистенъ за свою русскую національность и „родословность“; для своихъ судей онъ былъ нестерпимъ за его умъ и характеръ. Вотъ въ чемъ заключались настоящія его преступленія, вотъ въ чемъ лежитъ причина его гибели! Судъ и осужденіе князя Д. М. Голицына есть одно изъ звеньевъ въ длинной цѣпи „искорененія“ родословныхъ русскихъ людей въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Ту же участь несутъ другіе Голицины, Долгорукіе и Волынской. Съ ихъ гибелью, ряды „родословныхъ“ русскихъ людей рѣдѣютъ, поколѣнія этихъ людей мельчаютъ и мало по-малу уступаютъ мѣсто людямъ новаго русскаго „шляхетства“, образованнаго изъ лейбъ-компанскихъ и гатчинскихъ солдатъ, съ прибавкою къ нимъ разныхъ голштинско-мекленбургскихъ проходимцевъ.

IV.

Дѣло о книгахъ князя Д. М. Голицына. — Его Архангельская библіотека и ея судьба послѣ осужденія и смерти князя Голицына. — Переписка князя Д. М. Голицына и дѣло о ней. — Князь Мих. Мих. меньшой Голицынъ.

Перехожу теперь къ изложенію дѣлъ о книгахъ и письмахъ князя Голицына, которыя начались послѣ его осужденія и окончились послѣ его смерти.

Салтыковъ немедленно принялъ мѣры относительно описи книгъ князя Голицына, на основаніи указа ему изъ Вышняго суда отъ 9 января 1737 г. 14 января онъ уже рапортовалъ Вышнему суду о томъ, что составлена опись всѣмъ домамъ, деревнямъ, пожиткамъ и книгамъ князей Голицыныхъ, Дмитрія Михайловича и Алексѣя Дмитріевича. Реэстръ книгъ князя Дмитрія Михайловича находящійся въ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ 334 названія. Въ немъ помѣщены только „книги на россійскомъ языкѣ, историческія, гражданскія (т. е. политическія) и протчія свѣтскія рукописныя“. Но этотъ реэстръ далеко не исчерпываетъ всего состава библіотеки князя. Большинство книгъ на иностранныхъ языкахъ осталось неразобраннымъ по слѣдующей причинѣ. Поручикъ Боборыкинъ, на котораго Салтыковъ возложилъ составленіе описи имѣній, пожитковъ и книгъ князя Голицына, рапортовалъ ему 6 февраля, что нѣмецкія книги описываются. „Да въ трехъ сундукахъ — пишетъ далѣе Боборыкинъ — имѣетца отобранныхъ книгъ галанскаго, шпанскаго, аглинскаго, швецкаго языковъ, объ которыхъ имѣющіеся при разборкѣ книгъ переводчики объявили, что они показанныхъ языковъ не знаютъ“. Сочиненій Макіавелли и Боккалини оказалось у князя Голицына гораздо больше, чѣмъ онъ первоначально показалъ: въ теченіе января и февраля было доставлено Салтыковымъ

въ Вышній судъ сочиненій Макіавелли — шестнадцать книгъ, да сочиненій Боккалини — четыре [1]).

Печальна и глубоко поучительна судьба этой нѣкогда знаменитой Архангельской библіотеки, которую собиралъ князь Д. М. Голицынъ, по выраженію современниковъ, „съ великимъ тщаніемъ" въ продолженіи долгихъ лѣтъ. По словамъ В. Н. Татищева, пользовавшагося этою библіотекою, въ ней было „многое число рѣдкихъ и древнихъ книгъ, изъ которыхъ при опискѣ растащено; да и послѣ я по описи многихъ не нашелъ и увѣдалъ, что лучшія бывшій герцогъ Курляндскій (Биронъ) и другіе расхитили" [2]). Въ числѣ этихъ другихъ былъ А. П. Волынской, въ чемъ онъ самъ сознался при допросѣ о Юстѣ Липсіѣ и Боккалини [3]). Часть книгъ князя Голицына хранилась до 1741 года при Канцеляріи конфискаціи. На основаніи именного указа 20 декабря 1737 г., многія изъ нихъ были распроданы разнымъ учрежденіямъ и въ частныя руки. Къ 1740 году русскихъ и нѣмецкихъ книгъ Голицына находилось въ Канцеляріи конфискаціи 2,415 томовъ. По именному указу отъ 5 марта 1740 г., изъ числа этихъ книгъ „внесено въ Кабинетъ россійскихъ 63 книги, да отдано въ С.-Петербургскій Петропавловскій соборъ россійскихъ и нѣмецкихъ 2,197 книгъ"; остальныя хранились въ Канцеляріи конфискаціи до іюня 1741 г. Кромѣ того поступило еще значительное количество книгъ въ Иностранную коллегію. Въ іюнѣ 1741 г. Герольдмейстерская контора обратилась съ прошеніемъ въ Сенатъ передать ей нѣкоторыя книги Голицына изъ отданныхъ въ Кабинетъ и Петропавловскій соборъ". „Между оными — доноситъ Герольдмейстерская контора Сенату—находятся многія и такія книги, которыя Герольдмейстерской конторѣ для имѣющихся въ нихъ, какъ историче-

---

[1]) Переписка о книгахъ князя Голицына съ Салтыковымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ», 1861, № XI.

[2]) Исторія Россійская Татищева, кн. I, ч. I, стр. 62.

[3]) См. мою монографію объ А. П. Волынскомъ, «Древняя и новая Россія» 1877, т. II, стр. 288.

скихъ, такъ родословныхъ и другихъ къ тому принадлежащихъ извѣстій, весьма потребны быть могутъ". 14 іюля Сенатъ, согласившись съ доводами Герольдмейстерской конторы, предписалъ Канцеляріи конфискаціи передать въ контору книги князя Голицына, хранившіяся въ канцеляріи, согласно съ отмѣтками, сдѣланными въ реэстрѣ этихъ книгъ. Но уже всѣ книги были переданы въ Кабинетъ. 16 ноября Сенатъ отнесся въ Кабинетъ съ ходатайствомъ о передачѣ требуемыхъ книгъ въ Герольдмейстерскую контору; но какой исходъ былъ этого ходатайства — изъ имѣющихся у насъ документовъ не видно. Черезъ восемь дней послѣ этого ходатайства совершилось воцареніе Елизаветы Петровны, а вслѣдъ затѣмъ былъ уничтоженъ и самый Кабинетъ. Впрочемъ, есть основанія предполагать, что при Елизаветѣ Петровнѣ книги князя Голицына были возвращены его сыну Алексѣю Дмитріевичу. Этимъ основаніемъ можетъ служить слѣдующій аналогическій фактъ. Библіотека Волынскаго, послѣ его казни въ 1740 г., также была передана въ Канцелярію конфискаціи; часть ея была оттуда куплена Герольдмейстерскою конторою, а затѣмъ всѣ книги Волынскаго, даже купленныя, были, по высочайшему повелѣнію Елизаветы Петровны, возвращены въ 1759 году дочери Волынскаго, графинѣ Марьѣ Артемьевнѣ Воронцовой [1]). Въ настоящее время незначительная часть библіотеки князя Голицына находится въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Извѣстный любитель и знатокъ русской старины, графъ Ѳ. А. Толстой, купилъ случайные клочки этой библіотеки, до 200 томовъ, послѣ московскаго пожара 1812 года. Толстовское собраніе, пріобрѣтенное М. П. Погодинымъ, перешло современемъ въ Императорскую Публичную библіотеку и, такимъ образомъ, хотя незна-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія о книгахъ князя Голицына и Волынскаго заимствованы изъ переписки 1741 года Герольдмейстерской конторы и Сената съ Канцеляріею конфискаціи, доставленной мнѣ въ извлеченіяхъ А. П. Барсуковымъ.

чительная часть библіотеки князя Д. М. Голицына стала достояніемъ государственнаго книгохранилища. Одинъ почтенный библіофилъ и библіографъ сообщалъ мнѣ, что до сихъ поръ попадаются въ Москвѣ, у Сухаревой башни и въ книжныхъ лавкахъ на Никольской, рукописи съ ярлыкомъ: „ex bibliotheca Archangelina“.

---

9 января 1737 г. въ 11-мъ часу утра былъ доставленъ изъ Сената въ Вышній судъ сундукъ съ письмами, взятыми изъ дома князя Д. М. Голицына. Сундукъ былъ присланъ А. П. Волынскимъ, за сенатскою печатью. Цѣлый часъ разсматривали этотъ сундукъ князь Куракинъ, Шепелевъ и Салтыковъ. Вслѣдъ за этимъ сундукомъ въ продолженіи недѣли стали доставляться въ Вышній судъ еще письма князя Голицына. 10 января явился въ Вышній судъ почтъ-директоръ Ашъ и предъявилъ полученныя черезъ почту два письма къ князю Дмитрію Михайловичу отъ сыновей его, князей Алексѣя и Сергѣя. Письма эти понесъ князь Куракинъ Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица указала: „съ письма князь Сергѣя списавъ копію, взнесть къ ея императорскому величеству“. Письмо это было переслано Казанскимъ губернаторомъ княземъ Сергѣемъ Дмитріевичемъ Голицынымъ черезъ брата его, князя Алексѣя. Оно любопытно какъ для характеристики тогдашняго состоянія русскаго центральнаго управленія и казанскаго чиновничества, такъ и для опредѣленія тѣхъ отношеній, которыя существовали между княземъ Д. М. Голицынымъ и его взрослыми сыновьями. Вотъ это письмо:

„Батюшка, государь князь Дмитрей Михайловичь, многолѣтно здравствуй, а я, Слава Богу, живъ. При возвращеніи отсюда присланнаго изъ Каморъ-коллегіи салдата, не хотѣлъ того упустить, дабы къ вамъ, государь, не писать; и уже по пріѣздѣ моемъ пятое или шестое писмо пишу, а отъ васъ, государь батюшка, ни строки не вижу, какъ изъ Мос-

квы поѣхалъ, и не могъ тому притчины понять. Отсюда, государь, иного къ доношенію не имѣю, кромѣ что въ великихъ, государь, хлопотахъ нахожуся во отправленіи дѣлъ, и подъячія всѣ разтащены къ Хрущову и другимъ, а нынѣ еще именнымъ указомъ Волынской тамже беретъ, и стало некимъ ничего дѣлать. Я и въ Сенатъ уже дважды о томъ писалъ и расходы имъ показалъ; токмо знаю, государь, что всуе. Я покорно, государь батюшка, прошу ежели бы можно сыскать изъ нарочитыхъ канцеляристовъ хоть двухъ въ секретари въ Казань изъ Каморъ-коллегіи, къ чему и охотники сыщутся, и сами себѣ отпускъ и свободу выходить могутъ и ко мнѣ отписать; я бы объ нихъ прислалъ доношеніе, ибо здѣсь всѣхъ секретарей четыре, и въ тѣхъ токмо одного живаго почесть, а другіе негодятца. Въ протчемъ остаюсь сынъ вашъ Сергѣй, благословенія прошу. Казань, 3 декабря, 1736 года".

Въ дѣлѣ о судѣ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ сохранилось также нѣсколько писемъ старшаго его сына Алексѣя и жены послѣдняго, княгини Аграфены Васильевны. Всѣ эти письма весьма кратки и общи по содержанію, что естественно объясняется временемъ ихъ писанія. Они относятся къ январю 1737 года, когда не только дѣло изъ-за Перова, къ которому былъ привлеченъ и князь Алексѣй Голицынъ, находилось въ полномъ разгарѣ, но и самъ князь Алексѣй, о чемъ рѣчь будетъ ниже, содержался подъ арестомъ въ Москвѣ. Изъ писемъ его видно, что ни онъ, ни его жена не знали о заключеніи князя Дмитрія Михайловича Голицына въ Шлюссельбургъ. Привожу одно изъ этихъ писемъ отъ 11 января 1737 года, для образца:

„Батюшка государь, князь Дмитрей Михайловичь, многолѣтно здравствуй! Иного донести не имѣю: слава Богу въ добромъ здоровьи. Приложенное писмо кстати пошлю — завтре почта пойдетъ. Сынишка вашъ Алексѣй, благословенія вашего желая". Затѣмъ слѣдуетъ собственноручная приписка его жены: „При семъ остаюсь, государь батюшка,

сноха ваша княгиня Аграфена, благословенія вашего желая".

11 января содержавшій караулъ въ домѣ князя Д. М. Голицына, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка сержантъ Алексѣй Дурновъ подалъ въ Вышній судъ доношеніе, въ которомъ сообщалъ, что въ домѣ Голицына, въ „колымажкѣ" усмотрѣны невѣдомо какія письма и что эти письма сожжены прислугою князя Голицына. Адмиралъ графъ Головинъ „взнесъ это доношеніе къ ея величеству", и Анна Іоанновна указала: „изслѣдовать о томъ генералу Ушакову". Началось особое дѣло въ Тайной канцеляріи о письмахъ князя Голицына. На другой день, 12 января, Дурновъ рапортовалъ Вышнему суду о новой находкѣ писемъ. На этотъ разъ они найдены караульнымъ Перова (все еще содержавшагося подъ арестомъ въ домѣ Голицына) въ отхожемъ мѣстѣ. Эти письма, запечатанныя печатями совѣтника Камеръ-конторы Юрія Голенищева-Кутузова, производившаго опись имущества князя Голицына, и Дурнова, переданы въ Вышній судъ. 14 января опять былъ найденъ какой-то ящичекъ съ письмами.

Началась разборка всѣхъ этихъ писемъ. 14 января между ними найдены были: „двѣ цифирныя азбуки, черезъ которыя происходитъ корешпанденція, и писанное въ скрытыхъ рѣчахъ письмо, въ которомъ упоминается о вступленіи нѣкотораго сына въ супружество". Этотъ намекъ пока остается невыясненнымъ. Быть можетъ, дѣло идетъ о семейныхъ отношеніяхъ князя Голицына или его родственниковъ; быть можетъ, онъ касается какихъ нибудь родовитыхъ русскихъ фамилій того времени, которыхъ опасалось нѣмецкое правительство Анны Іоанновны; быть можетъ, рѣчь идетъ о предполагавшейся свадьбѣ сына Бирона, Петра, съ племянницею императрицы, Анною Леопольдовною, или же о какомъ нибудь иностранномъ нѣмецкомъ принцѣ. Какъ бы то ни было, но намекъ этотъ могъ быть отнесенъ къ тогдашнимъ „конъюнктурамъ" по престолонаслѣдію въ Русскомъ государствѣ, очень озабочивавшимъ правительство и, быть можетъ, былъ въ связи съ ходившими въ то время въ обществѣ слухами

о замыслахъ князей Долгорукихъ и Нарышкина въ пользу Елизаветы Петровны. Какъ о заботахъ по престолонаслѣдію, такъ равно и о различныхъ слухахъ, распространявшихся въ обществѣ, я упоминалъ довольно подробно въ монографіяхъ объ А. П. Волынскомъ[1]) и о князѣ И. А. Долгорукомъ[2]); поэтому для избѣжанія повтореній, прошу читателя настоящей моей статьи заглянуть въ эти монографіи, а здѣсь прибавлю только фактъ подтверждающій выставленную выше догадку. 24 января 1737 года почтъ-директоръ Ашъ представилъ въ Вышній судъ три конверта съ адресами на французскомъ языкѣ, на имя генералъ кригсъ-коммисара, князя Михаила Михайловича Голицына и племянника его, камергера князя Петра Михайловича. Эти письма были получены изъ „нѣмецкихъ краевъ" отъ Семена Кирилловича и Петра Кирилловича Нарышкиныхъ. Письма были, по приказанію Анны Іоанновны, сожжены въ томъ же засѣданіи Вышняго суда, 24 января. Очевидно правительство доискивалось сношеній русскихъ вельможъ съ Нарышкиными, жившими въ то время за границей. Переписка князя Михаила Голицына и его племянника, князя Петра послужила, между прочимъ, однимъ изъ поводовъ къ ихъ обвиненію. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Какъ видитъ читатель, переписка князя Д. М. Голицына, поступившая изъ разныхъ мѣстъ въ Вышній судъ, была очень обширна. Для подробнаго разсмотрѣнія этой переписки канцелярія Вышняго суда оказалась слишкомъ малочисленна, вслѣдствіе чего 19 января и состоялось постановленіе Вышняго суда слѣдующаго содержанія: „Взятыхъ изъ дома князя Дмитрея Голицына письмъ, за множествомъ оныхъ и за малолюдствомъ приказныхъ служителей, описать вскорѣ невозможно, для того приказали: для разобранія и описи тѣхъ писемъ взять въ Вышній судъ изъ портовой таможни канцеляристовъ 2-хъ, копіистовъ 2-хъ же".

---

[1]) «Древняя и Новая Россія» 1877, т. II, стр. 277—284 и слѣдующ.

[2]) См. наст. Сборникъ, выше, стр. 130—131.

Но эта масса писемъ не дошла до насъ. Куда она исчезла—неизвѣстно. Письма—не книги. Эти клочки бумаги, очень можетъ быть, пошли на обертку и на подклейку. Многія же изъ нихъ, по всей вѣроятности, были сожжены, по примѣру писемъ Нарышкиныхъ къ кн. М. М. Голицыну. Издано изъ переписки князя Дмитрія Михайловича, сравнительно съ другими государственными дѣятелями XVIII вѣка, весьма немного, и изданное имѣетъ оффиціальный характеръ, а не частный, интимный. Его письма могли еще сохраниться у разныхъ лицъ, къ кому они писаны, но письма къ нему — уцѣлѣли только благодаря счастливой случайности. Въ Государственномъ архивѣ сохранилось только пять писемъ князя Дмитрія Михайловича, а именно: три письма къ архимандриту Кіево-печерской лавры Іоаникію Сенютовичу (два 1715 и одно 1718); одно письмо къ правителю дѣлъ Верховнаго тайнаго совѣта, В. С. Степанову (1727) и одно письмо къ зятю, князю К. Д. Кантемиру (1729). Письма къ князю Д. М. Голицыну, находящіяся въ дѣлѣ о немъ, весьма немногочисленны и всѣ относятся только ко времени суда надъ нимъ (съ конца 1736 до начала 1737). Кромѣ приведенныхъ выше писемъ князей Сергѣя и Алексѣя Голицыныхъ и жены послѣдняго, княгини Аграфены Васильевны, въ числѣ ихъ находится нѣсколько писемъ морскаго офицера Ив. Черевина, по частнымъ его дѣламъ.

Дѣло о письмахъ князя Голицына, по доношенію сержанта Дурнова, какъ сказано выше, было передано 11 января въ Тайную канцелярію. Исполнительный и аккуратный А. И. Ушаковъ произвелъ въ тотъ же день допросы подъячему Семенову, людямъ Голицына и другимъ прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ. Даже по мнѣнію Ушакова, проступки всѣхъ обвиненныхъ лицъ были не важны, потому что письма, сожженныя ими, оказались „деревенскія“, т. е. по хозяйственнымъ дѣламъ Голицына, не заключавшія въ себѣ ничего политическаго. Въ докладѣ, представленномъ Вышнему суду 12 января, Ушаковъ заявляетъ, что „письма

ими (людьми князя Голицына) не объявлены и сожжены простотою и оплошностью ихъ, безумышленно". Но Вышній судъ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ превзошелъ своею подозрительностью и жестокостью самого Андрея Ивановича Ушакова, и опредѣлилъ: подъячего Семенова и человѣка Голицына Стринкина содержать въ крѣпости до окончательнаго разсмотрѣнія и приведенія въ извѣстность переписки Голицына; прочихъ людей, прикосновенныхъ къ дѣлу, бить батогами и держать подъ карауломъ въ домѣ Голицына до будущаго о всѣхъ его людяхъ опредѣленія. Замѣшанъ былъ въ это дѣло и священникъ домовой Никольской церкви князя Д. М. Голицына, попъ Петръ Семеновъ. Его велѣно было для наказанія препроводить въ Синодъ. Этимъ однако не кончилось дѣло. По мѣрѣ разборки переписки князя Д. М. Голицына, оно все болѣе и болѣе разгоралось, захватывая новыя обстоятельства и новыхъ личностей, уже сосланныхъ по участію ихъ въ мнимыхъ государственныхъ преступленіяхъ Голицына. Оно окончилось только наканунѣ новаго 1738 года.

Доношенія Дурнова и допросы, произведенные Ушаковымъ 11 января 1737, прежде всего, знакомятъ насъ съ интересною личностью домашняго секретаря князя Д. М. Голицына, подъячаго Емельяна Семенова. Подъячій Семеновъ былъ сынъ также подъячаго, жившаго и служившаго во Псковѣ. Отецъ Семенова умеръ, оставивъ сына малолѣтнимъ. Въ 1713 году его взялъ къ себѣ Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ, бывшій въ то время оберъ-комендантомъ въ Нарвѣ, для занятій въ канцеляріи. Оцѣнивъ способности и расторопность молодаго канцеляриста, Нарышкинъ не разставался съ Семеновымъ до самой своей смерти. Семеновъ находился при немъ постоянно во время его губернаторства въ Москвѣ, съ 1716-го года, ѣздилъ съ нимъ въ 1717—1718 г.г. въ Петербургъ, гдѣ и велъ всѣ дѣла Нарышкина по его служебнымъ непріятностямъ. Въ 1719 г. велѣно было Семенова въ числѣ другихъ излишнихъ приказныхъ служителей выслать изъ Москвы въ Петербургъ для опредѣленія къ дѣламъ въ Камеръ-коллегію,

но Нарышкинъ не отпускалъ его отъ себя. Онъ выхлопоталъ ему медицинское свидѣтельство, вслѣдствіе чего Семеновъ, за болѣзнію, былъ оставленъ въ Москвѣ. По смерти Нарышкина, Семеновъ поступилъ въ домъ къ князю Михаилу Михайловичу Голицыну младшему, женатому на дочери Кирилла Алексѣевича Нарышкина. Михаилъ Михайловичъ Голицынъ рекомендовалъ Семенова брату, Дмитрію Михайловичу, какъ человѣка, умѣющаго хорошо писать и читать книги. Съ 1725 г. вслѣдствіе этой рекомендаціи, сталъ Семеновъ бывать у Д. М. Голицына и списывать у него на дому копію съ родословной книги князей Голицыныхъ. Кромѣ того, онъ былъ чтецомъ у Дмитрія Михайловича. Самъ Семеновъ утверждаетъ, что онъ читалъ Голицыну только церковныя книги, но, по удостовѣренію лакея князя Голицына, Петра Стринкина, человѣка тоже весьма грамотнаго, — Семеновъ читалъ Голицыну не однѣ только церковныя книги, но и другія. Степень образованности Семенова и его ороографическое искусство Стринкинъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Оной Семеновъ и по-латынѣ писать умѣетъ, о чемъ онъ, Стринкинъ, отъ самого Семенова слыхалъ; также въ партикулярныхъ того Семенова письмахъ видалъ, что и на полууставное письмо его походитъ. Токмо же полатынѣ, такожъ и на россійскомъ діалектѣ полууставомъ, Голицыну оный Семеновъ, что́ писывалъ ли, того онъ, Стринкинъ, не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыхалъ“.

Въ 1732 г. Семеновъ пріѣхалъ съ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ изъ Москвы въ Петербургъ, и тогда Дмитрій Михайловичъ взялъ его совсѣмъ къ себѣ въ домъ и „содержалъ его въ милости“. „Съ того времени— показываетъ самъ Семеновъ—онъ при немъ и жилъ и списывалъ у того кн. Дмитрея Голицына со всякихъ исторій скорописнымъ и уставнымъ письмомъ, которое походитъ на полууставное письмо, а съ какихъ именно исторій списывалъ, того именно не упомнитъ. Да и дѣтямъ онаго Голицына, князю Сергію и князю Алексѣю, по приказу его писывалъ

о домашнихъ нуждахъ, а о какихъ—не упомнитъ. А окромѣ онаго, другаго ничего у того князя Голицына онъ не писывалъ и по латынѣ писать онъ не умѣетъ, токмо самоучкою можетъ онъ написать и прочесть нѣкоторыя латинскія литеры".

Лакей князя Д. М. Голицина, Петръ Стринкинъ, былъ вторымъ домашнимъ секретаремъ князя. Онъ писалъ ему менѣе важныя письма—къ сыновьямъ, князю К. Д. Кантемиру и другимъ лицамъ. Писалъ онъ очень красиво по тому времени и совершенно правильно. Изъ дворовыхъ кн. Д. М. Голицына было много людей грамотныхъ, что видно изъ собственноручныхъ подписей ихъ подъ показаніями въ судѣ.

Весьма интересны подробности дѣла о письмахъ князя Голицына, находящіяся въ доношеніи Дурнова и въ слѣдствіи тайной канцеляріи. Вотъ эти подробности.

На другой день послѣ отправленія кн. Д. М. Голицына въ Шлюссельбургъ, 10 января, его осиротѣлая прислуга стала осматривать всѣ комнаты въ домѣ. Одинъ изъ лакеевъ, Василій Ивановъ нашелъ въ пустой нежилой палатѣ, въ „парташезѣ"—„незнамо какія письма". Ихъ было пять связокъ. Писаны они были въ тетрадяхъ, обернуты бѣлою бумагою и перевязаны мочаломъ. Василій Ивановъ немедленно передалъ о своей находкѣ Стринкину.

„При взятьѣ изъ дому нашего другихъ писемъ (увезенныхъ генералъ-полиціймейстеромъ Салтыковымъ), знатно, не объявлено, надобно ихъ взять да куда нибудь бросить"—замѣтилъ Василій Ивановъ.

Стринкинъ ничего ему не отвѣчалъ, но сообщилъ обо всемъ караульному ефрейтору Подъяворскому.

11 января рано утромъ Василій Ивановъ повторилъ Стринкину свои соображенія о найденныхъ письмахъ и утверждалъ, что ихъ непремѣнно надобно куда нибудь бросить или сжечь. Тогда Стринкинъ пошелъ въ палату, въ которой жилъ крестовый попъ Петръ Семеновъ. У попа находились въ то время подъячій Семеновъ и два человѣка князя Голицына—Леонтій Ремезовъ и Иванъ Андреевъ.

Стринкинъ заявилъ Семенову о находкѣ Василья Иванова.

— „Куда ихъ дѣвать, развѣ сжечь“—отвѣчалъ на это Семеновъ.

Вслѣдъ затѣмъ подъячій Семеновъ, въ сопровожденіи Стринкина, Ремезова и Андреева, отправился въ пустую палату и всѣ пять связокъ писемъ принесли въ комнату крестоваго попа Петра.

— „Тѣ письма деревенскія“—сказалъ Семеновъ на вопросъ Стринкина.

„А подлинно-ль деревенскія, или другія какія, того не знаю—показывалъ на допросѣ Стринкинъ,—потому что тѣхъ писемъ самъ никогда не смотрѣлъ“.

Письма были брошены въ комнатѣ священника въ печь. Семеновъ послалъ Ремезова и Андреева за дровами и лучиною. Когда они принесли то и другое, онъ велѣлъ затопить печь жившему у попа Петра малолѣтнему племяннику его, Егору Васильеву. Въ это время Стринкинъ незамѣтно вышелъ.

Вскорѣ явился въ палату, гдѣ были найдены письма, сержантъ Дурновъ съ ефрейторомъ Подъяворскимъ. „Парташезъ“ былъ пустъ, въ немъ не было уже писемъ.

— „Какъ же ты объявилъ мнѣ, что есть здѣсь письма? вскричалъ Дурновъ, обращаясь къ Подъяворскому послѣ осмотра пустаго „парташеза“.

Дурново отправился въ комнату попа Петра.

— „Не бралъ ты писемъ изъ парташеза?“—спросилъ онъ подъячаго Семенова.

— „Нѣтъ, не бралъ,—отвѣчалъ Семеновъ —а взялъ письма и бросилъ ихъ въ печь Стринкинъ“.

Въ то время печь уже ярко растопилась, и письма пылали въ огнѣ. Огонь немедленно потушили и обгорѣлыя письма забралъ сержантъ Дурновъ. Стринкинъ, Емельянъ Семеновъ, попъ Петръ Семеновъ съ племянникомъ и люди князя Голицына: Василій Ивановъ, Ремезовъ и Андреевъ были арестованы и взяты въ Тайную канцелярію вмѣстѣ съ обгорѣлыми письмами.

Въ Тайной канцеляріи больше всѣхъ допрашивали Петра Стринкина и Емельяна Семенова. И того и другаго, для вымогательства отвѣтовъ, били батогами. Стринкинъ, разсказавъ вышеприведенныя подробности, отрицалъ свой доносъ ефрейтору Подъяворскому. Семеновъ сначала во всемъ запирался, но потомъ, подъ батогами, подтвердилъ показаніе Стринкина. Послѣ этого признанія, Семенова привели въ застѣнокъ и подняли на дыбу, но съ дыбы онъ не сказалъ ничего новаго. Попъ Петръ сначала ничего не сообщалъ, и только послѣ очной ставки съ подъячимъ Емельяномъ Семеновымъ и людьми князя Голицына, сознался въ томъ, что присутствовалъ при сожженіи писемъ.

Изъ писемъ удалось только разобрать весьма немного— остальныя были обожжены до того, что ничего нельзя было разобрать; нѣкоторыя же совершенно истлѣли.

13 января императрица Анна Іоанновна повелѣла допросить о письмахъ князя Голицына подъячаго Семенова „крѣпче", т. е. съ болѣе сильною пыткою: какія письма и кому писалъ Семеновъ отъ Д. М. Голицына, и кто находился въ перепискѣ съ нимъ? Вотъ что прежде всего желали узнать.

18 января Семеновъ показалъ съ розыска, что въ 1735 году писалъ князю Д. М. Голицыну изъ Персіи генералъ Левашевъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, и именно о женитьбѣ своего сына. Сынъ Левашева хотѣлъ жениться на дочери Алексѣя Кирилловича Зыбина, находившагося подъ гнѣвомъ императрицы; Левашевъ просилъ князя Голицына отвращать сына отъ этой женитьбы. Левашевъ переписывался часто съ княземъ Голицынымъ и пересылалъ его письма къ его сыну Сергѣю Дмитріевичу, бывшему тогда посломъ въ Персіи.

16 февраля Семеновъ далъ важное показаніе о существованіи у князя Михаила Михайловича Голицына меньшаго условной азбуки, составленной лѣтъ десять назадъ (около 1727 года). У Семенова сохранялась эта азбука, копію съ которой онъ представилъ въ Тайную канцелярію. Только 11 мая

доложилъ Ушаковъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о вышеизложенныхъ показаніяхъ Семенова. Императрица повелѣла допросить объ условной азбукѣ самого князя Михаила Михайловича Голицына. Въ то время онъ, уже пострадавшій по дѣлу своего брата, находился на службѣ въ Тавровѣ, городѣ Воронежской губерніи.

Князь Михаилъ Михайловичъ меньшой Голицынъ, младшій сынъ князя Михаила Андреевича, былъ на 19-ть лѣтъ моложе брата своего князя Дмитрія Михайловича. Онъ родился въ 1684 г., былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Марьѣ Дмитріевнѣ Головиной († 1721), во второй разъ на Татьянѣ Кирилловнѣ Нарышкиной († 1757). Первый бракъ былъ бездѣтенъ. Отъ втораго онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей и двухъ дочерей. Въ 1703 г. кн. Михаилъ Михайловичъ зачисленъ въ морскую службу и посланъ Петромъ Великимъ въ Голландію для обученія морскому дѣлу. При Петрѣ II, будучи капитанъ-командоромъ, занималъ должность президента Юстицъ-коллегіи, а съ 1732 г. былъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ Адмиралтейцъ-коллегіи. Въ Тавровѣ находился до начала 1740 г., а затѣмъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань [1]).

20 мая 1737 года явился къ нему изъ тайной канцеляріи сержантъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Данила Плещеевъ и снялъ съ него допросъ. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ показалъ слѣдующее: 1) сколько можетъ припомнить, этою азбукою переписывался онъ не десять лѣтъ тому назадъ, какъ утверждаетъ Семеновъ, а около двадцати лѣтъ, именно со своею покойною женою, живя въ Голландіи, куда былъ посланъ въ 1708 году; подробностей, за многопрошедшимъ временемъ, припомнить не можетъ; 2) азбука эта состоитъ въ слѣдующемъ: „подъ каждою россійскою литерою подписаны тѣ слова, что̀ значатъ“, но значеніе этихъ условныхъ литеръ теперь онъ припомнить не можетъ; 3) кромѣ

---

[1]) См. кн. Долгорукаго, «Рос. Родосл. Кн.» I, 291; Берха. «Жизнеоп. Рос. адм.», III, 75—125.

какъ съ женою, онъ ни съ кѣмъ такою азбукою не переписывался. Тайнопись касалась только того что „надлежитъ женѣ къ мужу, а мужу къ женѣ, дабы и въ домѣ нихто не прочиталъ, понежѣ жена не одна въ домѣ жила“. 4) По прибытіи изъ Голландіи въ Россію въ 1715 году, онъ ни съ кѣмъ цифрою не переписывался.

Въ мартѣ и въ апрѣлѣ того же 1737 года производились новые допросы людей князя Д. М. Голицына. Всѣ его люди были уже въ то время отосланы въ Военную коллегію для опредѣленія въ службу и многіе изъ нихъ были уже зачислены въ петербургскій гарнизонъ. 6 апрѣля тѣ изъ нихъ, которые оказались причастными къ дѣлу о письмахъ, найденныхъ въ „парташезѣ“, были наказаны батогами и снова отправлены въ гарнизонную канцелярію. 30 декабря состоялся наконецъ высочайшій указъ о подъячемъ Емельянѣ Семеновѣ и Петрѣ Стринкинѣ. Ихъ велѣно было „бить плетьми, а по учиненію того наказанія для написанія въ солдаты изъ Тайной канцеляріи отослать въ Военную коллегію“. Приговоръ этотъ былъ исполненъ 31 декабря 1737 г.

V.

Судьба лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу князя Д. М. Голицына.—Сынъ его, князь Ал. Дм. Голицынъ, братъ—князь Мих. Мих. меньшой Голицынъ и племянникъ, князь Петръ Мих. Голицынъ—П. Засѣцкій, С. Кафтыревъ и П. Мельгуновъ.—Лукьянъ Перовъ.—Смягченіе участи князей Голицыныхъ Анной Леопольдовной и прощеніе ихъ императрицей Елизаветой Петровной.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ остальныхъ участниковъ въ дѣлѣ князя Кантемира, привлеченныхъ къ отвѣтственности передъ Вышнимъ судомъ.

Сынъ Д. М. Голицына, князь Алексѣй Дмитріевичъ Голицынъ, служившій въ то время, какъ мы видѣли, судьею въ московскомъ Судномъ приказѣ, былъ допрошенъ въ Москвѣ С. А. Салтыковымъ, 2 января 1737 года и арестованъ тамъ же 28 января. Кромѣ его участія въ дѣлѣ о переводѣ Перова на службу въ Петербургъ и о награжденіи его чиномъ, князя Алексѣя Голицына допрашивали о библіотекѣ кн. Дмитрія Михайловича и о количествѣ деревень его отца и его собственныхъ. Онъ былъ лишенъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и „написанъ пропорщикомъ въ Кизлярскій гарнизонъ". Имѣнія его были конфискованы. Имущество жены князя Алексѣя Голицына, Аграфены Васильевны, рожденной Салтыковой (она была дочь одного изъ членовъ Вышняго суда, графа Василья Өеодоровича Салтыкова), было спасено по ходатайству ея отца. По его же старанію, ей предложено было на выборъ слѣдовать въ ссылку за мужемъ, или остаться въ Москвѣ. Она избрала первое.

Вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ Голицынымъ были также допрошены и сослуживцы его по Судному приказу, но наказанію никто изъ нихъ не подвергнутъ.

Кромѣ князя Алексѣя Голицына, подпали судебной карѣ ближайшіе родственники князя Дмитрія Михайловича: братъ, князь Михаилъ Михайловичъ меньшой, генералъ-кригсъ-ком-

мисаръ, и племянникъ, камергеръ князь Петръ Михайловичъ, сынъ умершаго Михаила Михайловича Голицына-старшаго (фельдмаршала). Малолѣтнихъ дѣтей какъ фельдмаршала Голицына, такъ и Михаила Михайловича меньшаго оставили въ покоѣ.

Самому князю Михаилу Михайловичу Голицыну меньшому правительство Анны Іоанновны не могло простить участія въ дѣлѣ ограниченія самодержавной власти императрицы: онъ былъ однимъ изъ „депутатовъ", посланныхъ верховниками въ Митаву съ „пунктами". Кромѣ того, онъ былъ скомпрометированъ перепискою съ Нарышкиными, о чемъ уже говорено выше. Михаилъ Михайловичъ былъ сосланъ въ Тавровскую крѣпость „къ строенію судовъ". Уже во время пребыванія его тамъ, какъ мы видѣли, всплыли наружу тайныя его письма изъ Голландіи. Виновность камергера князя Петра Михайловича Голицына, кромѣ его заграничной переписки съ Нарышкиными, опредѣлялась семейными его неладами съ мачихою. Кн. Петръ Михайловичъ Голицынъ былъ сынъ отъ первой жены фельдмаршала, княгини Авдотьи Ивановны, рожденной Бутурлиной. Вторая жена его отца, вдовствующая кн. Голицына, была родная сестра одного изъ судей надъ княземъ Д. М. Голицынымъ — кн. Александра Борисовича Куракина. Кн. Куракинъ, поддававшійся постоянно стороннимъ вліяніямъ и всегда бывшій игрушкою въ рукахъ различныхъ царедворцевъ, легко могъ „порадѣть родному человѣчку"—своей сестрицѣ. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ былъ посланъ „управителемъ" въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ сибирскихъ городовъ—Нарымъ, съ лишеніемъ чиновъ и камергерскаго званія. Въ приговорѣ о немъ сказано глухо, что онъ ссылается „за непорядочные его при ея величества дворѣ поступки".

Президентъ Камеръ-коллегіи Степанъ Лукичь Вельяминовъ и той же коллегіи совѣтникъ Богданъ Аладьинъ и ассесоръ князь Андрей Щетининъ — Вышнимъ судомъ оправданы, „понеже (сказано въ приговорѣ), они о происках князей Голицыныхъ неизвѣстны".

Вицепризидентъ Камеръ-коллегіи Петръ Засѣцкій, ассесоръ Степанъ Кафтыревъ (родственникъ кн. Д. М. Голицына по его матери) и прокуроръ Петръ Мельгуновъ—подверглись слѣдующимъ наказаніямъ. У Засѣцкаго отнятъ одинъ чинъ на мѣсяцъ, втеченіе котораго опредѣлено присутствовать ему въ Камеръ-коллегіи въ совѣтничьей должности, а по прошествіи мѣсяца онъ возстановлялся въ своихъ прежнихъ чинѣ и должности, кромѣ того, онъ оштрафованъ годовымъ своимъ содержаніемъ, „понеже все то производилъ онъ, угождая имъ, Голицынымъ“. Кафтыревъ лишенъ чина и должности на два мѣсяца; сверхъ того взятъ съ него штрафъ, равный двойному окладу его годоваго жалованья, потому что „вина его всѣхъ больше, и во всемъ томъ дѣлѣ онъ, Кафтыревъ, начинателемъ и производителемъ былъ“. Прокуроръ Мельгуновъ былъ отставленъ отъ прокурорской должности и получилъ отъ имени ея величества „репримантъ“. Такое слабое наказаніе Мельгунову было учинено во вниманіе къ его долговременной безпорочной службѣ. Мельгуновъ служилъ въ гвардіи 30 лѣтъ, съ солдата до капитана, и принимая дѣятельное участіе въ сраженіяхъ, былъ нѣсколько разъ раненъ.

Президентъ Вотчинной коллегіи Александръ Тимоѳеевичъ Ржевской обвинялся въ сообщеніи князю Д. М. Голицыну экстракта изъ доводовъ княгини Настасьи Кантемиръ. Экстрактъ этотъ былъ полученъ Ржевскимъ отъ фельдмаршала кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго (отца княгини Кантемиръ) и переданъ Голицыну „якобы по приказу Трубецкаго“. Членъ Вышняго суда Салтыковъ настаивалъ, чтобы „Ржевскаго изъ президентовъ отставить и написать въ гарнизонную службу со умаленіемъ ранга, чтобы впредь другихъ таковыхъ бездушествъ чинить было неповадно“; но большинство, соглашаясь со мнѣніемъ А. П. Волынскаго, постановило: Ржевскому вѣдаться судомъ съ фельдмаршаломъ Трубецкимъ.

Сенаторъ В. Я. Новосильцевъ и директоръ Полицiймейстерской конторы А. П. Баскаковъ, которымъ князь Д. М. Голицынъ читалъ свои мнѣнiя по дѣлу княгини Кантемиръ, были единогласно оправданы.

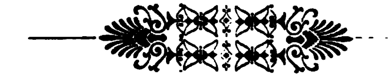
Князь К. Д. Кантемиръ обвинялся въ своевольномъ распоряженiи рядовыми и сержантами своей роты для партикулярныхъ службъ. Но ни онъ, ни солдаты его роты ни какому наказанiю подвергнуты не были, за недоставленiемъ одного изъ нихъ, Кондырева, переведеннаго на службу въ Украинскiй корпусъ капитаномъ. Опредѣленiе всѣмъ имъ наказанiя отложено до его доставленiя.

Подверглись также отвѣтственности по суду разные секретари Сената и Камеръ-коллегiи. Всѣхъ меньше изъ нихъ пострадалъ самъ Лукьянъ Перовъ, купившiй свою свободу извѣтомъ на князя Д. М. Голицына.

„Перову (читаемъ въ приговорѣ о немъ Вышняго суда) надлежало учинить жестокое наказанiе, и чины и имѣнiе у него отнять; но понеже онъ, Перовъ, въ томъ своемъ погрѣшенiи съ чистою совѣстью принесъ повинную — учинить ему легкiй штрафъ: лишить его секретарскаго чина и, написавъ въ копеисты, опредѣлить къ дѣламъ, куда ея императорское величество соизволитъ, а отъ прочаго наказанiя, для вышеписанныхъ резоновъ, освободить; а при освобожденiи его ему объявить: хотя ея императорское величество ту вину ему всемилостивѣйше упущать и соизволитъ, однакожъ чтобъ онъ, Перовъ, впредь такихъ неправдъ чинить отнюдь не дерзалъ“.

Участь князей Голицыныхъ была смягчена правительницею Анною Леопольдовною, дозволившею имъ жить безвыѣздно въ возвращенныхъ имъ деревняхъ, окончательно освобождены они изъ ссылки только при Елизаветѣ Петровнѣ. Князь Алексѣй Дмитрiевичъ Голицынъ пожалованъ сенаторомъ и достигъ чина дѣйств. тайнаго совѣтника, получивъ,

кромѣ своихъ имѣній, всѣ имѣнія брата Сергѣя Дмитріевича [1]), Кн. Алексѣй умеръ въ 1768 г. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ младшій продолжалъ съ честью службу по флоту, достигши высшаго морскаго чина—генералъ-адмирала, и умеръ въ глубокой старости, въ 1764 г. Князя Петра Михайловича Голицына долго не могли отъискать въ Нарымѣ, потому что въ Тайной канцеляріи не нашлось указа о ссылкѣ его въ этотъ городъ. Онъ умеръ въ 1760 г., въ чинѣ генералъ-поручика и въ должности шталмейстера.

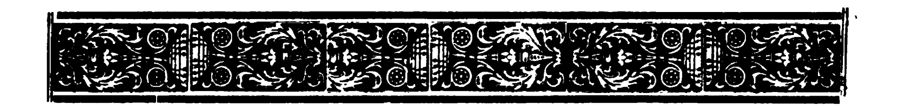
[1]) Казанскій губернаторъ кн. С. Д. Голицынъ былъ убитъ громомъ, во время охоты, въ окрестностяхъ Казани, 1 іюля 1738 г. Къ дѣлу онъ привлеченъ не былъ.

VII.

Артемій Петровичъ Волынской

и

ЕГО „КОНФИДЕНТЫ“.

АРТЕМІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛЫНСКОЙ

И ЕГО „КОНФИДЕНТЫ“ [1].

Въ 30-ю годовщину славной Полтавской баталіи, 27-го іюня 1740 года, съ самаго ранняго утра массы народа стали наполнять Сытный рынокъ, близь Петропавловской крѣпости, на Петербургской сторонѣ. Въ то время это было мѣсто публичныхъ казней, и народъ спѣшилъ на кровавое зрѣлище. Въ манифестѣ, объявленномъ наканунѣ, „нѣкоторые важные злодѣи“, на казнь которыхъ стремился народъ, не были названы по именамъ, но всякій очень хорошо зналъ эти имена, по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ нихъ. То были: оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волынской, гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, оберъ-штеръ-кригсъ-комиссарь Ѳеодоръ Ивановичъ Соймоновъ, президентъ Коммерцъ-коллегіи графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, совѣтникъ Бергъ-коллегіи Андрей Ѳеодоровичъ Хрущовъ, — все русскіе люди и притомъ, какъ выражались въ XVIII в., „фамильные“. Вмѣстѣ съ ними подлежали также наказанію два иностранца, мало извѣстные народу, секретари: Эйхлеръ и де-ла-Суда. Предстоящая казнь уже давно волновала петебургское общество, а масса народа стремилась на нее, какъ на рѣдкое и

---

[1]) Первонач. напеч. въ «Русской Старинѣ» 1885 г., т. XLVIII, стр. 17 — 54.

страшное зрѣлище. О дѣлѣ Волынскаго и его „конфидентовъ“ распространялись въ обществѣ весьма разнообразные слухи, суды и пересуды съ самой Пасхи 1740 года. Удивленіе и любопытство всѣхъ были сильно возбуждены.

Въ 8-мъ часу утра выведены изъ Петропавловской крѣпости Волынской и всѣ прочіе осужденные, кромѣ графа Мусина-Пушкина. Правая рука кабинетъ-министра, вывихнутая дыбой на пыткѣ, висѣла безъ движенія. Ротъ его былъ закрытъ толстою холщевою перевязкою, отъ подбородка къ головѣ; черезъ перевязку струилась кровь: въ крѣпости у Волынскаго былъ вырѣзанъ языкъ. Начали казнь съ Волынскаго. Сперва отрубили его правую, вывихнутую руку, а затѣмъ голову. Вслѣдъ за нимъ были обезглавлены Хрущовъ и Еропкинъ. Затѣмъ началась экзекуція надъ остальными „злодѣями“. Соймоновъ и Эйхлеръ, по наказаніи кнутомъ, а де-ла-Суда — плетьми, отведены обратно въ Петропавловскую крѣпость. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, страдавшій подагрой, не былъ взводимъ на эшафотъ: ему „урѣзанъ“ языкъ въ крѣпостномъ казематѣ. Наказанныхъ тѣлесно черезъ нѣсколько дней отправили въ ссылку: Соймонова въ Охотскъ, Эйхлера въ Жиганскій острогъ за Якутскомъ, де-ла-Суда въ Камчатку, графа Мусина-Пушкина въ Соловецкій монастырь. Тѣла казненныхъ цѣлый часъ лежали на эшафотѣ. Затѣмъ они были отвезены на Выборгскую сторону и преданы землѣ безъ церковной церемоніи въ оградѣ церкви Самсонія Страннопріимца, построенной Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды, и престольный праздникъ которой праздновался именно въ день казни Волынскаго, Еропкина и Хрущова.

I.

ХАРАКТЕРИСТИКА А. П. ВОЛЫНСКАГО.

О жизни и дѣятельнности Волынскаго мы имѣемъ несравненно болѣе данныхъ, чѣмъ о жизни и дѣятельности его ближайшихъ конфидентовъ, погибшихъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ нимъ: П. М. Еропкинъ и А. Ѳ. Хрущовъ почти тѣмъ только и извѣстны, что были въ близкихъ отношеніяхъ съ А. П. Волынскимъ.

Артемій Петровичъ Волынской, не смотря на то, что его проекты не осуществились на дѣлѣ, принадлежитъ къ числу выдающихся русскихъ государственныхъ людей XVIII в. Личность его останется навсегда въ исторіи типическимъ выраженіемъ даровитаго и образованнаго русскаго человѣка изъ высшаго шляхетскаго (дворянскаго) круга первой половины XVIII в. и въ этомъ отношеніи представляетъ богатый матеріалъ для историческаго изученія. Въ личныхъ свойствахъ, въ жизни и дѣятельности Волынскаго сосредоточились, какъ въ свѣтовомъ фокусѣ, всѣ хорошія и дурныя стороны его времени, а его политическіе замыслы, являясь продолженіемъ политическаго движенія среди русскаго шляхетства, начавшагося при воцареніи Анны Іоанновны, представляютъ, наряду съ этимъ движеніемъ, весьма важный фактъ въ исторіи развитія національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ XVIII в. Люди, жившіе и дѣйствовавшіе въ первую половину этого вѣка, въ „суетное и опасное время“, по мѣткому выраженію Волынскаго, не могли отличаться цѣльностью характера, устойчивостью и выработанностью нравственныхъ принциповъ, а потому весьма понятно, что и Волынской, при своихъ замѣчательныхъ интеллектуальныхъ способностяхъ, не блисталъ моральными достоинствами. Нервный, впечатли-

тельный, страстный — Волынской обладалъ талантливымъ и живымъ умомъ и пылкимъ воображеніемъ. Умъ его отличался теоретичностью и былъ одаренъ въ сильной степени способностью обобщенія. Волынскаго преслѣдовали идеалы, широкіе политическіе планы создавались въ его умѣ, а пылкое воображеніе увлекало его мечты далеко отъ дѣйствительности въ фантастическій міръ разныхъ предположеній. Онъ, по собственному выраженію, весьма часто „забиралъ паче мѣры ума“.

Воспринявъ идеи Петровскаго преобразованія и ясно усвоивъ себѣ необходимость для Россіи европейскаго просвѣщенія, Волынской стремился сдѣлать Россію участницей этого просвѣщенія, съ соблюденіемъ всѣхъ нашихъ національныхъ особенностей и съ удержаніемъ всего хорошаго, что оставила по себѣ Московская эпоха. Этимъ воззрѣнія Волынскаго существенно отличались отъ идей Петра Великаго, разрывавшаго всякую связь съ московскою Русью, и приближали его къ воззрѣніямъ лучшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей конца XVII вѣка. Осуществить собственные планы на дѣлѣ у него не доставало силъ: онъ былъ для этого слишкомъ страстенъ, слишкомъ порывистъ. Нѣмцы были ему не по нутру; ихъ умѣренность, аккуратность, строгая во всемъ послѣдовательность и постепенность, стойкость въ трудѣ — выводили изъ себя пылкаго, нервнаго Волынскаго. Понявъ отлично своимъ свѣтлымъ умомъ преобразовательные замыслы Петра Великаго и будучи самъ просвѣщеннымъ реформаторомъ, Волынской не могъ, подобно Петру Великому, принести себя всецѣло въ жертву государству, не могъ служить ему честно и безупречно. Его собственное *я* было у него на первомъ планѣ, онъ могъ и умѣлъ хорошо работать, но никогда не уходилъ весь въ дѣло, напротивъ онъ постоянно любилъ рисоваться своею дѣловитостью, выставлять ее на показъ. Такимъ онъ былъ всегда: и на самыхъ низшихъ служебныхъ степеняхъ и на самой высшей, къ которой усиленно стремился и на которой погибъ, едва достигнувъ ея. Но Волын-

ской не былъ эгоистомъ: онъ задавался идеею объ общемъ благѣ, считая себя предназначеннымъ осуществить это благо. Талантливый діаклектикъ, Волынской прекрасно владѣлъ перомъ — „писать былъ гораздъ“, — какъ онъ выражался, но не имѣлъ, какъ всѣ люди его времени, никакого сколько нибудь систематическаго образованія. „Онъ въ школахъ не бывалъ — по собственнымъ его словамъ — и не зналъ никакихъ школьныхъ регулъ, т. е. правилъ“. Принимая близко къ сердцу все, что совершалось въ его время въ Западной Европѣ, Волынской не зналъ ни одного иностраннаго языка настолько, чтобы не только говорить на немъ, но даже читать, а потому не могъ пользоваться подлинными твореніями западно-европейскихъ мыслителей и политиковъ и долженъ былъ ограничиваться ихъ тяжеловѣсными, невѣрными славянорусскими переводами XVII и XVIII вв. и русскими компиляціями изъ нихъ.

Честолюбивый и властолюбивый, Волынской былъ высокомѣренъ съ равными, неприступно гордъ съ низшими, льстивъ и низкопоклоненъ съ высшими, пока тѣ были ему нужны; но какъ только онъ достигалъ черезъ нихъ желаемаго — онъ презрительно ихъ отталкивалъ. Гнѣвъ Волынскаго не зналъ предѣловъ. Онъ былъ жестокъ и мстителенъ и въ преслѣдованіи врага не затруднялся въ средствахъ, а враговъ, при его запальчивости у него было очень много; самъ же онъ не сносилъ не только дѣйствительнаго, но даже мнимаго оскорбленія. Для достиженія предположенной цѣли онъ пускалъ въ ходъ все: доносы, клевету, сплетни, лесть, низкопоклонство. При малѣйшемъ успѣхѣ онъ зазнавался, при неуспѣхѣ — падалъ духомъ, даже унижался. Волынской былъ алченъ къ деньгамъ и не различалъ средствъ для ихъ наживы: на всѣхъ занимаемыхъ имъ служебныхъ мѣстахъ онъ отличался казнокрадствомъ и взяточничествомъ.

Волынскаго погубилъ не одинъ Биронъ. Въ его гибели, несравненно болѣе Бирона, принимали участіе Остерманъ, собственная его неуживчивость съ людьми и та среда, въ ко-

торой онъ жилъ и дѣйствовалъ. „Намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ, мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“ — любилъ повторять Волынской афоризмъ одного юродиваго, хорошо принятаго въ его время и при дворѣ, и во многихъ старинныхъ московскихъ и петербургскихъ домахъ, и этимъ афоризмомъ, по обыкновенію мѣтко, характеризовалъ среду, въ которой вращался.

А. П. Волынской производилъ свой родъ отъ того Дмитрія Волынскаго-Боброка, который выѣхалъ въ числѣ многихъ югозападныхъ русскихъ бояръ къ московскому великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому, и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ славной Куликовской побѣды надъ Мамаемъ. Онъ женился вторымъ бракомъ на великой княжнѣ Аннѣ Іоанновнѣ, сестрѣ Дмитрія Донского, и это родство особенно льстило честолюбивому Артемію Петровичу, въ которомъ были сильно развиты традиціи „родословности“. Онъ очень кичился древней саблей, найденной на Куликовскомъ полѣ, считая эту саблю принадлежавшей своему предку, и велѣлъ нарисовать „картину своего рода“, родословное дерево Волынскихъ, а подъ нимъ изображенія Дмитрія Волынскаго и великой княжны Анны, съ московскими великокняжескими короной и гербомъ. Противъ дѣйствительности такой родословной можетъ служить опроверженіемъ то обстоятельство, что на службѣ московскихъ великихъ князей Волынскіе возвышаются не ранѣе XVII вѣка, при царяхъ изъ династіи Романовыхъ. Отецъ Артемія Петровича Волынскаго, Петръ Артемьевичъ, занимаетъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ чинѣ стольника, должность судьи московскаго суднаго приказа, а затѣмъ воеводы въ Казани.

II.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ВОЛЫНСКАГО ДО НАЗНАЧЕНІЯ ЕГО КАБИНЕТЪ-МИНИСТРОМЪ.

(1689 — 1737).

Артемій Петровичъ родился въ 1689 г. и послѣ смерти матери остался ребенкомъ лѣтъ пяти. Мачиха Артемія Петровича была женщина, по его словамъ, „весьма непотребнаго состоянія", вслѣдствіе чего отецъ отдалъ его, еще въ очень раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, на воспитаніе къ своему родственнику Семену Андреевичу Салтыкову, въ старинномъ боярскомъ домѣ котораго былъ ревниво охраняемъ обиходъ московской Руси, не смотря на то, что Семенъ Андреевичъ въ молодости былъ посланъ царемъ Петромъ „за море, въ науку". Пребываніе у Салтыковыхъ имѣло большое вліяніе на послѣдующій складъ убѣжденій и карьеру Волынскаго. По условіямъ времени, Артемій Петровичъ началъ службу очень рано. 15-ти лѣтъ онъ былъ зачисленъ солдатомъ въ драгунскій полкъ и служилъ весьма удачно. Въ 1711 г. онъ былъ уже ротмистромъ, вращался въ кругу приближенныхъ къ Петру Великому лицъ и заслужилъ расположеніе самого царя. Состоя при Шафировѣ во время Прутскаго похода, онъ раздѣлялъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополѣ въ 1712 г., а въ слѣдующемъ году былъ посланъ отъ него курьеромъ къ Петру Великому съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Андріанополѣ. Въ 1715 г. Артемій Петровичъ назначается въ Персію „въ характерѣ посланника", уже въ чинѣ подполковника. Дипломатическая миссія Волынскаго лучше всего доказываетъ довѣріе къ нему Петра Великаго, котораго занимала мысль объ открытіи черезъ Персію удобнаго торговаго пути въ Индію.

Волынской былъ совершенно незнакомъ съ Персіей при отправленіи туда, но онъ изучилъ ее въ два года и вполнѣ успѣшно исполнилъ данную ему Петромъ Великимъ инструкцію. Письма Волынскаго изъ Персіи и дневникъ его путешествія туда, веденный его домашнимъ врачемъ Дж. Белль-д'Антермони, характеризуютъ Волынскаго какъ тонкаго наблюдателя и очень знающаго дипломата. Артемій Петровичъ возвратился изъ Персіи въ самомъ концѣ 1718 г., заключивъ съ эхтиматъ-девлетомъ (первымъ министромъ) шаха Гуссейна очень выгодный для Россіи торговый договоръ. Факты, добытые Волынскимъ о положеніи дѣлъ въ Персіи, дѣлали невозможнымъ исполненіе мысли Петра о торговлѣ съ Индіей черезъ Персію, но за то они же представляли состояніе Персидскаго государства въ такомъ положеніи, при которомъ царю было весьма удобно завладѣть персидскими областями, прилегающими къ Каспійскому морю, и этимъ завоеваніемъ обезпечить безопасность русскихъ юговосточныхъ границъ, что, само собою, упрочивало и русскую торговлю съ Востокомъ, и политическія отношенія Россіи къ Турціи.

Петръ Великій остался весьма доволенъ результатами посольства Волынскаго. Онъ произвелъ Артемія Петровича въ полковники и генералъ-адъютанты и назначилъ губернаторомъ во вновь учрежденную Астраханскую губернію, гдѣ Волынскому выпало на долю организовать, по мысли Петра Великаго, весьма сложную администрацію этой отдаленной юго-восточной окраины Русскаго государства, въ которой русское населеніе было едва замѣтно среди обширныхъ степныхъ пространствъ и дикихъ кочевниковъ, враждебно настроенныхъ къ Россіи. Артемій Петровичъ замѣчательно талантливо исполнялъ свою трудную задачу и все болѣе и болѣе входилъ въ милость къ царю Петру, который въ это время дружески называлъ его запросто „Артеміемъ“. Въ 1722 г. Волынской женился на двоюродной сестрѣ Петра Великаго, Александрѣ Львовнѣ Нарышкиной, надѣясь этимъ бракомъ войти еще въ болѣе близкія отношенія съ царемъ.

Въ губернаторство Волынскаго въ Астрахани въ 1722 г. былъ предпринятъ Петромъ Великимъ походъ въ Персію. Первый русскій отрядъ, вступившій въ сраженіе съ горцами, былъ разбитъ. Недруги Волынскаго не замедлили объяснить это обстоятельство ложными сообщеніями астраханскаго губернатора о состояніи кавказскихъ горцевъ и кстати передали Петру Великому, въ преувеличенномъ видѣ, вымогательства и взятки Волынскаго во время его посольства въ Персію и управленія Астраханской губерніей. Петръ Великій былъ страшно разгнѣванъ, и классическая дубинка перваго русскаго императора сильно коснулась спины астраханскаго губернатора; только заступничество императрицы Екатерины, сопутствовавшей Петру Великому въ походѣ, спасло Волынскаго отъ болѣе плачевныхъ для него послѣдствій. Хотя потомъ Петръ Великій какъ бы примирился съ Волынскимъ, но прежняя его милость не возвращалась уже къ Артемію Петровичу. Въ 1724 г. всплыло наружу одно очень непріятное для Волынскаго дѣло, по которому надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Это дѣло заключалось въ его самоуправствѣ и истязаніяхъ мичмана князя Мещерскаго. Вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины I дѣло это не только было прекращено, но Волынской былъ даже произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ губернаторомъ въ Казань, гдѣ и оставался съ небольшимъ перерывомъ до начала 1731 г. Губернаторство въ Казани характеризуется, съ одной стороны, цѣлымъ рядомъ самодурствъ и хищеній Волынскаго, съ другой — весьма дѣльными административными распоряженіями и заканчивается учрежденіемъ надъ нимъ „инквизиціи“ по поводу неумѣренныхъ его поборовъ съ Татаръ и Черемисъ.

Во время губернаторства Волынскаго въ Казани произошло въ Москвѣ весьма важное событіе, которое впервые даетъ намъ возможность познакомиться съ политическими воззрѣніями Артемія Петровича. Я разумѣю избраніе, послѣ смерти Петра II, на россійскій императорскій престолъ курляндской герцогини Анны Іоанновны, съ ограниченіями ея

самодержавной власти, предложенными Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Это избраніе возбудило политическія идеи въ тогдашнемъ русскомъ „шляхетствѣ", и кромѣ кондицій верховниковъ появился цѣлый рядъ „шляхетскихъ" проектовъ объ организаціи высшаго государственнаго управленія. О всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ, бывшихъ въ это время, и о шляхетскихъ проектахъ сообщали Волынскому его родственники и друзья, и пріѣзжавшіе въ Казань; ему пересылались въ копіяхъ самые проекты и кондиціи. Сохранилась записка, составленная сторонниками самодержавія Анны Іоанновны, съ поправками Волынскаго; изъ этой записки можно заключить, что Волынской не сочувствовалъ олигархическимъ замысламъ верховниковъ, но желалъ расширенія политическихъ правъ „шляхетства". Эти мнѣнія Волынскаго обнаружились гораздо позже; теперь же ему удалось, при помощи своего родственника Семена Андреевича Салтыкова, находившагося также въ родствѣ съ императрицей Анной Іоанновной, не только выйти безнаказаннымъ изъ „инквизиціи", но даже уничтожить все дѣлопроизводство ея. Онъ былъ назначенъ воинскимъ инспекторомъ, но не инспектированье войскъ занимало его: онъ зорко приглядывался къ происходившему вокругъ него и изучалъ новыя свѣтила, восходившія на политическомъ горизонтѣ. То были родственники новой императрицы и „Нѣмцы, перешедшіе нашъ порогъ". Волынской приглядывался въ особенности къ послѣднимъ и возмущался духомъ, что иноземцы получаютъ первенство въ государствѣ, но не только не могъ открыто выражать своего негодованія, а долженъ былъ даже угождать имъ.

Состоя по должности воинскаго инспектора подъ начальствомъ Миниха, Волынской пользуется имъ для проложенія себѣ политической карьеры. Онъ поддѣлывается къ Миниху: дискредитируетъ, при его помощи, во мнѣніи двора своего давнишняго врага графа Ягужинскаго, сближается съ оберъшталмейстеромъ графомъ Карломъ Левенвольде, въ то время особенно вліятельнымъ, и поступаетъ подъ его начальство

на службу въ придворное конюшенное вѣдомство. Это новое служебное положеніе очень важно для Волынскаго. Оберъ-камергеръ Биронъ едва началъ въ то время проявлять свое политическое вліяніе, но дальновидный Волынской предъугадываетъ роль Бирона въ недалекомъ будущемъ и хитро прочищаетъ себѣ путь къ возвышенію, а Биронъ, какъ извѣстно, имѣлъ непреодолимую страсть къ лошадямъ — и на этой-то страсти Волынской созидаетъ свое дальнѣйшее возвышеніе. Въ 1733—1734 гг. мы видимъ его въ Польшѣ начальникомъ отряда въ арміи, осаждавшей Данцигъ. По назначеніи начальникомъ этой арміи Миниха, Волынской, зная очень хорошо нерасположеніе къ фельдмаршалу Бирона, соображаетъ, что наступило время пожертвовать своимъ прежнимъ патрономъ новому. Онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы очернить Миниха въ глазахъ Бирона, въ чемъ и успѣваетъ, и этимъ путемъ все болѣе и болѣе возвышается по службѣ и пріобрѣтаетъ вліяніе. Онъ уже покровительствуетъ своимъ прежнимъ милостивцамъ, къ нему начинаютъ обращаться за совѣтами и за протекціей. Въ концѣ 1734 г. онъ производится въ генералъ-лейтенанты и генералъ-адъютанты Анны Іоанновны и получаетъ въ подарокъ мѣсто для постройки дома въ Петербургѣ, на Мойкѣ. Съ 1735 г. Волынской уже принимаетъ участіе въ „генеральныхъ собраніяхъ“ при Кабинетѣ министровъ. Близокъ часъ, когда Волынской перешагнетъ завѣтный порогъ, отдѣляющій его отъ самаго Кабинета, въ которомъ находится кормило правленія Русскимъ государствомъ. Волынской считаетъ себя знающимъ и опытнымъ кормчимъ, но ему надо подождать. На стражѣ этого порога стоитъ хитроумный нѣмецъ Остерманъ. Волынскому поневолѣ до поры до времени приходится ограничиваться представленіемъ мнѣній на разные проекты по серьезнымъ государственнымъ вопросамъ и находиться во главѣ разныхъ спеціальныхъ коммиссій; но онъ пользуется такимъ второстепеннымъ положеніемъ для бо̀льшаго и бо̀льшаго своего возвышенія.

Въ 1735 г. умираетъ графъ Карлъ Левенвольде и Биронъ выступаетъ на политическую арену. Биронъ уже души не чаетъ въ Волынскомъ и разумѣетъ его весьма умнымъ человѣкомъ, исключеніемъ изъ Русскихъ, которыхъ оберъ-камергеръ сплошь считалъ дураками. Приближаясь къ Бирону, Волынской приближается и къ императрицѣ. По отдѣльнымъ коммиссіямъ онъ получаетъ у нея особые доклады, а вскорѣ назначается на должность, которая еще болѣе вводитъ его въ интимный кругъ Анны Іоанновны. 3-го февраля 1736 г., въ имянины императрицы, Волынской назначается оберъ-егермейстеромъ, на должность весьма важную, если припомнимъ страсть Анны Іоанновны ко всякаго рода охотамъ и къ стрѣльбѣ въ цѣль. Волынской мечталъ занять и должность оберъ-шталмейстера, остававшуюся вакантною послѣ Левенвольде, но эту должность занялъ камергеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, знатокъ въ лошадяхъ, въ винѣ и въ кулинарномъ искусствѣ. Князь Куракинъ былъ большой балагуръ, состоялъ непремѣннымъ членомъ интимныхъ придворныхъ вечеровъ и на славу угощалъ Бирона гастрономическими обѣдами и ужинами. Но и съ назначеніемъ кн. Куракина самая важная, административная часть по конюшенному вѣдомству осталась въ рукахъ Волынскаго: онъ управлялъ конюшенной канцеляріей и всѣми казенными конскими заводами, съ приписанными къ нимъ волостями. Въ 1737 г. Артемію Петровичу пришлось самымъ очевиднымъ способомъ доказать свою преданность Бирону, избранному въ этотъ годъ герцогомъ курляндскимъ. Волынской является во главѣ „Вышняго суда“ надъ вождемъ верховниковъ въ 1730 году, княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, и болѣе всѣхъ остальныхъ членовъ суда способствуетъ погибели кн. Голицына, раздувая его сравнительно ничтожные служебные проступки въ политическое преступленіе. Волынской очень хорошо зналъ, что эти проступки были предлогомъ, и что князь Д. М. Голицынъ долженъ быть осужденъ, въ угоду Бирону и императрицѣ, за свою выдающуюся роль при ея воцареніи.

Вскорѣ послѣ заключенія кн. Голицына въ Шлюссельбургскую крѣпость, А. П. Волынской назначается „министромъ“ на конгрессъ въ Немировъ для переговоровъ о заключеніи мира съ Турціей. Двумя другими министрами были: прежній патронъ Волынскаго — Шафировъ и будущій судья Волынскаго — Неплюевъ. Волынской выказалъ въ переговорахъ большую опытность въ дипломатіи и стойкость. Не по его винѣ, а по винѣ уполномоченныхъ нѣмецкаго императора, переговоры на конгрессѣ не привели ни къ чему и война съ Турціей продолжалась.

III.

КАБИНЕТЪ МИНИСТРОВЪ И НѢМЦЫ-ПРАВИТЕЛИ.

(1738—1740).

3-го апрѣля 1738 г. Волынской, „за особливыя его превосходительства заслуги“, наконецъ, назначенъ кабинетъ-министромъ. Цѣль Волынскаго достигнута: онъ былъ у кормила правленія Русскаго государства! Его радость выразилась въ письмѣ къ Семену Андреевичу Салтыкову: „Шутка ваша — пишетъ Артемій Петровичъ — у меня нынѣ всегда въ головѣ: Волынской теперь себя видитъ, что онъ по милости ея императорскаго величества сталъ мужичекъ, а изъ мальчиковъ, слава Богу, вышелъ и чрезъ великій порогъ перешагнулъ или перелетѣлъ“.

Этотъ порогъ былъ, дѣйствительно, великъ. За нимъ начиналась скользкая стезя русскаго министра среди власть имѣющихъ Нѣмцевъ, враждебно настроенныхъ противъ Рус-

скихъ. Въ послѣдніе годы своего правленія Анна Іоанновна не имѣла желанія вникать въ дѣйствительныя нужды страны. Часто болѣя, она все болѣе и болѣе поддавалась своей склонности къ суевѣрію и хандрѣ и разгоняла хандру разными зрѣлищами и забавами. Правленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ трехъ Нѣмцевъ—Бирона, Остермана и Миниха, которые, ссорясь другъ съ другомъ и подставляя одинъ другому ногу, сходились въ одномъ: всѣ они одинаково презирали Русскихъ, которые должны были рабски покоряться нѣмецкому владычеству. Это циническое презрѣніе Нѣмцевъ-правителей ко всему русскому олицетворилось въ народной памяти въ личности первенствующаго временщика, курляндскаго герцога Бирона. Кромѣ своей національности, Биронъ ничѣмъ не отличался отъ большей части русскихъ временщиковъ, бывшихъ до и послѣ него. Многіе изъ нихъ были жестоки не меньше Бирона, не меньше его корыстолюбивы, не меньше его склонны къ интригѣ, но они были свои—и въ народной памяти всѣ ихъ злодѣянія олицетворились въ одномъ временщикѣ нѣмцѣ—Биронѣ.

Положеніе страны подъ управленіемъ Нѣмцевъ было ужасно.

Сказочная роскошь двора поглощала громадное количество государственныхъ и частныхъ доходовъ. Государственные расходы сильно превышали доходы, идя преимущественно на армію и флотъ, которые находились тѣмъ не менѣе въ плачевномъ состояніи. Непопулярная война съ Турціей ложилась новымъ гнетомъ на страну; русская армія гибла въ приднѣпровскихъ степяхъ отъ дурного продовольствія; неурожаи опустошали поля, а пожары — города и деревни; воеводы и приказные вымогали у населенія „посулы“ и „поминки“; помѣщики самодурничали надъ крѣпостными; недоимки возростали съ каждымъ годомъ. Въ народѣ стало распространяться неудовольствіе, зачинался ропотъ. Масса людей „разнаго чина“ и родословныхъ, и „подлыхъ“ попадала въ застѣнки Тайной канцеляріи, въ руки искуснаго заплечныхъ дѣлъ мастера, Андрея Ивановича Ушакова. „Слово и дѣло“ царило по всѣмъ зако-

улкамъ земли Русской, и тюрьмы, и Сибирь наполнялись арестантами и ссыльными. Всѣ сословія были раззорены, торговля и промышленность въ совершенномъ застоѣ, внѣшній и внутренній кредитъ—страшно подорваны. Россія переживала весьма серьезные кризисы: политическій, общественный и экономическій, естественными результатами которыхъ были: поврежденіе нравовъ высшаго общества, столь сильно охуляемое княземъ Мих. Мих. Щербатовымъ въ его политическихъ памфлетахъ, голодъ, побѣги, грабежи, разбои, пьянство, повальныя болѣзни. Механизмъ государственнаго управленія былъ сильно расшатанъ. Кабинетъ министровъ не имѣлъ системы въ распредѣленіи дѣлъ, напоминая своимъ неустройствомъ московскіе приказы XVII в. При назначеніи Волынскаго въ Кабинетъ министровъ сотоварищами его тамъ были: графъ Остерманъ и князь А. М. Черкасскій. Остерманъ былъ главнымъ дѣятелемъ, а князь Черкасскій, человѣкъ апатичный и ограниченный, во всемъ исполнялъ его волю. Петербургскіе остряки говорили, что Черкасскій—тѣло кабинета, а Остерманъ—его душа, не слишкомъ впрочемъ честная. Волынскому предстояло, прежде всего, улучшить веденіе дѣлъ и рядомъ съ этимъ вести упорную и дипломатическую борьбу съ сильными противниками—Остерманомъ и Бирономъ. Только положивъ предѣлы ненасытному честолюбію и корыстолюбію герцога курляндскаго, онъ могъ создать себѣ твердый базисъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Такое веденіе дѣла было до крайности трудно и даже опасно. Волынской началъ съ того, что систематизировалъ распредѣленіе дѣлъ въ Кабинетѣ министровъ, расширивъ, между прочимъ, его составъ болѣе частымъ созывомъ въ немъ „генеральныхъ собраній", на которые приглашались сенаторы, президенты коллегій и другіе сановники, и вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ дѣла Кабинета: черезъ годъ послѣ назначенія въ кабинетъ-министры онъ сталъ единственнымъ докладчикомъ у императрицы по дѣламъ Кабинета. Въ три главнѣйшія коллегіи—Военную, Адмиралтейскую и Иностранную, не подчи-

ненныя вѣдѣнію Кабинета министровъ, онъ провелъ довѣренныхъ себѣ лицъ, въ качествѣ членовъ, прокуроровъ и секретарей.

Но излукавившійся царедворецъ преслѣдовалъ не однѣ только внѣшнія цѣли почестей и отличія. Всѣ неблаговидныя средства для личнаго возвышенія были лишь орудіемъ для серьезной политической борьбы, которую онъ предпринималъ, „перелетѣвъ чрезъ великій порогъ". Въ душѣ онъ презиралъ тѣхъ людей, передъ которыми преклонялся и которымъ угождалъ; его богатая фантазія увлекала его далеко въ мечтахъ о политическомъ благѣ Россіи. „Онъ мнилъ спасти страну родную",—какъ выразился о немъ его поэтъ-панегиристъ, и горделиво услаждался мыслію о томъ значеніи, какое будетъ имѣть онъ, Волынской, и среди современниковъ, и у потомства, онъ—творецъ ея лучшаго будущаго.

Въ какой-же формѣ представлялось ему это будущее?

IV.

«КОНФИДЕНТЫ» ВОЛЫНСКАГО.

Еще въ 1731 г., во время пребыванія въ Москвѣ, Волынской сближается со многими образованными русскими людьми и этимъ сближеніемъ полагаетъ основаніе тому политическому кружку, центромъ котораго становится. Образованные люди, съ которыми сходился Волынской—были: морской офицеръ Ѳеодоръ Ивановичъ Соймоновъ, придворный архитекторъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ и горные инженеры—Андрей Ѳеодоровичъ Хрущовъ и Василій Никитичъ Татищевъ, впослѣдствіи извѣстный русскій историкъ. Все

это были люди выдающихся умственныхъ способностей и возросшіе въ тяжелой школѣ государственныхъ преобразованій Петра Великаго. Кромѣ того, трое изъ нихъ — Еропкинъ, Татищевъ и Хрущовъ принадлежали къ весьма древнимъ, хотя „захудалымъ“ русскимъ фамиліямъ. Татищевъ и Еропкинъ происходили отъ удѣльныхъ князей Смоленскихъ, а Хрущовъ велъ свой родъ отъ князей Литовскихъ; всѣ они утратили свое княжеское достоинтство отъ раздробленности удѣльныхъ владѣній ихъ предковъ. Это обстоятельство играло весьма важную роль въ сближеніи съ ними Волынскаго, придававшаго, какъ мы видѣли, большое значеніе „родословности“. Соймоновъ, потомокъ старинныхъ служилыхъ людей средняго чина, находился въ родствѣ съ Нарышкиными и Головкиными и подъ надзоромъ своего отца, небогатаго помѣщика, получилъ очень солидное образованіе. Съ нимъ Волынской былъ знакомъ еще въ Астрахани, когда Соймоновъ, по порученію Петра Великаго, описывалъ Каспійское море и составилъ карту этого моря. Хрущовъ по Нарышкинымъ состоялъ въ родствѣ съ Волынскимъ. Около этого времени Волынской сблизился съ Еропкинымъ настолько, что женился на его сестрѣ (первая жена Волынскаго, Александра Львовна, рожденная Нарышкина, умерла въ Казани въ 1730 г.). Всѣ названныя лица, за исключеніемъ Татищева, докончили свое образованіе за границей, куда были отправлены Петромъ Великимъ; всѣ они и самъ Волынской имѣли библіотеки, наполненныя историческими и политическими иностранными сочиненіями и старинными русскими рукописными лѣтописями и хронографами, и большею частію принимали дѣятельное участіе въ политическихъ шляхетскихъ замыслахъ при воцареніи Анны Іоанновны. Въ этихъ замыслахъ особенно была замѣтна роль Татищева, представившаго Верховному тайному совѣту записку о государственномъ устройствѣ Россіи. Весьма ловко обходя вопросъ о самодержавіи Анны Іоанновны, Татищевъ излагалъ въ своей запискѣ проектъ шляхетскаго политическаго представительства съ двумя палатами—

верхней и нижней. Съ этими людьми Волынской говорилъ откровенно, входилъ съ ними, какъ выражались въ то время, въ „конфиденціи" о политическомъ положеніи Русскаго государства и въ разговорахъ съ ними любилъ проводить параллель между современными событіями и аналогичными изъ минувшихъ вѣковъ русской исторіи. Какъ видно, событія воцаренія Анны Іоанновны и выводы изъ нихъ являлись предметами оживленныхъ бесѣдъ между Волынскимъ и его новыми друзьями.

— „Теперь время Годунова—говорилъ Волынской; царица въ монастырѣ, а растрига растетъ въ Литвѣ, сыщутъ и царя Василія Шуйскаго". Подъ Годуновымъ Артемій Петровичъ разумѣлъ тогда, кажется, князя Дм. Мих. Голицына, а подъ Шуйскимъ князя Черкасскаго.

— „У царицы дѣтей нѣтъ"—возражалъ Еропкинъ, полагая, что Волынской говоритъ про царицу Евдокію Θеодоровну, развѣнчанную первую супругу Петра Великаго, жившую въ то время въ Москвѣ, въ женскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

— „Я говорю про царевну Елизавету Петровну и про голштинскаго принца Петра Θеодоровича, сына Анны Петровны"—отвѣчалъ Волынской.

Въ „конфиденціяхъ" приводилось касаться императрицы Анны Іоанновны, и Волынской говорилъ „съ поношеніемъ о высокой фамиліи ея императорскаго величества".

Еропкинъ приносилъ Волынскому изъ своей библіотеки сочиненія Маккіавелли и Юста Липсія и читалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ. Голландецъ Юстъ Липсій (р. 1547, † 1606 г.) пользовался большою популярностью у современниковъ и у образованныхъ людей XVII и XVIII вв., какъ филологъ, историкъ и политическій писатель. Писалъ онъ очень много, но самыми распространенными сочиненіями его были: „Taciti opera cum notis" (1574) и „Politicorum sive civilis doctrinae libri sex" (1589), въ которыхъ Липсій рѣзко нападалъ на нравственный и политическій развратъ римскихъ императоровъ

и общество эпохи упадка и сопоставлялъ общественные нравы римской имперіи съ современными ему нравами правителей европейскихъ государствъ и европейскаго общества. Живя въ вѣкъ господства идей гуманизма и нападковъ на авторитетъ католической церкви, Липсій былъ врагомъ всякой церковной исключительности. „Политическія ученія" Липсія были переведены на русскій языкъ, или, лучше сказать, передѣланы іеромонахомъ Кохановскимъ въ 1721 году. Переводъ Кохановскаго напечатанъ не былъ, но обращался въ значительномъ числѣ списковъ. Кромѣ Маккіавелля и Юста Липсія, въ библіотекахъ Еропкина, Хрущова, Татищева и Волынскаго было много другихъ политическихъ сочиненій менѣе извѣстныхъ западно-европейскихъ писателей XVI и XVII вв., частію въ подлинникахъ, частію въ переводахъ. Волынской не зналъ иностранныхъ языковъ, а потому Еропкинъ и Соймоновъ переводили ему отрывки изъ латинскихъ и итальянскихъ авторовъ и снабжали уже имѣвшимися русскими переводами этихъ авторовъ. Въ кружкѣ Волынскаго пользовались большимъ почетомъ сочиненія итальянскаго сатирика XVI в. Боккалини: „Камень опыта политическаго" и „Коментаріи на Тацита", и нѣмецкаго правовѣда XVII в. Бесселя: „Политическаго счастія ковачъ".

Къ концу 1730-хъ годовъ кружокъ Волынскаго очень разросся: въ немъ заключалось до 30-ти лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Кромѣ упомянутыхъ уже выше Соймонова, Хрущова, Еропкина и Татищева, мы встрѣчаемъ въ этомъ кружкѣ: Александра Львовича Нарышкина (брата первой жены Волынскаго), извѣстнаго князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, занимавшаго въ то время постъ русскаго посла сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, генералъ-лейтенанта князя Григорія Алексѣевича Урусова, сенатора Василія Яковлевича Новосильцева, президента Коммерцъ-коллегіи графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина, двухъ архіереевъ — вологодскаго и псковскаго, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ и трехъ врачей: одного русскаго—Поган-

кина и двухъ иностранцевъ—Белля д'Антермони, ѣздившаго съ Волынскимъ въ Персію, и придворнаго врача царевны Елизаветы Петровны, Лестока, Близкія отношенія послѣдняго къ Волынскому особенно знаменательны, если принять во вниманіе разговоры его съ Еропкинымъ въ Москвѣ въ 1731 г. и то близкое участіе въ возведеніи Елизаветы Петровны на престолъ въ ноябрѣ 1741 г., какое принималъ Лестокъ. Принадлежали къ кружку Волынскаго также нѣсколько чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ самыми замѣчательными были: тайный кабинетъ-секретарь Эйхлеръ и секретарь Иностранной коллегіи де-ла-Суда.

Конфиденты Волынскаго часто собирались у него въ его домѣ на Мойкѣ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, длившихся далеко за полночь, высказывались мечты о будущемъ, сообщались разныя соображенія и планы объ улучшеніи государственныхъ порядковъ; обсуждались и осуждались разныя правительственныя мѣропріятія, дѣйствія правительственныхъ лицъ и самой императрицы.

Въ этихъ разговорахъ дѣлалась рѣзкая характеристика правителей Нѣмцевъ, а въ особенности Бирона и Остермана, изливалась желчь на родовитыхъ русскихъ людей, исполнявшихъ роль шутовъ при дворѣ Анны Іоанновны, и критически разсматривалась безурядница государственнаго управленія.

— „Ой, система, система"! восклицалъ Волынской.

— „Государыня у насъ д... — говорилъ онъ Хрущову— и резолюціи отъ нея никакой не добьешься, и нынѣ у насъ герцогъ (Биронъ) что захочетъ, то и дѣлаетъ".

— „Нынѣ житье наше пришло хуже собачьяго", жаловался Артемій Петровичъ Еропкину.

Волынской „желалъ перемѣны Бирону и предавалъ его суду Божію".—„Долго-ли еще Богъ потерпитъ!" восклицалъ онъ.

Много разсуждалъ Волынской о бракѣ Анны Леопольдовны и о наслѣдіи престола послѣ Анны Іоанновны, при чемъ онъ „разглашалъ такія явно ложныя дѣла, которыя къ

высочайшей ея императорскаго величества персонѣ и до высочайшей фамиліи касаются“. Бракъ племянницы императрицы Анны Леопольдовны съ герцогомъ Брауншвейгскимъ Антономъ Ульрихомъ, совершенный 3 іюля 1739 г., имѣлъ громадное политическое значеніе. Анна Іоанновна, вскорѣ по воцареніи, именно въ 1731 году, назначила своимъ преемникомъ несуществующее лице—того ребенка, который долженъ родиться отъ будущаго брака ея племянницы Анны Леопольдовны, которой въ то время было всего тринадцать лѣтъ. На вѣрность этому невѣдомому наслѣднику престола была взята со всѣхъ подданныхъ императрицы присяга. Между тѣмъ бракъ Анны Леопольдовны затягивался. Такое оригинальное распоряженіе о судьбѣ русскаго императорскаго престола въ будущемъ волновало умы русскихъ людей еще при самомъ появленіи указа императрицы Анны Іоанновны. Это-то распоряженіе вызывало приведенные выше разговоры Волынскаго съ Еропкинымъ въ 1731 г. Биронъ хотѣлъ обвѣнчать съ Анной Леопольдовной своего сына Петра; но это ему не удалось. Въ числѣ лицъ тайно, но дѣятельно работавшихъ противъ такого замысла Бирона, былъ Волынской.

На вечерахъ у Волынскаго читались и обсуждались политическія и историческія сочиненія, разсматривались разсужденія и проекты, написанные Волынскимъ при участіи Еропкина, Соймонова и Хрущова.

Артемій Петровичъ особенно любилъ читать коментаріи Юста Липсія на Тацита.

— „Книга эта не для чтенія въ нынѣшнее время“ — говорилъ онъ.

Въ этомъ сочиненіи Юстъ Липсій, между прочимъ, сравниваетъ Іоанну II-ю, Неаполитанскую королеву XV вѣка, съ Клеопатрой и Мессалиной. Находя съ своей стороны сходство этой Неаполитанской королевы съ императрицей Анной Іоанновной, Волынской писалъ карандашемъ на поляхъ противъ указаннаго мѣста въ книгѣ Липсія: „она! она! это она!“

На вечерахъ у Волынскаго Татищевъ читалъ свою „Исторію Россійскую“, привезенную имъ въ Петербургъ изъ Оренбурга въ 1739 г. Въ то время она надѣлала въ петербургскомъ обществѣ много шума и создала ея автору опасную репутацію „аѳеиста“. Чтеніе „Исторіи Россійской“ возбуждало въ горячихъ головахъ Волынскаго и его собесѣдниковъ массу вопросовъ и аналогій современныхъ событій съ прежними, какъ и въ 1731 году въ разговорахъ Волынскаго съ Еропкинымъ. Бирона въ этихъ дружескихъ бесѣдахъ уподобляли постоянно Борису Годунову, а князя Черкасскаго царю Василію Шуйскому. „Его сегодня поставятъ, а на завтра постригутъ; а онъ все молчать будетъ“,—говорили пріятели, смѣясь, про Черкасскаго.

Волынской, въ подражаніе Юсту Липсію и Бесселю, писалъ разныя разсужденія, которыя, къ сожалѣнію, извѣстны намъ лишь по заглавіямъ: 1) и 2) „О приключившихся вредахъ особнѣ государю и всему государству и отъ чего приключились и происходятъ“, 3) „О гражданствѣ“, 4) „О дружбѣ человѣческой“, 5) „Надлежитъ-ли имѣть мужскимъ персонамъ дружбу съ дамскими?“, 6) „Какимъ образомъ судъ и милость государямъ имѣть надобно“. Волынской придавалъ особое значеніе своему „Генеральному проекту о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, который онъ составлялъ давно при помощи Еропкина и Хрущова. Еще во время пребыванія Волынскаго въ Польшѣ, въ 1733—1734 годахъ, у него является впервые мысль изложить письменно, „на подобіе книги“, свои соображенія „о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“. Въ теченіи шести лѣтъ соображенія Волынскаго разростаются въ обширный политическій трактатъ, заключающій въ себѣ историческій обзоръ Русскаго государства, его политическаго и экономическаго положенія въ первой половинѣ XVIII в. и изложеніе средствъ для „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“. Волынской нѣсколько разъ переработывалъ этотъ трактатъ, а въ 1739 г. сдѣлалъ изъ него извлеченіе для представленія

императрицѣ. Хрущовъ былъ главнымъ руководителемъ при составленіи „Генеральнаго проекта“ и съ радостью говорилъ Волынскому:

— „Сочиненіе это будетъ полезнѣе книги Телемаковой“.

Волынской увлекался своимъ проектомъ, какъ авторъ, какъ государственный человѣкъ, какъ честолюбецъ.

— „Я довольно ума имѣю, чтобъ править государствомъ!“—самодовольно восклицалъ онъ.

Онъ очень хорошо сознавалъ серьезныя задачи своего труда и предвидѣлъ, что для него лично могутъ выйти изъ за проекта печальныя послѣдствія. Разъ, въ присутствіи конфидентовъ, онъ съ нѣжностью взглянулъ на сына и сказалъ:

— „Счастливъ ты, сынъ, будешь, что такого отца имѣешь“.

Въ другой разъ онъ говорилъ Еропкину:

— „Не знаю къ чему меня Богъ ведетъ—къ добру или къ худу и чрезъ то мнѣ быть или очень велику, или уже пропасть!“

V.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ВОЛЫНСКАГО И ЕГО «ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТЪ».

„Генеральный проектъ“ не дошелъ до насъ въ подлинникѣ и въ цѣломъ составѣ. Окончательную его редакцію Волынской сжегъ еще до своего ареста, а нѣкоторые черновые отрывки изъ проекта, во время слѣдствія надъ Волынскимъ, были запечатаны начальникомъ Тайной канцеляріи Ушаковымъ въ особый „кувертъ“ и представлены Аннѣ Іоанновнѣ. Мы можемъ только до нѣкоторой степени познакомиться съ содержаніемъ „Генеральнаго проекта“ изъ весьма

неточныхъ показаній въ Тайной канцеляріи какъ самого Волынскаго, такъ и его конфидентовъ и чиновниковъ, переписывавшихъ проектъ на-бѣло. Волынской и лица, хорошо знавшія проектъ, намѣренно затемняли его дѣйствительный смыслъ, а чиновники переписывали проектъ по частямъ и, разумѣется, не были настолько образованы, чтобы понимать вполнѣ мысли, въ немъ выраженныя. На основаніи этихъ не полныхъ данныхъ „Генеральный проектъ“ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Онъ открывался предисловіемъ, съ обращеніемъ къ высшимъ правительственнымъ русскимъ сановникамъ, „какъ бы въ республикѣ (по замѣчанію послѣдующихъ обвинителей Волынскаго) не смотря на то, что авторъ проекта высказывался за самодержавную форму правленія въ Россіи и порицалъ замыслы верховниковъ объ ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны. Это порицаніе, по мнѣнію тѣхъ же обвинителей, онъ вставилъ не искренно, а „для прикрытія другаго всего“. За предисловіемъ слѣдовалъ обзоръ русской исторіи отъ Владиміра Святаго до императрицы Анны Іоанновны включительно. Здѣсь Волынской, говоря о Димитріи Донскомъ, распространялся о своемъ родоначальникѣ, выѣзжемъ Волынцѣ, нападалъ на Іоанна Грознаго, котораго называлъ тиранномъ; о Петрѣ Великомъ и Аннѣ Іоанновнѣ говорилъ кратко и „съ неудовольствіемъ“, а о царствованіяхъ Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна Алексѣевича, Екатерины I и Петра II совершенно умалчивалъ. Послѣ историческаго обзора шло разсужденіе о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ: Кабинетѣ министровъ и Сенатѣ. Какъ смотрѣлъ Волынской на значеніе министровъ въ Русскомъ государствѣ и на ихъ тогдашнюю роль — видно изъ слѣдующихъ замѣчательныхъ словъ его: „Мы, министры—писалъ Волынской — хотимъ всю вѣрность на себя перенять и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ; напрасно намъ о себѣ такъ много думать, есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ и тѣмъ ревность у другихъ пресѣкаемъ,

и натащили мы на себя много дѣлъ и неподлежащихъ намъ, а что дѣлать — сами не знаемъ“.

Воззрѣнія Волынскаго на значеніе Сената сложились подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ. „Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ — говаривалъ онъ не разъ своимъ конфидентамъ—ни на что не смотрятъ, все имъ даромъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся“. Онъ думалъ преобразовать Сенатъ по примѣру высшихъ представительныхъ учрежденій Польши и Швеціи и, по словамъ обвинительнаго акта, въ главѣ о Сенатѣ написалъ „многія острыя рѣчи о несамодержавіи въ Польшѣ и въ Швеціи и другія излишества“.

Самый проектъ былъ раздѣленъ на шесть частей: 1) объ укрѣпленіи границъ и объ арміи, 2) о церковномъ чинѣ, 3) о шляхетствѣ, 4) о купечествѣ, 5) о провосудіи, 6) объ экономіи. Но эти части проекта не исчерпываютъ всѣхъ преобразовательныхъ идей Волынскаго. Его „Инструкція о управленіи дому и деревень“, данная дворецкому Ивану Нѣмчинову въ 1725 г., замѣчанія на проектъ „объ экономическихъ и промышленныхъ нуждахъ Россіи“, поданный въ 1735 г. генеральному собранію при Кабинетѣ министровъ, и нѣкоторыя другія мнѣнія и проекты дополняютъ во многомъ „Генеральный проектъ“.

На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ, политическія убѣжденія и преобразовательныя намѣренія Волынскаго могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ чертахъ:

Правленіе въ Россійскомъ государствѣ, по воззрѣнію Волынскаго, должно было быть монархическое съ широкимъ участіемъ въ правительствѣ шляхетства въ томъ именно смыслѣ, какъ то выражали многія шляхетскія заявленія при воцареніи Анны Іоанновны, т. е. чтобы шляхетство не было подавлено олигархіей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ фамилій, а имѣло бы представителей отъ всего своего „корпуса“, какъ тогда выражались, т. е. всего сословія. Сенатъ являлся во главѣ высшихъ правительственныхъ учрежденій и долженъ

былъ состоять изъ „фамильныхъ“, родословныхъ людей; а за Сенатомъ, по всей вѣроятности, слѣдовало, какъ въ проектѣ Татищева, „Нижнее правительство“, состоящее также изъ представителей отъ средняго и нисшаго шляхетства. Генералъ-прокурорскую должность, какъ соединенную съ весьма обширною властію, Волынской полагалъ отмѣнить вовсе, „ибо генералъ-прокуроръ можетъ препятствовать сенаторамъ въ свободномъ дѣйствіи“, а оставлялъ при Сенатѣ только оберъ-прокурора. Различныя отрасли государственнаго управленія должны находиться въ завѣдываніи отдѣльныхъ министровъ. Правительство на Руси должно состоять изъ русскихъ людей, потому что „отъ иноземцевъ государство всегда находится въ худомъ состояніи, отъ чего вредъ государству и государю быть можетъ“. Министры должны быть, по выраженію Волынскаго, „свои природные“ и притомъ изъ знатнаго шляхетства, для чего нужно посылать молодыхъ людей знатныхъ фамилій въ иностранныя западноевропейскія государства для обученія разнымъ наукамъ, въ особенности политическимъ.

Шляхетство является первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Изъ него должны выходить не только высшіе государственные сановники и офицеры, но и приказные, какъ это заведено въ европейскихъ государствахъ. По примѣру этихъ же государствъ, слѣдуетъ „ввести шляхетство и въ духовный чинъ“.

Бытъ духовенства долженъ быть непремѣнно улучшенъ. Прежде всего слѣдуетъ учредить для содержанія приходскаго духовенства сборъ по приходамъ, не допуская священниковъ заниматься хлѣбопашествомъ. Монахамъ большихъ монастырей слѣдуетъ дать приличное содержаніе, а бѣдные и малолюдные монастыри обратить въ богадѣльни.

Купечество требуется оградить отъ притѣсненія и раззоренія со стороны воеводъ, торговыя дѣла сосредоточить, какъ было при Петрѣ Великомъ, въ особенныхъ учрежденіяхъ —магистратахъ, а для того, чтобы русскіе капиталы не уходили за границу и обращались бы въ родной землѣ, Волын-

ской считалъ полезнымъ запретить русскимъ купцамъ входить въ торговыя компаніи съ иноземцами.

Для улучшенія быта крестьянъ необходимо, чтобы помѣщики вникали въ нужды крестьянъ и заботились бы о ихъ благосостояніи, не утруждая ихъ непосильными работами; то же должно наблюдать и правительство. „Чтобы было крестьянамъ легче и чтобы не было имъ напрасныхъ убытковъ“— вотъ основной принципъ, которымъ должны руководствоваться по отношенію къ крестьянамъ какъ помѣщики, такъ и государство. Общинное самоуправленіе крестьянъ должно быть строго соблюдаемо во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ собственныхъ нуждъ и общественныхъ дѣлъ. Волынской имѣлъ самъ много деревень въ разныхъ губерніяхъ и въ своей инструкціи дворецкому Нѣмчинову твердо держится вышеприведенныхъ основаній.

Должно усердно заботиться о развитіи образованія во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа. Посылка знатнаго шляхетства за границу является главнѣйшимъ источникомъ для его просвѣщенія. Воеводы и вообще гражданскіе чиновники должны назначаться изъ людей ученыхъ. Для высшаго образованія всѣхъ сословій народа Волынской предполагалъ основать высшее учебное заведеніе—университетъ, а для обученія духовенства учредить академіи; не обученыхъ же въ священники не ставить. Для „разночинцевъ“ Волынской проектировалъ (а частію и исполнилъ на дѣлѣ) нисшія профессіональныя училища и школы грамотности. Необходимость грамотности для крестьянъ вызывается, главнымъ образомъ, настоятельною для нихъ потребностью „познать законъ Божій и должность христіанскую“, а потому сельскіе священники обязаны обучать крестьянъ грамотѣ и важнѣйшимъ молитвамъ и объяснять въ церкви послѣ литургіи десять заповѣдей, Символъ вѣры и ученіе о блаженствахъ.

Дабы развить въ государствѣ правосудіе, необходимо опредѣлять на административныя и судебныя должности людей ученыхъ и составить сводъ изъ массы несистематизированныхъ и противорѣчащихъ другъ другу указовъ.

Въ государственныхъ финансахъ, прежде всего, нужно заботиться о равновѣсіи въ государственномъ бюджетѣ доходовъ съ расходами, для чего слѣдуетъ сократить расходы и учредить государственную окладную книгу. Волынской, въ особомъ проектѣ „объ экономическихъ и промышленныхъ нуждахъ Россіи“, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ относительно новыхъ основаній для ревизіи и для податнаго налога, для предотвращенія побѣговъ, улучшенія быта ясачныхъ инородцевъ и для народнаго продовольствія.

Въ арміи и во флотѣ должны быть произведены существенныя улучшенія; на окраинахъ государства слѣдуетъ учредить военныя поселенія и приводить въ лучшее состояніе крѣпости.

Таковы были политическія воззрѣнія Волынскаго и предполагаемыя имъ реформы въ русскомъ государственномъ строѣ. Но думалъ-ли онъ ограничиваться ими, или шелъ дальше? Не таилъ-ли онъ мысли о государственномъ переворотѣ, направленномъ противъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны? Соображая всѣ извѣстныя въ настоящее время обстоятельства изъ бесѣдъ Волынскаго съ „конфидентами“, изъ ихъ показаній на допросахъ и изъ воззрѣній на дѣло Волынскаго послѣдующихъ за Анной Іоанновной правительствъ, въ особенности Елизаветы Петровны и Екатерины II, — можно предположить только, что А. П. Волынской помышлялъ о государственномъ переворотѣ противъ Нѣмцевъ-правителей съ цѣлью возведенія на престолъ Елизаветы Петровны. Хотя онъ отрицалъ на допросѣ въ Тайной канцеляріи свои замыслы относительно Елизаветы Петровны, но его разговоры съ Еропкинымъ въ 1731 году и то участіе, какое приняла въ его дѣтяхъ Елизавета Петровна по своемъ воцареніи, доказываютъ, что симпатіи его находились на ея сторонѣ задолго до того времени, какъ рота преображенскихъ гренадеръ, при участіи Шетарди и Лестока, возвела ее на престолъ. На это имѣются, кромѣ того, указанія въ слѣдующихъ данныхъ: 1) въ одномъ отрывкѣ, приводимомъ Та-

тищевымъ въ его „Исторіи Россійской“; 2) въ весьма любопытной и недостаточно изслѣдованной французской книгѣ „Lettres Moscovites“, изданной въ Парижѣ въ 1736 г. и приписываемой итальянцу графу Локателли, искателю приключеній, бывшему въ Россіи въ 1730-хъ годахъ и высланному оттуда въ октябрѣ 1734 г.; 3) въ извѣстіяхъ нѣмецкихъ дипломатовъ при с.-петербургскомъ дворѣ объ одномъ политическомъ замыслѣ, относимомъ ими къ 1738 году и до сихъ поръ мало разъясненномъ.

Объ отрывкѣ, находящемся въ „Исторіи“ Татищева, приводитъ интересныя соображенія г. Лыжинъ въ статьѣ „Два памфлета временъ Анны Іоанновны“ [1]). Г. Лыжинъ полагаетъ, что этотъ отрывокъ составляетъ прямо историческій подлогъ и есть ничто иное, какъ памфлетъ, *сочиненный* кѣмъ-то изъ кружка Волынскаго противъ нѣмецкой правительственной партіи; но я склоненъ думать, что событія, приводимыя Татищевымъ, могли имѣть мѣсто въ дѣйствительности, и что Волынской воспользовался ими лишь для составленія памфлета противъ Нѣмцевъ-правителей. На ученый подлогъ Татищевъ не былъ способенъ. Вотъ краткое изложеніе этого любопытнаго отрывка изъ принадлежавшей П. М. Еропкину Полотской лѣтописи и помѣщеннаго Татищевымъ въ его „Исторіи“ подъ 1217 годомъ [2]). Отрывокъ относится къ борьбѣ между туземцами Полочанами и пришлецами Поморянами, захватившими въ свои руки власть въ Полотскомъ княжествѣ. Полочане, предводимые Проворомъ, сыномъ тысяцкаго Симеона, убитаго иноземцами-правителями, возстаютъ противъ нихъ, низлагаютъ ихъ и возобновляютъ народное правленіе. Поморяне утвердились въ Полотскѣ вслѣдствіе женитьбы вдоваго своего князя Бориса на дочери Померанскаго князя, Святохнѣ, которая, желая утвердить наслѣдіе Полотскаго

---

[1]) Извѣстія Имп. Акад. наукъ по отд. русск. яз. и слов. 1858 г., т. VII, стр. 49—64.

[2]) Исторія Татищева т. III, стр. 403—409 и примѣч. 597.

стола за своимъ сыномъ отъ Бориса, Владиміромъ-Войтехомъ, преслѣдовала своихъ пасынковъ, Василька и Вячка, и удалила ихъ отъ отца въ пригороды. По возобновленіи народнаго правленія въ Полотскѣ, надъ Святохной и ея сообщниками иноземцами назначается „народный судъ". Обличивъ ихъ козни, Полочане всѣхъ ихъ избиваютъ, а дома ихъ предаютъ грабежу; князю Борису не дѣлаютъ никакого вреда, а за княземъ Василькомъ посылаются знатные люди.

Аналогія положенія Полотска въ XIII вѣкѣ съ положеніемъ Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны поразительна. Роль Поморянъ тождественна съ ролью Нѣмцевъ, а судьба сыновей Бориса отъ первой жены напоминаетъ судьбу Елизаветы Петровны, которая жила совершенно уединенно, вдали отъ двора. Точно также нельзя не видѣть сходства въ положеніи Святохны и Бирона и сына первой — Владиміра-Войтеха и Анны Леопольдовны.

Что-же касается до „Lettres Moscovites", то весьма возможно предположеніе, что похожденія графа Локателли послужили только благовидной замаскировкой настоящаго ихъ автора. Это видно во 1-хъ, изъ послѣсловія, въ которомъ передается анекдотическій разсказъ о томъ, какъ издатель книги случайно нашелъ сундукъ съ бумагами послѣ кораблекрушенія, въ которомъ погибъ авторъ писемъ; во 2-хъ, изъ самаго содержанія „писемъ". Они направлены противъ Нѣмцевъ-правителей, которымъ предрекается неизбѣжная гибель въ близкомъ будущемъ, и доказываютъ искреннее расположеніе ихъ автора къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Очень можетъ быть, что эта книга была составлена кружкомъ Волынскаго для подготовленія европейскаго общественнаго мнѣнія къ перемѣнѣ въ русскомъ правительствѣ.

Нѣмецкіе дипломатическіе агенты приписываютъ слѣдующій замыселъ князьямъ Долгорукимъ, за который они будто и были казнены въ Новгородѣ въ 1739 г. Заговорщики, по словамъ секретаря саксонскаго посольства Пецольда, находились въ сношеніяхъ съ Швеціею и Франціею. При ожидав-

шемся всѣми пораженіи арміи Миниха въ Молдавіи, шведскія войска должны были вступить въ предѣлы Россіи. Предполагалось императрицу Анну Іоанновну заключить въ монастырь, произвести еще болѣе короткую расправу съ герцогомъ Бирономъ, а принцессу Анну Леопольдовну съ герцогомъ Брауншвейгскимъ отправить обратно въ Германію, затѣмъ должно было слѣдовать: изгнаніе всѣхъ Нѣмцевъ (нѣкоторыхъ изъ нихъ предполагалось повѣсить) и провозглашеніе императрицею Елизаветы Петровны, которую хотѣли обвѣнчать съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Приведенное сообщеніе Пецольда о Долгорукихъ очевидно основано на смѣшеніи именъ. То, что приписывала молва Долгорукимъ, въ дѣйствительности могло принадлежать Волынскому, но до поры до времени не всплывало наружу. Въ числѣ участниковъ этого замысла находился человѣкъ близкій Волынскому—Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Быть можетъ Волынской, принимавшій дѣятельное участіе въ судѣ надъ князьями Долгорукими въ 1739 г., намѣренно приписалъ имъ свои замыслы и, желая остаться совершенно внѣ всякаго подозрѣнія, способствовалъ ихъ погибели. Въ дѣлахъ о князьяхъ Долгорукихъ, просмотрѣнныхъ въ Государственномъ архивѣ пишущимъ эти строки, нѣтъ намека на что-либо подобное; да и отношенія къ Елизаветѣ Петровнѣ князей Долгорукихъ, за исключеніемъ фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго, были таковы, что они никогда не подумали-бы о возведеніи ея на престолъ.

О намѣреніи Волынскаго произвести государственный переворотъ для освобожденія Россіи отъ Нѣмцевъ-правителей, безъ указанія, впрочемъ, на Елизавету Петровну, сообщаетъ саксонскій посланникъ Зумъ въ депешѣ отъ 28-го мая 1740 г. „Открыли тѣ приготовленія, — пишетъ онъ, — въ которыхъ Волынской думалъ имѣть надобность, чтобы повѣсить первыхъ своихъ враговъ, изъ которыхъ болѣе всего онъ указываетъ на герцога Курляндскаго, графа Остермана, фельдмаршала Миниха и оберъ-гофмаршала графа Левонвольде“. Въ доне-

сеніяхъ прусскаго посланника барона Акселя Мардефельда встрѣчаются точно тѣ же указанія, хотя съ иными подробностями. Въ нихъ Елизавета Петровна не является во главѣ Русскаго государства, а наоборотъ — заключается въ монастырь. 16-го іюля 1740 года Мердефельдъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Волынской хотѣлъ прежде всего умертвить герцога Курляндскаго, если ему не удастся отдѣлаться отъ него иначе, и изгнать фельдмаршала графа Миниха, его брата, тайнаго совѣтника, графовъ Остермана и Левенвольде и вообще всѣхъ Нѣмцевъ; послѣ того раздать своимъ приверженцамъ первыя значительнѣйшія должности, наконецъ отослать обратно герцога Брауншвейгскаго. Принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ угрожала та же участь, еслибы она отказалась сообразоваться съ его намѣреніями. Великая княжна Елизавета должна быть удалена, или заключена въ монастырь“... Предположенія Мардефельда относительно Елизаветы Петровны явились очевидно отголоскомъ отзывовъ о ней Волынскаго въ Тайной канцеляріи, которыми онъ хотѣлъ выгородить царевну отъ всякаго подозрѣнія.

Не всѣ лица, принадлежавшія къ кружку Волынскаго, въ одинаковой мѣрѣ были посвящены въ сокровенныя его думы. Большинство изъ нихъ знало только о „Генеральномъ проектѣ“ и о ненависти Артемія Петровича къ правителямъ Нѣмцамъ. Лишь Хрущову, Еропкину, Соймонову и графу Мусину-Пушкину проговаривался онъ ненарокомъ о своихъ затаенныхъ мечтахъ.

Весьма естественно, что какъ ни тайно разсуждалъ съ своими „конфидентами“ Волынской, но сборища у него не могли совершенно скрыться отъ зоркаго глаза Остермана, нетерпѣвшаго Волынскаго за его оффиціальныя дѣйствія въ Кабинетѣ министровъ. Остерманъ ненавидѣлъ Волынскаго, какъ Нѣмецъ Русскаго, какъ государственный дѣятель своего политическаго противника, какъ худородный—родовитаго человѣка; но „не изъясняя ничего прямо, онъ выговаривалъ все темными терминами“ и втайнѣ готовилъ Волынскому западню и

гибель. Впослѣдствіи, когда до самого Остермана дошла очередь принести покаяніе въ своихъ „темныхъ терминахъ", онъ сознался, что „старался искоренить Волынскаго". Оставшись, по обыкновенію, въ сторонѣ, Остерманъ напустилъ на Волынскаго его недруга, князя А. Б. Куракина, а соглядатаемъ за дѣйствіями Волынскаго приставилъ кабинетъ-секретаря Яковлева, обязаннаго Волынскому своимъ служебнымъ положеніемъ. Хитрый Остерманъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ очень ловко. Публичнымъ обвинителемъ Артемія Петровича явился не онъ, худородный нѣмецъ, а природный русскій аристократъ. Напыщенный и самолюбивый придворный сталъ всюду преслѣдовать Артемія Петровича плоскими остротами и насмѣшками, распускалъ про него въ высшихъ сферахъ пошлыя сплетни и поручилъ своему конфиденту, пресловутому піитѣ Василію Кирилловичу Тредьяковскому, сочинять на Волынскаго „смѣхотворныя басенки и пѣсенки". Императрица и Биронъ предупреждали Волынскаго, что Куракинъ „вралъ" на него при дворѣ и „вредилъ его всячески", совѣтуя ему быть съ нимъ осторожнѣе. Кромѣ кн. Куракина „вредилъ" Волынскаго другой русскій—адмиралъ графъ Головинъ, сердитый на него за открытые имъ безпорядки по Адмиралтейству. Волынской не обращалъ, однако, вниманія на предупрежденія императрицы и Бирона: онъ забралъ опять паче мѣры ума и отвѣчалъ Остерману составленіемъ и распространеніемъ противъ него пасквилей.

VI.

ПОДКОПЫ ПОДЪ ВОЛЫНСКАГО И ЕГО АРЕСТЪ.

(1740).

Для преслѣдованія Волынскаго Остерманъ и Куракинъ нашли весьма незамысловатый и даже пустой поводъ. Волынской уволилъ, въ числѣ другихъ чиновниковъ Конюшенной канцеляріи, трехъ нѣмцевъ — двухъ Кишкелей, отца и сына, и Людвига; имъ посовѣтовали пожаловаться императрицѣ. Въ своей челобитной они выставили злоупотребленія Волынскаго по конюшенному вѣдомству. Анна Іоанновна передала жалобу Волынскому, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы излить накипѣвшую въ немъ желчь и злость на Остермана, и подалъ императрицѣ свое „доношеніе“, послужившее поводомъ къ выраженію неудовольствія на Волынскаго со стороны Анны Іоанновны. Къ доношенію, въ которомъ Волынской оправдывается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, были приложены „нѣкоторыя примѣчанія о томъ, какія притворства и вымыслы употребляемы бываютъ при монаршескихъ дворахъ и въ чемъ вся такая закрытая политика состоитъ“. Эти примѣчанія были уже прямо направлены на Остермана, изображая царедворца, „приводящаго государя въ сомнѣніе, выговаривающаго все закрытыми и темными терминами, персону свою печальными или ужасными минами показывающаго и производящаго себя дьявольскими каналами“. Доношеніе было подано лѣтомъ 1739 г., во время пребыванія императрицы въ загородномъ Петергофскомъ дворцѣ. Императрица замѣтила Волынскому съ неудовольствіемъ, что онъ ей дѣлаетъ въ своемъ доношеніи наставленіе, какъ управлять государствомъ, считая ее какъ бы малолѣтней. Чрезъ нѣсколько дней Анна Іоанновна въ разговорѣ съ княземъ Черкас-

скимъ выразилась о доношеніи Волынскаго, что онъ „знатно взялъ то изъ книги Маккіавелевой“. Очевидно, враги Волынскаго усердно подливали масло въ загорѣвшееся пламя. По Петербургу стала распространяться молва о какихъ-то ночныхъ сборищахъ у Волынскаго, начались толки о какихъ-то проектахъ, прокламаціяхъ возмутительнаго содержанія, о распространеніи какихъ то памфлетовъ за границей, пошли слухи о томъ, что Артемій Петровичъ недолго останется кабинетъ-министромъ.

Волынской былъ очень смущенъ всѣмъ этимъ и не зналъ на что рѣшиться. Онъ было написалъ новое доношеніе императрицѣ, но изорвалъ его; затѣмъ уволилъ Остермановскаго шпіона при себѣ, кабинетъ-секретаря Яковлева, и настоялъ на томъ, чтобы его сослали въ Выборгъ. Надѣялся Волынской возстановить свой поколебленный служебный кредитъ новой женитьбой: онъ былъ вторично вдовъ и сваталъ теперь черезъ Еропкина дочь графа Михаила Гавриловича Головкина, но безуспѣшно. Между тѣмъ счастье пришло къ Волынскому съ такой стороны, съ которой онъ менѣе всего могъ его ожидать: я разумѣю знаменитую „потѣшную“ свадьбу придворнаго шута князя М. А. Голыцына съ калмычкой Бужениновой, совершенную въ Ледяномъ домѣ.

Волынской былъ назначенъ предсѣдателемъ „машкерадной коммисіи“, учрежденной для организаціи этой свадьбы, и съумѣлъ проявить свою богатую фантазію какъ въ составленіи, такъ и въ исполненіи программы для шутовской свадебной церемоніи. Грубость и запальчивость нрава Волынскаго также обнаружились во время его занятій по „машкерадной коммисіи“. Во время приготовленій къ свадьбѣ онъ, между прочимъ, жестоко избилъ во дворцѣ герцога Курляндскаго секретаря „де сіансъ академіи“, извѣстнаго Вас. Кирил. Тредьяковскаго, которому поручено было написать „вирши“ на шутовскую свадьбу. Жестокими побоями Волынской мстилъ Тредьяковскому за сочиненія на него „смѣхотворныхъ пѣсенекъ“. Свадьба совершилась 6 февраля 1740 г., и изби-

тый піита въ „машкерадномъ платьѣ“ и въ „машкѣ“ читалъ сочиненныя имъ свадебныя вирши.

Вскорѣ послѣ Ледяного дома послѣдовали въ Петербургѣ торжества по случаю заключенія Бѣлградскаго мира, прекратившаго Турецкую войну. Волынской былъ награжденъ щедрѣе многихъ другихъ царедворцевъ: онъ получилъ 20,000 р. Снова поднялась противъ него зависть, снова начались противъ него козни. Князь Куракинъ сталъ дѣйствовать на этотъ разъ уже самостоятельно. Тредьяковскій былъ близкій ему человѣкъ, и вотъ избіеніе Тредьяковскаго въ „палатахъ его свѣтлости владѣющаго герцога Курляндскаго“ выставлялось имъ какъ оскорбленіе, нанесенное лично Бирону. Стали нашептывать Бирону, что Волынской открыто надъ нимъ издѣвается въ засѣданіяхъ кабинетъ-министровъ и, пользуясь тѣмъ, что Биронъ высказывалъ на Волынскаго неудовольствіе по какому-то неважному дѣлу горнаго вѣдомства, возстановили Бирона противъ Волынскаго. Припомнили и подачу Волынскимъ доношенія императрицѣ „въ самое нужное время“, когда она была озабочена серьезными государственными дѣлами. Биронъ вознегодовалъ на Волынскаго, который, по его мнѣнію, былъ обязанъ ему всей своей карьерой. Участь кабинетъ-министра была рѣшена.

На страстной недѣлѣ, въ первыхъ числахъ апрѣля, Волынскому запрещено было являться ко двору.

Волынской недоумѣвалъ, что за причина нечаянной опалы, и только, узнавъ черезъ своихъ конфидентовъ, что всему виною гнѣвъ герцога Курляндскаго, поспѣшилъ къ Бирону, но не былъ принятъ. Съ горя онъ поѣхалъ къ фельдмаршалу Миниху и далъ этимъ поводъ своимъ врагамъ говорить Бирону:

— „Волынской сталъ искать въ Минихѣ противъ вашей свѣтлости“!

Анна Іоанновна продолжала, однако, благоволить къ Волынскому. Она хвалила кабинетъ-секретарю Эйхлеру умѣнье Волынскаго докладывать, а пріятели опальнаго кабинетъ-

министра утѣшали его, говоря, что все обойдется благополучно.

Но на этотъ разъ бѣда разразилась надъ Артеміемъ Петровичемъ.

Про него стали складываться цѣлыя легенды, въ которыхъ незначительная доля истины утопала въ водоворотѣ лжи и небылицы; эти фантастическія сказанія, создаваемыя ненавистью и злорадствомъ, явились впослѣдствіи, на допросахъ Волынскому, матеріаломъ для его обвиненія. На ряду со слухами о „бунтовской" книгѣ, написанной Волынскимъ въ наставленіе государынѣ, одни разсказывали о какомъ-то обширномъ заговорѣ, во главѣ котораго стоялъ Волынской, направленномъ противъ монархическаго порядка въ Россіи, другіе приписывали Волынскому замыселъ государственнаго переворота съ цѣлію самого себя провозгласить россійскимъ государемъ. Чуть ли не всѣ общественныя бѣдствія тогдашней Россіи объяснялись „интригой" Волынскаго. Такъ, башкирскіе бунты, бывшіе на нашей восточной окраинѣ въ 1735, 1736 и 1739 годахъ, приписывались его подстрекательству; на него падали даже обвиненія въ поджогахъ, отъ которыхъ будто бы произошли страшные пожары, бывшіе въ 1737 г. въ Москвѣ, Петербургѣ, Выборгѣ и Ярославлѣ. Молва утверждала, что Волынской хотѣлъ этимъ возбудить недовольство въ нисшихъ классахъ народа. Припоминались въ преувеличенномъ видѣ разные случаи изъ прежней дѣятельности Волынскаго, при чемъ перепутывались мѣстности и года. Волынской мало по малу превращался въ злодѣя, разбойника, изверга. На воротахъ его дома появилась слѣдующая надпись изъ пророка Наума: „Нѣсть цѣльбы сокрушенію твоему, разгорѣся язва твоя; вси слышащія вѣсть твою восплещутъ руками о тебѣ, понеже на кого не найде злоба твоя всегда".

Грустно встрѣтилъ и провелъ Волынской Пасху среди своихъ дѣтей—двухъ дочерей и сына. Онъ понялъ, что дѣло принимаетъ угрожающій оборотъ. „Вѣроятно Богъ хочетъ наказать меня за прежніе грѣхи,—говорилъ онъ,—а это дѣло

21

(т. е. побои Тредьяковскому и доношеніе императрицѣ) служитъ только претекстомъ". Волынской позаботился прежде всего тщательно розобрать свои бумаги и сжечь изъ нихъ все компрометтирующее его; но въ торопяхъ, онъ забылъ про нѣкоторыя изъ нихъ, которыя, какъ увидитъ читатель ниже, и послужили матеріаломъ для возведенія на него весьма тяжелыхъ обвиненій.

Для открытаго преслѣдованія Волынскаго найденъ былъ однако новый „претекстъ". Въ Тайной канцеляріи пріискано и доложено императрицѣ дѣло 1737 года о 500 рубляхъ казенныхъ денегъ, взятыхъ изъ Конюшенной канцеляріи дворецкимъ Волынскаго Василіемъ Кубанцемъ, на „партикулярныя нужды" его господина. Кубанецъ былъ арестованъ и на первомъ же допросѣ выдалъ дѣйствительныя вины Волынскаго, который имѣлъ неосторожность разговаривать откровенно при своемъ дворецкомъ и даже съ нимъ самимъ. Кубанецъ былъ Татаринъ, крещеный Волынскимъ еще во время пребыванія его въ Астрахани и съ тѣхъ поръ находившійся у него въ домѣ.

12 апрѣля 1740 г. Волынской подвергнутъ домашнему аресту. Его бумаги были описаны и опечатаны начальникомъ Тайной канцеляріи генераломъ Ушаковымъ. Началось извѣстное „дѣло" Волынскаго, произведшее большое впечатлѣніе какъ на современниковъ, такъ и на слѣдующія поколѣнія, и увѣковѣчившее въ памяти образованной части русскаго общества представленіе о Волынскомъ, какъ о патріотѣ и борцѣ противъ Нѣмцевъ.

VII.

ПРОЦЕССЪ ВОЛЫНСКАГО И ЕГО «КОНФИДЕНТОВЪ».

Слѣдственная коммисія надъ Волынскимъ, составленная изъ семи лицъ, большинство которыхъ было въ очень близкихъ къ нему отношеніяхъ, открыла свои засѣданія 15-го апрѣля 1740 года.

На первыхъ допросахъ Волынской велъ себя храбро, желая выказать увѣренность, что все дѣло окончится благополучно и думая отвести глаза своимъ слѣдователямъ посторонними эпизодами. Но послѣ замѣчанія членовъ коммисіи, чтобы онъ „посторонняго не плодилъ, но отвѣтствовалъ бы о чемъ онъ имѣетъ быть спрашиванъ“, Волынской сталъ не только сдержаннѣе, но положительно упалъ духомъ и на послѣдующихъ допросахъ доходилъ до самоуниженія передъ своими слѣдователями. Онъ винился въ побояхъ Тредьяковскому, объясняя ихъ своею горячностью, каялся въ злобѣ на Остермана, Куракина и другихъ, извинялся забвеніемъ многаго по недостатку памяти. „Вотъ бѣда, — говорилъ онъ — самъ на себя навралъ, надѣялся на свое перо, что писать гораздъ“. Волынской становился на колѣна, кланялся слѣдователямъ въ ноги. „Я дѣлалъ то съ горячности, злобы и высокоумія“ — говорилъ несчастный Артемій Петровичъ. Онъ особенно заискивалъ въ страшномъ заплечномъ мастерѣ Ушаковѣ, чуя, что тотъ многое знаетъ помимо вопросныхъ пунктовъ и что за это многое, быть можетъ, придется ему дорого поплатиться.

Передъ допросомъ 18-го апрѣля Волынской произнесъ: „прогнѣвался на меня Богъ, а дьяволъ затмилъ мнѣ умъ“. Въ этотъ день надъ Волынскимъ былъ усиленъ караулъ и не только его семейство, но и вся его многочисленная прислуга и дворня были подвергнуты домашнему аресту. Въ этотъ же день дѣло Волынскаго было передано въ Тайную канцелярію.

Между тѣмъ Василій Кубанецъ, которому было обѣщано высочайшее прощеніе, если онъ донесетъ „всю сущую правду", усердно писалъ доносъ за доносомъ на своего господина, „который — по его собственнымъ словамъ — во всемъ открытъ ему былъ и считалъ его совѣстнымъ человѣкомъ". Эти доносы давали матеріалы для новыхъ вопросныхъ пунктовъ и для арестовъ конфидентовъ Волынскаго, но доказывали, что Кубанецъ не понималъ дѣйствительнаго смысла всѣхъ разговоровъ у Волынскаго и настоящихъ намѣреній его и его конфидентовъ.

16-го апрѣля были арестованы Хрущовъ и Еропкинъ, а 18-го — Хрущовъ былъ допрошенъ въ Тайной канцеляріи. Онъ пытался выгородить Волынскаго и представлялъ собранія у него пріятельской компаніей для препровожденія времени и для разсужденія о „партикулярныхъ дѣлахъ". Затѣмъ аресты шли одинъ за другимъ и, по обычаю того времени, не ограничивались только прикосновенными къ дѣлу лицами, но простирались на ихъ родственниковъ, знакомыхъ, домашнюю прислугу и дворовыхъ. Громадное число арестованныхъ наводило панику на петербургское общество и иностранныхъ дипломатовъ и, порождая разные толки и даже сплетни, преувеличивало дѣйствительное значеніе „заговора" Волынскаго. Татищевъ, вѣроятно, лишь потому не былъ замѣшанъ въ это дѣло, что, независимо отъ процесса Волынскаго, въ то время былъ заключенъ въ Петропавловской крѣпости по обвиненію въ служебныхъ злоупотребленіяхъ по Оренбургской экспедиціи.

Кромѣ доносовъ Кубанца, на допросы Волынскаго и его конфидентовъ имѣли вліяніе: 1) Челобитная Бирона императрицѣ, направленная противъ Волынскаго. Эту челобитную, которую большинство біографовъ Волынскаго считаетъ причиной его гибели, Анна Іоанновна слушала только 19 апрѣля, т. е. уже послѣ того, какъ дѣло Волынскаго было передано въ Тайную канцелярію. 2) Бумаги и книги Волынскаго, разсмотрѣнныя Ушаковымъ и Неплюевымъ. На основаніи всѣхъ

этихъ данныхъ Волынскому были предложены новые вопросные пункты, въ которыхъ онъ обвинялся въ „злодѣйскихъ замыслахъ“, т. е. въ намѣреніи измѣнить существующій порядокъ въ Русскомъ государствѣ, и назывался уже клятвопреступникомъ.

На второмъ допросѣ Хрущовъ былъ пытанъ и съ дыбы приписалъ Волынскому намѣреніе посредствомъ возмущенія сдѣлаться государемъ послѣ кончины Анны Іоанновны. Еропкинъ и Соймоновъ подтвердили это показаніе, причемъ Еропкинъ говорилъ, что принималъ участіе въ разговорахъ и въ писаніяхъ Волынскаго „съ глупости“, а Соймоновъ заявилъ, что одобрялъ сочиненія Волынскаго изъ желанія ему прислужиться и изъ опасенія подвергнуться его непріязни. Волынской упорно отрицалъ приписываемыя ему намѣренія провозгласить себя государемъ и всячески старался выгородить царевну Елизавету Петровну. „Я ея не любилъ — говорилъ Волынской — и всегда считалъ ее вѣтренницей“. 22-го мая Волынскаго подвергли въ застѣнкѣ Тайной канцеляріи пыткѣ, но и съ дыбы онъ отрицалъ намѣреніе провозгласить себя государемъ. Хотя Волынскому дано было только 8 ударовъ и пытка его продолжалась полчаса, но Ушаковъ такъ постарался прикрутить Артемія Петровича, что правая рука была у него вывихнута изъ плечевой кости и съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ подписывать своихъ показаній.

5-го и 6-го іюня были пытаны Еропкинъ, Соймоновъ, Эйхлеръ и графъ Мусинъ-Пушкинъ. Отъ нихъ желали узнать — когда именно Волынской хотѣлъ произвести вооруженное возстаніе для низложенія существующаго правительства. Всѣ они единогласно заявили, что ничего не знаютъ о времени государственнаго переворота и также всѣ, за исключеніемъ графа Мусина-Пушкина, сказали, что не доносили о „злыхъ замыслахъ“ Волынскаго „изъ боязни его“. Одинъ только графъ Мусинъ-Пушкинъ храбро объяснилъ, что „не донесъ потому, что не хотѣлъ быть доводчикомъ“.

7-го іюня во второй разъ былъ пытанъ Волынской. На

этотъ разъ онъ получилъ 18 ударовъ и опять упорно отрицалъ намѣреніе стать государемъ всероссійскимъ. Въ этотъ день было объявлено высочайшее повелѣніе: „болѣе розысканій не производить, но изъ того, что открыто, сдѣлать обстоятельное изображеніе и доложить“. Вслѣдствіе этого вопросные пункты Волынскому о его служебныхъ злоупотребленіяхъ остались не разсмотрѣнными. 16-го іюня было сочинено „изображеніе“, а 17-го Ушаковъ и Неплюевъ представили его императрицѣ, жившей въ лѣтней своей резиденціи — Петергофѣ.

19-го іюня учреждено для суда надъ Волынскимъ и его конфидентами „генеральное собраніе“, составленное, вопреки своему названію, далеко не изъ всѣхъ первыхъ государственныхъ сановниковъ. Въ немъ находились, правда, лица отъ фельдмаршала до совѣтника петербургскаго полицейскаго управленія включительно, но то были на подборъ все Русскіе. Такимъ составомъ генеральнаго собранія нѣмецкое правительство Анны Іоанновны, очевидно, хотѣло доказать европейскому общественному мнѣнію непопулярность Волынскаго и его кружка среди Русскихъ. Генеральное собраніе, какъ это обыкновенно являлось въ нашихъ политическихъ процессахъ XVIII в., было учрежденіемъ пассивнымъ. Его обязанность заключалась лишь въ подведеніи подъ составленный обвинительный актъ статей дѣйствуюшаго законодательства. Собраніе, выслушавъ „изображеніе“ и „экстрактъ“ изъ поданнаго въ 1739 г. Волынскимъ императрицѣ доношенія, постановило слѣдующій приговоръ: 1) Волынскаго, яко начинателя всего того злаго дѣла, живаго посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ; 2) Хрущова, Мусина-Пушкина, Соймонова и Еропкина — четвертовать и затѣмъ отсѣчь имъ головы; 3) Эйхлера собраніе признало болѣе виновнымъ, такъ какъ онъ занималъ должность тайнаго кабинетъ-секретаря, а потому опредѣлило — колесовать, а затѣмъ — отсѣчь ему голову; 4) Де-ла Суда, какъ менѣе виновный, подвергался не столь мучительной казни:

его приговорили только къ отсѣченію головы; 5) имѣнія всѣхъ осужденныхъ лицъ, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, конфисковать; 6) двухъ дочерей и сына Волынскаго, какъ лицъ, которыя могли-бы занять императорскій русскій престолъ, сослать въ вѣчную ссылку.

23-го іюня послѣдовалъ въ Петергофѣ высочайшій указъ, смягчающій казнь осужденнымъ. На основаніи этого смягченія казнь совершена 27-го іюня 1740 года на Сытномъ рынкѣ, чѣмъ я началъ настоящій очеркъ.

Мнѣ остается поэтому только добавить, что судьба дѣтей Волынскаго не была смягчена. Обѣ его дочери пострижены въ сибирскихъ монастыряхъ, а сынъ былъ сосланъ въ одинъ изъ отдаленныхъ остроговъ Сибири, подъ присмотръ мѣстнаго командира, съ тѣмъ, что послѣ 15-ти лѣтняго возраста онъ долженъ быть отданъ навѣчно въ солдаты въ камчатскій гарнизонъ. Семьи другихъ осужденныхъ оставлены на свободѣ; личныя имѣнія ихъ женъ не были конфискованы; сыновьямъ отдано было изъ отцовскихъ имѣній по 40 душъ на каждаго. Все движимое и недвижимое имущество самихъ казненныхъ и осужденныхъ конфисковано въ пользу казны, согласно приговору генеральнаго собранія.

VIII.

ЭПИЛОГЪ.

Черезъ три мѣсяца и двадцать дней послѣ казни Волынскаго, Еропкина и Хрущова, 17-го октября 1740 года умерла императрица Анна Іоанновна. Вслѣдъ за ея смертію быстро слѣдовали перемѣны при дворѣ, низвергая съ пьедесталовъ враговъ Волынскаго и возводя на нихъ его доброжелателей. Въ ночь съ 7-го на 8-е ноября того же года Минихъ арестовалъ Бирона, а 18-го января 1742 года самъ Минихъ и Остерманъ отправлены въ вѣчную ссылку: первый въ Пелымъ, а второй въ Березовъ. Тогда уже царствовала Елизавета Петровна, вступившая на престолъ 25-го ноября 1741 года. Менѣе полутора года не дожили Волынской, Еропкинъ и Хрущовъ до того времени, когда исполнилась ихъ мечта. Нѣмецкое правительство было низложено, но не они, а другіе люди торжествовали ту самую побѣду, за мысль о которой они были преданы позорной казни. Теперь прославлялись Воронцовъ, Разумовскій и Лестокъ именно за то, за что Волынской, Еропкинъ и Хрущовъ, полтора года тому назадъ, были признаны „государственными вредителями" и „злокозненными клятвопреступниками".

Волынской оставилъ по себѣ особо яркій слѣдъ въ памяти потомства и идеализированъ въ преданіи и въ поэтическихъ произведеніяхъ потому, что былъ послѣдней жертвой Бироновщины, явившейся въ представленіи русскаго народа олицетвореніемъ его угнетенія и безправія. Казнь Волынскаго и его „конфидентовъ", жестокая сама по себѣ, является также какъ и личность Волынскаго, выраженіемъ времени. Не менѣе ея были жестоки и другія современныя ей политическія казни, которыми эпоха реформы Петра Великаго столь-же богата, какъ и время грознаго царя Іоанна IV. Розыски стрѣлецкіе,

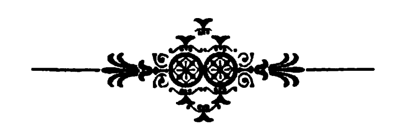
процессъ царевича Алексѣя Петровича, колесованіе Монса, умерщвленіе князей Долгорукихъ въ Новгородѣ, скоропостижная смерть князя Голицына въ Шлюссельбургѣ, пытки православныхъ архіереевъ и раскольниковъ въ Тайной канцеляріи и менѣе извѣстныя казни „подлыхъ людей“ (т. е. простолюдиновъ, по выраженію XVIII в.) — все это столь же безчеловѣчные и кровавые факты, какъ и казнь Волынскаго и его конфидентовъ. Самъ Волынской поступалъ жестоко и лицепріятно съ княземъ Д. М. Голицынымъ, князьями Долгорукими и другими, участвуя въ „генеральныхъ собраніяхъ“ надъ ними.

Намѣренія Волынскаго относительно государственнаго переворота не были приведены имъ въ исполненіе и остались въ области предположеній; замыселъ же о провозглашеніи Волынскимъ самого себя государемъ совершенно не доказанъ. Это поразило императрицу Екатерину II въ лучшую, либеральную, пору ея царствованія, и она, въ извѣстномъ завѣщаніи по дѣлу Волынскаго „сыну своему и всѣмъ своимъ потомкамъ“, обратила вниманіе на несправедливость обвиненія Волынскаго въ измѣнническомъ умыслѣ присвоить себѣ верховную власть въ Россіи и на бездоказательность показанія съ пытки.

„Волынской былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ — говоритъ Екатерина II — однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. Итакъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ“.

Примѣчаніе. — Статья эта была составлена въ 1885 году, по просьбѣ редактора «Русской Старины» М. И. Семевскаго, по поводу предпринятаго имъ сооруженія памятника на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. Вслѣдствіе этого въ настоящемъ очеркѣ, въ виду его спеціальнаго назначенія, я преимущественно останавливаюсь на

дѣятельности Волынскаго въ качествѣ кабинетъ-министра, на его политическихъ воззрѣніяхъ и замыслахъ и на его процессѣ, а его службу до назначенія кабинетъ-министромъ излагаю весьма кратко. Вновь изданные источники для біографіи Волынскаго, появившіеся послѣ 1876 г. (когда была составлена моя монографія, о Волынскомъ, помѣщенная въ «Древней и Новой Россіи» за 1876 — 1877 гг.), касаются, главнымъ образомъ, его дѣятельности въ Персіи, Астрахани и Казани; а потому я не ввожу ихъ въ настоящій очеркъ. Кромѣ данныхъ изъ моей монографіи о Волынскомъ, большею частью архивныхъ, при составленіи настоящаго очерка мнѣ послужили слѣдующіе источники: 1) Матеріалы и замѣтки, помѣщенные въ «Русской Старинѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ» за 1877 — 1884 гг. 2) Донесенія посланниковъ при Петербургскомъ дворѣ: саксонскаго — Зума (помѣщ. въ «Сборникѣ Импер. Русск. Истор. Общества, т. XX) и прусскаго— Мардефельда (въ «Древней и Новой Россіи» 1876 г., т. I). 3) Книга, приписываемая гр. Локателли, «Lettres Moscovites», изд. въ 1736 году, и монографіи о ней. 4) Herrmann, «Geschichte des Russischen Staates», IV-ter Band, Hamb., 1849. (Донесенія иностранныхъ пословъ о князьяхъ Долгорукихъ). 5) «Mémoires du prince P. Dolgoroukow», Génève, 1867, v. I. 6) Zur Geschichte der Familie von Brevern, v. Georg v. Brevern; als Manuscript gedruckt, III-ter Band, Berlin, 1883. 7) Россійская родословная книга, изд. кн. П. В. Долгорукимъ, Спб., 1854—1857 г., т. IV. 8) Статья А. А. Васильчикова, «Родъ Нарышкиныхъ», въ «Русск. Арх.» 1871 г. 9) Данныя изъ моей монографіи: «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», Казань, 1880 г.

VIII.

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ.

(1686 — 1750).

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ[1].

«Пушкинъ назвалъ Ломоносова первымъ русскимъ университетомъ; названіе это въ значительной степени можетъ быть примѣнено и къ первоначальнику русской исторической науки — Татищеву»,

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

У цивилизованныхъ западно-европейскихъ народовъ для погребенія ихъ великихъ людей существуютъ Пантеоны и Вестминстерскія аббатства; у насъ могилы нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей прошлаго времени находятся въ разрушеніи и въ забросѣ, и лишь по случаю празднованія ихъ юбилеевъ — недавно явившагося на Руси подражанія западно-европейскимъ обычаямъ, — производятся изслѣдованія о днѣ ихъ рожденія и о подробностяхъ кончины. Кому, напримѣръ, извѣстна заброшенная могила на погостѣ приходской церкви села Рождествена, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, въ 11-ти верстахъ отъ станціи Подсолнечной, Николаевской желѣзной дороги? Между тѣмъ въ этой могилѣ погребенъ

[1]) Статья эта переработана изъ рѣчи, произнесенной авторомъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 19 апрѣля 1886 г., въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Татищева, и была первоначально помѣщена въ «Русской Старинѣ» 1887 года, т. LIV, стр. 563 — 590.

одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ XVIII в., одинъ изъ самыхъ сильныхъ русскихъ умовъ—Василій Никитичъ Татищевъ [1]). А большинству нашего такъ наз. образованнаго общества самъ Татищевъ едва-ли извѣстенъ и по имени. Вообще забывчива память русскихъ людей!... Много-ли мы знаемъ о сильныхъ духомъ и мыслію русскихъ дѣятеляхъ XVIII вѣка, не говорю уже о вѣкахъ болѣе отдаленныхъ! Даже царь-богатырь Петръ Великій не изученъ въ достаточной полнотѣ, а между тѣмъ сколько замѣчательныхъ русскихъ людей рядомъ съ нимъ и послѣ него подвизалось на благо родной земли, и образы ихъ для насъ являются какими-то туманными пятнами. Исключеніе составляетъ развѣ только одинъ Ломоносовъ; а Татищевъ, кн. Кантемиръ, Посошковъ, Болтинъ, кн. Щербатовъ, Новиковъ, Радищевъ и другіе — все это почти что „образы безъ лицъ“ для большинства. Жизнь и дѣянія этихъ людей призваны изучать одни только спеціалисты—историки и историки литературы. Дѣла ихъ для большинства — „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Особенно печальна судьба ученыхъ заслугъ Татищева. Какъ писателя, мыслителя—его мало знали при жизни. Тогда онъ былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ инженеръ и чиновникъ-администраторъ, да еще вдобавокъ какъ чиновникъ, попадавшій весьма часто подъ слѣдствіе и судъ и умершій даже подъ арестомъ. Лишь послѣ смерти Татищева были изданы его „Исторія Россіи“ и открытые имъ „Русская Правда“ и „Царскій Судебникъ“, но ученая его репутація была еще болѣе запятнана, чѣмъ служебная. „Исторія Россіи“, которую онъ читалъ у Волынскаго, въ интимномъ кружкѣ своихъ друзей, въ 1739 году, составила ему въ высшихъ кругахъ тогдашняго петербургскаго общества опасную репутацію „аѳеиста“; онъ долженъ былъ ее передѣлать, но и въ передѣланномъ видѣ

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» 1879 г., т. XXVI, стр. 540—543, и 1880 г., т. XXVIII, стр. 618 — замѣтки о могилѣ В. Н. Татищева.

она не могла появиться въ печати при его жизни. Тридцать лѣтъ упорнаго труда посвятилъ Татищевъ на составленіе своей „Исторіи", и первый томъ ея былъ напечатанъ лишь въ 1768 году—18 лѣтъ спустя послѣ его смерти, по черновому списку и исправленный издателемъ. Бѣловой экземпляръ „Исторіи", вмѣстѣ съ обширной библіотекой Татищева, сгорѣлъ въ его подмосковной — сельцѣ Болдинѣ. Остальныя ученыя и публицистическія сочиненія Татищева появляются въ печати уже въ XIX в. Ученыя заслуги русскаго человѣка впервые повѣдалъ его соотечественникамъ замѣчательный русскій историкъ XVIII в. — Мюллеръ. Нѣмецъ Мюллеръ былъ первымъ издателемъ Исторіи и Судебника Татищева, и изданія эти могли появиться только въ царствованіе Екатерины II. Иначе чѣмъ Мюллеръ отнесся къ Татищеву другой нѣмецъ, также извѣстный историкъ Россіи въ XVIII в. — Августъ Людвигъ Шлёцеръ. Увлеченный своимъ „Несторомъ", онъ обвинилъ Татищева почти что въ ученомъ подлогѣ Іоакимовской лѣтописи и заподозрилъ многія мѣста его исторіи въ достовѣрности.

Болѣе полустолѣтія тяготѣлъ надъ Татищевымъ укоръ Шлёцера, еще болѣе развитый Карамзинымъ; и лишь въ половинѣ 1850-хъ годовъ, слишкомъ черезъ столѣтіе послѣ кончины Татищева, раздались среди русскихъ ученыхъ голоса въ его пользу. То были авторитетныя мнѣнія С. М. Соловьева и П. А. Лавровскаго. Въ настоящее время, благодаря трудамъ названныхъ ученыхъ, а также изслѣдованіямъ Н. А. Попова, академиковъ А. А. Кунина и П. П. Пекарскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина, ученая добросовѣстность Татищева вполнѣ доказана [1]) — и его „Исторія" можетъ быть почтена замѣчательнымъ научнымъ трудомъ. Съ одной стороны, въ ней выразились своеобразныя воззрѣнія просвѣщеннаго русскаго человѣка прошлаго вѣка на историческую науку; съ

---

[1]) Подробности см. въ примѣчаніи № 1, въ концѣ настоящей статьи.

другой—она представляетъ собою хранилище многихъ, весьма важныхъ, не дошедшихъ до насъ помимо ея, историческихъ источниковъ.

Но Татищевъ не былъ только историкомъ. На ряду съ Петромъ Великимъ и Ломоносовымъ онъ является въ числѣ первоначальныхъ зодчихъ вообще русской науки.

Математикъ, естествоиспытатель, горный инженеръ, географъ, этнографъ, историкъ и археологъ, лингвистъ, ученый юристъ, политикъ и публицистъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщенный практическій дѣятель и талантливый администраторъ—Татищевъ, по своему обширному уму и многосторонней дѣятельности, смѣло можетъ быть поставленъ рядомъ съ Петромъ Великимъ. Татищевъ точно также, какъ и первый русскій императоръ, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, былъ вѣчный работникъ. „Все, что имѣю,—говоритъ Татищевъ,—чины, честь, имѣніе, и главное надъ всѣмъ—разумъ, единственно по милости его величества имѣю: ибо, если-бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, то бы я не могъ ничего того получить“. Татищевъ типическій представитель новыхъ русскихъ людей, созданныхъ реформою Петра Великаго, одинъ изъ лучшихъ „птенцовъ“ перваго императора. Практичность во всемъ — и въ дѣлахъ, и въ воззрѣніяхъ, полное отсутствіе идеальничанья, мечтательности и глубокое пониманіе сущности вещей, находчивость, умѣнье всегда ко всему приноровиться, необыкновенно здравое и мѣткое сужденіе обо всемъ и тонкая здравая логика — вотъ отличительныя черты интеллектуальнаго и нравственнаго образа Татищева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Татищева замѣчается разладъ между мыслію и жизнію—чего была совершенно чужда цѣльная натура Петра Великаго. Такъ, будучи одушевляемъ высокими стремленіями общественнаго служенія и умственнаго подвига на благо ближнему—Татищевъ на практикѣ, въ жизни, не всегда оставался вѣренъ этимъ принципамъ. Достоинства Татищева состав-

ляютъ отличительныя черты русскаго человѣка вообще; недостатки являются характеристическими чертами времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Татищевъ. Время Петровской реформы, — когда происходила такая страшная ломка всего политическаго, общественнаго и культурнаго строя московской Руси—всего менѣе могло создавать цѣльные характеры, и всѣ русскіе люди первой половины XVIII вѣка не отличаются устойчивостью и выработанностью нравственныхъ принциповъ: противорѣчіе между мыслію и дѣйствительностью — ихъ стихія. Такою двойственностью отличались, какъ мы видѣли выше, князь Д. М. Голицынъ и А. П. Волынской. Таковъ былъ и Татищевъ.

I.

Очеркъ жизни В. Н. Татищева. — Семейное преданіе о его смерти.

Василій Никитичъ Татищевъ родился 19 апрѣля 1686 года въ Псковскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своего отца стольника Никиты Алексѣевича Татищева, и въ раннемъ дѣтствѣ, семи лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу также стольникомъ ко двору царицы Прасковьи Θеодоровны (рожденной Салтыковой), жены царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго [1]). Родъ Татищевыхъ, на ряду съ нѣкоторыми другими нетитулованными русскими дворянскими родами (Аладьиныхъ, Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, Еропкиныхъ, Ляпуновыхъ, Мусоргскихъ, Ржевскихъ, Сатиныхъ и друг.) — происходитъ отъ владѣтельныхъ русскихъ удѣльныхъ князей: Татищевы ведутъ свой родъ отъ князей Смоленскихъ. Но не столько княжеское происхожденіе Василія Никитича, сколько свойство его, черезъ Салтыковыхъ, съ царицей Прасковьей Θеодоровной, рано открыло передъ нимъ служебно-придворное поприще, а пребываніе при дворѣ царицы Прасковьи Θеодоровны и затѣмъ долголѣтнія близкія отношенія къ ней и ко всему ея семейству имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни Татищева. Здѣсь онъ подробно познакомился съ вотчинно-царскимъ старо-русскимъ бытомъ,

---

[1]) Подробности см. въ примѣчаніи № 2, въ концѣ настоящей статьи.

и впервые въ обществѣ царицы Прасковьи, отличавшейся обрядовымъ богомоліемъ и любившей всякихъ блаженныхъ и юродивыхъ, запало въ практическій умъ Татищева отрицательное отношеніе къ суевѣрію, святошеству и пустосвятству. Татищевъ хорошо зналъ всѣхъ дочерей царицы Прасковьи и въ томъ числѣ Анну Іоанновну, будущую русскую императрицу, въ исторіи воцаренія которой игралъ онъ замѣтную роль. Обучался Татищевъ въ московской артиллерійско-инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи извѣстнаго русскаго математика, астронома и инженера XVIII вѣка, графа Як. Виллим. Брюса. Близкія отношенія къ Брюсу, въ которыя вошелъ съ того времени Татищевъ, повліяли на всю его дальнѣйшую ученую и служебную карьеру, пристрастивши его къ математикѣ, географіи и горному дѣлу. Въ 1704 году, 18-ти лѣтъ отъ роду, Татищевъ поступаетъ на службу солдатомъ въ артиллерію и до 1717 года участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ со Шведами. Въ эти молодые годы, среди напряженной борьбы Петра Великаго съ „Шведскимъ львомъ", Татищевъ находитъ досугъ обратить вниманіе на русскіе археологическіе памятники и начинаетъ собирать источники по русской исторіи. За это же время онъ три раза ѣздилъ за-границу: въ Польшу, Германію, Голландію и Швецію. Въ 1719 году Татищевъ опредѣленъ „къ землемѣрію всего государства и къ сочиненію обстоятельной географіи съ ландкартами", а въ слѣдующемъ 1720 году онъ командируется въ Сибирскую губернію, на „Кунгуръ и въ прочія мѣста, для отысканія рудъ и постройки горныхъ заводовъ". Три года проводитъ Татищевъ въ Зауральѣ, упорно трудясь надъ упорядоченіемъ тамъ горнаго дѣла, устраивая училища въ казенныхъ заводахъ, основывая новый центръ ихъ управленія—Екатерининскъ, теперешній Екатеринбургъ, вступая въ борьбу съ частными заводчиками, злоупотреблявшими казеннымъ интересомъ и стремившимися къ своимъ личнымъ выгодамъ. Во главѣ этихъ заводчиковъ стоитъ извѣстный Никита Демидовъ, которому до пріѣзда Татищева на Уралъ,

по мѣткому выраженію послѣдняго, „никто не смѣлъ... слова выговорить и онъ здѣсь поворачивалъ, какъ хотѣлъ“.

Въ 1724 г. Татищевъ командируется Петромъ Великимъ въ Швецію, для лучшаго изученія горнаго дѣла и приглашенія ученыхъ въ задуманную императоромъ Академію Наукъ. Въ Стокгольмѣ застигла Татищева вѣсть о кончинѣ его „патрона“ и благодѣтеля, Петра Великаго. Онъ вернулся въ Россію, когда номинально на россійскомъ императорскомъ престолѣ находилась Екатерина I, а фактическимъ правителемъ государства былъ „Левіафанъ“ — какъ называетъ его Татищевъ—всесильный князь Меншиковъ. Пребываніе въ Швеціи имѣло большое вліяніе на ученыя и политическія воззрѣнія Татищева. Здѣсь, между прочимъ, удалось ему собрать очень много историческаго матеріала. При Екатеринѣ I и въ послѣдующее царствованіе Татищевъ занимаетъ скромное мѣсто члена Монетной конторы и выдвигается на политическомъ поприщѣ при воцареніи Анны Іоанновны, какъ авторъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ проектовъ измѣненій въ управленіи Русскаго государства, поданныхъ въ то время шляхетствомъ. Въ 1734 г. Татищевъ назначается начальникомъ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Съ новой, еще бо̀льшей чѣмъ прежде, энергіей принимается онъ за приведеніе ихъ въ порядокъ, составляетъ замѣчательный горный уставъ, открываетъ обильную желѣзную руду въ горѣ, названной имъ въ честь императрицы Анны Іоанновны „Благодать“ (Анна — по еврейски = благодать) и мечтаетъ стать во главѣ всего горнаго управленія въ Россіи, но это мѣсто получаетъ нѣмецъ Шомбергъ, одинъ изъ кліентовъ уже всесильнаго въ то время Бирона. Горное управленіе становится для Бирона источникомъ самаго позорнаго казнокрадства, и Татищевъ, вступивъ въ войну съ Шомбергомъ, конечно, не только не могъ разсчитывать на служебное повышеніе, но долженъ былъ почесть себя вполнѣ счастливымъ, что, получивъ чинъ тайнаго совѣтника, былъ назначенъ правителемъ Оренбургскаго края.

Это назначеніе открыло передъ нимъ новую администра-

тивную задачу, весьма важную въ политическомъ отношеніи,—правильную постановку отношеній къ инородцамъ восточной Россіи: Башкирамъ, Калмыкамъ и Киргизамъ, жившимъ недружелюбно съ русскимъ правительствомъ съ самаго XVI вѣка и заявлявшимъ это недружелюбіе цѣлымъ рядомъ бунтовъ и возстаній, которые тянутся черезъ все XVII столѣтіе и переходятъ въ XVIII-е. Съ 1736-го до 1745-го года Татищевъ послѣдовательно управлялъ Оренбургомъ, Калмыками и Астраханской губ. Управленіе обширными областями сѣверо-восточной Россіи, нашего Пріуралья и Поволжья, ознаменовалъ Татищевъ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ административныхъ мѣропріятій и за все время этого управленія усердно занимался наукой. Онъ изучаетъ инородцевъ и географію мѣстности, обращаетъ вниманіе на вещественныя древности края и работаетъ надъ своей „Исторіей Россіи“. Его переписка съ Академіей наукъ изъ Уфы, Оренбурга и Астрахани полна глубокаго интереса. Его предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи россійской, посланное въ Академію наукъ изъ Самары въ 1737 г., представляетъ обширную програму изученія Поволжья и Пріуралья, на разработку которой потребовалась бы совокупная дѣятельность нѣсколькихъ ученыхъ коммисій и вопросы которой не потеряли своего научнаго значенія и въ наше время, черезъ полтораста лѣтъ послѣ ея составленія. Изъ административныхъ предпріятій Татищева въ Пріуральи и Поволжьи важнѣйшими должны быть почтены мѣры къ усиленію среди Башкиръ русскаго элемента. Татищевъ правильно поставилъ вопросъ о правительственной колонизаціи края, перенесъ на теперешнее мѣсто Оренбургъ, основанный его предмѣстникомъ Кириловымъ нѣсколько сѣвернѣе, и возвелъ по южной окраинѣ башкирской земли двѣ укрѣпленныя черты, два ряда крѣпостей для защиты отъ набѣговъ Киргизовъ и другихъ среднеазіятскихъ степняковъ. Одна изъ этихъ крѣпостей носитъ до сихъ поръ названіе, въ честь его, Татищевой. Взятіемъ этой крѣпости проявляется первый успѣхъ Пугачева, и подъ ней же наноситъ

первое серьезное пораженіе полчищамъ самозванца князь Голицынъ.

Послѣднія пять лѣтъ жизни Татищевъ провелъ въ своей подмосковной, сельцѣ Болдинѣ, Клинскаго уѣзда, находясь подъ домашнимъ арестомъ. Онъ умеръ 15 іюля 1750 г. Въ семейныхъ преданіяхъ потомковъ Татищева сохранился умилительный разсказъ о послѣднихъ дняхъ его жизни. Этотъ разсказъ дополняется любопытными подробностями, найденными въ 1885 году въ Соликамскѣ, въ одной современной Татищеву рукописи, трудолюбивымъ и талантливымъ изслѣдователемъ мѣстной пермской исторіи, преподавателемъ пермской гимназіи А. А. Дмитріевымъ [1]). Вотъ это семейное преданіе о кончинѣ Татищева.

„Накануне своей смерти Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и внука своего Ростислава Евграфовича верхомъ же, къ слушанію божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ село, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками. По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показываетъ ему, гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и, избравъ порожнее подлѣ нихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя могилу, и хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышеписаннымъ же своимъ внучкомъ, приказавъ священнику назавтра пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со святыми дарами, и также чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ, и потомъ возвратился домой. Тамъ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ императрицы, что онъ найденъ невиннымъ, и присланъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ, написавъ благодарительное письмо къ государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что

---

[1]) «Предсмертное увѣщаніе Татищева сыну», напеч. въ апрѣльской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. 1886 г.

уже приближался конецъ его жизни, отпустилъ присланнаго, и тогда же снята была находящаяся при немъ стража. Въ вечеру, когда по обыкновенію пришелъ къ нему поваръ французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару, что „уже я больше не хозяинъ вашъ, но гость, а вотъ хозяйка, — указывая на свою невѣстку, Евграфа Васильевича жену, — она тебѣ прикажетъ что надобно", примолвя, что „теленокъ начатъ и есть изъ чего готовить". На слѣдующій день священникъ со всѣмъ причтомъ въ назначенный часъ прибылъ, исповѣдалъ его и причастилъ Святыхъ Таинъ. Послѣ сего Василій Никитичъ приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія, призвалъ всѣхъ находящихся при немъ людей, простился и съ ними, наконецъ, приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ и при чтеніи седьмаго Евангелія скончался, приказавъ напередъ, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шуму, дабы не продлить мученія тѣла, когда оное разстается съ душою. Когда же хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что онъ уже, по повелѣнію покойнаго, давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ, покойный, самъ точилъ" [1]).

---

[1]) См. примѣчаніе № 3 въ концѣ наст. статьи.

II.

Характеристика „умоначертанія“ Татищева. — Философскія, религіозныя и политическія его убѣжденія.

Умоначертаніе, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, Татищева сложилось подъ вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ: 1) идей западно-европейскихъ мыслителей XVII и XVIII вѣковъ, 2) преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Свои философскія, религіозныя и политическія убѣжденія Татищевъ выразилъ какъ въ „Исторіи Россіи“, такъ и въ другихъ ученыхъ и политическихъ трактатахъ, но не легко по его сочиненіямъ вполнѣ возстановить эти убѣжденія. Живя въ „опасное и суетное время“, какъ называли русскіе люди первую половину XVIII вѣка, Татищевъ не только не могъ высказываться откровенно, но долженъ былъ многое измѣнять въ своихъ писаніяхъ, боясь осужденія и кривотолка. Кромѣ того, мелкія сочиненія Татищева до сихъ поръ не всѣ изданы и не собраны въ одинъ сборникъ, и притомъ въ большинствѣ случаевъ изданы крайне небрежно. Въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ одна лишь „Духовная“ Татищева, изданная въ 1885 году почетнымъ членомъ Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, А. Н. Островскимъ,—вполнѣ научно и совершенно достойно памяти оригинальнаго русскаго мыслителя XVIII вѣка [1]).

Татищевъ говоритъ, что „философіи онъ неученъ“. Для объясненія этихъ словъ слѣдуетъ припомнить, что въ первой половинѣ XVIII в. подъ философіей разумѣлось совсѣмъ не то, что въ наши дни. Въ то время, когда только что развивался въ Европѣ научный и религіозный скептицизмъ, путь

---

[1]) Подробн. см. въ примѣч. № 4 въ концѣ настоящ. статьи.

къ которому былъ проложенъ мыслію Бэкона и Декарта; когда критическая мысль не могла еще какъ слѣдуетъ оріентироваться въ основныхъ вопросахъ, подлежащихъ рѣшенію положительнаго знанія; когда деистическое направленіе въ религіозномъ воззрѣніи смѣнялось въ Германіи мистическимъ піетизмомъ; когда идеализмъ Лейбница и натуръ-философія Вольфа заслоняли собою критицизмъ Бэкона — въ то время подъ философіей разумѣлось нѣчто весьма неопредѣленное. То было какимъ-то хаотическимъ собраніемъ разныхъ вопросовъ изъ области религіи, метафизики, морали, политики и естествознанія. Логика, психологія, этика, эстетика, какъ отдѣльныя отрасли знанія о человѣческомъ духѣ—находились въ зародышѣ. Трудно было оріентироваться въ тогдашней „философіи" практическому, утилитарному уму Татищева. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать приведенное выше замѣчаніе его о томъ, что онъ „не ученъ философіи"; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ выходъ въ этомъ лабиринтѣ именно благодаря практичности своего ума.

Философскія воззрѣнія Татищева отличаются эклектизмомъ, основываясь на практическомъ пониманіи науки.

Просвѣтительное западно-европейское движеніе охватило Татищева. Онъ основательно знакомъ съ твореніями корифеевъ европейской мысли XVII и начала XVIII в. Изъ нихъ наиболѣе симпатичны ему Бэйль, Локкъ, Гобессъ, Лейбницъ, послѣдователь и популяризаторъ послѣдняго Хр. Вольфъ и основатели науки, такъ наз. естественнаго права — Пуффендорфъ, Томазій и Гуго Гроцій. Христ. Вольфъ, по собственному сознанію Татищева, имѣлъ всего болѣе вліянія на его общее міросозерцаніе. Утилитарный складъ ума Татищева заставляетъ его искать въ знаніи, въ наукѣ, прежде всего полезности, приложенія къ житейской практикѣ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходится съ Петромъ Великимъ. Но Татищевъ не ограничивается однимъ прикладнымъ знаніемъ; для него конечная цѣль знанія несравненно выше преходящихъ, временныхъ житейскихъ потребностей. Ученіе, раз-

витіе разума, пріобрѣтеніе добра и отвращеніе отъ зла—вотъ задачи человѣческой жизни. Смыслъ науки—самосовершенствованіе и самопознаніе человѣка. Разумъ, по убѣжденію Татищева, есть основная движущая сила въ человѣкѣ. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись" — эта русская пословица положена Татищевымъ въ основу его доказательствъ необходимости ученія. Въ „Разговорѣ о пользѣ наукъ" Татищевъ подробно обозрѣваетъ ученіе, свойственное каждому изъ четырехъ возрастовъ человѣческихъ: 1) младенчеству (до 12 лѣтъ), 2) юношеству (до 25 лѣтъ), 3) мужеству (до 50 лѣтъ), 4) старости. Отъ обученія индивидуальнаго человѣка Татищевъ переходитъ къ разсмотрѣнію „умопросвѣщенія" всего человѣчества, которое онъ дѣлитъ, сообразно съ возрастами человѣка, также на четыре періода. Всѣ науки, по Татищеву, раздѣляются, прежде всего, на двѣ категоріи: 1) душевныя — богословіе, 2) тѣлесныя — философія. „Другое раздѣленіе — говоритъ онъ — есть моральное, которое различествуетъ въ качествѣ, яко: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или тщетныя, 5) вредительныя". Всѣ эти науки распредѣляются по стану, т. е. общественному положенію человѣка, или по сословіямъ. Въ этомъ видно практическое пониманіе вѣка, а въ особенности вліяніе воззрѣній Петра Великаго. Татищевъ представляетъ затѣмъ цѣлую систему наукъ, обнимающую весь циклъ тогдашнихъ знаній [1]). Вопросы морали Татищевъ рѣшаетъ практически. Для него мораль—есть выводъ изъ житейскаго опыта. Этотъ житейскій опытъ положенъ имъ въ основу его „Духовной", въ которой преподаетъ онъ наставленія сыну.

Религіозныя убѣжденія Татищева, составившія ему между современниками репутацію „аѳеиста" и пугавшія многихъ своею смѣлостью, исходили изъ его философскихъ воззрѣній, но не отличались особою устойчивостью. Въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій у Татищева проявлялось отмѣченное выше про-

---

[1]) См. «Разговоръ», по изд. Н. А. Попова, стр. 52—86, 155—158.

тиворѣчіе между мыслію и жизнію. Теоретически — его религіозныя убѣжденія носили всѣ признаки раціонализма и даже частнѣе, такъ наз. деизма, бывшаго въ первой половинѣ XVIII в. въ большомъ ходу у образованныхъ людей Западной Европы. Полагая въ основу всего человѣческаго міросозерцанія разумъ, Татищевъ признавалъ Высшее Существо, Промыслъ Божій и загробную жизнь, высоко чтилъ Евангельское ученіе, но относился отрицательно къ вѣроученію положительныхъ христіанскихъ религіозныхъ исповѣданій. Высказывалъ онъ такія воззрѣнія весьма осторожно и нерѣшительно. Въ жизни же, на практикѣ, особенно подъ вліяніемъ личныхъ невзгодъ, онъ исполнялъ благочестивые православные обычаи предковъ и отличался даже набожностью. Это видно и изъ его „Духовной" и „предсмертнаго увѣщанія сыну", и изъ приведеннаго выше преданія о его кончинѣ. Татищевъ, какъ практикъ, обращаетъ въ своихъ писаніяхъ преимущественное вниманіе на практическое значеніе религіи въ жизни народной: онъ высоко ставитъ нравственно-воспитательное вліяніе христіанскаго ученія на народныя массы, нападаетъ на чрезмѣрное развитіе обрядности, на смѣшеніе въ религіи важнаго и первостепеннаго съ неважнымъ и второстепеннымъ и на несоотвѣтствующее своему высокому положенію состояніе духовенства, этого проводника религіозныхъ истинъ въ сознаніе народныхъ массъ. Слѣдуя европейскимъ свободнымъ мыслителямъ своего времени, Татищевъ бичуетъ властолюбіе, корыстолюбіе и невѣжество духовенства и нападаетъ на распространеніе имъ въ народѣ суевѣрія и на эксплуатацію въ свою пользу невѣжественной массы. Съ одинаковою рѣзкостью и желчью преслѣдуетъ онъ духовенство за эти пороки, гдѣ бы, въ какомъ бы религіозномъ исповѣданіи они ни проявлялись: и въ буддійскомъ далайламствѣ, и среди греческихъ, египетскихъ и римскихъ жрецовъ, и въ христіанскомъ римскомъ папствѣ и, наконецъ, въ православномъ духовенствѣ—византійскомъ и русскомъ. Татищевъ горячо возстаетъ противъ всякихъ суевѣрій: противъ боязни дьявола,

противъ предсказаній, противъ „пустосвятства“ и „суесвятства“, и не понимая должнымъ образомъ настоящей причины возникновенія въ господствующей церкви ересей и расколовъ, объясняетъ ихъ появленіе желаніемъ „нѣкоторыхъ людей, любочестіемъ побѣжденныхъ“, ввести въ обманъ невѣжественныя народныя массы. Суевѣріе массъ, эксплуатируемыхъ духовенствомъ, у Татищева больное мѣсто. „Я не почитаю то въ диво, — говоритъ онъ, — когда слышу отъ людей къ знанію закона Божія неприлежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія, за истину почитающихъ; но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благонравію, яко соль обуявшая — ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть, ни народъ обучать, и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное — за сущее, яко спасенію нужное предаютъ“ [1]). „Вѣра — говоритъ Татищевъ — не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость (т. е. нисшіе классы народа) разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ“ [2]). Татищевъ высказывается въ одномъ изъ своихъ административныхъ проектовъ за полную вѣротерпимость не только всѣхъ христіанскихъ, но и нехристіанскихъ исповѣданій. Исключеніе составляютъ одни Евреи. Для Татищева религія имѣетъ большое государственное значеніе, и онъ подчиняетъ Церковь государству. Польза религіи заключается въ охраненіи народной массы отъ пороковъ и преступленій.

Государство для Татищева, „птенца Великаго Петра“ — есть высшее проявленіе общественной и умственной жизни народа.

Слѣдуя Вольфу, Татищевъ разсматриваетъ постепенное

---

[1]) Исторія Россіи, т. II, примѣч. 134.
[2]) Тамъ-же примѣч. 180.

развитіе общежитія у людей, начиная съ супружества и семейства, и опредѣляя затѣмъ сообщество домашнее, отношеніе господина къ слугамъ, сообщество гражданское и, наконецъ, государство. Всѣ эти „сообщества" въ основѣ своей имѣютъ — договоръ, т. е. добровольное согласіе двухъ сторонъ. Переходя къ образованію государствъ, Татищевъ останавливается на четырехъ различныхъ формахъ правленія: демократической, аристократической, монархической и смѣшанной. „Невозможно сказать—говоритъ Татищевъ, — которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно озирать на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе земель, пространство, области и состоянія народа. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападеній не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами, особливо, гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ: великія же области, открытыя границы, а наипаче, гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ непросвѣщенъ и болѣ за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужна быть монархія... И намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, Римской и другихъ республикъ доказываютъ, что они дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили, равно о монархіяхъ Ассирійской, Египетской, Персидской, Римской и Греческой, какъ правленія древнія, и законы въ пользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшною представлялась; когда же подданные дерзнули для собственнаго любоиманія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось" [1]).

---

[1]) Исторія Россіи, т. I, ч. I, стр. 533—534.

Принадлежа, по политическимъ убѣжденіямъ, къ кружку, во главѣ котораго стоялъ Артемій Петров. Волынской, и высказывая въ своихъ политическихъ проектахъ воззрѣнія, весьма схожія съ воззрѣніями злосчастнаго кабинетъ-министра Анны Іоанновны, Татищевъ желалъ національнаго, русскаго направленія въ правительствѣ и былъ врагомъ Бирона и его нѣмецкой клики, но не могъ высказывать этого открыто. Примѣры изъ русской исторіи для подтвержденія того или другаго политическаго положенія въ большомъ ходу у Татищева. Въ мнѣніи, представленномъ Верховному тайному совѣту въ 1730 году, Татищевъ постоянно прибѣгаетъ къ этимъ примѣрамъ. На вечерахъ у Волынскаго, читая свою „Исторію", Татищевъ, вмѣстѣ съ Волынскимъ и его конфидентами, любилъ находить, какъ это видѣли читатели выше, аналогію между прошлыми вѣками русскй исторіи и современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ, сопоставляя событія и людей царствованія Анны Іоанновны не только съ событіями и людьми смутнаго времени, но и съ удѣльно-вѣчевой порой XIII вѣка [1]).

Исходя изъ своихъ основныхъ воззрѣній о различныхъ формахъ правленія въ разныхъ государствахъ, приведенныхъ выше, и увлеченный личностью и замыслами Петра Великаго, Татищевъ признавалъ самодержавіе единственной формой правленія, пригодной для Россіи. Въ „Исторіи" онъ доказываетъ, что русскіе государи изначала были государями единодержавными и что лишь „безпутство", какъ онъ выражается, нѣкоторыхъ изъ нихъ нарушило основной принципъ единовластія; „хотя и было нѣсколько независимыхъ государей по областямъ,—прибавляетъ онъ,—но вездѣ они были самовластны". „Демократическія правительства" въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ явились результатомъ ослабленія „самодержавства, силы и чести русскихъ государей" во время междукняжескихъ распрей и татарскаго завоеванія. Іоаннъ III-й,

---

[1]) См. выше наст. Сборника, стр. 302, 313—314.

котораго Татищевъ постоянно называетъ „Великимъ", великъ въ его глазахъ потому, что онъ, „испровергнувъ власть татарскую, паки совершенную монархію возставилъ" [1]). Татищевъ былъ убѣжденнымъ противникомъ олигархическихъ замысловъ московскаго боярства и позднѣйшаго русскаго вельможества, считая эти замыслы несвойственнымъ русскому политическому строю проявленіемъ аристократизма. Петра Великаго онъ считаетъ идеаломъ монарха, идеаломъ самодержавнаго государя. Но иначе смотритъ онъ на положеніе монарха самодержавнаго, когда тотъ не обладаетъ столь высокими душевными свойствами, какими безспорно надѣленъ былъ Петръ Великій. Татищева озабочиваетъ вопросъ о положеніи русскаго государства, когда на престолѣ его оказывается „персона женская", что такъ часто случалось на Руси въ XVIII вѣкѣ, или государь слабый. Вотъ какъ характерно выражается Татищевъ по этому поводу въ мнѣніи, представленномъ имъ Верх. тайн. совѣту при избраніи императрицы Анны Іоанновны: „Хотя человѣкъ, конечно, всякій не безпогрѣшенъ, однако государи имѣютъ совѣтниковъ, избирая изъ людей благоразсудныхъ, искусныхъ и прилежныхъ; и какъ онъ, яко господинъ въ своемъ домѣ, желаетъ оный наилучшимъ порядкомъ править, такъ онъ не имѣетъ причины къ раззоренію онаго умъ свой употреблять; но паче желаетъ для своихъ дѣтей въ добромъ порядкѣ содержать и пріумножить. Если же такой несмысленный случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ, то можно принять за божеское наказаніе; но чтобъ для того чрезвычайнаго приключенія порядокъ прежній перемѣнить, оное не благоразсудно; и кто можетъ утверждать, если видитъ коего шляхтича, безумно домъ свой разоряющаго, для того всему шляхетству волю въ правленіи отнявъ, на холопей оное положить; вѣдаю, что никто сего не утвердитъ. А понеже правительство государства должно по степенямъ

[1]) Исторія Россіи, т. I, ч. I, стр. 541—545.

всюду равно быть, то по состоянію власти шляхетской въ ихъ домѣ должна и государственная нѣколико согласовать, какъ то достаточно другими областьми доказать можно“ [1]). „О государынѣ императрицѣ (Аннѣ Іоанновнѣ),—продолжаетъ Татищевъ въ томъ же мнѣніи, — хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены; однакожь, какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна; пачежъ ей знаніе законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить“ [2]). Это „нѣчто“ состояло, по проекту Татищева, изъ двухъ камеръ, основанныхъ на оригинальномъ представительствѣ: 1) Вышнее Правительство—Сенатъ, изъ 21-го члена представителей высшихъ, родословныхъ, „фамильныхъ“ людей, отъ каждой фамиліи по одному; 2) Нижнее Правительство, по избранію отъ шляхетства—100 членовъ, раздѣленныхъ на три сессіи, по 30 слишкомъ лицъ въ каждой, которыя засѣдаютъ по очереди въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Эти постоянные члены Нижняго Правительства вѣдаютъ дѣла внутренней экономіи. Три раза въ годъ Нижнее Правительство для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ собирается въ полномъ своемъ составѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ, какъ напр. объявленія войны, кончины безнаслѣднаго государя, — сзывается полный составъ Нижняго Правительства въ общее засѣданіе съ Вышнимъ.

Престолонаслѣдіе въ государствѣ не можетъ быть приравнено къ наслѣдію въ имуществѣ частномъ: „Государство,—говоритъ Татищевъ, — есть имѣніе нераздѣльное, хотя состоитъ изъ разныхъ малыхъ частей, но равно какъ тѣло человѣка безъ вреда раздѣлено быть не можетъ“. Разсматривая разныя формы престолонаслѣдія въ государствахъ также, какъ и формы правленія: 1) по первородству въ мужскомъ и жен-

---

[1]) «Утро», сборн. Погодина на 1859 годъ, стр. 374.
[2]) Тамъ-же, стр. 375.

скомъ колѣнѣ; 2) избраніе себѣ преемника царствующимъ государемъ по его личному усмотрѣнію; 3) избраніе народное въ случаѣ, если царствующій государь не оставитъ себѣ преемника (по первому и второму способу) — Татищевъ считаетъ для Русскаго государства самою правильною вторую форму престолонаслѣдія, т. е. избраніе царствующимъ государемъ себѣ преемника кого заблагоразсудитъ. Эта форма престолонаслѣдія, по мнѣнію Татищева, ведется въ Русскомъ государствѣ изначала, отъ самаго Гостомысла, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ наслѣдія престола по первородству. Въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда умретъ государь, не оставивъ себѣ наслѣдника, ни по первородству, ни по своему назначенію, тогда долженъ быть избранъ государь по изволенію народа, но не какой нибудь произвольной группой олигарховъ, а порядочно, всенародно. Такимъ порядочнымъ, всенароднымъ избраніемъ считаетъ Татищевъ избраніе въ цари Михаила Өеодоровича Романова, а непорядочнымъ, коварнымъ — произвольное избраніе, олигархической кликой, царя Василія Шуйскаго и императрицы Анны Іоанновны.

Власть законодательная и высшая судебная принадлежатъ исключительно монарху. „Сіе утверждаетъ всѣ титулы древнихъ государей, яко царь, гех, βασιλεύς, и проч.: все на тѣхъ языкахъ не иное значитъ, какъ судія или оборонитель“, говоритъ Татищевъ въ одной изъ своихъ политическихъ записокъ [1]. „Законоизданіе хотя состоитъ единственно во власти монаршеской, — продолжаетъ Татищевъ въ той же запискѣ, — однако жъ, разсудя намѣреніе государя, ни въ чемъ иномъ, какъ пользѣ общей и справедливости состоитъ, такъ оное точно наблюдать должно; и какъ ея величеству неудобно самой сочинять, но нужно кому-либо сочиненіе онаго повѣрить, въ которомъ опасность не малая, чтобъ кто по прихоти чего непристойнаго и правости не согласнаго, или паче вреднаго, не внесъ; какъ то Петръ Великій, хотя и

[1]) «Утро», стр. 382.

мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что̀ перемѣнить нужно, для котораго велѣлъ, всѣ оныя собравъ, разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что̀ съ честію монарха не согласуетъ; оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить, хотя-бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ; того ради какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи Вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству ко утвержденію представили“ [1]).

Попеченіе о просвѣщеніи народа является у Татищева главнѣйшею обязанностью государственной власти. Просвѣщеніе необходимо для всѣхъ классовъ русскаго народа, а прежде всего для шляхетства (т. е. дворянства), какъ высшаго, первенствующаго класса, и для духовенства, какъ учителя простаго народа. „Наученіе отъ младенчества разуму есть главная государству польза. Весьма нужно высокому правительству о томъ прилежать, понеже чрезъ обученіе разуму и премудрости, а съ оными всякъ себѣ и отечеству, или всему сообществу пользы пріобрѣтать, а вреды отвращать, и о всемъ правильно разсуждать способность возымѣетъ: для сего всѣ европейскія области, какъ монархіи такъ и республики, ревностно прилежатъ и великихъ на то иждивеній полагать не жалѣютъ“ [2]).

Забота о правосудіи есть вторая изъ важнѣйшихъ обязанностей государственной власти („есть главная должность и преимущество высокихъ властей“). „Войска хотя опасность внѣшнюю отвращаютъ, обиды нападшихъ непріятелей отмщаютъ,

---

[1]) «Утро», стр. 376.
[2]) Тамъ-же, стр. 380—381.

нѣкогда честь, славу и богатства умножаютъ,—говоритъ Татищевъ,—но, во-первыхъ, судейство тишину внутреннюю сохраняетъ и страхомъ наказанія всѣхъ въ тишинѣ и любви содержатъ, а вражды и междоусобія пресѣкаетъ; безъ котораго если вражды умножатся, междоусобіе родится, и весь народъ легко въ смятеніе придти можетъ: тогда ни великія богатства, ни сила войскъ крайнему всего общества разоренію воспрепятствовать не могутъ" [1]). Весьма любопытны слѣдующія мысли Татищева о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. „А понеже никакая власть гражданская не имѣетъ удобности всѣ распри судить,—говоритъ онъ,—а наипаче въ пространныхъ областяхъ не можетъ всюду оная распространиться, развѣ посредствомъ, т. е. чрезъ опредѣленныхъ судей, слѣдственно нужно во всѣхъ предѣлахъ имѣть достойныхъ того чина людей. Достоинство же оное состоитъ не въ чести породной, или заслугами пріобрѣтенномъ чинѣ, но въ природномъ умѣ, благонравіи и чрезъ науку пріобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонравіе оныхъ честь царская не нарушалася и въ судахъ невинные обидъ не терпѣли". „Законы какъ въ томъ Уложенье людьми, ни малаго просвѣщенія ума науками не имѣющими, такъ послѣдовавшими различными,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Татищевъ, — ово въ дополненіе, ово во исправленіе онаго изданными, въ наибольшее смятеніе судей, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело; что его императорское величество (Петръ Великій), съ великимъ сожалѣніемъ видя, повелѣлъ всѣ тѣ дополнительные указы собрать и вновь порядочное Уложенье сочинить и самъ почасту о томъ изволилъ Сенату напоминать. Но какъ оное тѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было непріятно, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за расположеніемъ надъ потребностью, ово за спорами время туне провождали; и какъ ни

---

[1]) «Утро», стр. 381.

единаго не токмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опредѣлено не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же противностей закону Божію, избѣжать не могли, для котораго оное близь тридцати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное искуснымъ въ годъ, а конечно не болѣе дву, сочинить возможно“ [1]).

Третья обязанность государственной власти выражается въ общемъ попеченіи ея о благосостояніи экономическомъ и нравственномъ всѣхъ классовъ населенія страны. Татищевъ называетъ это попеченіе „мудростью экономіи“. „О мудрости экономіи, яко части политической, писать было-бы пространно, — замѣчаетъ онъ, — но кратко заключу, она состоитъ въ пріобрѣтеніи и храненіи всѣхъ пользъ государственныхъ, яко: 1) во умноженіи народа; 2) въ довольствіи всѣхъ подданныхъ; 3) побужденіе и способы къ трудолюбію, ремесламъ, промысламъ, торгамъ и земскимъ работамъ; 4) во умноженіи всякихъ плодовъ отъ животныхъ и рощеній; 5) въ наученіи страху Божію и благонравію; 6) въ умѣренномъ употребленіи имѣній, и проч. Чрезъ сіи способы всякъ собственно и все государство обогащается, усиливается и славу пріобрѣтаетъ“ [2]).

Четвертая обязанность государственной власти есть управленіе центральное и областное. Въ основѣ всего государственнаго управленія, по убѣжденію Татищева, должно лежать начало коллегіальное, а всѣ важныя должности, какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, замѣщаются избраніемъ въ соединенномъ собраніи Вышняго и Нижняго правительствъ, о которыхъ рѣчь была выше. Татищевъ обращаетъ большое вниманіе на отношеніе областныхъ правителей къ центральной правительственной власти. Вотъ его мысли по этому вопросу, въ связи съ воззрѣніемъ на значеніе государственной службы вообще: „Сіе не довольно, что чины зва-

---

[1]) «Утро», стр. 382 и 383.
[2]) Тамъ-же, стр. 383.

ніями разнствуютъ, но нужно разнствовать въ преимуществѣ и должности: въ преимуществѣ первое — честь, чтобы оная всякому по достоинству его чина дана была, которое намъ законъ Божій и правила благонравія опредѣляютъ, старѣйшихъ почитать и младшій отъ старшаго благословляется. Но старость, по Соломону, не въ числѣ лѣтъ счисляется. Ежели-жъ кто на чести оскорбленъ бываетъ, то конечно или въ вѣрности, или въ прилежности ослабѣваетъ; а изъ того иногда великій вредъ происходитъ. У насъ сей порядокъ неприлежной наблюдаютъ, напр., въ нѣкоторыхъ конторахъ и канцеляріяхъ главный полковникъ или бригадиры указы посылаютъ генералу или губернатору, правящему цѣлое царство; да еще съ неусыпными угрозами. Нужно по чину повѣренность и власть; а ежели сіе отымется, то не иначе какъ вѣрность и ревность ко изобрѣтенію пользы отъемлется. Слѣдственно чрезъ такія оскорбленія вредъ государству наносится, или по малой мѣрѣ умноженіе пользы и доходовъ оставляется. А сіе оттого, что у насъ преимуществъ и должностей всѣхъ, такъ какъ воинскихъ, не описано; а хотя изданы губернаторскій и воеводскій наказъ, и паки въ уставѣ военномъ о преимуществѣ и должностяхъ губернатора и коменданта описано, — токмо все во многомъ не ясно и не достаточно. Сія разность чиновъ временная, но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость; а нѣгдѣ четвертое счисляютъ — духовенство. У насъ въ уложеніи неколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо безъ основанія, недостаточно и не ясно; для того у насъ всякъ, кто только похочетъ, честь шляхетскую похищаетъ. О пресѣченіи сего великаго безпорядка и оскорбленій,—тѣмъ преимущество государя — видится забыто“ [1]).

---

[1]) «Утро», стр. 384.

III.

„Шляхетство", духовенство, купечество и крестьянство по воззрѣніямъ Татищева.

Татищевъ, какъ видѣлъ читатель, придаетъ большое значеніе вообще сословію, или „стану" и „чину", какъ онъ выражается, и почитаетъ „шляхетство", т. е. дворянство, высшимъ въ государствѣ „чиномъ", будучи вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ олигархіи и считая аристократическую форму правленія не соотвѣтствующею Русскому государству.

Онъ выдвигаетъ на первый планъ древнее, родословное „фамильное" шляхетство, пренебрежительно относясь къ шляхтичамъ, происшедшимъ посредствомъ чиновъ „изъ подлости", т. е. изъ низшихъ классовъ. „Благородный, сей титулъ у насъ лѣтъ 50 предъ тѣмъ никому, кромѣ дѣтей царскихъ, не давали;— замѣчаетъ Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ „Судебнику"—но какъ начали германскаго языка учиться, то шляхетству по обычаю ихъ знатному давать стали благородіе, нынѣ же въ такомъ оной уничиженіи, что несмотря на свою породу, поповъ, подьяческой, холопей, или крестьянской сынъ, когда токмо чинъ, или рангъ досталъ майора, или подполковника, то благородіемъ гнушается, требуетъ высокородія, которое индѣ токмо графомъ дается, или высокоблагородный. Равно съ титуломъ сіятельства и свѣтлости. По исторіи видимъ, что государи за великъ титулъ почитали свѣтлый, великій князь, а прочимъ владѣтельнымъ княземъ никакого приложенія не было. Нынѣ Татарина, или Мордвина съ пашни, крестя, княземъ назовутъ, доколѣ чинъ достанетъ военной, или гражданской, которые нынѣ не очень дороги, тотчасъ титулъ сіятельства; а когда познатнѣе, то требуетъ свѣтлости, отъ котораго уже не далеко пресвѣтлый и пресвѣтлѣйшій, а затѣмъ святѣйшій". Въ „мнѣніи", поданномъ верховникамъ, Тати-

щевъ указываетъ, между прочимъ, на необходимость приведенія въ извѣстность подлиннаго шляхетства, отдѣливъ отъ него шляхетство, происходящее отъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ. Изъ этихъ послѣднихъ признать въ шляхетствѣ только тѣхъ, которые имѣютъ на деревни жалованныя грамоты, а не имѣющихъ таковыхъ, хотя-бы и многія деревни имѣли, изъ шляхетства вовсе исключить [1]). Въ томъ-же мнѣніи Татищевъ предлагаетъ „лучшіе способы для прохожденія шляхетству военной и гражданской службы“ [2]).

Шляхетство должно быть сословіемъ по преимуществу образованнымъ, ученымъ. Необходимости для шляхетства серьезнаго ученія посвященъ Татищевымъ особый трактатъ „Разговоръ о пользѣ наукъ“. Въ этомъ разговорѣ Татищевъ останавливается подробно на домашнемъ воспитаніи „дѣтей шляхетскихъ“, рисуя непригляднуюкартину этого воспитанія. Затѣмъ онъ переходитъ къ общественной школѣ и начинаетъ съ народныхъ училищъ. Указавъ на то, что этихъ училищъ мало и что они устроены не цѣлесообразно, Татищевъ передаетъ свой замѣчательный разговоръ съ Петромъ В. въ 1724 году, передъ отправленіемъ своимъ въ Швецію. Лейбъ-медикъ Петра В. Блюментростъ говорилъ Татищеву, чтобъ въ Швеціи искать ученыхъ людей въ учреждающуюся академію въ профессоры, на что Татищевъ, разсмѣявся, ему сказалъ: „Ты хочешь сдѣлать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и гдѣ поставить мѣста нѣтъ“. На вопросъ государя, чтò онъ сказалъ, Татищевъ добавилъ: „Блюментростъ ищетъ учителей, а учить некого, ибо безъ нижнихъ школъ академія оная съ великимъ расходомъ будетъ безполезна“. Петръ Великій отвѣтилъ Татищеву: „Я имѣю жать скирды великія, только мельницы нѣтъ; да и построить водяную и воды довольства въ близости нѣтъ; а есть воды до-

---

[1]) См. «Судебникъ государя царя и в. кн. Іоанна Вас.» съ объясн. Татищева, 2-е изд., Спб. 1786, стр. 235. — «Утро», стр. 377. — Слич. «Судебникъ», 2-е изд., стр. 239.

[2]) «Утро», стр. 377.

вольно въ отдаленіи, токмо каналъ мнѣ дѣлать уже не успѣть для того, что долгота жизни нашея ненадежна и для того перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудитъ къ построенной мельницѣ воду провести". Мельница—академія, каналъ—школы математическія и епархіальныя, основанныя Петромъ В. „Но сіе желаніе — говоритъ Татищевъ, — и надежда его величества весьма обманула, ибо по его скорому представленію, хотя люди въ наукахъ преславные скоро съѣхались и академію основали, но по епархіямъ, кромѣ новгородской и бѣлгородской, не токмо школы вновь устроены, но нѣкоторыя и начатыя оставлены и раззорены; вмѣсто того архіереи конскіе заводы созидать прилежали [1]). По мнѣнію Татищева необходимо посылать дѣтей учиться за границу, но посылать слѣдуетъ не всѣхъ, а „токмо знатныхъ, къ наученію способныхъ и надежныхъ людей". Въ заключеніе „Разговора о пользѣ наукъ", Татищевъ предлагаетъ учредить училища по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ на иждивеніи монастырскихъ и церковныхъ доходовъ, согласно плану Петра В., съ тѣмъ, однако, чтобы дѣти изъ шляхетства „особливо отъ подлости отдѣлены были". Особыя шляхетскія школы, по мнѣнію Татищева, могли быть основаны на суммы, которыя составятся отъ экономіи въ шляхетскомъ корпусѣ. Такія шляхетскія училища должны быть основаны: въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Вологдѣ. Учителей надо приготовлять изъ русскихъ. Въ своей „Духовной" Татищевъ указываетъ сыну также на необходимость ученія и излагаетъ цѣлую программу этого ученія, вполнѣ практическую, необходимую, по его мнѣнію, для русскаго шляхетства, чтобы служить съ пользой государству.

Матеріальный бытъ духовенства долженъ быть непре-

---

[1]) См Бестужева-Рюмина «Біографіи и характеристики», стр. 130 — 131. Варіантъ къ этому разговору см. въ письмѣ Татищева къ Шумахеру отъ 11-го авг. 1747 года, у Пекарскаго, въ «Ист. Акад. наукъ», томъ I, стр. XIII—XIV.

мѣнно улучшенъ. Прежде всего нужно распространить среди невѣжественнаго сельскаго духовенства образованіе. „Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе (духовныя лица) могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахать (земли); а у которыхъ есть избытки, оные на полезныя Богу и государству дѣла употребить“ [1]).

Купечество оградить отъ военныхъ постоевъ и отъ утѣсненій чиновниковъ и подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ. Кромѣ того, Татищевъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію быта купечества и разныхъ отраслей фабричной и заводской промышленности въ разныхъ отдѣльныхъ „запискахъ“, „меморіяхъ“ и „проектахъ“.

Весьма любопытны мнѣнія Татищева о крестьянствѣ. По понятіямъ времени, Татищевъ полагаетъ, что вотчинники и помѣщики являются законными господами своихъ крестьянъ и должны заботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Онъ считаетъ, что по естественному своему состоянію, крестьяне и холопы должны быть свободны, „но... замѣчаетъ онъ,—оное (свободное ихъ состояніе) съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи переменить небезопасно“... Татищевъ посвящаетъ отдѣльное сочиненіе „Экономическія записки“ вопросу о регулированіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. На первомъ планѣ стоитъ у него нравственное благосостояніе крестьянъ. Прежде всего попеченіе о благолѣпіи церкви и о пріобрѣтеніи ученаго священника, „который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершегчой добродѣтели крестьянъ довести могъ“. Затѣмъ слѣдуетъ забота о непремѣнномъ обученія крестьянъ грамотѣ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, и наученье мастерствамъ; попеченіе о здоровьѣ и призрѣніи крестьянъ (необходимость имѣть въ деревняхъ лекарей, больницы и богадѣльни). Татищевъ вслѣдъ затѣмъ излагаетъ подробное настав-

[1]) «Утро», стр. 377.

ленiе относительно всего образа жизни крестьянина и всего обихода, регламентируя весь его хозяйственный и домашнiй распорядокъ, до послѣднихъ мелочей. По его убѣжденiю, слѣдуетъ искоренять въ крестьянахъ лѣность и прiучать ихъ къ порядку и систематичности въ работахъ; надъ крестьянами имѣть строгiй надзоръ; работой ихъ не утомлять; лѣтомъ давать большой отдыхъ въ жаръ; сначала производить барскую работу, а потомъ свою, крестьянскую. Наконецъ, Татищевъ преподаетъ также въ „Экономическихъ запискахъ" какъ вести барское хозяйство, сельское и домашнее.

IV.

Заключенiе.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, философскiя, религiозныя и политическiя убѣжденiя Татищева.

На скрижаляхъ русской исторiи запечатлѣются неизгладимыми чертами несомнѣнно крупныя заслуги Татищева въ области научной, на поприщѣ государственной службы и въ сферѣ общественной дѣятельности; но рядомъ съ этими заслугами исторiя должна отмѣтить и темныя стороны и несовершенства его нравственнаго характера, потому что исторiя не вправѣ искать въ своихъ дѣятеляхъ идеаловъ нравственности и должна быть безпристрастна. Съ обширнымъ умомъ весьма часто соединяются у людей крупные пороки, и сочетанiе широкаго умственнаго развитiя съ высокими нравственными свойствами является, къ сожалѣнiю, весьма рѣдкимъ исключенiемъ. По умственнымъ качествамъ, по научнымъ, служебнымъ и общественнымъ заслугамъ, Татищевъ, безспорно, принадлежитъ къ замѣчательнымъ русскимъ историческимъ

дѣятелямъ; а въ его нравственныхъ несовершенствахъ мы видимъ не его индивидуальныя черты, но черты времени, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ. Татищевъ, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ и цѣлой фалангой просвѣщенныхъ русскихъ людей первой половины XVIII вѣка, вынесъ на своихъ плечахъ реформу Петра Великаго, доказавъ этимъ историческую необходимость и живучесть реформы, неразрывно связавшей русское просвѣщеніе съ просвѣщеніемъ западно-европейскимъ. Но Татищевъ, также какъ и самъ Петръ Великій и Ломоносовъ, держа „честно и грозно“ знамя европейской науки и европейскаго прогресса, постоянно продолжалъ оставаться истинно-русскимъ человѣкомъ. Умопросвѣщеніе— вотъ чего такъ ревностно желалъ онъ своему отечеству, но умопросвѣщеніе, основанное не на внѣшнемъ, рабскомъ подражаніи Западу, а приноровленное къ „умоначертанію“ русскаго народа, къ его дѣйствительнымъ потребностямъ и нуждамъ. При такихъ основахъ своихъ воззрѣній Татищевъ является типическимъ представителемъ лучшихъ и разумнѣйшихъ русскихъ западниковъ XVIII в., во главѣ которыхъ стоитъ Петръ Великій и которые, относясь отрицательно ко многимъ явленіямъ старой московской и современной имъ русской жизни, являлись убѣжденными сторонниками западно-европейской науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли сохранить въ себѣ лучшія патріотическія стремленія и отождествить ихъ съ общечеловѣческими требованіями.

Заканчивая „припоминанья“ о Татищевѣ, невольно останавливаешься на пожеланіяхъ другаго замѣчательнаго русскаго человѣка XVIII вѣка — Ломоносова. Эти пожеланія, высказанныя полтора столѣтія тому назадъ, безъ сомнѣнія найдутъ откликъ въ сознаніи и въ чувствѣ истинныхъ, просвѣщенныхъ русскихъ людей исхода XIX в., искренно желающихъ блага родной землѣ и вслѣдъ за Ломоносовымъ плодотворно работающихъ на нивѣ русской науки. Ломоносовъ и Татищевъ своею дѣятельностью въ области мысли положили прочное основаніе для исполненія на дѣлѣ этихъ

пожеланій. Да осуществятся же они въ будущемъ, хотя, быть можетъ, и весьма неблизкомъ!

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ —
О! ваши дни благословенны!...
Дерзайте нынѣ, ободренны
Раченьимъ вашимъ, показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать».

ПРИМѢЧАНІЯ.

№ 1.

Впервые въ русской исторической литературѣ XIX в. мнѣніе за добросовѣстность Татищева было высказано въ 1840 г. П. Г. Бутковымъ въ его изслѣдованіи «Оборона лѣтописи русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ».

С. М. Соловьева, Разборъ историческихъ трудовъ Татищева, въ «Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относ. до Россіи», Н. В. Калачева; 1855 г., кн. II, 1-я полов., отд. III, с. 15—40.

П. А. Лавровскаго, «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской», Учен. зап. II отд. Акад. н. 1855 г., кн. II и отд. изд.

Изслѣдованіе Н. А. Попова, «Татищевъ и его время», отрывки изъ котораго помѣщались въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» 1859 и 1860 гг., вышло въ Москвѣ, въ 1861 г. Изъ рецензій на эту книгу самая замѣчательная акад. А. А. Куника въ 32-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.

П. П. Пекарскаго, «Новыя извѣстія о Татищевѣ», въ Прилож. къ IV т. Зап. Акад. наукъ 1864 г.

Біограф. очеркъ Татищева К. Н. Бестужева-Рюмина, въ «Древн. и Нов. Россіи» 1875 г. и въ «Біограф. и характерист.», изд. въ 1882 г.

Слѣдуетъ также отмѣтить монографіи объ историческихъ трудахъ Татищева профессоровъ двухъ духовныхъ академій, казанской—П. В. Знаменскаго: «Исторія Россійская Татищева по отношенію къ русск. церковн. исторіи», Труды кіевской духовн. акад. 1862 г., кн. 2, и московской — Е. Е. Голубинскаго: «О такъ назыв. Іоакимовской лѣтописи», Прибавл.

къ Твор. Св. отцевъ 1881 г., ч. XXVIII. Профессоръ Голубинскій въ своихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на Іоакимовскую лѣтопись идетъ даже дальше Шлёцера и составляетъ среди русскихъ историковъ нашего времени исключеніе по отношенію къ Татищеву.

№ 2.

Кромѣ указанныхъ выше изслѣдованій Н. А. Попова и К. Н. Бестужева-Рюмина, свѣдѣнія о служебной дѣятельности Татищева находятся въ слѣдующихъ монографіяхъ:

1) С. М. Соловьева, въ его «Ист. Россіи съ древн. врем.», т. XX, стр. 258—276 (1-го изд.);

2) Н. К. Чупина, «Первое управленіе Татищевымъ Уральскими заводами (по дѣламъ Екатеринбургскаго горнаго архива), въ «Пермскихъ губ. вѣд.» 1867 г. и въ «Сборникѣ статей Чупина», изд. Пермскимъ губ. земствомъ въ 1882 г.;

3) В. И. Рожкова, двѣ статьи по документамъ архива горнаго департамента: a) Дѣятельность артиллеріи капитана В. Н. Татищева на уральскихъ заводахъ въ царствованіе Петра Великаго — въ «Горномъ журналѣ» 1884 г.; b) Бергъ-компанія въ царствованіе Анны Іоанновны, тамъ-же, изд. 1885 г.

4) Свѣдѣнія о В. Н. Татищевѣ въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 985, статья Н. К. Чупина, «Татищевъ въ дѣлѣ Столѣтова». Также, «Мысли В. Н. Татищева о горнозаводской промышленности въ 1735—1738 гг.», сообщ. г. Лисенко, «Русск. Старина», 1879 г., т. XXVI, стр. 35 и слѣд.

№ 3.

Въ концѣ принадлежащаго мнѣ экземпляра «Духовной» Татищева, изд. С. Друковцовымъ въ 1773 г., вплетены два листика почтовой бумаги, на которыхъ изложена, почеркомъ начала XIX вѣка, «Странная смерть В. Н. Татищева», записанная со словъ внука его, Ростислава Евграфовича Татищева, племянникомъ послѣдняго. Я привожу разсказъ о смерти Вас. Никит. по этому списку.

Замѣчу здѣсь кстати, что экземпляръ «Духовной», о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ моему тестю Дм. Дм. Благово (въ настоящее время о. архимандриту Пимену, настоятелю русской посольской церкви въ Римѣ), происходящему по женской линіи отъ В. Н. Татищева. Съ записи въ экземплярѣ «Духовной» Д. Д. Благово смерть Татищева разсказана въ печати М. П. Полуденскимъ (Библ. Зап. 1858 г., стр. 198—200) и Н. А. Поповымъ (въ его книгѣ о Татищевѣ, стр. 528 — 529). Г. Поповъ назвалъ эту «запись» записками Благово, а за нимъ впалъ въ ту же ошибку и г. Дмитріевъ при изданіи «Предсмертнаго увѣщанія». Записокъ, собственно Д. Д. Благово не существуетъ, но онъ записывалъ разсказы своей бабушки, Елиз. Петр. Яньковой (р. 24 марта 1768 г., † 3 марта

1861 г.), помѣщ. сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1885 г. изд. отдѣльно въ Спб. А. С. Суворинымъ. Въ этихъ разсказахъ кончина В. Н. Татищева изложена согласно съ вышеуказанною «записью».

№ 4.

Кромѣ «Исторіи», политическія убѣжденія Татищева всего болѣе выражены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

1) Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ (1730 г.). Мнѣніе, поданное Татищевымъ Верх. Тайн. Совѣту при воцареніи Анны Іоанновны и подписанное сорока лицами, большею частью изъ высшаго шляхетства. Помѣщена въ сборникѣ Погодина «Утро» на 1859-й годъ.

2) Напомнѣніе на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ 1739 — 1740 гг.). Помѣщена тамъ же.

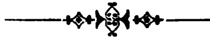
3) Духовная (1734 г.) и сходное съ ней предсмертное увѣщаніе сыну, изданное А. А. Дмитріевымъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1886.; апрѣль. — «Духовная», изд. А. Н. Островскимъ, помѣщена въ IV т. «Извѣстій Казанскаго общества арх., истор. и этногр.».

4) Экономическія записки для управляющаго деревнею. (Временникъ М. О. И. и Д. Р., кн. XII).

5) Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ (1733 — 1736 гг.) извѣстенъ былъ до 1887 года лишь по выдержкамъ, находящимся въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина (см. «Біографіи и характеристики», стр. 99—140). Н. А. Поповъ издалъ этотъ разговоръ, съ весьма обстоятельнымъ введеніемъ, въ I кн. «Чтеній М. О. Ист. и Др.» на 1887 г., и отдѣльно, in 8°, XXVI+171 стр.

6) Предложеніе о сочиненіи Исторіи и Географіи Россійской (1737 г.). Поповъ, «Татищевъ и его время», приложеніе № 13.

7) Разсужденіе о ревизіи поголовной [2-й ревизіи 1742 г.] (1742 г.), напечатано въ книгѣ Попова: «Татищевъ и его время», приложеніе № 16.

IX.

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ СТОРОННИКОВЪ ВОЦАРЕНІЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II-й.

(1757 — 1762 г.г.).

НѢКОТОРЫЕ
ИЗЪ
СТОРОННИКОВЪ ВОЦАРЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.[1]

Замѣтки по поводу XXV т. «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, М. 1875 г., и послѣдняго изданія «Записокъ княгини Дашковой», въ XXI кн. «Архива князя Воронцова», М. 1881 г.

Ближайшіе поводы къ воцаренію императрицы Екатерины II и внѣшняя, фактическая сторона этого воцаренія въ настоящее время достаточно разработаны, и мы можемъ воспроизвести почти вполнѣ всѣ происшествія, бывшія въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и Петербургѣ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля 1762 года. Далеко не столь ясно представляется намъ внутренній процессъ зарожденія и развитія самой мысли о воцареніи Екатерины II.

Мы знакомы съ эпилогомъ драмы, съ ея mise en scène, но недостаточно еще изучили весь ходъ драмы, всѣхъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, всѣ обстоятельства, обусловливающія ея возникновеніе; мы не знаемъ еще хорошенько того механизма, при помощи котораго произошли всѣ сценическія превращенія „Петербургскихъ дѣйствъ“ 1762 года и который скрывается подъ сценой и за кулисами.

---

[1]) Первонач. напечат. въ «Историч. Вѣстн.» 1884 г., т. XV, стр. 231 — 260.

Политическое броженіе среди русскаго шляхетства, сильно возбужденное при воцареніи Анны Іоанновны, не превратилось совершенно ни въ тяжелыя времена Бироновщины, ни въ правленіе „случайныхъ“ русскихъ людей въ царствованіе Елизаветы Петровны. Масса средняго и низшаго шляхетства, получивъ имущественныя и служебныя льготы, которыхъ добивалась въ 1730 году, все болѣе и болѣе проникалась инстинктами крѣпостничества и мелкаго карьеризма; но стремленіе къ участію въ „вышнемъ правительствѣ“, заявленное при воцареніи императрицы Анны Іоннновны въ цѣломъ рядѣ шляхетскихъ проектовъ,—продолжало одушевлять немногихъ отдѣльныхъ личностей изъ шляхетства, непорвавшихъ духовной связи съ главными участниками движенія 1730 года. Эти личности ждали многаго отъ Елизаветы Петровны, воцареніе которой привѣтствовали съ энтузіазмомъ, но они обманулись. Царствованіе ея убѣдило, напротивъ, тогдашнихъ лучшихъ русскихъ государственныхъ людей въ необходимости коренныхъ реформъ, основанныхъ не на произвольныхъ воззрѣніяхъ временщиковъ, а на прочныхъ измѣненіяхъ государственныхъ учрежденій.

Мысль о томъ, чтò будетъ съ Россіей, когда воцарится племянникъ императрицы, добрый, но ограниченный, чуждый всему русскому, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, — давно смущала русскихъ людей, стоявшихъ у кормила правленія. Желаніе видѣть во главѣ государства не его, а его супругу, было впервые заявлено еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, года за четыре до кончины императрицы Елизаветы. Это желаніе нашло сочувствіе въ разнообразныхъ слояхъ общества, въ людяхъ самыхъ противуположныхъ воззрѣній.

Когда Григорій Григорьевичъ Орловъ „кликнулъ кличъ“, на него откликнулись и гетманъ графъ Разумовскій, и Тепловъ, и Никита Ив. Панинъ, и старикъ фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой, и молодые гвардейскіе офицеры. Но всѣ эти лица далеко не одинаково поняли главенство Екатерины въ Русскомъ государствѣ. Не всѣ они стремились видѣть въ

ней самодержавную императрицу, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои побужденія принять участіе въ переворотѣ. А много ли мы знаемъ объ обстоятельствахъ жизни и о характерѣ всѣхъ этихъ главныхъ и второстепенныхъ „пособниковъ“ Екатерины?

До тѣхъ поръ, пока не выяснятся подробности ихъ жизни, особенности ихъ характеровъ—фактъ воцаренія Екатерины II будетъ лишенъ полнаго историческаго освѣщенія. М. Н. Лонгиновъ, представившій любопытныя замѣтки о пособникахъ воцаренія Екатерины II, едва затрогиваетъ этотъ вопросъ. С. М. Соловьевъ въ XXV т. своей „Исторіи Россіи“ [1]) дѣлаетъ первую попытку объяснить степень участія въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года важнѣйшихъ дѣятелей этого дня, указывая вскользь на частныя ихъ побужденія. Болѣе подробной разработки такого спеціальнаго вопроса нельзя впрочемъ и требовать отъ изслѣдователя общаго историческаго развитія русской государственной жизни.

Не касаясь фактической стороны воцаренія Екатерины II, я позволяю себѣ представить лишь нѣсколько замѣтокъ о людяхъ 28-го іюня 1762 года. Замѣтки мои не претендуютъ на полноту и законченность. Въ нихъ я касаюсь далеко не всѣхъ людей этого дня и не вполнѣ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, побужденія которыхъ къ участію въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года недостаточно, на мой взглядъ, выяснены, и лишь на столько, на сколько это служитъ къ уясненію ихъ участія въ переворотѣ. Предлагаемыя замѣтки составились изъ набросковъ при чтеніи XXV т. „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева и послѣдняго изданія „Записокъ“ княгини Дашковой („Архивъ князя Воронцова“, кн. XXI, М. 1881 г.). Само собою разумѣется, что многія

---

[1]) См. статьи М. Н. Лонгинова: 1) Первые пособники Екатерины II, «Русск. Арх.» 1864 г., 2-е изд., стр. 401—404. — 2) Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи въ іюнѣ мѣсяцѣ 1762 года, ibid. 1867 г., стр. 481—486.— 3) Нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II, «Восемнадцатый вѣкъ», сборникъ П. И. Бартенева, т. III, стр. 343—354.—4) Добавленія къ этой статьѣ «Русск. Арх.» 1870 г., стр. 965—969.

изъ собранныхъ мною данныхъ не могутъ служить основаніемъ для непреложныхъ заключеній и выводовъ, а пригодны лишь для соображеній и предположеній; но иной разъ, когда нѣтъ прямыхъ указаній, и домыслы не безполезны.

I.

ЕКАТЕРИНА II ДО ВОЦАРЕНІЯ.

Въ 1744 году, 28 іюня, 15-ти-лѣтняя принцесса Ангальтъ-Цербстская Софія Августа Фридерика принимаетъ въ Москвѣ православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны, а черезъ годъ съ небольшимъ, 25-го августа 1745 года, становится супругой наслѣдника Русскаго престола Петра Өеодоровича. Различіе между ею и ея мужемъ бросалось въ глаза каждому, и весьма естественно, что симпатіи какъ государственныхъ людей, такъ и карьеристовъ и придворныхъ — были на сторонѣ молодой и даровитой супруги наслѣдника престола. Скоро эти симпатіи изъ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферъ перешли въ кружки гвардейскихъ офицеровъ, а затѣмъ и въ средніе и низшіе слои петербургскаго населенія: великая княгиня Екатерина Алексѣевна становилась все болѣе и болѣе популярна [1]).

Она жила уединенно, вдали отъ суетливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богомольнаго двора императрицы Елизаветы Петровны и казарменнаго препровожденія времени наслѣдника престола. Въ своемъ уединеніи Екатерина изучала творенія

[1]) См. въ концѣ наст. статьи Примѣчаніе 1-е.

великихъ мыслителей эпохи и окружающую ее среду и поучалась разсказами о недавно-прошлыхъ событіяхъ при петербургскомъ дворѣ. Ничто не пропадало для нея даромъ. Она воспитывала себя не только Бэйлемъ, Монтескьё, Вольтеромъ и „Энциклопедіей“, но и разсказами ходячихъ придворныхъ хроникъ въ родѣ статсъ-дамы графини Румянцевой и камеръ-фрау Прасковьи Никитишны Владиславовой. Императрица Елизавета Петровна, весьма благоволившая къ Екатеринѣ въ началѣ ея пребыванія въ Россіи, могла сообщить ей не мало интереснаго о своемъ бездольномъ житьѣ-бытьѣ во времена Анны Іоанновны и о своемъ воцареніи. Многіе изъ игравшихъ дѣятельную роль въ избраніи Анны Іоанновны, многіе изъ потерявшихъ свободу при Биронѣ — были на лицо и могли лично передавать великой княгинѣ о происшествіяхъ, въ которыхъ принимали непосредственное участіе, о томъ, что̀ видѣли, что̀ слышали. Роль царевны Софьи и воцареніе Петра среди стрѣлецкихъ мятежей, характеръ и реформы „перваго императора“, его отношенія къ первой его женѣ Евдокіи Лопухиной и къ царевичу Алексѣю, воцареніе второй жены Петра Великаго, „маріенбургской плѣнницы Марты“, преждевременная кончина Петра II и „кондиціи“, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ; „Бироновщина“ съ ея жестокостями и возведеніе на престолъ Преображенцами „дщери Петровой“ Елизаветы; быстрое возвышеніе и столь же быстрое паденіе временщиковъ и фаворитовъ; замыслы родовитыхъ русскихъ людей и ихъ „искорененіе“ — вотъ тотъ пестрый калейдоскопъ „Петербургскихъ дѣйствъ“, въ который съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась юная нѣмецкая принцесса. Калейдоскопъ не могъ не поразить ее. Разсказы о недавнемъ прошломъ такъ мало походили на дѣйствительность, такъ прихотливо уносили ее въ какой-то сказочный, фантастическій міръ. Впослѣдствіи, уже ставши императрицею, Екатерина припоминала многіе изъ этихъ разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ она занесла въ свой „Антидотъ“, сборникъ опроверженій на книгу о Россіи Француза, аббата Шаппа

д'Отерошъ, о другихъ остались отъ нея отдѣльныя замѣчанія (напримѣръ о замыслѣ верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Іоанновны въ 1730 году, о дѣлѣ Волынскаго). Тогда же она прочла всѣ мнѣнія и проекты верховниковъ и шляхетства 1730 года и, запечатавъ ихъ въ особый конвертъ, написала на немъ собственноручно: „безъ особаго указа никому не выдавать“ [1]).

Не трудно отгадать, чтò останавливало на себѣ преимущественное вниманіе Екатерины въ этихъ разсказахъ. Она невольно поражалась случайностью престолонаслѣдія въ Россіи въ то время и судьбою женщинъ изъ царской семьи. Екатерина была отъ природы честолюбива и славолюбива. Весьма естественно, что она задумывалась надъ той ролью, которая ей самой можетъ предстоять въ будущемъ, и, разумѣется, она желала видѣть себя не въ монашеской рясѣ съ четками въ рукахъ, а въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой. Ожиданіе чего-то необычайнаго въ своей судьбѣ явилось у Екатерины весьма рано. Еще когда она была ребенкомъ, какой-то астрологъ въ Германіи предсказалъ ей, что три короны украсятъ ея голову. „Въ ожиданіи брака сердце не обѣщало мнѣ многаго счастья“—говорила она въ то время шведскому государственному человѣку, графу Гюлленборгу —„одно честолюбіе меня поддерживало. У меня въ глубинѣ сердца было чтò-то такое, что никогда не давало мнѣ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавной повелительницей Россіи“ [2]).

---

[1]) «Антидотъ» напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ «XVIII вѣкѣ» кн. IV.—Собственноручная замѣтка Екатерины II о попыткѣ князей Долгорукихъ въ 1730 году ограничить власть самодержавія, въ «Русск. Стар.» 1875 года, т. XII, стр. 388.—Завѣщаніе Екатерины II по дѣлу Волынскаго (1765 г.), въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1858 года, кн. IV, стр 143—144.—О разсмотрѣніи Екатериною II политическихъ документовъ времени воцаренія императрицы Анны Іоанновны см. въ моей монографіи объ этомъ воцареніи (отд. изд., Казань, 1880 г.).

[2]) «Др. и Нов. Россія» 1875 г., т. I, стр. 118.

II.

«БЕСТУЖЕВСКАЯ» ИСТОРЯ.

Къ 1757 — 1758 годамъ относится первое проявленіе мысли о предоставленіи великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ главенства въ Россійскомъ государствѣ. Въ 1757 году императрица Елизавета приняла участіе въ такъ называемой Семилѣтней войнѣ Фридриха II съ Маріею Терезіею, а въ слѣдующемъ году возникли въ Петербургѣ связанные съ этою войною два политическихъ процесса, въ которыхъ было замѣшано имя великой княгини Екатерины: перваго побѣдителя Пруссаковъ, фельдмаршала Апраксина, и главы тогдашняго русскаго министерства, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Великая княгиня находилась въ перепискѣ съ фельдмаршаломъ, а Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ съ ней какіе-то таинственные переговоры. Апраксинъ, послѣ блестящей побѣды надъ войсками Фридриха II при Гроссъ-Егерндорфѣ, совершенно неожиданно отступилъ къ предѣламъ Россіи. Отступленіе Апраксина совпало также съ неожиданной и угрожающей болѣзнію императрицы Елизаветы. Явились серьезныя опасенія за ея жизнь. Въ это время отношенія императрицы къ наслѣднику престола были очень натянуты. И вотъ придворная молва связываетъ отступленіе Апраксина съ болѣзнію Елизаветы Петровны и впутываетъ въ это дѣло канцлера Бестужева и великую княгиню Екатерину. Всѣ компетентные люди были тогда увѣрены, что Бестужевъ, полагая, что Елизавета проживетъ недолго, придумалъ „конъюнктуру“ относительно престолонаслѣдія. Ему приписывали слѣдующій планъ: объявить императоромъ Павла Петровича — трехълѣтняго сына Екатерины и Петра Θеодоровича — подъ регенствомъ матери, а самого Петра Θеодоровича удалить

въ Голштинію. Апраксина отозвалъ Бестужевъ будто бы для того, чтобы имѣть на случай подъ рукой бо́льшее количество войскъ и чтобы расположить въ свою пользу Фридриха II. Бестужеву удалось передъ своимъ арестомъ сжечь самыя важныя бумаги: дѣло его дошло до насъ не вполнѣ; Апраксинъ умеръ скоропостижно во время слѣдствія надъ нимъ; великая княгиня Екатерина просила императрицу отпустить ее къ матери въ Германію—это все такіе факты, которые заставляютъ предполагать, что тогдашняя молва могла быть справедлива. [1]) О замыслахъ Бестужева прямо говоритъ Екатерина II въ своихъ „Запискахъ". Возможность этихъ замысловъ доказывается еще и тѣмъ, что опальный канцлеръ не былъ возвращенъ ко двору Петромъ III по восшествіи его на престолъ: этотъ государь, успѣвшій въ свое шестимѣсячное царствованіе помиловать всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ преступниковъ прошлыхъ царствованій, обошелъ Бестужева.

Съ самаго начала Семилѣтней войны, императрица Елизавета Петровна имѣла все основаніе быть недовольной наслѣдникомъ престола, не скрывавшимъ своихъ симпатій къ Фридриху II; она видимо охлаждалась къ нему и не прочь была лишить его престолонаслѣдія въ пользу его сына Павла Петровича, хотя и не высказывала еще никакихъ опредѣленныхъ плановъ на этотъ счетъ.

„Бестужевская исторія" тѣмъ не менѣе ее очень взволновала. Она стала враждебно относиться къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, видя въ ней свою преемницу, назначенную не по ея желанію. Положеніе великой княгини при дворѣ дѣлается съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, а съ 1760 года, когда умираетъ ея мать, она чувствуетъ себя совершенно одинокой. Полная жизни и силы даровитая натура великой княгини ищетъ выхода. И вотъ она невольно начинаетъ сближаться съ нѣкоторыми личностями, имѣвшими черезъ два года столь важное, рѣшающее вліяніе на ея судьбу.

---

[1]) См. Примѣч. 1-е въ концѣ наст. статьи.

Изъ нихъ мы отмѣтимъ: Григорія Григорьевича Орлова, Никиту Ивановича Панина и княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Умственное развитіе, воззрѣнія на вещи, наклонности и характеры этихъ лицъ, были весьма различны. Великая княгиня вполнѣ симпатизировала воззрѣніямъ Орлова, но, какъ женщина съ большимъ умомъ и тактомъ, показывала видъ что совершенно согласна и съ Панинымъ, и съ Дашковой, которую видя насквозь, давала ей чувствовать, что не можетъ сдѣлать безъ нея ни шагу. Втайнѣ отъ Панина и отъ Дашковой, въ интимныхъ бесѣдахъ съ Гр. Гр. Орловымъ, Екатерина развивала ему свою политическую программу, а эта программа всегда сводилась къ самодержавному порядку. Такія воззрѣнія она выразила въ своемъ знаменитомъ „Наказѣ", составленіемъ котораго занималась именно въ 1760—1762 годахъ. Необходимость для Россійскаго государства самодержавной власти Екатерина обусловливаетъ большимъ объемомъ Россійской государственной территоріи. „Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно"— говоритъ Екатерина; „другая причина (необходимости самодержавія) та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ" [1]).

---

[1]) «Наказъ» императрицы Екатерины II, изд. 1770 года, гл. II, стр. 8 — 10.

III.

ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ.

Григорій Григорьевичъ Орловъ, впослѣдствіи графъ и князь, (р. 1734 † 1783 г.) до сихъ поръ представляется большинству пустымъ гвардейскимъ офицеромъ, бретёромъ и счастливымъ баловнемъ случая. Въ дѣйствительности онъ является человѣкомъ съ гораздо болѣе симпатичными чертами. Гр. Гр. Орловъ не принадлежитъ къ выдающимся политическимъ дѣятелямъ второй половины XVIII вѣка, но онъ не можетъ быть поставленъ и въ ряды тщеславныхъ случайныхъ людей и бездушныхъ временщиковъ, которыми такъ богатъ этотъ вѣкъ. Гр. Гр. Орловъ обладалъ умомъ, если не самостоятельнымъ и глубокимъ, то чуткимъ къ вопросамъ дня. Онъ способенъ былъ воспринять идею и развить и разработать ее. Сердце Орлова было отзывчиво на все хорошее и онъ инстинктивно склонялся на сторону униженнаго и оскорбленнаго. Безстрашный и рѣшительный, скромный и обходительный, весельчакъ и кутила—Гр. Гр. Орловъ былъ любимъ всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Какъ среди товарищей, будучи простымъ незнатнымъ офицеромъ, такъ и впослѣдствіи, на вершинѣ почестей и славы, онъ не любилъ выставляться впередъ и рисоваться своими поступками. Онъ все дѣлалъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ стать во главѣ любой затѣи, любаго предпріятія. Имя Гр. Гр. Орлова тѣсно связано съ лучшими начинаніями Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, когда она открыто заявляла сочувствіе либеральнымъ идеямъ. Едва заговорили при дворѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, Орловъ является во главѣ движенія и въ числѣ первыхъ членовъ-основателей Вольнаго Экономическаго общества.

Его избираютъ президентомъ этого общества, но онъ отказывается, и только впослѣдствіи принимаетъ это званіе. По его инціативѣ Вольное Экономическое общество предлагаетъ задачу на премію: „полезно-ли даровать собственность крестьянамъ". Въ знаменитой Комиссіи 1767 года для сочиненія проекта новаго уложенія Гр. Гр. Орловъ является заступникомъ крѣпостныхъ крестьянъ и держитъ себя также скромно: онъ отказывается отъ званія маршала Комиссіи, будучи выбранъ значительнымъ большинствомъ. Гр. Гр. Орловъ, кажется, впервые высказываетъ мысль объ освобожденіи Грековъ отъ турецкаго владычества; эта мысль воспринимается Екатериной II и впослѣдствіи разработывается Потемкинымъ [1]).

Императрица Екатерина преувеличивала достоинства Гр. Гр. Орлова. Даже въ концѣ 80-хъ годовъ, когда его уже не было на свѣтѣ и умомъ ея всецѣло владѣлъ могучій умъ Потемкина, когда она отреклась отъ либеральной программы первыхъ годовъ своего царствованія, она такъ характеризовала Орлова. „Григорій Орловъ—говорила Екатерина Храповицкому—былъ genie, силенъ, храбръ, рѣшителенъ, mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule" [2]). Для насъ гораздо важнѣе отзывъ объ Орловѣ другаго современника, рѣзкаго порицателя „поврежденія нравовъ" эпохи, князя М. М. Щербатова. Бичуя „распутіе" Орлова, онъ отдаетъ должное добротѣ его сердца и души. „Сей, вышедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть—говоритъ князь Щербатовъ—среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правила; оныя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не льстить государю, выискивать

---

[1]) Сводъ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Гр. Гр. Орлова находится въ обстоятельной его біографіи, написанной А. П. Барсуковымъ. См. «Русскій Архивъ» 1873 годъ, т. I, стр. 1—146.

[2]) «Дневникъ А. В. Храповицкаго» изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874 года, стр. 82.

людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ) до смерти своей сохранилъ. Находя, что карточная азартная игра можетъ привести другихъ въ раззореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріятели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины— никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а на противъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни" [1]). А. Т. Болотовъ, оставившій въ своихъ „Запискахъ" интересныя наблюденія надъ явленіями русской жизни за всю вторую половину XVIII в., изображаетъ Гр. Гр. Орлова, съ которымъ онъ сошелся близко въ 1758 г. въ Кёнигсбергѣ, занятомъ въ то время русскими войсками,—весьма симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Подъ перомъ Болотова Орловъ является красивымъ, щегольскимъ, благовоспитаннымъ армейскимъ поручикомъ. Онъ и въ то время, по словамъ Болотова, „во всемъ характерѣ своемъ имѣлъ столь много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить". Орловъ былъ въ Кёнигсбергѣ душою кружковъ русской офицерской молодежи и устроителемъ среди нихъ всевозможныхъ увеселеній и забавъ: баловъ, маскарадовъ, любительскихъ спектаклей и т. п. Одинъ изъ такихъ маскарадовъ въ Кёнигсбергѣ, у русскаго генералъ-губернатора завоеванной тогда нами Пруссіи, барона Н. А. Корфа, отличался особымъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ костюмовъ. Тамъ были не только „разные дикіе и европейскіе старинные и новые народы, художники и мастеровые, но и движущіеся предметы (шкафы, пирамиды и т. п.)", приводившіе въ большое удивленіе и восторгъ русскихъ офицеровъ. Въ этомъ маскарадѣ Орловъ былъ одѣтъ въ костюмъ древняго римскаго сенатора, который такъ шелъ къ нему, что Болотовъ и другіе офицеры, любуясь имъ, нѣсколько разъ гово-

---

[1]) «О поврежд. нравовъ въ Россіи», мемуаръ кн. М. М. Щербатова, «Русск. стар.» 1871 годъ, т. III; 1-е изд., стр. 676 — 677.

рили Орлову: „только бы быть тебѣ, братецъ, большимъ бояриномъ и господиномъ: никакое платье такъ къ тебѣ не пристало, какъ сіе". „Такимъ образомъ — прибавляетъ Болотовъ — говорили мы ему, не зная, что съ нимъ и дѣйствительно сіе случится и что мы сіе ему властно какъ предсказали" [1]).

Григорій Григорьевичъ Орловъ прибылъ въ Петербургъ изъ заграничной арміи, сражавшейся съ Фридрихомъ II, въ 1759 году. Въ то время ему было 25 лѣтъ. Около года спустя начинается его знакомство съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Увлекающагося молодаго человѣка не могли не поразить умъ и таланты тридцатилѣтней принцессы и ея изолированное положеніе. Орловъ былъ очарованъ ею какъ мужчина, онъ полюбилъ ее страстно, и мысль о томъ, что престолъ Россіи должна занять Екатерина, а не Петръ Θеодоровичъ, дѣлается его господствующею мыслію. Задачей жизни Орлова съ этихъ поръ является — переворотъ въ пользу Екатерины. Онъ одушевляется этой задачей со всѣмъ пыломъ молодости и стремится къ ея осуществленію съ энергіей страстно влюбленнаго человѣка. Ему не нужно никакихъ политическихъ реформъ и гарантій — не о нихъ онъ заботится; ему нужно, чтобы Екатерина заняла должное ей положеніе русской императрицы, и тогда, по его мнѣнію, Россія будетъ счастливѣйшей въ мірѣ страной. Гр. Гр. Орловъ не имѣлъ традиціонныхъ политическихъ воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и если сохранилъ въ памяти что-нибудь изъ семейныхъ преданій, то это было воспоминаніе о буйной силѣ стрѣлецкой: дѣдъ Григорія Григорьевича, Иванъ Никитичъ Орловъ, былъ однимъ изъ стрѣлецкихъ головъ, помилованныхъ Петромъ Великимъ.

Первыми и ближайшими сотрудниками Гр. Гр. Орлова по приведенію въ исполненіе его завѣтной мечты были его

---

[1]) «Жизнь и приключенія Андрея Болотова», изд., «Русской Старины», т. I, стр. 840—846.

братья. Отецъ Орловыхъ, Григорій Ивановичъ, занимавшій мѣсто губернатора въ Новгородѣ, имѣлъ девять сыновей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ. Въ воцареніи Екатерины, кромѣ Григорія, игралъ выдающуюся роль третій братъ, Алексѣй, которому принадлежитъ исключительно быстрота исполненія предпріятія. Человѣкъ безнравственнй и грубый, онъ былъ лишенъ тѣхъ симпатичныхъ свойствъ, которыми отличался Григорій, а впослѣдствіи онъ запятналъ себя гнусными преступленіями, которыхъ не могла смыть случайно пріобрѣтенная имъ слава Чесменскаго героя. Старшій изъ братьевъ, Иванъ, жилъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Москвѣ, въ отставкѣ, и никакого участія въ возведеніи на престолъ Екатерины II не принималъ; Ѳедоръ Орловъ былъ исполнителемъ велѣній Григорія и Алексѣя, а меньшому, Владиміру, въ 1762 году было всего 19 лѣтъ отъ роду [1].

IV.

НИКИТА ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ.

Совершенно инымъ человѣкомъ представляется Никита Ивановичъ Панинъ (р. 1718 † 1783 г.), впослѣдствіи графъ и извѣстный Екатерининскій канцлеръ. Въ 1760 году пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, гдѣ пробылъ посланникомъ двѣнадцать лѣтъ. Панинъ, осторожный и уклончивый отъ природы, вернулся въ Россію изъ серьезной политической школы и уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда убѣж-

[1]) Родосл. книга, кн. Долгорукаго, IV, стр. 437 — 438.

денія человѣка складываются совершенно опредѣленно и устойчиво: ему въ то время шелъ 43-й годъ. Швеція была страной наиболѣе вліявшей на русскихъ государственныхъ людей XVIII вѣка своею политическою жизнію. Это вліяніе испытали на себѣ дѣятели начала XVIII вѣка—князь Я. Ѳ. Долгорукой и князь Д. М. Голицынъ; находился подъ вліяніемъ шведскихъ политическихъ порядковъ и Ник. Ив. Панинъ, но нѣсколько иначе и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ названныя выше лица. Долгорукіе и Голицыны были люди „родословные“: ихъ привлекала политическая роль шведской аристократіи, и въ этой роли желали они видѣть осуществленіе собственныхъ своихъ политическихъ мечтаній, унаслѣдованныхъ ими отъ ихъ отцевъ и дѣдовъ XVII и XVI вѣковъ. Панинъ хотя и состоялъ въ родствѣ съ русскими аристократическими фамиліями XVIII в., но по происхожденію не принадлежалъ къ старинной московской знати и не могъ имѣть наслѣдственныхъ, перешедшихъ отъ предковъ, аристократическихъ воззрѣній. Панины не играли политической роли при царяхъ Московскихъ и, производя себя отъ итальянскаго выходца въ Московское государство въ XV вѣкѣ, произошли изъ шляхетства, выдвинутаго лишь реформой Петра Великаго. Отецъ Панина служилъ при Петрѣ генералъ-майоромъ, а при Аннѣ Іоанновнѣ достигъ сенаторства. Никита Ив. Панинъ первоначальной своей карьерой обязанъ князьямъ Куракинымъ, съ которыми находился въ родствѣ. Первымъ руководителемъ Панина въ политической наукѣ былъ канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, хорошо знавшій Швецію, но также человѣкъ не родословный. Панинъ основательно изучилъ государственный строй Швеціи, и увлеченіе его шведской конституціей явилось результатомъ этого изученія, а не традиціоннымъ преклоненіемъ передъ ней родословныхъ людей. Едва онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ былъ назначенъ воспитателемъ шестилѣтняго сына наслѣдника престола—Павла Петровича. Панинъ увлекся мечтой воспитать великаго князя въ духѣ

конституціонализма. Отношенія Панина къ великой княгинѣ Екатеринѣ были совершенно иныя, чѣмъ Орлова. Орловъ былъ прежде всего человѣкъ сердца, Панинъ былъ человѣкомъ теоретическаго ума. Екатерина оцѣнила въ Орловѣ то качество, котораго лишена была ея нравственная природа— чувство; къ Панину ее привязывалъ умъ, которымъ она сама обладала въ столь значительной степени. Орловъ сразу подчинился Екатеринѣ, Панина съумѣла подчинить себѣ Екатерина. Въ этихъ противоположностяхъ характеровъ Орлова и Панина лежитъ основная причина ихъ послѣдующей „нелюбки“: такія двѣ различныя натуры не могли сойтись [1]).

Никита Ивановичъ Панинъ, никогда не высказывавшійся прямо относительно своихъ политическихъ плановъ, указывалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на необходимость важныхъ измѣненій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Начавъ съ образованія Императорскаго Совѣта по образцу Государственнаго совѣта Швеціи, онъ намѣренъ былъ постепенно преобразовать русскія высшія правительственныя учрежденія въ представительныя государственныя учрежденія по шведскому образцу и этимъ путемъ надѣялся достичь наилучшаго „упорядоченія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ. Реформаторскія идеи Панина видны изъ поданнаго имъ Екатеринѣ II въ сентябрѣ 1762 года „Проекта объ учрежденіи Императорскаго Совѣта“.

Желая прежде всего оградить правленіе отъ вліянія фаворитовъ, Панинъ рѣзко нападаетъ, во введеніи къ своему проекту, на бюрократическій и придворно-временщичій характеръ правленія при Елизаветѣ Петровнѣ. Остановимся на самыхъ характерныхъ мѣстахъ этого введенія.

„Ея величество (Елизавета Петровна) вспамятовала,— говоритъ Панинъ,—что у ея отца, государя Петра Великаго,

---

[1]) См. 2-е Примѣчаніе въ концѣ наст. статьи.

былъ домовый Кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило,—приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю... ...Государь былъ отдаленъ отъ государства". Панинъ требуетъ, чтобы самодержавный государь дѣйствовалъ через органы подверженные суду и отвѣту передъ публикою, и замѣчаетъ иронически: „Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилося слышать у престола Государева, отъ людей его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (государственное) правило: была бы милость, всякаго на все станетъ". Далѣе Панинъ высказываетъ убѣжденіе, что императрица Екатерина II „Богомъ и народомъ врученное ей право самодержавства употребитъ съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ". Выраженіемъ такихъ формы и порядка является постоянный Императорскій Совѣтъ, который однако не можетъ „взять тотчасъ свою форму и приведенъ быть въ теченіе, ибо почти невозможно сомнѣваться,—говоритъ Панинъ,—чтобы при самомъ началѣ тѣ особы (т. е. фавориты) не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать".

Затѣмъ Панинъ говоритъ отъ имени Екатерины II объ учрежденіи Императорскаго Совѣта въ слѣдующихъ словахъ: „За долго до нашего принятія Россійской державы, мы, позна-

вая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т. е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несомнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частью и въ томъ еще злоупотребленія, наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привесть на память въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе заключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало“.

Императорскій Совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками; кромѣ того при немъ полагалось четыре статсъ-секретаря или министра, для наблюденія надъ четырьмя важнѣйшими департаментами (иностраннныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ и морскимъ). Въ проектѣ такъ опредѣляется назначеніе Совѣта: „Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и

рѣшенію, яко то взносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежащія просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣетъ быть въ нашемъ Императорскомъ Совѣтѣ, яко у насъ собственно" [1]).

Весьма интересны замѣчанія нѣкоторыхъ государственныхъ людей на проектъ Панина, написанныя по вызову императрицы Екатерины. Для одного (имя его, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно) совершенно ясно представлялась генетическая связь проектируемаго Императорскаго Совѣта съ бывшимъ уже въ Россіи Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, хотя во введеніи къ проекту онъ и порицается за потрясеніе самодержавной власти при воцареніи Анны Іоанновны, а потому этотъ неизвѣстный сановникъ и предлагаетъ назвать новый совѣтъ прежнимъ именемъ Верховнаго тайнаго совѣта. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа выразился откровеннѣе и гораздо точнѣе: „Я не знаю, кто составитель проекта,— писалъ онъ,—но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ... Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ!" [2]).

---

[1]) Проектъ Н. И. Панина объ Импер. Совѣтѣ напечатанъ по документамъ Государственнаго Архива и Главн. Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ С. М. Соловьевымъ въ «Исторіи Россіи», т. XXV, стр. 173—181. То же самое короче въ его же статьѣ «Императорскіе Совѣты въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, 1-е изд., стр. 463—468.

[2]) «Исторія Россіи» С. М. Соловьева, т. XXV. стр. 182.

25*

Проектъ Никиты Ив. Панина не былъ утвержденъ Екатериной II, и возникшій въ 1768 году Государственный Совѣтъ не имѣлъ ничего общаго съ Панинскимъ Императорскимъ Совѣтомъ.

V.

КНЯГИНЯ Е. Р. ДАШКОВА.

Молоденькая, 16-ти лѣтняя, только что вышедшая замужъ княгиня Екатерина Романовна Дашкова (р. 1744 † 1810 г. г.) [1], занимала въ обществѣ великой княгини далеко не столь первенствующее мѣсто, какое она отводитъ себѣ въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ. Живость ея ума и характера дѣлали ее несомнѣнно пріятной собесѣдницей Екатерины, а ея близкое родство съ Воронцовыми, сильными людьми при дворѣ Елизаветы Петровны, и родственныя отношенія съ Ник. Ив. Панинымъ — заставляли Екатерину особенно дорожить ея расположеніемъ и прикидываться ея искреннимъ другомъ. Княгиня Дашкова, сама того не замѣчая, была лишь орудіемъ въ ловкихъ рукахъ Екатерины и Панина; ей поручалась извѣстная исполнительная роль; ее одинаково эксплуатировали и Екатерина съ Орловымъ, и Панинъ, намѣрено преувеличивая ея значеніе — а она простодушно вѣрила имъ на́ слово, билась изо всѣхъ силъ, испытывая на себѣ извѣстную басню о каштанахъ. Фридрихъ II очень остроумно сравнилъ ее съ мухой, сидящей

[1]) Кн. Дашкова вышла замужъ въ февралѣ 1759 г., а съ Екатериной Алексѣевной познакомилась въ 1758 г.

на головѣ у вола, запряженнаго въ плугъ, и наивно воображающей, что она пашетъ. Впослѣдствіи, когда планъ воцаренія Екатерины II совсѣмъ созрѣлъ, княгиня Дашкова оказала дѣйствительно большую услугу въ исполненіи этого плана, но нити, главныя пружины „предпріятія" никогда не были въ ея рукахъ. Черезъ свою родную сестру, Елизавету Романову Воронцову, оффиціальную фаворитку императора Петра III, женщину весьма ограниченную, Екатерина Романовна могла очень хорошо узнавать все, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ; еще болѣе интересныя свѣдѣнія могъ ей сообщать ея дядя и воспитатель, канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Мужъ ея, князь Дашковъ, былъ гвардейскимъ офицеромъ; въ домѣ у него сходилось много товарищей — и черезъ этихъ-то гвардейцевъ молодая княгиня пропагандировала мысль о воцареніи Екатерины II.

„Ник. Ив. Панинъ и княгиня Дашкова,—говоритъ Рюльеръ,—редактировали условія (кондиціи), по которымъ русскіе вельможи, отстраняя Петра III, могли бы передать престолъ его супругѣ посредствомъ формальнаго избранія съ ограниченіемъ ея власти. Эта надежда вовлекла въ заговоръ бо́льшую часть дворянства, и возможность исполненія предположенія объ ограниченіи власти Екатерины пріобрѣтала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятія" [1]).

Въ 1804—1805 г.г. княгиня Дашкова написала свои мемуары, въ которыхъ, выставляя себя однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ приготовленіяхъ къ „Петербургскимъ дѣйствамъ" 28 іюня 1762 года, вовсе не упоминаетъ о любопытномъ извѣстіи, сообщаемомъ Рюльеромъ. Но не объ одномъ этомъ фактѣ умалчиваетъ княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ, которыя вообще отличаются большой субъективностью: честолюбіе руководитъ перомъ ихъ автора. Кромѣ умолчанья, преувеличенье своей собственной роли и невѣрное освѣщеніе лицъ

---

[1]) De-Rulhiére, «Histoire sur la revolution de Russie en 1762», p. 68; ed. 1797.

и событій составляютъ отличительныя ихъ черты. Всѣ эти качества записокъ объясняются, кромѣ свойствъ личнаго характера самой княгини, тѣмъ временемъ, когда онѣ были писаны и условіями, въ которыхъ находилась тогда княгиня. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а здѣсь отмѣчу слѣдующее доказательство въ пользу справедливости заявленія Рюльера. До насъ дошли „замѣчанія княгини Дашковой“ на его книгу [1]. Опровергая въ 17-ти пунктахъ многія подробности изъ исторіи воцаренія Екатерины II, приводимыя Рюльеромъ, княгиня Дашкова оставляетъ безъ всякаго замѣчанія вышеприведенное его извѣстіе о „кондиціяхъ“, предложенныхъ в. кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ Никит. Ив. Панинымъ и ею, княгиней Дашковой, и, въ послѣднемъ, 17-мъ, пунктѣ своихъ „замѣчаній“ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Впрочемъ Рюльеръ исказилъ многіе факты и пропустилъ намѣренно, или по незнанію иные очень важные. Такъ напримѣръ, онъ не говоритъ, что я высказывалась за то, чтобы императрица была только правительницей государства до совершеннолѣтія своего сына (Павла Петровича). А такъ какъ онъ (Рюльеръ) столь часто останавливается на моихъ дѣйствіяхъ, то и долженъ бы былъ сказать, что какъ это обстоятельство, такъ и неодобреніе мое близости къ императрицѣ Григорія Орлова и ужасъ и отвращеніе, выраженныя мною при извѣстіи о скоропостижной смерти императора (Петра III) — были съ моей стороны тремя провинностями, вслѣдствіе которыхъ со мной обращались дурно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ“.

Исторія „Записокъ княгини Дашковой“ разсказана на основаніи документальныхъ свидѣтельствъ М. Ѳ. Шугуровымъ, который собралъ въ своей интересной монографіи не мало подробностей, касающихся этого важнаго источника русской исторіи XVIII в. [2]. Привожу нѣкоторыя изъ этихъ

---

[1]) Напеч. въ «Архивѣ князя Воронцова», кн. VII, стр. 653—655.
[2]) Напеч. въ «Русскомъ Архивѣ» 1880 г., кн. III, стр. 150—217.

подробностей, мало извѣстныхъ большинству читающей публики.

Мемуары княгини Дашковой писаны ею въ то время, когда она находилась вдали отъ двора и политическихъ кружковъ, въ ея подмосковной деревнѣ, селѣ Троицкомъ. По своимъ отношеніямъ къ Екатеринѣ II и императору Павлу, а равно и ко многимъ изъ государственныхъ русскихъ дѣятелей этихъ двухъ царствованій и новаго царствованія Александра I, княгиня Дашкова не желала, да и не могла быть вполнѣ откровенной въ запискахъ, самое писанье которыхъ не одобрялось и родственниками княгини, и нѣкоторыми сановниками.

Писаны мемуары на французскомъ языкѣ (а не на англійскомъ, какъ думали еще недавно), по инціативѣ молодаго друга княгини Дашковой, шотландки miss Мэри Вильмотъ, жившей у нея въ то время въ Троицкомъ и вышедшей впослѣдствіи замужъ за мистера Брэдфордъ. Съ подлинной рукописи княгини было снято двѣ копіи: одну изъ нихъ увезла въ 1807 г. въ Англію старшая сестра Мэри Вильмотъ, Екатерина Вильмотъ, пріѣзжавшая также къ княгинѣ Дашковой, а другая копія осталась у автора записокъ. Въ 1808 г. оставила Россію и младшая Вильмотъ и взяла съ собою подлинную рукопись записокъ; но такъ какъ русское правительство не желало ихъ выпустить за границу, то miss Вильмотъ была арестована въ Кронштадтѣ, а на англійскій корабль, на которомъ она должна была уѣхать, наложено амбарго. Эти обстоятельства заставили Вильмотъ сжечь подлинную рукопись записокъ. Въ 1813 году она намѣревалась издать въ Англіи записки княгини Дашковой по копіи, увезенной ея сестрой; но намѣреніе это не могло осуществиться, по видимому, вслѣдствіе весьма серьезныхъ причинъ. Съ одной стороны противодѣйствія къ тому графа Семена Романовича Воронцова, брата княгини Дашковой, съ другой стороны нежеланіе самой мистриссъ Вильмотъ-Брэдфордъ огласить непріятныя для многихъ еще живыхъ въ то время лицъ подробности и о нихъ лично, и о

ихъ близкихъ родственникахъ — на долгое время задержали опубликованіе записокъ княгини Дашковой. Лишь въ 1840 году онѣ были изданы впервые въ Лондонѣ въ англійскомъ переводѣ, который послужилъ основнымъ текстомъ для послѣдующихъ переводовъ записокъ на языки нѣмецкій (Гамбургъ, 1857 г.), русскій (Лондонъ, 1859 г.) и французскій (Парижъ, 1860 г.) [1]). Впрочемъ, англійскій переводъ мистриссъ Вильмотъ-Брэдфордъ не совсѣмъ тождественъ съ оригиналомъ записокъ княгини Дашковой: въ иныхъ частяхъ онъ короче его, въ другихъ полнѣе. Съ одной стороны переводчица должна была исключить многое, что могло бы быть непріятнымъ для нѣкоторыхъ близкихъ родственниковъ тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ запискахъ; съ другой стороны, она иногда вставляетъ въ свой переводъ эпизоды, заимствованные ею изъ словесныхъ разсказовъ княгини Дашковой. Кромѣ того, къ запискамъ она приложила не мало другихъ документовъ, относящихся до кн. Дашковой и во многомъ дополняющихъ свѣдѣнія о ея жизни.

Въ богатомъ семейномъ архивѣ князя М. С. Воронцова сохранилась вторая копія записокъ княг. Е. Р. Дашковой, та самая, которая была оставлена авторомъ записокъ у себя. Эта-то копія, просмотрѣнная и исправленная княгиней Дашковой, и напечатана въ XXI книгѣ „Архива князя Воронцова“, изданіи предпринятомъ съ 1870 года подъ редакціей П. И. Бартенева. Она впервые воспроизводитъ записки кн. Дашковой въ ихъ настоящемъ видѣ, представляющемъ значительныя отличія отъ перевода Вильмотъ-Брэдфордъ. На самыя характерныя изъ этихъ

---

[1]) Отрывки изъ англійскаго перевода записокъ кн. Дашковой были переведены на русскій языкъ вскорѣ послѣ появленія его въ Лондонѣ, а именно: 1) первые годы жизни княгини, до организаціи заговора въ пользу Екатерины II, въ «Москвитянинѣ» 1842 года, кн. 1 и 2; 2) академическая дѣятельность — въ «Современникѣ» 1845 г., кн. I. — Въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, помѣщенъ также отрывокъ изъ записокъ — о переворотѣ 28 іюня 1762 года. — Подробное изложеніе записокъ по переводу Вильмотъ-Брэдфордъ. См. въ моногр. Д. И. Иловайскаго. «Е. Р. Дашкова», Отеч. Зап. 1859 года, кн. 9—12, и въ I т. его «Сочиненій», М. 1884 г.

отличій сдѣланы указанія г. Шугуровымъ, въ вышеприведенной его статьѣ. Не повторяя ихъ, съ своей стороны замѣчу только слѣдующее: 1) писанные на французскомъ языкѣ, мемуары княгини Дашковой напечатаны г. Бартеневымъ въ подлинникѣ, безъ перевода на русскій языкъ, и носятъ слѣдующее заглавіе: „Mon histoire"; 2) раздѣляются онѣ на двѣ части, неравныя по объему: первая, съ 1744 по 1782, заключающая въ себѣ 228 печатныхъ страницъ, и вторая, съ 1782 по 1803 годъ включительно, на 143 печатн. страницахъ.

VI.

ГВАРДЕЙСКІЕ ОФИЦЕРЫ И «ФАВОРИТЫ».

Въ то время, какъ великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ интимномъ кружкѣ Орлова, Панина и Дашковой обдумывала разныя способы обезпеченія за собой верховной власти въ Россійской имперіи по смерти императрицы Елизаветы Петровны, тѣ самые „фавориты", противъ которыхъ такъ рѣзко высказывался Панинъ, замышляли также устраненіе отъ „наслѣдія" Петра Ѳеодоровича. Объ этихъ замыслахъ сохранилась собственноручная записка императрицы Екатерины II, по словамъ которой дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: извѣстный „фаворитъ" императрицы Елизаветы Петровны и меценатъ эпохи, Ив. Ив. Шуваловъ, въ исходѣ 1760 года и въ началѣ 1761 года сталъ во главѣ „великаго числа" молодыхъ людей, недовольныхъ наклонностями и характеромъ наслѣдника престола и мечтавшихъ послѣ Елизаветы Петровны возвести на престолъ вели-

каго князя Павла Петровича. Среди этихъ недовольныхъ было два воззрѣнія, двѣ партіи: одни хотѣли удалить изъ Россіи наслѣдника вмѣстѣ съ его супругой, другіе желали выпроводить въ Голштинію только Петра Ѳеодоровича, а Екатерину Алексѣевну провозгласить регентомъ государства до совершеннолѣтія Павла Петровича. Ив. Ив. Шуваловъ сообщилъ обо всѣхъ этихъ предположеніяхъ Никитѣ Ив. Панину, который отнесся къ нимъ несочувственно. Панинъ, по своимъ прежнимъ отношеніямъ, не любилъ Шувалова и былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Кромѣ того, онъ какъ мы видѣли, надѣялся достичь лучшаго, по его мнѣнію, будущаго въ государственномъ бытѣ Россіи не посредствомъ крутаго переворота, а при помощи постепеннаго измѣненія государственныхъ учрежденій. Панинъ отклонилъ и тѣ и другія предположенія Ив. Ив. Шувалова, считая ихъ „способами къ междуусобной погибели“. Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ сообщилъ о нихъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, присовокупивъ при этомъ слѣдующее: „Если-бы больной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ представить о высылкѣ Петра Ѳеодоровича въ Голштинію и о передачѣ „наслѣдія“ Павлу Петровичу подъ регентствомъ великой княгини, то есть большая вѣроятность предполагать, что императрица согласилась бы на это“. „Но къ сему, благодаря Богу, заключаетъ Екатерина свою записку, „фавориты“ не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли“ [1]).

Такимъ образомъ, изъ словъ самой императрицы Екатерины видно, что Ник. Ив. Панинъ предлагалъ ей, еще въ 1761 году, регентство надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Впослѣдствіи, уже по воцареніи Екатерины II, ходили слухи, что она дала Панину удостовѣреніе, за своею

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 567—568.

подписью, въ томъ, что она принимаетъ правленіе государствомъ въ качествѣ правительницы до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича. Эти слухи занесенные въ реляціи иностранныхъ дипломатовъ, какъ современныхъ перевороту 28-го іюня 1762 года, такъ и позднѣйшихъ, повели къ двумъ политическимъ процессамъ, имѣвшимъ мѣсто въ сентябрѣ 1762 года и въ маѣ 1763 года, и сохранились въ семейныхъ преданіяхъ потомковъ нѣкоторыхъ „пособниковъ“ Екатерины II. Объ этихъ слухахъ упоминаютъ: французскій дворянинъ де-Рюльеръ, бывшій въ Петербургѣ во время переворота 28 іюня 1762 года и посланники при Петербугскомъ дворѣ—англійскій Ширлей (въ 1768 году) и французскій Дюранъ (въ 1773 году) [1]).

Первый политическій процессъ извѣстенъ подъ именемъ „дѣла Гурьева и Хрущовыхъ“, второй—подъ именемъ „дѣла Хитрово“. Изъ дѣла Гурьева и Хрущовыхъ обнаружились разговоры между гвардейскими офицерами объ отношеніяхъ Н. И. Панина и И. И. Шувалова къ воцаренію Екатерины II. Разговоры эти, бывшіе во время ея коронаціи, въ сентябрѣ 1762 года, вращались около слѣдующихъ вопросовъ: во первыхъ, о сомнѣніи, явившемся у Н. И. Панина и И. И. Шувалова, кому правителемъ быть? и во-вторыхъ, почему не коронованъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ? [2]) Дѣло Хитрово выставляло гораздо рельефнѣе вопросъ о регентствѣ Екатерины. Хитрово, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи, разсказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею и она на то согласилась, а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею и велѣли

---

[1]) De-Rulhière, «Histoire sur la revolution de Russie en 1762», p. 35, 69.—«La Cour de Russie», p. 197.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 163—164 (изъ дѣлъ Государственнаго Архива).

солдатамъ кричать ура" [1]). Семейныя преданія Хитрово, Ласунскихъ и Рославлевыхъ передаютъ, что Екатерина дала Панину подписку царствовать только до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, именно до его 20-ти лѣтняго возраста, т. е. до 1774 года, что эта подписка хранилась въ Сенатѣ, но впослѣдствіи, послѣ коронаціи, взята оттуда и передана императрицѣ. О лицахъ, при помощи которыхъ подписка очутилась въ рукахъ императрицы, въ семейныхъ преданіяхъ существуетъ два варіанта: одинъ называетъ Орловыхъ, другой самого Н. И. Панина.

Изъ приведенной выше записки Екатерины II не видно, какого изъ двухъ воззрѣній о передачѣ „наслѣдія" великому князю Павлу Петровичу держался И. И. Шуваловъ, но послѣдующая роль его въ царствованіе Екатерины II можетъ навести на предположеніе, что первоначально Шуваловъ склонялся къ удаленію изъ Россіи наслѣдника престола Петра Өеодоровича вмѣстѣ съ его супругою. И. И. Шуваловъ, приставшій къ сторонникамъ Екатерины II 28-го іюня 1762 года, является вскорѣ послѣ того не у дѣлъ и вдали отъ двора. Вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II онъ заболѣлъ, или сказался больнымъ, а затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, уѣхалъ за-границу, гдѣ прожилъ слишкомъ четырнадцать лѣтъ. Говорятъ, что Шуваловъ позволялъ себѣ что-то разсказывать про Екатерину II и про ея воцареніе въ высшихъ сферахъ Вѣны и Парижа, и что эти разсказы возстановили противъ него императрицу [2]).

---

[1]) Ibid., по тѣмъ же источникамъ, стр. 248.

[2]) См. біографію И. И. Шувалова, П. И. Бартенева, въ «Русск. Бесѣдѣ», 1857 г., кн. I; отд. отт., стр. 52, 58—59 и 67.

VII.

СТОРОННИКИ ЕКАТЕРИНЫ II.

Таковы были главнѣйшіе представители „недовольныхъ“ въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны. За ними стояло очень много лицъ, готовыхъ на „перемѣну наслѣдія“. Всѣ они группировались частію около великой княгини Екатерины Алексѣевны, частію замышляли „перемѣну“ самостоятельно, независимо отъ нея. Соединить всѣхъ ихъ въ одно сообщество, дать этому сообществу должную организацію было чрезвычайно трудно—такъ противоположны другъ другу были эти люди, такъ различны были ихъ замыслы. Эту трудную задачу взяла на себя сама Екатерина, а Гр. Гр. Орлову предоставила пропагандировать мысль о ея воцареніи среди гвардейскихъ офицеровъ.

Главнымъ совѣтникомъ великой княгини по части организаціи „предпріятія“ былъ человѣкъ, пострадавшій за нее и жившій въ отдаленіи отъ двора. Знаменитый эксъ-канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, которому въ разсматриваемое время было подъ 70 лѣтъ (онъ родился въ 1693 году), жилъ въ ссылкѣ въ своей подмосковной—Горетовѣ. Опытный въ придворныхъ и дипломатическихъ интригахъ онъ, несмотря на свое удаленіе, какъ кажется, держалъ въ рукахъ всѣ главныя нити предпріятія. Недаромъ императрица Екатерина, едва воцарилась, возвратила его ко двору и называла „батюшкой“.

Гр. Гр. Орловъ бросилъ сѣмя на подготовленную почву: гвардейскіе полки были крайне недовольны нѣмецкими „новшествами“ въ войскахъ Петра III и тѣмъ предпочтеніемъ, которое оказывалъ императоръ Голштинцамъ передъ Русскими. Къ концу іюня 1762 года, по словамъ Екатерины II, между

соумышленниками въ гвардіи считалось до 40 офицеровъ и около 10,000 рядовыхъ. Соумышленники раздѣлялись на четыре группы и вожди группъ собирались на совѣщанія [1]).

Далеко не всѣ гвардейскіе офицеры шли за Орловымъ только потому, что были недовольны порядками, заведенными въ гвардіи Петромъ III, и потому, что любили Григорія Орлова, какъ добраго товарища: этихъ мотивовъ для иныхъ изъ нихъ было слишкомъ недостаточно. Многіе гвардейскіе офицеры имѣли другія, гораздо болѣе серьезныя побужденія, которыя проходили въ сознаніе ихъ глубже, чѣмъ огорченіе отъ нелѣпыхъ воинскихъ артикуловъ и отъ слѣпаго подражанія прусскимъ порядкамъ въ арміи. Я указывалъ выше на побужденія Орлова и Панина. Первый изъ нихъ увлекся личностью великой княгини, второй—государственнымъ строемъ Швеціи. Второстепенные сторонники воцаренія Екатерины II не имѣли возможности знать интимную жизнь великой княгини и не были посвящены въ подробности политической жизни западно-европейскихъ государствъ. Поэтому побужденія, руководившія многими изъ нихъ, были инаго рода.

Изучая мелкія біографическія черты „пособниковъ" Екатерины II, нельзя не остановиться на ихъ родственныхъ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ цѣлому ряду лицъ, игравшихъ политическую роль въ первой половинѣ XVIII вѣка и оставившихъ по себѣ память въ исторіи если не политическими дѣяніями, то политическими замыслами и проектами. Эти родственныя отношенія имѣютъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно предполагать съ перваго раза.

Родственныя связи были еще очень живучи и крѣпки на Руси въ XVIII вѣкѣ и, при недостаточномъ развитіи общественныхъ воззрѣній, служили связующимъ звеномъ между отдѣльными лицами. Въ то время считались не только

---

[1]) Письмо Екатерины II къ Станиславу Понятовскому по цитатѣ Соловьева, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 108—109.

самымъ дальнимъ родствомъ, но и свойствомъ. За старшими братьями шли младшіе, за дядями слѣдовали племянники; младшіе родственники слушались безпрекословно старшихъ. Въ семьяхъ хранились преданія о судьбѣ родственниковъ прежнихъ поколѣній, и весьма нерѣдко эти преданія западали въ душу болѣе впечатлительныхъ и болѣе даровитыхъ младшихъ членовъ семьи и служили имъ примѣромъ для подражаній. Разсказы о Петровскихъ войнахъ генераловъ и офицеровъ этихъ войнъ вселяли духъ воинской доблести въ ихъ сыновьяхъ и внукахъ, которые впослѣдствіи проявляли храбрость подъ знаменами Миниха и подъ предводительствомъ Апраксина, Фермора, Чернышова и Панина. Точно также дѣйствовали на молодыхъ людей 50-хъ годовъ XVIII вѣка разсказы о политическихъ замыслахъ старшихъ родственниковъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Разсказы объ этихъ замыслахъ, какъ мы видѣли выше, заставляли задумываться славолюбивую Екатерину Алексѣевну; они же останавливали на себѣ мысль многихъ родственниковъ составителей разныхъ политическихъ проектовъ 1730 года, при воцареніи Анны Іоанновны, и лицъ погибшихъ изъ-за своихъ замысловъ въ лихолѣтье Бироновщины. Воззрѣнія верховниковъ и челобитчиковъ 1730 года являлись въ этихъ семейныхъ преданіяхъ идеализированными; Долгорукіе, Голицыны и Волынской съ „конфидентами“ озарялись въ нихъ ореоломъ мученичества. Слушая съ дѣтскихъ лѣтъ разсказы о ихъ дѣятельности и трагическомъ концѣ, многіе изъ ихъ сородичей проникались ненавистью къ Нѣмцамъ-правителямъ, и ихъ напуганному воображенію невольно мерещилась возможность новой Бироновщины при Петрѣ III. Въ страхѣ за будущее Россіи они или мечтали о тѣхъ же „кондиціяхъ“ и внутреннихъ реформахъ, о которыхъ слышали семейныя преданія, или были увѣрены въ лучшемъ будущемъ лишь бы не царствовалъ Петръ Θеодоровичъ.

Съ точки зрѣнія этихъ родственныхъ отношеній многіе изъ дѣятелей 28-го іюня 1762 года могутъ быть распредѣ-

лены по слѣдующимъ четыремъ рубрикамъ: 1) родственники графа А. П. Бестужева-Рюмина, 2) родственники князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, 3) родственники „конфидентовъ" Волынскаго, 4) родственники участниковъ разныхъ „шляхетскихъ" проектовъ 1730 года. Само собою, распредѣленіе это не можетъ быть безусловно точно, такъ какъ нѣкоторые изъ пособниковъ Екатерины II подходятъ подъ нѣсколько группъ, находясь въ родствѣ съ многими изъ указанныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка.

VIII.

РОДСТВЕННИКИ ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Во главѣ родственниковъ графа А. П. Бестужева-Рюмина стоялъ явный сторонникъ Екатерины II, родной племянникъ эксъ-канцлера, князь М. Н. Волконской.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконской (р. 1713 † 1789 г.), сынъ любимой фрейлины императрицы Анны Іоанновны, Аграфены Петровны, рожденной Бестужевой и придворнаго шута той же императрицы, князя Никиты Θеодоровича Волконскаго,—не отличался ни умомъ, ни талантами; его достоинствами были: необыкновенная аккуратность по службѣ и точность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій. Воспитанный Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, князь М. Н. Волконской обязанъ ему своимъ значеніемъ и карьерой. Благодаря высокому политическому положенію дяди при Елизаветѣ Петровнѣ, князь Волконской возвышался въ чинахъ и получалъ серьезныя назначенія: съ 1756 по

1758 годъ онъ состоялъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ. Ему удалось избѣгнуть опалы при паденіи его дяди: вызванный въ 1758 году изъ Польши въ Петербургъ, онъ былъ прикомандированъ къ австрійской арміи, дѣйствовавшей въ союзѣ съ Русскими противъ Фридриха II, и произведенъ скоро въ генералъ-поручики. Петръ III назначилъ Волконскаго членомъ особаго совѣта, учрежденнаго при дворѣ. Въ царствованіе Екатерины II князь Волконской явился орудіемъ избранія Станислава Понятовскаго и перваго раздѣла Польши, будучи сначала главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, а затѣмъ посланникомъ Екатерины II при Понятовскомъ. Съ 1771 по 1780 годъ князь Волконской былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

Сторонниками тайными, выступающими на сцену уже по окончаніи переворота, являются: двоюродный братъ Бестужева, адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ и двоюродный его племянникъ, преображенскій офицеръ Александръ Өедоровичъ Талызинъ. Оба они пользуются большимъ довѣріемъ Екатерины, что видно изъ ихъ участія въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за провозглашеніемъ ея самодержавной императрицей. Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, завладѣвъ, по повелѣнію Екатерины, Кронштадтомъ, оказалъ ей существенную услугу. Не явись онъ такимъ энергическимъ сторонникомъ новаго царствованія, быть можетъ, дальнѣйшій ходъ событій принялъ бы иное направленіе. Какъ извѣстно, только благодаря распорядительности И. Л. Талызина, гарнизонъ Кронштадта присягнулъ Екатеринѣ II и не допустилъ Петра III завладѣть этой важной крѣпостью. Въ мундирѣ А. Ө. Талызина была Екатерина II во время своего „похода“ подъ Ораніенбаумъ [1]).

---

[1]) «Рос. Род. книга» кн. П. В. Долгорукаго, ч. I, стр. 255, 260; ч. IV, стр. 287—288. — Переписка императрицы Анны Іоанновны съ С. А.

IX.

РОДСТВЕННИКИ КНЯЗЕЙ ДОЛГОРУКИХЪ И ГОЛИЦЫНЫХЪ.

Къ лицамъ, стоявшимъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, принадлежатъ: С. А. Бредихинъ, графъ Я. А. Брюсъ и П. Б. Пассекъ.

Сергѣй Александровичъ Бредихинъ, капитанъ-поручикъ Преображенскаго полка, былъ сынъ Александра Θеодоровича Бредихина, участвовавшаго въ 1730 году въ самомъ многочисленномъ по количеству лицъ шляхетскомъ проектѣ Секіотова. Шляхетскій проектъ государственныхъ преобразованій, поданный въ числѣ другихъ проектовъ Верховному тайному совѣту въ 1730 году, при воцареніи Анны Іоанновны, называется мною проектомъ Секіотова потому, что имя Сергѣя Вас. Секіотова стоитъ первымъ въ числѣ подписавшихъ его. Всего подъ проектомъ 321 подпись, вслѣдствіе чего онъ является выраженіемъ мнѣній большинства шляхетства въ 1730 году. Во главѣ постояннаго высшаго центральнаго государственнаго управленія, по этому проекту, стоятъ два учрежденія: Вышнее правительство и Сенатъ, члены которыхъ выбираются генералитетомъ и шляхетствомъ, образующими изъ себя особую избирательную коллегію. Для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ и для дальнѣйшаго развитія плана государственнаго устройства созывается общее собраніе изъ Вышняго правительства, Сената, генералитета и шляхетства. Президенты коллегій и губернаторы также опредѣля-

---

Салтыковымъ, Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1878 года, кн. I—Мать А. П. Бестужева-Рюмина была рожденная Талызина.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 года, I, 327—329.

ются по выбору генералитета и шляхетства. Далѣе проектъ набрасываетъ цѣлый рядъ льготъ шляхетству и указываетъ на необходимость улучшенія быта духовенства, купечества, крестьянства и солдатъ. Съ проектомъ Секіотова совершенно тождественны еще два шляхетскихъ проекта [1]).

Не столько это обстоятельство, сколько послѣдующая служба отца Сергія Александровича Бредихина, могли развить въ немъ политическія мечтанія объ ограниченіи самодержавной власти, которыя онъ надѣялся видѣть исполненными при воцареніи Екатерины II. Съ 1732 по 1742 годъ Александръ Ѳедоровичъ Бредихинъ находился вице-губернаторомъ въ Новгородѣ и управлялъ этою губерніей. Во время вицегубернаторства А. Ѳ. Бредихина, въ Новгородѣ, 8-го ноября 1739 года, произошла казнь князей Долгорукихъ: князь Василій Лукичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ составителей „кондицій", предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ верховниками, и его двоюродные братья—Сергѣй и Иванъ Григорьевичи были обезглавлены, а его племянникъ, нѣкогда всесильный фаворитъ Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ—колесованъ. При этой казни, которой расцоряжался по своему служебному положенію вице-губернаторъ Бредихинъ, присутствовала тайкомъ шестилѣтняя его дочь Анюта. Какое страшное, потрясающее впечатлѣніе должно было произвести это зрѣлище на ребенка! Въ семействѣ Бредихиныхъ жила память о Долгорукихъ, какъ о невинныхъ страдальцахъ: Анюта и ея братъ Сергѣй росли и воспитывались подъ вліяніемъ разсказовъ о нихъ. Впослѣдствіи Бредихины даже породнились съ Долгорукими: на Анютѣ (Аннѣ Александровнѣ) Бредихиной (род. 1733 † 1808 г.) женился въ 1756 году братъ казненнаго князя Ивана, князь Николай Алексѣевичъ Долгорукой (род. 1713 † 1790 г.) [2]),

---

[1]) Подробности см. въ книгѣ «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», стр. 162—164; прилож., стр. 22—49.

[2]) Онъ былъ въ то время вдовцомъ. Первой его женой была княжна Наталья Сергѣевна Голицына († 1755 г.).

на судьбѣ котораго жестоко отразилась казнь его брата. Ни въ чемъ неповинный, онъ въ 1740 году былъ битъ кнутомъ „съ урѣзаніемъ языка“ и сосланъ въ Охотскъ. Елизавета Петровна помиловала его, произвела въ бригадиры и позволила выдти въ отставку. Князь Николай уѣхалъ въ одну изъ своихъ деревень, въ которой и поселился навсегда [1]).

Еще въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ князьямъ Долгорукимъ находился одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ воцаренія Екатерины II, секундъ-майоръ Семеновскаго полка, графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ (р. 1732 † 1791 г.), впослѣдствіи генералъ-губернаторъ двухъ столицъ—сначала Москвы (съ 1771 по 1786 г.), а потомъ Петербурга (съ 1786 по 1791 г.). Его отецъ, племянникъ извѣстнаго ученаго и инженера эпохи Петра Великаго, графа Якова Вилимовича Брюса, графъ Александръ Романовичъ Брюсъ, былъ женатъ три раза: въ первый разъ (1729) г. на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Долгорукой, дочери одного изъ верховниковъ, князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; во второй разъ (1745 г.) на „разрушенной“ государынѣ-невѣстѣ Петра II, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой († 1745 г.); третьей женой А. Р. Брюса была Н. Ѳ. Колычева. Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ былъ сыномъ отъ перваго брака и когда отецъ его женился на „разрушенной“ государынѣ-невѣстѣ, онъ былъ 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ [2]).

Петръ Богдановичъ Пассекъ (р. 1736 † 1804 г.), преображенскій офицеръ, игралъ въ событіяхъ 28-го іюня 1762 года весьма важную роль. Онъ былъ сослуживецъ и большой другъ Гр. Гр. Орлова. По приказу Петра III, онъ арестованъ 27-го іюня, что очень встревожило сторонниковъ Екатерины II, и они поторопились привести въ исполненіе задуманный переворотъ. Въ то время 26-ти лѣтній П. Б. Пас-

---

[1]) См. Баранова, Опис. Сен. Арх., т. III, № 8.761.—Кн. Долгорукой, Род. Кн., стр. 91; его же Memoires, t. I, p. 371.

[2]) Родословн., изд. «Русск. Стар.», т. I, стр. 57—58.

секъ былъ женатъ уже болѣе двухъ лѣтъ на баронессѣ Натальѣ Исаевнѣ Шафировой, родной внукѣ извѣстнаго дѣльца временъ Петра Великаго, Петра Павловича Шафирова. По женѣ онъ находился въ близкомъ родствѣ съ семьей князя Сергѣя Григорьевича Долгорукова, дяди „разрушенной“ государыни-невѣсты Петра II: князь Сергѣй Григорьевичъ былъ женатъ на дочери Петра Павловича Шафирова, Мароѣ Петровнѣ, приходившейся женѣ Пассека теткой. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукой, по воцареніи Анны Іоанновны въ 1730 году, какъ это видѣли читатели выше, былъ сосланъ сначала въ Раненбургъ, затѣмъ въ свою рязанскую деревню, а 8-го ноября 1739 года былъ казненъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими князьями Долгорукими [1]).

X.

РОДСТВЕННИКИ «КОНФИДЕНТОВЪ» А. П. ВОЛЫНСКАГО.

Изъ потомковъ участниковъ „дѣла Волынскаго“ мы встрѣчаемся съ двумя: А. М. Еропкинымъ и графомъ В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Алексѣй Михайловичъ Еропкинъ († 1764 г.), родной братъ гофъ-интенданта Петра Михайловича Еропкина,

[1]) Родословн., изд. «Русск. Стар.», т. I, стр. 114, 271.—«Русск. Стар.», 1876 г., т. XVI, стр. 344 и монографія о князѣ С. Г. Долгорукомъ, наст. сборн., стр. 167—192. Изъ князей Голицыныхъ, въ числѣ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II, встрѣчается князь Петръ Алексѣевичъ (р. 1731 † 1810 г.), капитанъ Измайловскаго полка, дальній родственникъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, главы верховниковъ 1730 года.—Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 286—292.

одного изъ самыхъ ревностныхъ „конфидентовъ“ Волынскаго, казненнаго вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году. Елизавета Петровна пожаловала Алексѣю Михайловичу Еропкину все недвижимое имѣніе, конфискованное у его брата послѣ казни. Въ концѣ царствованія Елизаветы, А. М. Еропкинъ занималъ должность совѣтника Вотчинной коллегіи, а въ апрѣлѣ 1762 года былъ назначенъ управляющимъ „собственными экономическими дѣлами императрицы Екатерины Алексѣевны“ [1]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (р. 1735 † 1804 г.), поручикъ Коннаго полка, былъ сынъ сосланнаго по дѣлу Волынскаго съ „урѣзаніемъ языка“ графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Мать Валентина Платоновича, Мареа Петровна, была рожденная княжна Черкасская, племянница князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, виднаго, хотя и неустойчиваго въ воззрѣніяхъ, участника въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Когда Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ сосланъ по дѣлу Волынскаго въ Соловецкій монастырь, Валентину Платоновичу было всего пять лѣтъ отъ роду. Родственники графа Вал. Пл. Мусина-Пушкина принимали дѣятельное участіе въ январскихъ и февральскихъ событіяхъ въ Москвѣ, въ 1730 году. Его дѣдъ, въ то время уже дряхлый старикъ, подалъ отдѣльное мнѣніе о государственномъ устройствѣ, незадолго до своей смерти (онъ умеръ въ февралѣ 1730 г.), а отецъ и дядя подписались подъ проектами князя Черкасскаго, Алабердеева и Грекова и затѣмъ оба высказались за самодержавіе Анны Іоанновны. Дѣдъ Валентина Платоновича, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, былъ бояриномъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пользо-

[1]) Кн. Долгорукой, Род. Кн., IV, стр. 8—10.—Барановъ, Опис. Сен. Арх., т. III, № 12,143.—Многіе изъ Еропкиныхъ принимали дѣятельное участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ при воцареніи Анны Іоанновны. Петръ Михайловичъ Еропкинъ былъ сторонникомъ ея самодержавія, а три его двоюродныхъ брата подписались подъ разными шляхетскими проектами.

вался большимъ уваженіемъ Петра Великаго: онъ былъ назначенъ, въ числѣ не многихъ, сенаторомъ при учрежденіи Сената въ 1711 году. Графъ Валентинъ Платоновичъ отличался необыкновенною честностью, прямотой и твердостью характера и большой добротой. Екатерина II его не любила, выражаясь о немъ весьма не лестно въ интимныхъ разговорахъ съ своимъ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, но оффиціально должна была его награждать: къ концу ея царствованія Мусинъ-Пушкинъ былъ вице-президентомъ Военной коллегіи и кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ [1]).

XI.

РОДСТВЕННИКИ УЧАСТНИКОВЪ РАЗНЫХЪ «ШЛЯХЕТСКИХЪ» ПРОЕКТОВЪ 1730 ГОДА.

Группу лицъ, находящихся въ родствѣ съ участниками разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года составляютъ: 1) М. Е. Баскаковъ, 2) В. И. Бибиковъ, 3) князь Ѳ. С. Борятинской, 4) князь И. В. Несвицкой, 5) Г. А. Потемкинъ (впослѣдствіи знаменитый князь Таврическій), 6) А. И. Ржевской, 7) Н. И. Рославлевъ,

[1]) Кн. Долгорукой. Род. кн. I, стр. 95—97; II, стр. 197—198.— Родосл., изд. «Рус. Стар.», I стр. 57—58.—«Записки Храповицкаго», изд. Н. П. Барсукова, стр. 306 и слѣд.—О служебной его карьерѣ см. Словарь Бантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., III, стр. 383—386.—О его характерѣ въ разсказахъ Карабанова, «Рус. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 143.

8) А. П. Рославлевъ, 9) Ѳ. А. Хитрово [1]).

Михаилъ Егоровичъ Баскаковъ, капитанъ-поручикъ Преображенскаго полка, былъ человѣкъ жестокій и рѣшительный. Во время смерти низложеннаго императора Петра III онъ находился въ Ропшѣ, а послѣ 1763 года о Баскаковѣ не упоминается: что сталось съ нимъ—неизвѣстно. Баскаковъ приходился родственникомъ оберъ-прокурору св. Синода Алексѣю Петровичу Баскакову, участнику нѣсколькихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года и впослѣдствіи, въ 1737 году, замѣшанному въ процессъ князя Д. М. Голицына [2]).

Василій Ильичъ Бибиковъ, капитанъ-поручикъ Семеновскаго полка, братъ извѣстнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія Александра Ильича Бибикова, состоялъ въ родствѣ съ шестью Бибиковыми, подписавшими разные шляхетскіе проекты въ 1730 году. Въ Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія 1767 года В. И. Бибиковъ былъ депутатомъ отъ дворянства Шацкаго уѣзда.

Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Борятинской (р. 1742 † 1814 г) поручикъ Преображенскаго полка, былъ внукомъ князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго, участника многихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года. Онъ находился въ Ропшѣ во время смерти Петра III. Въ 1780-хъ годахъ князь Ѳ. С. Борятинской былъ тайнымъ совѣтникомъ, камергеромъ и оберъ-гофмаршаломъ, а императоръ Павелъ, въ самый день вступленія на престолъ, отставилъ его отъ службы.

Всѣ остальныя поименованныя мною лица, гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ, находятся въ близкомъ родствѣ съ участниками проекта Секіотова 1730 года. Князь Несвиц-

---

[1]) О родственныхъ отношеніяхъ всѣхъ этихъ лицъ къ участникамъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года см. Кн. Долгорукаго. Род. кн., I, стр. 75—77; IV, стр. 29 и слѣд., 290—292.—Родосл., изд. «Рус. Стар.» I, стр. 86 и слѣд., 314 и слѣд., 331 и слѣд.—VII-ю главу «Воцаренія Анны Іоанновны» и приложенія къ этой книгѣ, № 2.

[2]) См. выше, наст. сборн., стр. 240, 281.

кой, Г. А. Потемкинъ, братья Рославлевы и Хитрово—сыновья участниковъ этого проекта; Ржевской—племянникъ участника. Всѣмъ извѣстна блестящая карьера князя Потемкина-Таврическаго, но далеко не столь знакомо большинству такъ называемое „дѣло Хитрово", въ которомъ играли роль почти всѣ названныя лица, за исключеніемъ Черткова и Протасова. Объ этомъ дѣлѣ уже упоминалось выше, въ настоящей статьѣ [1]), но для выясненія личности участниковъ этого дѣла я считаю необходимымъ сказать о немъ теперь болѣе подробно.

Лѣтомъ 1763 года, были арестованы Хитрово, князь Несвицкой, двое Рославлевыхъ и Ласунскій (также одинъ изъ видныхъ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II). Всѣ они занимали въ то время придворныя должности: Хитрово и князь Несвицкой были камеръ-юнкеры, остальные—камергеры. Арестъ произошелъ по милости Ржевскаго, двоюроднаго брата Хитрово,—сдѣлавшаго доносъ Алексѣю Орлову. Возникло дѣло, весьма встревожившее Екатерину. Было привлечено къ допросамъ очень много гвардейскихъ офицеровъ и придворныхъ, большею частью изъ оказавшихъ Екатеринѣ важныя услуги при ея воцареніи. Изъ этихъ допросовъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ толковъ о „подпискѣ", данной Екатериною при воцареніи Никитѣ Ивановичу Панину, выяснилось еще слѣдующее обстоятельство.

Въ 1763 году графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ хлопоталъ о томъ, чтобъ императрица избрала себѣ достойнаго супруга изъ своихъ подданныхъ, потому что государь цесаревичъ (Павелъ Петровичъ) слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ. Бестужевъ составилъ въ этомъ смыслѣ прошеніе Екатеринѣ отъ лица всѣхъ ея вѣрноподданныхъ. Подъ прошеніемъ подписалось знатное духовенство, кромѣ Арсенія Мацѣевича, и нѣсколько сенаторовъ. Воспротивились прошенію Н. И. Па-

---

[1]) Ibid., стр. 395—396.

нинъ, графъ Кир. Гр. Разумовскій и Захаръ Гр. Чернышевъ. Многіе, знавшіе дѣло близко, были убѣждены, что Бестужевъ-Рюминъ прямо намекаетъ на Григорія Григорьевича Орлова и что прошеніе составлено по иниціативѣ самой императрицы. Никита Ивановичъ Панинъ спросилъ императрицу: „съ ея ли позволенія представилъ прошеніе Бестужевъ?“ Екатерина отвѣчала отрицательно. Тогда Панинъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Бестужева надо предать суду. На это императрица промолчала. Затѣя Бестужева произвела сильное волненіе въ кружкахъ гвардейскихъ офицеровъ. Стали собираться сходки. На этихъ сходкахъ горячился болѣе всѣхъ Хитрово.

— „Если государыня намѣрена идти замужъ,—говорилъ онъ,—то у Иванушки есть два брата“. Подъ „Иванушкой“ онъ разумѣлъ несчастнаго шлюссельбургскаго узника, императора Іоанна Антоновича, у котораго было два меньшихъ брата,—Петръ и Алексѣй. Петру Антоновичу въ то время было 18 лѣтъ, а Алексѣю Антоновичу—17.

— „Если императрица не согласится на это, продолжалъ шумѣть Хитрово,—то схватить Орловыхъ и всѣхъ отлучить, а если можно, то и скорѣе Орловыхъ при первомъ удобномъ случаѣ погубить“.

— „Григорій Орловъ глупъ,—разсуждалъ Хитрово,—но больше всего дѣлаетъ братъ его Алексѣй: онъ великій плутъ и всему дѣлу причиной“.

По Петербургу стали ходить слухи о томъ, что императрица намѣрена выдти замужъ за Григорія Орлова, вслѣдствіе чего Орловыхъ хотятъ убить, а Екатерину лишить престола.

Хитрово былъ удаленъ отъ службы и сосланъ на житье въ свое имѣніе Орловской губ. Къ концу царствованія Екатерины Хитрово уже не было въ живыхъ. Въ 1794 году императрица обвиняла дѣтей Хитрово—Николая, Екатерину и Наталью въ варварскомъ обращеніи съ крестьянами въ пожалованномъ ихъ

отцу въ 1762 году имѣніи, въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Было ли это обвиненіе вполнѣ справедливымъ? Легко можетъ статься, что оно являлось выраженіемъ неудовольствія на Хитрово со стороны императрицы.

Вслѣдъ за Хитрово удалены отъ двора и другіе главнѣйшіе участники его дѣла [1]).

Къ родственникамъ участниковъ тѣхъ же шляхетскихъ проектовъ принадлежатъ Е. А. Чертковъ и Г. Г. Протасовъ: первый—троюродный братъ, а второй троюродный племянникъ Черткова и Протасова, подписавшихъ проектъ Секіотова. Но я не отмѣчаю ихъ участія подробно на томъ основаніи, что они играли, какъ въ дѣлѣ воцаренія Екатерины II, такъ и впослѣдствіи, очень пассивную роль. Чертковъ является одной изъ многочисленныхъ планетъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, а Протасовъ былъ втянутъ въ происшествія 28-го іюня 1762 г. Орловыми, съ которыми онъ состоялъ въ родствѣ, и впослѣдствіи ничѣмъ себя не проявилъ, будучи заурядным придворнымъ.

XII.

СОПЕРНИКИ ЕКАТЕРИНЫ II ПО ЕЯ ВОЦАРЕНІИ.

Очень многіе изъ русскихъ людей, желавшихъ низложенія Петра III, скоро разочаровались. День 28-го іюня 1762 года выдвинулъ на первый планъ Гр. Гр. Орлова и

---

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи, т. XXV, стр. 257—261. «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. VII, стр. 109—115, 289—294.

разрушилъ иллюзіи Н. И. Панина, И. И. Шувалова и нѣкоторыхъ офицеровъ, ревностно содѣйствовавшихъ воцаренію Екатерины II.

Хитроумный дѣлецъ прежняго времени графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, умѣвшій угождать и Бирону и Елизаветѣ Петровнѣ, хлопотавшій о регентствѣ Екатерины въ 1757 году, въ 1762 году—послѣ провозглашенія ея самодержавной государыней, желаетъ уже устроить бракъ ея съ героемъ событія, Гр. Гр. Орловымъ. Великій князь Павелъ Петровичъ забытъ; онъ въ сторонѣ. Только Ник. Ив. Панинъ сохраняетъ теплую привязанность къ своему воспитаннику. Екатерина весьма естественно относится къ нему, какъ къ конкуренту ея власти, сначала недовѣрчиво, а затѣмъ прямо враждебно. Для впечатлительнаго ребенка начинается горькая жизнь, которая тянется затѣмъ уныло чрезъ все долгое, блестящее царствованіе Екатерины II.

Но не одинъ Павелъ Петровичъ заставляетъ императрицу недовѣрчиво смотрѣть на окружающее ее. Хитрово указывалъ на младшихъ сыновей Анны Леопольдовны—Петра и Алексѣя Антоновичей, какъ на возможныхъ соперниковъ Екатеринѣ II. Симпатіи къ старшему ея сыну, шлюссельбургскому узнику Іоанну Антоновичу, высказывались еще за годъ до ареста Хитрово „съ товарищи" въ другихъ офицерскихъ кружкахъ—Гурьева и Хрущовыхъ, а годомъ позже, въ 1764 году, явилась сумасбродная попытка со стороны также офицера, Мировича, освободить изъ заточенія Іоанна Антоновича и возвести его на престолъ. О братьяхъ Іоанна Антоновича, какъ о законныхъ наслѣдникахъ россійскаго престола, упоминалъ и извѣстный „супротивникъ" Екатерины II, митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ. Недовольство новымъ правительствомъ переходитъ въ низшіе классы. Государственные и помѣщичьи крестьяне, ободренные указомъ Петра III объ отобраніи крестьянъ у монастырей и архіереевъ, ждали и себѣ „воли", и вотъ вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II среди крестьянства начинаютъ бродить разные слухи о томъ, что

императоръ Петръ III живъ; крестьяне волнуются и, наконецъ, изъ народныхъ массъ выдѣляются самозванцы, принимающіе имя умершаго императора и сулящіе свободу и льготы простому народу. Цѣлый рядъ лже-Петровъ III тянется съ 1765 года въ теченіи десятилѣтія, начинаясь Кремневымъ и заканчиваясь Пугачевымъ.

Но Екатерина II выходитъ побѣдительницей изъ всѣхъ этихъ важныхъ затрудненій. Внѣшній блескъ ея двора, успѣхи русскаго оружія и русской дипломатіи въ ея царствованіе, расцвѣтъ русской литературы во второй половинѣ XVIII в.—прославили вѣкъ Екатерины и въ Западной Европѣ и въ Россіи, а реформы Екатерины II по внутреннему государственному управленію поставили ея имя на ряду съ именемъ Петра Великаго.

Императоръ Павелъ закономъ о престолонаслѣдіи 5-го апрѣля 1797 года навсегда пресѣкъ возможность въ этомъ важнѣйшемъ государственномъ вопросѣ тѣхъ „конъюнктуръ", которыя волновали весь русскій XVIII вѣкъ, и замыслы „пособниковъ" воцаренія Екатерины II стали лишь достояніемъ исторіи. Въ ней должны они сохраниться, какъ факты бывшаго.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

О Екатеринѣ II до ея воцаренія.

Въ 1884 году, когда появилась настоящая статья въ «Историческомъ Вѣстникѣ», я могъ указать въ ней лишь на весьма немногіе изъ главнѣйшихъ источниковъ и монографій, относящихся къ исторіи Екатерины II до ея воцаренія, а именно:

1) На Memoires de Catherine II, Londres 1858.

2) На данныя въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. т. XXII—XXIV.

3) На документы въ I-й книгѣ сборника П. И. Бартенева «XVIII-й вѣкъ», стр. 1—44; и въ VII т. «Русскаго историческаго сборника» и

4—5) На монографіи Я. К. Грота, Воспитаніе Екатерины II, въ «Древней и Новой Россіи» 1875 г., т. I, стр. 110—125, и А. Г. Брикнера, о Петрѣ III, до его восшествія на престолъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1882 г., кн. 11 и 1883 г., кн. 1, 2 и слѣд.

Съ тѣхъ поръ появилось нѣсколько изслѣдованій на русскомъ языкѣ, дополняющихъ свѣдѣнія о жизни Екатерины II до ея воцаренія новыми фактами и разработывающими какъ эти новые, такъ и извѣстные прежде факты. Къ такимъ изслѣдованіямъ относятся:

1) Иллюстрированная исторія Екатерины II А. Г. Брикнера, изданная въ 1885 году, въ С.-Петербургѣ, А. С. Суворинымъ въ пяти томахъ, in 8°.—Свѣдѣнія о Екатеринѣ II, до ея воцаренія, находятся въ I т., стр. 29—113.

2) П. Дирина, «Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія, 1729—1761 г.,» историч. очеркъ, СПБ. 1885, in 8°, 292 стр. Сводъ фактическихъ данныхъ, хорошо разсказанный, но страдающій отсутствіемъ строгой критики).

3) В. А. Бильбасова «Исторія Екатерины Второй», СПБ. 1890 г., т. I, in 8° VII + 643 стр. Изложенію фактовъ посвящено 437 стр. текста; остальныя страницы заняты изслѣдованіями частныхъ вопросовъ и извлеченіями изъ неизданныхъ документовъ.

Книга г. Бильбасова, судя по плану ученаго автора, разсчитана на 10—12 томовъ, потому что въ I-мъ объемистомъ томѣ изложена только жизнь Екатерины II до ея воцаренія. Проф. Бильбасовъ впервые представляетъ не только сводъ всего изданнаго матеріала за это время и сообщаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ архивныхъ, неизданныхъ источниковъ, но даетъ подробное и обстоятельное критическое изложеніе фактовъ этого важнаго періода въ жизни одной изъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ женщинъ XVIII в. Къ выдающимся достоинствамъ книги проф. Бильбасова должны быть отнесены: 1) попытка сгруппировать новыя и освѣтить болѣе яркимъ свѣтомъ извѣстныя раньше черты интеллектуальнаго образа Екатерины II за «подготовительный», такъ сказать, періодъ ея жизни; 2) рядъ сжатыхъ и въ большинствѣ случаевъ весьма удачныхъ характеристикъ многихъ личностей, съ которыми свела судьба въ Россіи Ангальтъ. Цербстскую принцессу. Къ такимъ характеристикамъ въ особенности принадлежатъ характеристики императрицы Елизаветы Петровны, отца и матери Екатерины II, С. В. Салтыкова, графа К. Гр. Разумовскаго, графа Станислава Понятовскаго, графа А. П. Бестужева-Рюмина и графа Ник. Ив. Панина; 3) внѣшняя обстановка придворной русской жизни 40-хъ и 50-хъ г.г. XVIII в. и многія черты нравовъ эпохи. Необыкновенно подробно съ фактической стороны изложены и освѣщены критическимъ свѣтомъ происшествія, касающіяся недоразумѣній между в. кн. Екатериной Алексѣевной и императрицей Елизаветой Петровной при началѣ Семилѣтней войны, вся такъ называемая «Бестужевская исторія» и выяснено участіе въ ней Гр. А. П. Бестужева и С. Ѳ. Апраксина. (см. гл. XXVII и XXVIII, стр. 332 — 360). Тѣмъ не менѣе г. Бильбасовъ испытываетъ на себѣ всю трудность исполненія восклицанія Вольтера, приводимаго имъ какъ бы motto своего изслѣдованія: «Heureux l'ecrivain qui donnera dans un siécle l'histore de Catherine II!». Въ своей книгѣ, г. Бильбасовъ, какъ онъ самъ выражается, «предоставляетъ первое слово самой Екатеринѣ», ограничивая свой авторскій трудъ только критическою провѣркою ея показаній», Весьма жаль, что эта провѣрка не вездѣ достаточно полна. Въ этомъ отношеніи особенно оставляетъ желать многаго XXIII глава, стр. 262 — 279, основанная главнымъ образомъ на придворныхъ «пересудахъ», чтобы не выразиться сильнѣе, которые нашли себѣ мѣсто еще въ сочиненіяхъ прошлаго вѣка, каковы: «Histoire de Catherine II», Кастѣры и «Hist. secréte des amours de Catherine II»,— Нельзя также не пожалѣть, что ученый авторъ не предпослалъ своему труду вводнаго слова объ историческомъ значеніи царствованія Екатерины II и обзора источниковъ и изслѣдованій, какъ общихъ, такъ и монографическихъ по этой исторіи. Такъ началъ свою «Исторію Петра Великаго» акад. Устряловъ, чѣмъ далъ возможность читателямъ изъ публики припомнить все извѣстное имъ о Петрѣ Великомъ, а ученымъ спеціалистамъ критически отнестись къ собственнымъ своимъ возврѣніямъ. Г. Бильбасовъ начинаетъ свою

«Исторію Екатерины II» лишь весьма краткимъ предисловіемъ, въ которомъ нѣтъ ни слова объ общемъ историческомъ значеніи личности и царствованія Екатерины II, а помѣщенный г. Бильбасовымъ въ концѣ книги «списокъ изданій наиболѣе упоминаемыхъ» не можетъ замѣнить обзора источниковъ и изслѣдованій, п. ч. въ немъ: 1) указанія слишкомъ кратки, 2) не отдѣлены должнымъ образомъ историческіе источники отъ изслѣдованій, а расположены и тѣ и другіе подрядъ, въ алфавитномъ порядкѣ.

2.

О графѣ Ник. Ив. Панинѣ.

О жизни и дѣятельности Н. И. Панина въ настоящее время издано очень много матеріала, который до сихъ поръ далеко не вполнѣ изученъ и выясненъ.

Первая по времени біографія Н. И. Панина, написанная вскорѣ по его смерти Д. И. Фонъ-Визинымъ (см. сочиненія его, изд. Ефремова, стр. 216—226), кратка и слишкомъ хвалебна.

Бантышъ-Каменскій («Словарь достопам. людей», 1836 г., т. IV, стр. 96—108) и Терещенко («Опытъ обозр. жизни сановниковъ, управлявш. иностр. дѣлами», СПБ. 1837 г., ч. II, стр. 110—142)—представили подробный сводъ внѣшнихъ событій изъ жизни Панина, но также впали въ оффиціально-панегирическій тонъ.

П. С. Лебедевъ въ монографіи «Графы Никита и Петръ Панины» («Отеч. Зап.» 1862 г., кн. 2 и 7, и отд. изд. СПБ. 1863 г.) является, наоборотъ, безусловнымъ порицателемъ Панина, что̀ можетъ быть объяснено временемъ, когда написана эта монографія. Въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія была мода на отрицательный взглядъ на современное и прошлое Россіи, что было совершенно естественнымъ противодѣйствіемъ панегирическому тону столь долго и упорно державшемуся въ русской исторической и публицистической литературѣ.

Д. Ѳ. Кобеко, въ своей весьма интересной монографіи о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ (СПБ. 1882 г.; 2-е изд. 1883 г.), даетъ хотя самую общую, но безпристрастную характеристику Н. И. Панина.

Много важныхъ замѣчаній находится въ XXIV—XXVII тт. «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, въ книгахъ Н. И. Дубровина, «Пугачевъ и его сообщники», СПБ., 1884, т. I—III. и В. А. Бильбасова, «Исторія Екатерины II», т. I, СПБ. 1890 г.

X.

ТРИ РЕЦЕНЗІИ.

(Царица Прасковья.—Екатерина I и Монсы.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ).

ТРИ РЕЦЕНЗІИ.

I.

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, т. I-й. Царица Прасковья (1664—1723).—Изд. 2-е, исправленное и дополненное, съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками, in 8°, С.-Петербургъ 1883 [1]).

М. И. Семевскій дебютировалъ въ качествѣ русскаго историческаго писателя, если не ошибаюсь, въ 1859 году. Его первая монографія, посвященная жизни императрицы Елизаветы Петровны до ея воцаренія, появилась во 2-ой книгѣ „Русскаго Слова", издававшагося въ то время графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, и по обилію новыхъ фактовъ, по живости разсказа и по нѣкоторой (относительно, разумѣется) свободѣ изложенія — произвела впечатлѣніе на читающую публику.

Усиленіе цензуры съ 1848 года повело къ безусловному запрещенію изложенія событій русской исторіи съ Петра Великаго, и русскіе люди, интересовавшіеся въ то время новой русской исторіей, волей-неволей должны были довольствоваться втихомолку иностранными компиляціями анекдотическаго характера и весьма сомнительной достовѣрности. Съ воцареніемъ императора Александра

[1]) Первонач. напечатано въ «Историч. Вѣст.» 1883 г., т. XIV. стр. 433—437.

Николаевича, когда Россія обновлялась реформами въ разныхъ отрасляхъ общественной жизни, расширились и тѣсныя рамки изслѣдованій въ области русской исторіи. Цензурный запретъ съ XVIII вѣка былъ снятъ. Завѣса, столь долго скрывавшая отъ любопытствующей публики перваго русскаго императора и его преемниковъ, поднялась—и публика съ жадностью стала созерцать „дѣянія“ Петра Великаго и его преемниковъ и житье-бытье разныхъ классовъ общества и народа преобразованной имъ Россіи. Стало появляться множество изслѣдованій, матеріаловъ, замѣтокъ по исторіи XVIII вѣка. Образовалась особая группа писателей, передававшихъ въ живыхъ, талантливыхъ очеркахъ разные эпизоды изъ этой исторіи. Рядомъ съ М. И. Семевскимъ на этомъ поприщѣ работали: А. Н. Аѳанасьевъ, П. И. Бартеневъ, Г. В. Есиповъ, М. Н. Лонгиновъ, М. Д. Хмыровъ, І. Н. Шишкинъ, С. Н. Шубинскій, П. К. Щебальскій и другіе. Съ 1859 по 1870 годъ г. Семевскій помѣстилъ въ шестнадцати періодическихъ изданіяхъ слишкомъ сорокъ монографій, большая часть которыхъ относится къ русской исторіи XVIII вѣка. Съ 1870 года онъ началъ издавать „Русскую Старину“, и тридцать девять томовъ этого сборника представляютъ массу историческаго матеріала, который безъ него, быть можетъ, погибъ-бы безвозвратно для русской науки [1]).

Въ нынѣшнемъ (1883) году г. Семевскій предпринялъ переизданіе своихъ монографій, какъ видно не по мѣрѣ ихъ появленія въ журналахъ, а въ хронологическомъ порядкѣ изслѣдованныхъ имъ лицъ и событій. Серія его „Очерковъ и разсказовъ“ открывается біографіей царицы Прасковьи, супруги брата и соправителя Петра Великаго, царя Іоанна Алексѣевича. Біографія эта появилась впервые двадцать два года тому назадъ въ журналѣ М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ „Время“, за 1861 годъ. Нельзя не привѣтствовать намѣренія

---

[1]) Писано въ сентябрѣ 1883 года, когда былъ законченъ лишь 39-й томъ «Русской Старины». Въ настоящее время, къ 1 мая 1890 года, издано шестьдесятъ шесть томовъ этого сборника.

почтеннаго автора, столь много и плодотворно трудящагося на поприщѣ русской исторіографіи: переизданіе разбросанныхъ по многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ историческихъ монографій—предпріятіе весьма полезное, много облегчающее трудъ спеціалисту и дающее возможность образованному и любознательному человѣку пополнить или возобновить свои историческія свѣдѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать въ интересахъ науки и самихъ авторовъ, чтобы переизданіе производилось болѣе тщательно, чѣмъ мы это замѣчаемъ въ „Царицѣ Прасковьѣ". Названная монографія была написана въ то время, когда авторъ ея пробовалъ только перо въ историческихъ работахъ, и поэтому въ ней весьма естественно встрѣчались нѣкоторыя недомолвки и неточности. Но при переизданіи ея теперь, когда М. И. Семевскій составилъ уже себѣ почтенное литературное имя, мы желали-бы видѣть его книгу болѣе исправленною и дополненною.

Въ характерѣ и образѣ жизни царицы Прасковьи сильно отразилось вліяніе той переходной, преобразовательной эпохи, въ которую она жила. Сохранивъ въ своемъ обиходѣ своеобразныя черты старинной московской боярыни, Прасковья Θеодоровна должна была дѣлать уступки новымъ требованіямъ жизни. Суевѣрная и набожная, привыкшая къ патріархальнымъ порядкамъ и своеобычной домашней расправѣ, она дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами; она должна была прилаживаться не только ко вкусамъ и требованіямъ своего деверя, царя Петра, но примѣняться и къ характерамъ вліятельныхъ лицъ его двора и допустить обучать своихъ дочерей нѣмецкой грамотѣ и танцамъ. Біографія такой личности, стоящей на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ, представляетъ, безспорно, одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ бытовой исторіи Россіи.

Г. Семевскій постигъ это очень хорошо и весьма талантливо очертилъ типическую личность царицы Прасковьи. Но

онъ не ограничился одною ея личностью. Разсматриваемая книга вводитъ читателя въ складъ жизни всего семейства супруги царя Іоанна Алексѣевича. Тѣмъ болѣе жаль, что авторъ не вполнѣ воспользовался всѣмъ доступнымъ ему матеріаломъ, появившимся въ печати послѣ перваго изданія его монографіи. Г. Семевскій говоритъ въ предисловіи къ „Царицѣ Прасковьѣ“: „По отношенію къ предмету нашего труда новые матеріалы, появившіеся послѣ 1861 года, представили совершенно отрывочныя подробности, не столько касающіяся отдѣльныхъ фактовъ и личности самой царицы Прасковьи, сколько бытовой и нравоописательной стороны Петровской эпохи“ [1]). Наврядъ-ли это совершенно такъ.

Въ III главѣ книги, посвященной второй дочери царицы, Аннѣ Іоанновнѣ, опущены весьма существенные факты, именно потому, что авторъ не воспользовался матеріаломъ, изданнымъ не только послѣ 1861 года, но и раньше. Вслѣдствіе этого, характеръ Анны Іоанновны и ея жизнь въ Курляндіи очерчены въ книгѣ г. Семевскаго далеко не съ желательной полнотой. Мы не можемъ согласиться съ М. И. Семевскимъ въ томъ, что разныя „конъюнктуры“ о брачныхъ союзахъ вдовствующей герцогини Курляндской являются излишними подробностями въ главѣ спеціально ей посвященной [2]). Вопросъ о бравосочетаніи дочерей царицы Прасковьи весьма любопытенъ и характеристиченъ. Замужество дочерей властолюбивой царицы-помѣщицы Прасковьи Ѳеодоровны и предположенія о ихъ бракахъ всецѣло зависѣли отъ воли Петра Великаго, поступавшаго въ этомъ случаѣ совершенно деспотически, и компромиссы и уступки, на которыя шла царица Прасковья въ дѣлѣ семейной жизни своихъ дочерей —принадлежатъ къ самымъ существеннымъ, съ ея стороны, компромиссамъ и уступкамъ. Если г. Семевскій подробно излагаетъ брачную жизнь одной изъ дочерей царицы Прасковьи, Екатерины Іоан-

[1]) Стр. 6.
[2]) Стр. 60, прим. 2.

новны, герцогини Мекленбургской, то ему не было основанія обходить подробности о несостоявшихся бракахъ другой ея дочери, Курляндской герцогини Анны Іоанновны, во время ея долгаго вдовства, съ 1711 по 1730 годъ. Если бы г. Семевскій въ новомъ изданіи своей книги воспользовался вполнѣ IV-мъ выпускомъ „Писемъ русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства" изд. Коммисіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ въ Москвѣ, въ 1862 году (in 8°, 280 + XIX стр.), и заключающимъ въ себѣ переписку Анны Іоанновны съ 1716 по 1730 годъ, то очеркъ ея жизни въ Курляндіи вышелъ бы у него несравненно полнѣе и живѣе. О кандидатурѣ въ Курляндскіе герцоги графа Морица Саксонскаго и о намѣреніи его жениться на Аннѣ Іоанновнѣ г. Семевскій совсѣмъ даже не упоминаетъ; между тѣмъ, въ ея жизни это былъ весьма важный и характерный эпизодъ. Монографія г. Щебальскаго о Морицѣ Саксонскомъ, составленная преимущественно по документамъ московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и появившаяся еще въ 1860 году (Русск. Вѣстн. 1860 г., т. XXI), какъ видно, совершенно ускользнула отъ вниманія автора „Царицы Прасковьи". Но кромѣ этой монографіи, тому же лицу посвящены еще двѣ, заключающія въ себѣ много важныхъ данныхъ для исторіи жизни Анны Іоанновны въ Курляндіи: 1) Saint-René Tallandier, „Maurice de Saxe, étude historique d'aprés les documents des archives de Dresde", 2-e édit., Paris, 1870 и 2) Е. П. Карновича, „Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ", Др. и Нов. Россія 1875 г., т. III.

Г. Семевскому неизвѣстно, добровольно или недобровольно поступила въ монастырь, въ 1730 году, Александра Григорьевна Салтыкова, рожденная княжна Долгорукая, жена Василія Ѳеодоровича Салтыкова, и когда она приняла на себя „чинъ ангельскій", до смерти мужа, или послѣ. Въ слѣдственномъ дѣлѣ о князьяхъ Долгорукихъ, хранящемся въ Государственномъ архивѣ, находятся прямые отвѣты на эти недоумѣнія.

По воцареніи Анны Іоанновны, въ 1730 году, Василій Ѳедоровичъ получилъ чинъ кравчаго и графское достоинство. Онъ умеръ 5-го октября 1730 года. Его жена, Александра Григорьевна, была родною сестрою опальныхъ въ то время князей Долгорукихъ: Алексѣя, Сергѣя, Александра и Ивана Григорьевичей и родною теткой „разрушенной“ государыни-невѣсты Петра II, княжны Екатерины Алексѣевны. Ея поступленіе въ монастырь находилось въ непосредственной связи съ преслѣдованіемъ всѣхъ князей Долгорукихъ и совершилось вопреки ея воли.

Въ началѣ апрѣля 1730 года князья Алексѣй и Сергѣй Долгорукіе съ семьями были сосланы въ свои дальнія касимовскія вотчины, и князья Александръ и Иванъ опредѣлены воеводами—первый въ Алатырь, а второй въ Вологду. Съ княземъ Александромъ отправлена была и сестра его, Александра Григорьевна Салтыкова, названная въ подлинномъ указѣ „княжною Долгоруковой“. 12-го іюня 1730 года, слѣдовательно еще при жизни Василія Ѳеодоровича Салтыкова, посланъ въ Алатырь гвардіи сержантъ Иванъ Астафьевъ съ слѣдующимъ указомъ изъ Сената: „Взявъ княжну Александру у брата ея князя Александра Григорьевича и при ней служительницъ двухъ, отвезть въ Нижній и отдать кому отъ Нижегородскаго архіепископа Питирима принять повелѣно будетъ“. Синодскимъ указомъ отъ 14-го іюня 1730 года велѣно архіепископу Питириму „оную Александру и служительницъ ея принявъ, содержать въ Нижнемъ, въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ по разсмотрѣніи его (Питирима) надлежитъ, безъисходно“. Отъ того-же числа послѣдовалъ сенатскій указъ нижегородскому вицегубернатору Ив. Мих. Волынскому (двоюродному брату извѣстнаго впослѣдствіи кабинетъ-министра Арт. Петр. Волынскаго) о томъ, чтобы кормовыя деньги Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой и ея прислужницамъ выдавать изъ нижегородской губернской канцеляріи, изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ (Александрѣ Григорьевнѣ было назначено кормовыхъ по 50 коп. въ день). 7 іюля 1730 года сержантъ

Астафьевъ возвратился изъ своей командировки и подалъ въ Сенатъ два рапорта отъ 30-го iюня: 1) отъ И. М. Волынскаго, что Салтыкова заключена въ нижегородскiй Васильевскiй дѣвичiй монастырь 29 iюня, и 2) за отсутствiемъ архiепископа Питирима, отъ судьи нижегородскаго архiерейскаго дома Алексiя о томъ, что игуменьѣ и сестрамъ Васильевскаго женскаго монастыря велѣно „ее, Александру, и при ней двухъ служительницъ содержать подъ неослабленнымъ охраненiемъ неисходно и кромѣ церкви изъ монастыря ни куда не отпускать“ [1]).

Къ книгѣ М. И. Семевскаго приложенъ прекрасно исполненный снимокъ съ портрета царицы Прасковьи, хранящагося въ митрополичьихъ келiяхъ Троицко-Сергiевской лавры. Портретъ этотъ передаетъ своеобразную наружность царицы, именно такой, какой предполагаешь ее, читая интересную монографiю г. Семевскаго. Замѣчу здѣсь кстати, что въ митрополичьихъ келiяхъ Троицко-Сергiевской лавры находится нѣсколько весьма любопытныхъ портретовъ, снимки съ которыхъ желательно было-бы видѣть изданными; я увѣренъ, что достопочтенный намѣстникъ лавры, отецъ архимандритъ Леонидъ, столь много трудящiйся самъ на поприщѣ русской археологiи и исторiи и столь предупредительно помогающiй другимъ, не откажетъ въ данномъ случаѣ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствiи.

Что касается остальныхъ приложенiй, то назначенiе ихъ представляется недостаточно яснымъ.

Переписка царицы Прасковьи есть перепечатка, съ измѣненiемъ лишь орѳографiи, всѣхъ писемъ, напечатанныхъ во II-мъ выпускѣ „Писемъ русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства“. Напечатано впервые лишь одно только письмо царицы Прасковьи къ Арт. Петр. Волынскому. На немъ нѣтъ даты, но судя потому, что въ немъ Волынской называется „г. губернаторомъ“, можно предполагать, что письмо это пи-

[1]) См. Дѣло кн. Долгорукихъ, 1730 г., Гос. арх., отд. VI, № 164, л. 759.

сано между 1720—1723 годами. А. П. Волынской занималъ должность астраханскаго губернатора съ 1719 по 1725 годъ; въ 1719 и 1720 годахъ онъ находился въ Петербургѣ и въ Олонецѣ въ продолжительномъ отпуску, а съ 1720 года до осени 1723 года пребывалъ на мѣстѣ своего служенія; царица-же Прасковья скончалась 13-го октября 1723 года. Переписка дочерей царицы Прасковьи, также приложенная къ книгѣ, состоитъ изъ весьма неполнаго извлеченія изъ II-го и IV-го выпусковъ упомянутыхъ выше „Писемъ русскихъ государей". Такимъ образомъ, за исключеніемъ одного письма къ Волынскому, всѣ остальныя приложенія вовсе не составляютъ новости для спеціалиста, а для обыкновеннаго читателя съ бо́льшей пользой могли бы войти въ качествѣ матеріала въ соотвѣтствующихъ главахъ текста.

II.

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, т. III, Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Вилльимъ Монсъ (1692—1724). — Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное in 8°. С.-Петербургъ 1884 года [1]).

Третій томъ „Очерковъ и разсказовъ" М. И. Семевскаго составился изъ ряда статей подъ заглавіемъ „Семейство Монсовъ", появлявшихся въ 1862 году въ журналѣ „Время", который издавался въ С.-Петербургѣ Ѳ. М. и М. М. Достоевскими. Тогда статьи эти, по новизнѣ фактовъ и живости изложенія, были замѣчены публикой и критикой, и вышедшій въ томъ же 1862 году отдѣльный оттискъ ихъ

[1]) Первонач. напечатано въ «Историч. Вѣстникѣ», 1885 г., т. XXI, стр. 184—188.

быстро разошелся. Черезъ двадцать два года г. Семевскій, исправивъ и дополнивъ эти статьи, выпустилъ ихъ въ свѣтъ отдѣльной книгой.

Въ двадцать два года появилось очень много новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, и прямо и косвенно относящихся къ содержанію разсматриваемой книги, а потому она, дополненная этими новыми данными, по справедливости, можетъ занять весьма видное мѣсто въ числѣ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка. Читатель изъ такъ называемаго образованнаго круга найдетъ въ монографіи г. Семевскаго живое по изложенію и занимательное по содержанію историческое чтеніе, ученый историкъ съ большимъ вниманіемъ отнесется къ тому архивному матеріалу, который легъ въ основаніе труда г. Семевскаго и въ обиліи находится въ приложеніяхъ къ нему. Разсматриваемая книга, повидимому, передаетъ анекдотическія, мало интересныя съ серьезно-исторической точки зрѣнія, подробности изъ личной, частной жизни Петра Великаго, но это только повидимому. На самомъ дѣлѣ она констатируетъ факты, имѣющіе глубокій психологическій смыслъ и представляющіе величайшее историческое значеніе, и не для одной русской исторіи, а для исторіи всего человѣчества. Кромѣ того, книга г. Семевскаго представляетъ весьма живой очеркъ нравовъ разныхъ слоевъ общества изъ преобразовательной эпохи и служитъ хорошимъ пособіемъ при изученіи русской бытовой исторіи XVIII вѣка.

Никто даже изъ самыхъ суровыхъ порицателей Петра Великаго не можетъ не признать въ первомъ русскомъ императорѣ одного изъ величайшихъ историческихъ дѣятелей съ весьма сложнымъ характеромъ, требующимъ тщательнаго изслѣдованія. Поэтому всѣ условія, всѣ вліянія, при которыхъ слагался этотъ характеръ, которыми опредѣлялась психическая жизнь этого великаго человѣка,—требуютъ весьма серьезнаго изученія. Московская Нѣмецкая слобода, весь складъ ея обихода и первыя близкія связи въ ней Петра Великаго

имѣютъ большое значеніе среди указанныхъ условій и вліяній и играютъ весьма важную роль въ исторіи развитія всей послѣдующей преобразовательной программы Петра Великаго; семейство же Монсовъ составляетъ центръ его первоначальныхъ отношеній въ Нѣмецкой слободѣ и опредѣляетъ его послѣдующія семейныя отношенія, которыя имѣютъ по своимъ послѣдствіямъ весьма серьезное политическое значеніе во всей русской исторіи XVIII вѣка. Разрывъ съ первой женою — Авдотьей Ѳеодоровной Лопухиной, а затѣмъ съ нелюбимымъ сыномъ отъ нея — Алексѣемъ Петровичемъ и бракъ Петра Великаго съ Екатериной при жизни первой жены—вотъ главнѣйшіе факты этихъ семейныхъ отношеній, которыя ведутъ за собою извѣстный законъ о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника и коронованіе Екатерины императорской короной. А эти факты порождаютъ въ наслѣдіи императорскаго россійскаго престола цѣлый рядъ замѣшательствъ и недоразумѣній, которыя приводятъ къ серьезнымъ внутреннимъ смутамъ втеченіе всего XVIII и даже первой четверти XIX вѣка.

Область любви — вообще область очень прихотливая и весьма трудно поддающаяся анализу. Рѣзкія противорѣчія между умственнымъ развитіемъ человѣка и его сердечными привязанностями принадлежатъ къ весьма частымъ, если не постояннымъ явленіямъ. Кому неизвѣстно, что человѣкъ сильнаго характера и обширнаго ума нерѣдко любитъ женщину, стоящую несравненно ниже его по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, что обусловливается весьма сложными психическими причинами. Такимъ именно является Петръ Великій въ своихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ женщинамъ.

Дочь виноторговца Нѣмецкой слободы Анна Монсъ на столько приковала къ себѣ Петра Великаго, что имѣй она болѣе ума, то, можетъ быть, не Екатерина I была бы на престолѣ послѣ Петра, а Анна Ивановна Монсъ. Но Монсъ не способна была задаваться политическими соображеніями въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, обдѣлывая посредствомъ

ихъ лишь свои мелкія имущественныя дѣлишки. Хотя связь ея съ Петромъ Великимъ, начавшись въ 1692 году, продолжалась болѣе десяти лѣтъ, тѣмъ не менѣе, Анна Монсъ вовсе не любила царя, крутой нравъ котораго былъ ей невыносимъ; она измѣняла Петру Великому, и саксонскій посланникъ Кёнигсекъ, а затѣмъ прусскій—графъ Кейзерлингъ послѣдовательно пользовались ея полнымъ расположеніемъ. За Кейзерлинга она вышла даже замужъ въ 1711 году.

Сгруппировавъ много любопытныхъ подробностей для характеристики Анны Монсъ, г. Семевскій говоритъ на основаніи ихъ слѣдующее:

«Представленныхъ матеріаловъ достаточно, чтобы видѣть въ Аннѣ Монсъ страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку разсчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ этомъ суевѣрную, лишенную всякаго образованія, даже малограмотную (о чемъ свидѣтельствуютъ ея подлинныя письма); кромѣ плѣнительной красоты, въ этой авантюристкѣ не было никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не съумѣла оцѣнить любовь Петра, не съумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради нея, предавъ жестокой участи свою законную супругу» [1]).

Несмотря на столь несимпатичныя качества Анны Монсъ и не встрѣчая взаимности съ ея стороны, Петръ Великій любилъ ее. Такая сильная привязанность царя къ Аннѣ Монсъ заставляла призадуматься хитраго и коварнаго его любимца, безсердечнаго карьериста Александра Даниловича Меншикова, который употребляетъ всѣ средства для сближенія Петра Великаго съ другой иноземкой, близкой къ Меншикову,—извѣстной Мартой Скавронской. „Сердешненькой другъ Катеринушка", какъ называлъ ее Петръ Великій, съумѣла подладить свою ограниченную природу къ великой личности царя преобразователя. Конечно, она неспособна была понять и оцѣнить широкихъ его замысловъ, но она чутьемъ, инстинктомъ отзывчиво относилась къ кипучей и безустанной дѣятельности Петра Великаго.

---

[1]) Стр. 63.

Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Семевскій.

«Женщина не только лишенная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть передъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя мачиха — умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями на счётъ будущихъ» [1]).

Но за Мартой Скавронской зорко слѣдилъ пронырливый Меншиковъ и употреблялъ ее, помимо ея воли, орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Связь Петра Великаго съ Мартой Скавронской, начавшись въ 1703 году, упрочилась рожденіемъ дѣтей, и въ 1712 году Петръ Великій закрѣпилъ этотъ союзъ бракомъ: Марта превратилась въ царицу Екатерину Алексѣевну. Вскорѣ послѣ брака царя разыгрывается въ его семействѣ кровавая драма, имѣющая весьма важное общеисторическое значеніе и находящаяся въ ближайшемъ отношеніи къ браку Петра Великаго съ Екатериной.

23 октября 1715 года родился у Петра Великаго отъ Екатерины сынъ—Петръ (до него были все дочери) [2]), а за нѣсколько дней до его рожденія, 12 октября, у старшаго его сына отъ нелюбимой первой жены, царевича Алексѣя Петровича, родился тоже сынъ Петръ (впослѣдствіи царствовавшій подъ именемъ Петра II-го). Возникаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи, аналогичный по своимъ подробностямъ съ такимъ же вопросомъ, взволновавшимъ царскій дворъ и московское боярство въ концѣ XV в. Кому царствовать послѣ Петра Великаго? У него не только былъ законный наслѣдникъ въ лицѣ царевича Алексѣя Петровича, но и этотъ наслѣдникъ имѣлъ уже сына; слѣдовательно престолона-

---

[1]) Стр. 85.

[2]) Устряловъ упоминаетъ, впрочемъ, о двухъ сыновьяхъ Петра Великаго отъ Екатерины—Павлѣ и Петрѣ, родившихся въ 1704 и 1705 годахъ и умершихъ до 1707 года. (Ист. Петра Вел., т. IV, ч. I стр. 142).

слѣдіе было вполнѣ обезпечено. При Московскомъ великомъ князѣ Іоаннѣ III хитрая гречанка Софья Палеологъ, подкрѣпляемая своими соотечественниками, рѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу своего сына Василія, а уже вѣнчанный на царство внукъ Московскаго великаго князя, Иванъ Дмитріевичъ, былъ брошенъ въ тюрьму; точно также теперь, двѣсти слишкомъ лѣтъ спустя, невѣдомая иноземка, дочь „лифляндскаго обывателя", подкрѣпляемая своимъ давнишнимъ „патрономъ" Меншиковымъ, возстановляетъ Петра Великаго противъ старшаго сына его, царевича Алексѣя, и внука. Въ концѣ 1715 года возникаютъ недружелюбныя отношенія царя къ Алексѣю Петровичу; въ 1718 году начинается жестокій по своимъ подробностямъ процессъ, и царевичъ, обвиненный въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, умираетъ скоропостижно въ Петропавловской крѣпости невѣдомою смертію, а сынъ Петра отъ Екатерины объявляется наслѣдникомъ престола. Всякій, кто близко знакомъ съ личностью царевича Алексѣя Петровича, не будетъ, разумѣется, утверждать, что онъ явился бы достойнымъ преемникомъ своего великаго отца: царевичъ Алексѣй былъ весьма ограниченный человѣкъ,—но онъ не совершилъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвинялся и за что поплатился жизнію.

Злосчастною смертію царевича Алексѣя открывается цѣлый рядъ, можно сказать, роковыхъ явленій въ семейной жизни царя Петра. Въ апрѣлѣ 1719 года умираетъ новообъявленный наслѣдникъ престола, Петръ Петровичъ; въ 1722 году обнародывается указъ о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника; въ 1724 году царь Петръ, уже императоръ Всероссійскій, коронуетъ свою супругу Екатерину императорской короной, что даетъ въ недалекомъ будущемъ поводъ Меншикову и его „конфидентамъ" возвести Екатерину I на престолъ, опираясь на фактъ ея вѣнчанія на царство. Въ 1724 году, среди коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ, до Петра Великаго впервые достигаетъ страшная

вѣсть—на этотъ разъ въ видѣ неяснаго слуха—о его „сердешненькомъ другѣ Катеринушкѣ", для которой онъ такъ много сдѣлалъ, которую изъ ничтожества возвелъ на высоту своего императорскаго престола: до него доходитъ молва, что Екатерина ему не вѣрна. Счастливымъ соперникомъ Петра Великаго является красивый, легкомысленный, ограниченный и лукавый камергеръ Екатерины, Виллимъ Ивановичъ Монсъ, братъ Анны Монсъ, старинной привязанности Петра Великаго. Въ ноябрѣ 1724 года совершилась смертная казнь Виллима Монса, обвиненнаго оффиціально во взяткахъ; его сестра, Матрена Ивановна Балкъ, высѣчена плетьми и сослана въ Тобольскъ. По разслѣдованію оказалось, что связь Екатерины съ Монсомъ была продолжительною, что она возникла въ началѣ того роковаго для Петра Великаго 1715 года, въ который онъ открыто разссорился съ царевичемъ Алексѣемъ, въ тотъ самый годъ, въ исходѣ котораго родился у него другой наслѣдникъ — царевичъ Петръ.

Если глубже вдуматься во всѣ вышеприведенные факты, то легко понять, какія страшныя чувства должны были взволновать мощный духъ Петра Великаго послѣ тѣхъ данныхъ, которыя всплыли наружу въ процессѣ Монса! А потому можно думать, что простуда на Финскомъ заливѣ не была единственной причиной кончины царя. Можно предполагать, что онъ медлилъ съ новой кровавой расправой, что онъ боролся, но что участь Екатерины и Меншикова была уже предрѣшена имъ.... По всей вѣроятности, не Екатеринѣ желалъ отдать русскій престолъ умирающій императоръ, когда изъ рукъ его выпало перо, которымъ онъ едва могъ написать „отдайте все", но кому и что — неизвѣстно....

Такую трагическую роль съиграла фамилія Монсовъ, этихъ проходимцевъ-иноземцевъ, въ исторіи Петра Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи всего русскаго народа.

Въ настоящей замѣткѣ представленъ лишь контуръ тѣхъ событій, которыя подробно разсказаны въ книгѣ М. И. Семевскаго. Позорная, пошлая личность камергера Монса, этого

прототипа временщиковъ изъ Нѣмцевъ послѣдующаго времени, рельефно выступаетъ въ талантливомъ изложеніи г. Семевскаго.

Книга снабжена прекрасно исполненными на деревѣ портретами и рисунками, заимствованными изъ „Исторіи Петра Великаго“ А. Г. Брикнера, изданной А. С. Суворинымъ. Изъ многочисленныхъ приложеній къ книгѣ, состоящихъ въ извлеченіяхъ изъ документовъ Государственнаго архива, заслуживаютъ, на мой взглядъ, особаго вниманія слѣдующія:

1) Письма къ Виллиму Монсу разныхъ высокопоставленныхъ русскихъ людей съ просьбами о протекціи и помощи въ дѣлахъ (всего числомъ 23), болѣе половины которыхъ принадлежитъ А. П. Волынскому, униженно заискивавшему въ покровительствѣ сильнаго временщика.

2) Письмо Виллима Монса къ Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой, рожденной княжнѣ Долгорукой, сосланной въ 1730 году, во время опалы князей Долгорукихъ при Аннѣ Іоанновнѣ, въ нижегородскій Васильевскій монастырь. Это письмо, относящееся, къ 1719 или 1720 году, писано Монсомъ отъ лица неизвѣстной „женской персоны“ по русски, но латинскими литерами, на „слободскомъ языкѣ“ (т. е. на языкѣ, бывшемъ въ ходу въ Нѣмецкой слободѣ), какъ отмѣчено въ подлинномъ дѣлѣ. Вотъ начало этого курьезнаго письма.

«Sdrawstwoy matuska allessandra grigorgefna, bose dai wam dobrago sdorofge, sof fse Familijei wassei; selaju dabio piessange mage was maiju goschudarinu fdobrom strafge sastalla.... и т. д. [1]).

3) Стихи, писанные рукою Егора Столѣтова, секретаря В. Монса. Стихи эти составляютъ подражаніе полуиспорченнымъ книжной передѣлкой народнымъ русскимъ пѣснямъ,

[1]) См. прилож. VI, стр. 289.— Въ русской транскрипціи это будетъ:

«Здравствой матуска Аллессандра Григорьефна, Бозе дай вамъ добраго здорофье, соф фсе фамиліей вассей; зелаю даби писсанье маіе васъ маю гошударину фдобромъ страфье засталла....»

которыми наполнялись рукописные сборники пѣсенъ и романсовъ, бывшіе въ большомъ ходу на Руси въ XVIII вѣкѣ. Стихотворенія, писанныя рукою Столѣтова, приведены г. Семевскимъ не всѣ, а лишь три, для образца [1]). Вотъ начало перваго изъ этихъ стихотвореній.

Охъ свѣтъ мой горькій, моей молодости
Печально терпѣть, не имѣю радости,
Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
Мои роскоши уже пременились,
Тяжкая туга мене сокрушаетъ,
Злая-же печаль жизни мя лишаетъ....

Егоръ Столѣтовъ, весьма искусный подъячій, былъ человѣкомъ довольно образованнымъ для своего времени. Прекрасно зная тогдашніе указы и приказные порядки, онъ былъ хорошо знакомъ съ языками польскимъ и нѣмецкимъ.

Весьма жаль, что книга г. Семевскаго не снабжена алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ, что весьма облегчило бы справки, и что корректура не всегда исправна. Встрѣчается нѣсколько опечатокъ въ родѣ того, что Петръ Великій скончался 28 января 1825 года (стр. 231). Для чего также извѣстный московскій бояринъ и сподвижникъ первыхъ годовъ Петра Великаго Ш е и н ъ превращенъ въ нѣмца Ш е й н а (стр. 7—8)? Такіе недосмотры не должны бы имѣть мѣста въ столь интересной по содержанію и столь изящно изданной книгѣ, какой является монографія М. И. Семевскаго о Монсахъ и Екатеринѣ I.

---

[1]) См. книгу г. С е м е в с к а г о, прилож. XI, стр. 307—308.

III.

Д. Ѳ. Кобеко.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе. Изданіе 2-е дополненное. С.-Пб. 1883 [1]).

Надломленная воспитаніемъ и жизнію личность Павла Петровича понимается до сихъ поръ большею частію неправильно. Объ императорѣ Павлѣ привыкли судить по его кратковременному царствованію, при чемъ принимаютъ въ разсчетъ преимущественно тѣ стороны его характера, которыя казались современникамъ тяжелыми. Но чтобы вполнѣ уяснить личность этого своеобразнаго государя, замыкающаго собою русскій XVIII вѣкъ, слѣдуетъ серьезнѣе вдуматься въ явленія психической жизни Павла Петровича до его воцаренія, въ явленія того долгаго, слишкомъ сорокалѣтняго періода, въ который многое хорошее въ его нравственной природѣ успѣло атрофироваться. Какія причины создали эту перемѣну къ худшему, при какихъ условіяхъ происходила она? Вотъ вопросы первостепенной важности въ біографіи Павла Петровича, и ко всякой попыткѣ разъяснить ихъ русское образованное общество относится съ напряженнымъ вниманіемъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ книга Д. Ѳ. Кобеки, вышедшая первымъ изданіемъ въ іюнѣ 1882 г. и вторымъ въ началѣ 1883 г. Два изданія въ полгода съ небольшимъ— рѣдкая участь исторической книги въ Россіи!

Г. Кобеко разсматриваетъ жизнь Павла Петровича именно до его восшествія на престолъ, слѣдя шагъ за шагомъ за возникновеніемъ и развитіемъ всѣхъ его душевныхъ качествъ, хорошихъ и дурныхъ. Онъ собралъ для этого громадный матеріалъ и воспользовался имъ съ большимъ умѣніемъ. Книга

[1]) Первонач. напечат. въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1883 г., ч. CCXXVIII, отд. III, стр. 323—333.

г. Кобеки читается легко и оставляетъ послѣ себя глубокое впечатлѣніе въ каждомъ мыслящемъ читателѣ, какъ поучительный трактатъ по вопросамъ нравственной философіи. Такой читатель является зрителемъ раздирающей душу драмы, которая составляетъ прологъ къ событіямъ царствованія Павла Петровича. Болѣе крѣпкая, болѣе цѣльная, болѣе даровитая натура, быть можетъ, вышла бы побѣдоносно изъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ какія былъ поставленъ цесаревичъ Павелъ, но онъ палъ жертвой этихъ условій. Главными дѣйствующими лицами драмы являются самъ Павелъ и его мать, императрица Екатерина II. Ея роль — роль активная, его пассивная. Эта семейная драма, разыгрывающаяся въ Петербургѣ и въ Гатчинѣ во все блестящее царствованіе Екатерины II, есть вмѣстѣ съ тѣмъ весьма серьезное общественное и государственное явленіе. Эта драма составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ оборотной стороны медали знаменитаго Екатерининскаго вѣка и характеризуетъ Екатерину II, какъ женщину вообще и какъ мать въ особенности. Она представляется въ этой драмѣ женщиной, не стѣсняющею себя нравственными требованіями. Чувство матери ей совершенно чуждо. Если исторія произноситъ суровый приговоръ надъ Шуйскими и ихъ сторонниками за намѣренное и систематическое извращеніе характера Іоанна IV; если на московскихъ бояръ XVI в. дѣйствительно и можетъ пасть до нѣкоторой степени укоръ за то, что Іоаннъ IV вышелъ нравственнымъ уродомъ, то въ еще большей мѣрѣ Екатерина II должна выслушать укоръ отъ потомства за своего сына. Екатерина II всецѣло перенесла на сына ту нелюбовь, которую питала къ мужу, выказывая къ Павлу Петровичу не только холодность, но прямо презрѣніе. Холодность въ матери къ ребенку отъ ненавистнаго ей человѣка еще понятна; но для всякаго человѣка съ сердцемъ непонятно въ такомъ случаѣ презрѣніе со стороны матери къ неповинному ни въ чемъ ребенку.

Книга г. Кобеки такъ обильна фактами, что одни выводы изъ нихъ заняли бы слишкомъ много мѣста. Поэтому я позволю себѣ остановиться лишь на годахъ дѣтства и юности цесаревича Павла, и на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ г. Кобекой, возстановить нравственный образъ ребенка и юноши Павла Петровича. Эти года, какъ извѣстно, составляютъ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни: „что̀ въ юности посѣешь, то въ старости пожнешь“,— говоритъ русская пословица. Въ эти года развиваются склонности и качества человѣка, съ которыми онъ остается на всю жизнь; образованіе, житейская практика — только видоизмѣняютъ ихъ, но не перемѣняютъ въ конецъ.

Нервный и болѣзненный ребенокъ, цесаревичъ Павелъ съ самаго перваго дня своей жизни былъ взятъ императрицей Елизаветой Петровной подъ ея исключительный надзоръ. Елизавета Петровна, сама не получившая серьезнаго воспитанія и образованія, не имѣла никакого понятія о сколько-нибудь раціональномъ обращеніи съ дѣтьми. Зашивъ хилого внучка въ хлопки и держа его въ страшно-натопленныхъ комнатахъ, императрица окружила его нянюшками и мамушками, которыя весьма небрежно за нимъ смотрѣли. Такія условія первоначальнаго воспитанія не способствовали къ укрѣпленію физическаго и нравственнаго организма Павла Петровича, а еще болѣе изнѣживали ребенка и развивали въ немъ природную хилость и нервность.

Такъ прошли первые четыре года въ жизни цесаревича Павла; наступила пора подумать о его серьезномъ воспитаніи и образованіи: вмѣсто нянюшекъ и мамушекъ сочли нужнымъ подчинить его надзору мужскому. Выборъ Елизаветы Петровны палъ на Ѳ. Д. Бехтѣева, бывшаго русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Парижѣ. Вѣроятно, императрица руководствовалась въ своемъ выборѣ только тѣмъ, что Бехтѣевъ пребывалъ въ столицѣ модъ и вкуса, служившей въ то время самымъ излюбленнымъ источникомъ для свѣтскаго воспитанія и образованія. Что Бехтѣевъ не былъ серьезнымъ педагогомъ,

видно изъ слѣдующихъ странныхъ его пріемовъ: при немъ цесаревича стали обучать русской грамотѣ, ариѳметикѣ, заповѣдямъ, и былъ изданъ для цесаревича первый спеціальный учебникъ физики (С.-Пб. 1760). О Павлѣ Петровичѣ печатались особыя „вѣдомости“, съ изложеніемъ „всѣхъ поступковъ и погрѣшностей его высочества“. Эти вѣдомости давались цесаревичу для прочтенія, при чемъ его увѣряли, что „они разсылаются по всей Европѣ“. Такимъ образомъ, отсутствіе системы въ обученіи и развитіе въ великомъ князѣ самомнѣнія и тщеславія были положены въ основу педагогическихъ пріемовъ Бехтѣева. То были первыя сѣмена непослѣдовательности и тщеславія, которыя составили впослѣдствіи коренные недостатки Павла. Черезъ два года Бехтѣева замѣнилъ только что возвратившійся изъ Швеціи Н. И. Панинъ. Этотъ выборъ былъ болѣе удаченъ, хотя тоже не вполнѣ. Панинъ былъ уменъ и отличался просвѣщеннымъ образомъ мыслей, но теоретикъ, а не практикъ, и слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы быть хорошимъ педагогомъ. Онъ сумѣлъ привязать къ себѣ своего юнаго питомца и внушить ему многія серьезныя мысли, но воспитаніе Павла Петровича продолжало идти далеко неудовлетворительно: то же отсутствіе системы въ обученіи, то же развитіе въ ребенкѣ суетности и тщеславія. Панинъ былъ сторонникъ модной въ то время педагогической системы: „учить ребенка, играючи“.

Нельзя, однако, осуждать исключительно одного Панина за такое направленіе воспитанія цесаревича. Львиная часть вины падаетъ на Екатерину II. Дорожившая расположеніемъ Панина до своего воцаренія, въ то время, когда она мечтала лишь о регентствѣ, которое надѣялась получить при помощи Панина, Екатерина II именно за это и не взлюбила его, когда стала императрицей. Впослѣдствіи Екатерина говорила своему статсъ-секретарю Храповицкому: „Тамъ (при воспитаніи Павла Петровича) не было мнѣ воли сначала, а послѣ по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина. Все

думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ" [1]). Въ полугодовое царствованіе Петра III Екатеринѣ было не до Павла Петровича. Въ эти шесть мѣсяцевъ она вступила въ открытый разрывъ съ мужемъ и въ интимномъ кружкѣ своихъ приближенныхъ обдумывала пріемы того переворота, который произошелъ 28-го іюня 1762 г., и цесаревичъ былъ окончательно забытъ. Теоретически Екатерина II очень хорошо, конечно, понимала задачи воспитанія наслѣдника престола. Еще будучи великою княгиней, она отмѣтила въ одной изъ своихъ тетрадокъ слѣдующее: „При воспитаніи царственнаго сына должны быть приняты два начала. Они состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ и вселить въ немъ любовь къ правдѣ. Это сдѣлаетъ его любезнымъ въ глазахъ Бога и людей" [2]). Но прилагать эти воззрѣнія къ Павлу Петровичу она вовсе не была расположена; и вотъ, вслѣдъ за воцареніемъ, заботы ея о воспитаніи наслѣдника престола выражаются однимъ изъ тѣхъ эфектныхъ поступковъ, какихъ впослѣдствіи она дѣлала не мало. Она вздумала пригласить въ воспитатели Павла Петровича извѣстнаго Даламбера. Панинъ не могъ обидѣться предпочтеніемъ ему одного изъ тогдашнихъ „царей мысли", а Европа должна была поразиться либерализмомъ и мудростью сѣверной Семирамиды. Даламберъ отнесся иронически къ этому приглашенію, но цѣль Екатерины была достигнута: вся Европа восхвалила ея просвѣщенный образъ мыслей. Приглашая Даламбера въ воспитатели сына, Екатерина II одновременно съ этимъ развиваетъ въ немъ суетность и тщеславіе. Она жалуетъ семилѣтняго цесаревича полковникомъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, назначаетъ его генералъ-адмираломъ и даетъ ему право раздавать голштинскій орденъ св. Анны, учрежденный герцогомъ Голштинскимъ Фридрихомъ-Карломъ, его дѣдомъ. Павла Петровича считаютъ взрослымъ: ему пред-

---

[1]) Кобеко, стр. 12.

[2]) «Сборн. Русск. Ист. Общ., VII, 97.

ставляются иностранные посланники, его занимаютъ балами и маскарадами; его окружаютъ лица, позволяющія себя вести при немъ далеко не педагогически.

Объ окружающихъ цесаревича г. Кобеко говоритъ слѣдующее: „Разговоры, которые эти лица вели въ присутствіи Павла Петровича, представляютъ странную смѣсь серьезнаго съ крайне легкомысленнымъ. Они живо характеризуютъ эпоху. Съ одной стороны въ бесѣдахъ этихъ лицъ, государственныхъ дѣятелей того времени, обсуживались политическіе интересы Россіи, оцѣнивалось ея прошлое, предлагались мѣры для улучшеній и преобразованій. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ охватившаго тогда высшее русское общество пристрастія къ Франціи, перенесшаго въ Россію чуждыхъ ей петиметровъ, кокетокъ и вольтеріанцевъ, разговоры эти часто переходили въ анекдоты и шутки, быть можетъ простительные для людей взрослыхъ, но неумѣстные въ присутствіи царственнаго отрока. Распущенность нравовъ отражалась въ распущенности разговоровъ, въ которыхъ разсказы о прекрасномъ полѣ занимали видное мѣсто“ [1]).

Посѣщенія эрмитажнаго театра начались для Павла Петровича весьма рано, съ восьмилѣтняго возраста. О выборѣ пьесъ не заботились: цесаревичъ смотрѣлъ все, чтò тамъ игралось. Десяти лѣтъ самъ Павелъ выступаетъ на театральныхъ подмосткахъ въ роли „брачнаго бога Гименея“. На 12-мъ году Павлу Петровичу шутя говорили, что ему пора жениться, и онъ отвѣчалъ на это также шутками, показывающими, что онъ уже понималъ ту сторону брачныхъ отношеній, о которой обыкновенно не говорятъ дѣтямъ. Екатерина и Гр. Гр. Орловъ потворствовали такому преждевременному развитію, шутя съ цесаревичемъ на счетъ актрисъ, фрейлинъ и воспитанницъ Смольнаго института. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Павелъ Петровичъ 11—12 лѣтъ уже занимался, по типическому выраженію XVIII в., „маханьемъ“,

[1]) Кобеко, стр. 33—34.

т. е. ухаживаньемъ. Предметомъ его дѣтскаго увлеченія была молоденькая фрейлина Чоглокова.

Составъ учителей Павла Петровича нельзя назвать образцовымъ. Изъ всѣхъ его преподавателей только учитель ариѳметики и геометріи Порошинъ и закона Божія архимандритъ Платонъ, извѣстный впослѣдствіи митрополитъ Московскій, стояли на высотѣ своего призванія и посѣяли своими уроками и отношеніями къ Павлу Петровичу благія сѣмена въ его умѣ и сердцѣ. Порошинъ, искренно полюбившій своего царственнаго ученика, былъ оттертъ отъ наслѣдника престола, пробывъ его учителемъ всего около четырехъ лѣтъ: онъ былъ уволенъ когда Павлу Петровичу шелъ 12-й годъ. Благодаря Платону врожденное религіозное чувство въ цесаревичѣ было сохранено на всю его жизнь. Екатерина II совершенно не вмѣшивалась въ преподаваніе сыну закона Божія. Двое другихъ преподавателей изъ нѣмцевъ были не таковы. Эпинусъ, преподаватель физики и астрономіи, былъ извѣстнымъ въ свое время спеціалистомъ-ученымъ, членомъ Берлинской и Петербургской академій наукъ, но не отличался педагогическими пріемами. Остервальдъ, учившій цесаревича исторіи, географіи и языкамъ нѣмецкому и русскому, былъ, по отзыву одного современника, также нѣмца, „человѣкомъ безъ свѣдѣній и самаго дюжиннаго ума“. Назначеніе Остервальда особенно поражаетъ своею странностью: нѣмецъ обучаетъ русскому языку наслѣдника Русскаго престола въ то самое время, когда великій русскій ученый Ломоносовъ созидаетъ нашъ отечественный литературный языкъ, работаетъ надъ его грамматикой, посвящая ее Павлу Петровичу и привѣтствуя рожденіе его торжественною одой. Ломоносовъ не только не приглашается въ преподаватели цесаревича, но люди, окружающіе послѣдняго, называютъ Ломоносова дуракомъ, и Павелъ Петровичъ, повторяя слова другихъ, называетъ такъ Ломоносова, получивъ извѣстіе о его кончинѣ. Тотъ же „дюжиннаго ума“ невѣдомый нѣмецъ Остервальдъ преподаетъ цесаревичу исторію, а такіе извѣстные и въ то время, истин-

но ученые нѣмцы-историки, какъ Гергардъ-Фридрихъ Мюллеръ и Августъ-Людвигъ Шлёцеръ, принадлежа оба къ петербургской Академіи наукъ, оставляются въ сторонѣ. А между тѣмъ Екатерина II, которая сама съ педагогическою цѣлію написала впослѣдствіи „Записки касательно Россійской исторія", очень хорошо сознавала важное политическое и общественное образовательное значеніе исторіи. Порошинъ предложилъ весьма основательную программу для преподаванія математики съ прикладными знаніями, но Эпинусъ не подчинялся этой программѣ и началъ обучать цесаревича физикѣ и астрономіи въ то время, когда тотъ проходилъ съ Порошинымъ лишь ариѳметику. Въ преподаваніе вмѣшивались Гр. Гр. Орловъ и разные придворные, давая Павлу Петровичу не прошенные совѣты и сбивая его этимъ съ толку. Кромѣ уроковъ, цесаревичъ занимался чтеніемъ, но безъ строгаго выбора: онъ читалъ всякую книгу, которая подвертывалась ему подъ руку. Остальные учителя, преподаватели искусствъ, находились при цесаревичѣ или въ роли забавниковъ, или же состояли изъ ничтожныхъ иностранцевъ, не имѣвшихъ на него никакого вліянія.

Такъ шли занятія съ Павломъ Петровичемъ до его 15-ти лѣтняго возраста. Въ эти года было систематизировано его чтеніе подъ руководствомъ особо назначенныхъ для того лицъ — двухъ Французовъ и одного Нѣмца. Авторъ плохой русской исторіи, врачъ Л е в е к ъ и малоизвѣстный французскій литераторъ, библіотекарь цесаревича Л а ф е р м ь е р ъ выбирали французскія книги для общаго развитія юноши. Чтобы судить о воззрѣніяхъ на Россію, внушаемыхъ ими Павлу Петровичу, достаточно прочесть нравственно-философскій трактатъ „Yu le grand et Confucius" (1769), составленный для цесаревича Левекомъ по указанію Екатерины II: Россія сравнивается въ немъ съ Китаемъ. Третій изъ наставниковъ, Н и к о л а и, былъ человѣкомъ дѣйствительно ученымъ и весьма основательно руководилъ нѣмецкимъ чтеніемъ цесаревича. Рядомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ общаго образованія

Павла Петровича стали обучать спеціальнымъ знаніямъ, необходимымъ ему какъ будущему императору Россійскому. Преподавателемъ государственныхъ наукъ былъ опредѣленъ извѣстный дѣлецъ второй половины XVIII вѣка, Г. Н. Тепловъ. Человѣкъ очень умный и образованный, но утонченно-безнравственный, Тепловъ преднамѣренно поселялъ въ Павлѣ Петровичѣ отвращеніе къ серьезнымъ занятіямъ государственными дѣлами и сознательно сообщалъ ему неправильныя политическія воззрѣнія. Вмѣсто государственныхъ наукъ, Тепловъ утомлялъ цесаревича чтеніемъ подлинныхъ процессовъ, производившихся въ Сенатѣ: Павелъ Петровичъ получилъ отвращеніе отъ этихъ процессовъ и слышать не хотѣлъ о занятіяхъ съ Тепловымъ. Военное дѣло было напротивъ того совершенно изгнано изъ программы занятій цесаревича; его не только не обучали военному строю и ружейнымъ пріемамъ, но постоянно острили въ его присутствіи надъ военнымъ дѣломъ, такъ какъ Панинъ боялся развитія въ немъ милитаризма. Не смотря однако на подобныя предосторожности, въ Павлѣ Петровичѣ впослѣдствіи чрезвычайно сильно развилась унаслѣдованная имъ отъ отца склонность къ военнымъ экзерциціямъ и парадамъ: воинскій артикулъ занималъ Павла болѣе, чѣмъ государственныя потребности. Таковы были весьма печальные, хотя и вполнѣ естественные результаты уроковъ Г. Н. Теплова. Директоръ морскаго корпуса Ив. Логг. Голенищевъ-Кутузовъ очень усердно занимался съ цесаревичемъ морскимъ дѣломъ: Павелъ Петровичъ пристрастился къ флоту и заботился о его процвѣтаніи.

На 19-мъ году закончилось воспитаніе и обученіе цесаревича. Онъ вступалъ въ жизнь — и прямо въ жизнь семейнаго человѣка. Цесаревичъ былъ обвѣнчанъ съ Дармштадтскою принцессой Вильгельминой (Натальей Алексѣевной). Вопросъ о его бракѣ былъ рѣшенъ помимо его самого; выборъ невѣсты былъ сдѣланъ также безъ его участія. Екатерина II устроила этотъ бракъ изъ политическихъ соображеній, при помощи Фридриха II и датскаго посланника Ассебурга. Бракъ этотъ

былъ непродолжителенъ и несчастливъ. Вліяніе на Павла Петровича его первой супруги было весьма неблаготворно. Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь посмотримъ на нравственный обликъ Павла Петровича къ его 19-ти лѣтнему возрасту.

Слабое здоровье и нервный темпераментъ Павла Петровича опредѣляли его нравственную природу. Порошинъ рисуетъ его нетерпѣливымъ, вспыльчивымъ, увлекающимся, вѣчно торопящимся и спѣшащимъ, даже въ мелочахъ. Нѣжное сердце, пылкое и развитое воображеніе и талантливость ума составляютъ отличительныя психическія свойства Павла Петровича — ребенка и юноши. Наблюдательность, мѣткость въ сужденіяхъ, находчивость въ отвѣтахъ, насмѣшливость и большое остроуміе — вотъ общія качества ума Павла Петровича, сохраненныя имъ на всю жизнь; но они постепенно принимали болѣзненно-мрачный оттѣнокъ и выразились впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ странныхъ поступковъ. Эти странности унаслѣдованы Павломъ Петровичемъ отъ его отца, Петра III; отъ матери, по справедливому замѣчанію г. Кобеко, перешли къ Павлу Петровичу наблюдательность, мѣткость въ сужденіяхъ, находчивость, насмѣшливость и остроуміе. Умственное развитіе цесаревича, какъ мы видѣли, не было нормировано правильнымъ, систематическимъ ученіемъ. Общество, окружавшее его, также не могло способствовать естественному развитію его ума и образованію характера. Павелъ Петровичъ росъ одинокимъ, безъ сверстниковъ. Рѣдко приглашали къ нему мальчиковъ однихъ съ нимъ лѣтъ. Это, съ одной стороны, пріучало его къ сосредоточенности, къ скрытности, а съ другой—у него являлось понятное желаніе стать на одинъ уровень съ взрослыми людьми, преждевременно сдѣлаться большимъ, и онъ привыкалъ усвоивать все поверхностно, внѣшнимъ образомъ, не давая себѣ труда что-либо основательно продумать. Надо однако отдать справедливость Павлу Петровичу. Онъ тяготился окружающими его условіями жизни: его утомляли постоянные балы, маскарады и театры,

а случайное чтеніе не удовлетворяло его, и онъ иногда съ сердцемъ прерывалъ читавшаго ему вслухъ.

29-го сентября 1773 года совершилось бракосочетаніе Павла Петровича съ Натальей Алексѣевной; 15-го апрѣля 1776 г. великая княгиня была уже въ гробу. Два съ половиной года супружества подѣйствовали на Павла Петровича весьма тяжело: они окончательно испортили его характеръ.

По отзыву хорошо знавшихъ великую княгиню Наталью Алексѣевну, „она была порабощена честолюбіемъ; сердце у нея было гордое, нервическое, холодное, быть можетъ нѣсколько легкомысленное, но открытое и послушное силѣ вѣрнаго сужденія“ [1]). „Наталья Алексѣевна“,—говоритъ г. Кобеко,—„управляла мужемъ деспотически, не давая себѣ даже труда выказывать малѣйшей къ нему привязанности. Въ выборѣ членовъ своего общества, своихъ удовольствій и даже въ своемъ образѣ мыслей, онъ вполнѣ подчинился ей. Она не дозволяла ему пользоваться его умомъ. Онъ былъ живъ и подвиженъ—сдѣлался тяжелъ и апатиченъ. Съ своей стороны она была управляема графомъ Ал. Кирилл. Разумовскимъ, который, въ свою очередь, получалъ наставленія и большую часть доходовъ отъ посланниковъ Бурбонскихъ дворовъ. Екатерина замѣтила это поведеніе невѣстки, дѣлала ей наставленія, но безуспѣшно. Великая княгиня была честолюбива и рѣшительна, и еслибы смерть не прекратила ея дѣятельности, то между ею и Екатериною вѣроятно возникла бы борьба“ [2]). Честолюбіе великой княгини находило обильную пищу въ мысли о воцареніи Павла Петровича при жизни Екатерины II. Разумовскій намекалъ ему на возможность переворота въ его пользу, указывая на любовь къ нему народа. Припомнимъ, что это было въ то время когда свирѣпствовала Пугачевщина, и мятежныя толпы весьма сочувствовали Павлу Петровичу. Въ бумагахъ Наталіи Алексѣевны

---

[1]) Кобеко, стр. 118.
[2]) Ibid., стр. 122.

были впослѣдствіи найдены какіе-то политическіе проекты, писанные Разумовскимъ [1]).

Павелъ Петровичъ не грустилъ о смерти жены, а Екатерина, сдѣлавъ ошибку въ выборѣ первой супруги сына, надѣялась поправить свой промахъ при второмъ бракѣ. Фридрихъ II опять явился услужливымъ сватомъ, и второю женой наслѣдника Русскаго престола сдѣлалась дочь племянницы Прусскаго короля, Виртембергская принцесса Софія-Доротея, столь извѣстная впослѣдствіи своими благотвореніями и заботами о воспитаніи дѣтей, императрица Марія Θеодоровна. Въ сентябрѣ 1776 года совершился второй бракъ Павла Петровича.

Начало новой брачной жизни цесаревича совпадаетъ съ началомъ самаго блестящаго періода царствованія Екатерины II. Побѣды Румянцева и Алексѣя Орлова въ Турціи и преобладаніе Россіи въ Польшѣ поставили Россію на небывалую высоту въ глазахъ западно-европейскихъ державъ, сблизили Россію съ Пруссіей, а затѣмъ съ Австріей, и упрочили за ней то положеніе среди европейскихъ державъ, какое продолжается до нашихъ дней. Въ вопросахъ восточномъ и польскомъ Россія получила рѣшающее, первенствующее значеніе. Возмущеніе Пугачева подавлено; авантюристка, называвшая себя княжной Таракановой, заключена въ Петропавловскую крѣпость. Россія успокоилась и извнѣ, и внутри. Екатерина обращаетъ вниманіе на дальнѣйшее упроченіе внутренняго порядка и на возвеличеніе Россіи на востокѣ и въ глазахъ Европы. Этотъ періодъ былъ временемъ всесильнаго могущества Потемкина. Павелъ, отстраненный отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, окончательно отдалился отъ матери и заперся въ своей Гатчинѣ. Здѣсь, живя частнымъ человѣкомъ, „Гатчинскимъ помѣщикомъ“, какъ онъ называлъ себя,— онъ обдумывалъ въ тиши своего кабинета тѣ измѣненія въ государственныхъ порядкахъ, которые сталъ

[1]) Кобеко, стр. 116.

приводить въ исполненіе, сдѣлавшись императоромъ. Весьма любопытны отзывы о Павлѣ Петровичѣ двухъ близкихъ ему лицъ изъ времени первыхъ годовъ его второго супружества. Вотъ какимъ рисуетъ его фрейлина великой княгини Маріи Θеодоровны Г. И. Алымова: „Не любя шумныхъ удовольствій, онъ искалъ общества близкихъ ему людей и въ бесѣдѣ съ ними былъ откровененъ и довѣрчивъ. Я замѣчала въ немъ лишь хорошія свойства: чистоту намѣреній, прямоту, благородство души, великодушіе, весьма пріятный умъ и особенную способность убѣждать людей. Когда онъ хотѣлъ нравиться, нельзя было противиться его обаянію. Его некрасивая наружность и рѣзкія манеры въ обществѣ становились непримѣтными въ дружескомъ кругу. Въ эту пору онъ былъ хорошимъ мужемъ, сыномъ и отцомъ. Необходимо было окружить его честными людьми: онъ легко поддавался вліянію лицъ, искавшихъ его довѣрія, и слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Будучи довѣрчивъ по природѣ, онъ сталъ подозрительнымъ вслѣдствіе обмановъ, которымъ подвергался“ [1]). Камеръ-юнкеръ князь Θ. Н. Голицынъ говоритъ слѣдующее: „Великій князь имѣлъ весьма острый и пылкій умъ съ хорошею памятью; сердце его было чувствительно, но въ первомъ движеніи онъ очень былъ горячъ. Обстоятельства ли, въ которыхъ онъ возрасталъ, другія ли причины поселили въ немъ большую недовѣрчивость и также частую перемѣну въ расположеніяхъ къ людямъ, его окружавшимъ. Сіи недостатки много способствовали повредить его свойства“ [2]).

Отзывы Алымовой и князя Голицына указываютъ почти на тѣ же самыя черты въ характерѣ Павла Петровича, которыя были замѣчены Порошинымъ гораздо раньше ихъ. Князь Голицынъ не разрѣшаетъ условій, дурно вліявшихъ на психическое развитіе Павла Петровича. Книга Д. Θ. Кобеки, появившаяся сто лѣтъ спустя, обстоятельно указала

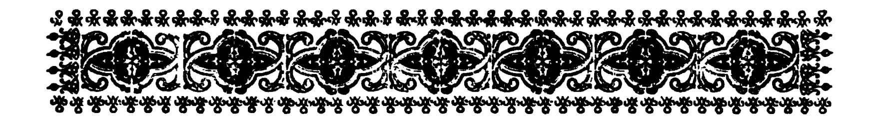
---

[1]) Кобеко, стр. 155.

[2]) Ibid, стр. 156.

на эти условія и такимъ образомъ опредѣлила тѣ элементы, изъ которыхъ сложился характеръ преемника Екатерины II. Это крупная услуга новой русской исторіи. Дальнѣйшія открытія въ источникахъ могутъ многое пополнить и пожалуй измѣнить кое-что въ группировкѣ фактовъ, собранныхъ старательнымъ изслѣдователемъ, но едва ли они измѣнятъ сущность проведеннаго г. Кобекой взгляда на развитіе характера цесаревича Павла Петровича.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ[1].

[1] **Примѣчаніе. Въ указатель внесены собственныя имена историческихъ личностей и писателей, упоминаемыхъ только въ текстѣ; таковыя же собственныя имена въ примѣчаніяхъ и цитатахъ опущены.—** ***Авт.***

ГЛАВНѢЙШІЕ

ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ И НЕДОСМОТРОВЪ.

Стран.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
6	9 св.	цѣлой главой	двумя главами.
108	2 сн.	Тихонъ Архиповичъ	Тимофей Архиповичъ
160	6 св.	Я. А. Брюса	А. Р. Брюса
260	15 св.	1747	1737
275	13 св.	только разобрать весьма немного	прочесть лишь весьма немногія
281	2 св.	Полиціймейстерской конторы	Цальмейстерской конторы
291	6 сн.	Андріанополѣ	Адріанополѣ
301	8 сн.	оольшею	бóльшею
335	7 сн.	А. А. Кунина	А. А. Куника
366	11 св.	Помѣщена	Помѣщено
»	15 св.	Помѣщена	Помѣщено
380	11 сн.	завоеванной тогда нами Пруссіи	занятой тогда нами Пруссіи